

СКАЗКИ И МИФЫ ВОЛШЕБНОЙ РУСИ

ДЕНИС МОРОЗОВ

**КУДЕСНИК В
ГОРОДЕ БОГОВ**

Денис Владимирович Морозов

Кудесник в городе богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69717805

SelfPub; 2023

Аннотация

Готовы ли вы окунуться в мир, наполненный магией? Древние боги и ужасные демоны зовут вас в приключение! Роман «Кудесник в городе богов» – ваш волшебный билет в увлекательное путешествие по славянской мифологии. Хитрец и пройдоха Немил попадает в переплет – царь бесов приговаривает его к страшному наказанию. Испугавшись, Немил решает приложить все силы, чтобы найти бессмертие. Ради этого он отправляется в город богов, где обитают владыки мироздания во главе с громовержцем Перуном. Все складывается как нельзя лучше: герой попадает на грандиозное торжество – свадьбу Перуна с красавицей Костромой. И Немила зовут быть дружкой жениха! О такой почести он не мог даже мечтать. Но свадьба заканчивается ужасной катастрофой, ведущей напрямик к концу света. Спасти мир, полный магии и чудес – вот о чем мечтает герой. Человек против могущественного колдовства: разве есть у него хоть малейший шанс на победу? Книгу можно скачать бесплатно. Отблагодарите автора комментарием или высокой оценкой.

Содержание

Глава 1. Упырь	4
Глава 2. Кошмар	40
Глава 3. Прорицание	93
Глава 4. Звездный хоровод	131
Глава 5. Свадьба на небесах	176
Глава 6. Вертопрах	228
Глава 7. Дворец трех государей	270
Глава 8. Леля и Святогор	306
Глава 9. Любовные чары	335
Глава 10. Последний день чернеца	384
Глава 11. Ловушка	429
Глава 12. Молодая звезда	469

Денис Морозов

Кудесник в городе богов

Глава 1. Упырь

Лето 6252 от сотворения мира, ночь перед последним днем месяца лютого

– Нюхом чую: упырь где-то рядом! Берегитесь! – тревожно воскликнул кудесник Немил.

– Упырей не бывает. Науке о них не известно, – дрожа от страха, возразил книжник Любомысл.

– Что она понимает, твоя наука? Упыри – это жуткие мертвецы, которых в глубинах ада пытали так долго, что даже память о человеческих чувствах вытравилась из их душ. Они думают только о том, чтобы напасть на живых и высосать у них кровь. Это позволит им вернуть вкус жизни, вновь ощутить все краски и звуки этого мира. Но живым придется заплатить за прекращение их мук своей кровью!

Так пожилой волхв Немил Милорадович страдал своих спутников, поздней февральской ночью выбравшихся из кремля в темноту, сгустившуюся над Великим Миром-городом.

– Вот сейчас ты нам их и покажешь! – без тени смущения велел столичный градоначальник Твердислав Милоневич, прозванный Золотогривом.

Его подчиненный, стражник Абаш, зябко поежился и разжег факел – будто бы для того, чтобы услужливо осветить путь важному боярину, а на деле – чтобы разглядеть, не прячется ли в темноте алчный кровосос.

И только библиотекарь Любомусл, этот противный червь, почерпнувший все знания на книжной полке, затянул свою обычную песенку: мол, никаких упырей в природе не существует, и доказательств их жизнедеятельности до сих пор не получено.

Немилу так и захотелось въехать своим толстым кулачищем в его бледную рожу, но пришлось удержаться: княжеских слуг просто так бить нельзя, после не оправдаешься. Да и сухая шуйца, болтающаяся на перевязи, боевого духу не добавляла – в драке на нее рассчитывать не приходилось. Нытье книжника не прекращалось всю дорогу, пока четверо путников тащились сквозь снег и сугробы, заполонившие высокий берег Клязьмы.

– По городу ползут зловещие слухи, – хмуро сказал боярин, выскивая, куда бы поставить ногу так, чтоб не скатиться в овраг. – Люди пропадают один за другим. Народец вот-вот взбунтуется. Князь велел слухи пресечь, а народ – успокоить. Если в городе завелся упырь, мы должны его отыскать и прикончить.

– Упыря просто так не прикончишь, – с видом знатока возразил кудесник. – Он же покойник. Его можно только прогнать назад в пекло.

– Вот ты это и сделаешь. За этим тебя и позвали, – распорядился градоначальник.

Немил Милорадович приосанился, давая понять, насколько важная он особа. Здоровой рукой поправил на голове клобук, делающий его похожим на монаха, любовно погладил перекинутую через плечо суму с колдовской книгой, выставил вперед внушительное брюшко, выпирающее из-под рясы. Старость уже подступала к нему, заставляя опираться на кривую – посох с верхушкой, загнутой в форме клюки. В окладистой рыжей бороде мелькали седые волоски, но в глубоких синих глазах под кустистыми бровями играли задорные искорки, делавшие его взгляд молодым.

– Дело нужно уладить сегодня же, – тоном, не терпящим возражений, распорядился Твердислав. – Еще день-другой, и наступит чернец. А народ говорит: «придет месяц чернец – белу свету конец». Люди и без того взволновались, нельзя доводить их до греха.

– Так говорит только безграмотное простонародье, – возразил Любомысл. – Чернец – всего лишь тринадцатый месяц, который вставляют в календарь от случая к случаю, чтобы сравнять счет дней в году. Накопится разница – вставят месяц для верности счета.

– Чего же дни сразу не посчитали, как надо? – буркнул

Немил. – Что, наука считать не умеет?

– Наука все умеет, – обиделся грамотей. – А счет месяцев с годом не совпадает, потому что луна и солнце бегут по небу с разной скоростью.

– Что? Луна с солнцем бегут? – Кудесник изобразил гоме-рический хохот. – Дорогой мой ученый собрат! Да будет тебе известно, что луна – это светлый лик божества, Хорса Ясного Месяца. Он пасет в ночи звезды, в которых обратились души праведников и мудрецов. А солнце – его старший брат, Дажбог Сварожич. Но и он никуда не бежит. Дети знают, что Дажбог едет по небу в золотой колеснице, а венец на его голове полыхает так ослепительно, что и взглянуть больно.

– Это старые сказки, оттого-то их дети и знают, – заявил Любомysl. – А для взрослых такие объяснения не годятся. Взрослому уму нужна наука.

– Послушать вас – вроде, оба правы, только каждый по-своему, – почесал пышную шапку боярин. – Но не могут же такие разные мнения быть верны одновременно?

– У меня вовсе не мнение, а достоверные научные данные, – сказал книжник.

– А у меня – правда, которую ведали еще наши предки!

И Немил оглядел соперника с чувством полного превосходства.

– Осторожней ставь ножку, Твердислав Милонежич! Тут овражек, не поскользлись! – подсуетился стражник, стараясь угодить начальнику.

Но боярин топтал мокрый снег так уверенно, словно считал, что сама природа обязана подчиняться ему, воеводе и знатному члену думы.

Снежный пласт просел под боярским сапогом, не удержался на краю обрыва и ухнул во тьму. Твердислав покачнулся, взмахнул руками, и кубарем покатился по склону рва. Абаш самоотверженно нырнул за хозяином, а вот Любомысл задержался на кромке оврага, опасливо заглянул вниз и пополз искать пологий спуск.

«Эх, и навязались же вы на мою голову! – думал Немил, кряхтя и нащупывая кривулей невидимую глазу тропинку. – Это Яруги! Здесь шаг в сторону – и пропал».

– Не зашибся, боярин? – суетливый Абаш выковыривал из сугроба столичное градоначальство.

– Гривна где? – не слушая, шарил ладонью в снегу Твердислав.

Любомысл умудрился поскользнуться даже на пологой тропе, скатился и повторно опрокинул едва поднявшегося воеводу. Все трое забарахтались на дне оврага и завопили, осыпая друг друга испуганными восклицаньями.

Немил подобрал выпавший факел и выудил из снежной каши золотую шейную гривну в виде тяжелого, холодного и шершавого на ощупь обруча, на разомкнутых концах которого поблескивали львиные головы с высунутыми языками.

– Вот спасибо, дружок, услужил! – Твердислав вырвал гривну из его рук, распахнул ворот дорогой куньей шубы, и

ловко нацепил украшение на раскрасневшуюся шею. – Все здесь? Никто не потерялся? Ну-ка, пересчитаем. Один, два, три, четыре, и я пятый. Все в сборе.

– Так ведь нас четверо было, когда выходили, – напомнил Абаш.

– А это кто завалился в снегу? – подцепил боярин носком сапога тело в изодранной шерстяной ветоле, о которое все спотыкались.

– Кажись, этот не наш, – подал голос Любомысл.

– Как не наш? – удивился Твердислав.

– Осторожней! Держитесь подальше! Говорю же я – это упырь! – предостерег кудесник.

– Где упырь? Где? – замахал длинными рукавами боярин.

Немил отступил от распростертого тела три шажка, и неуверенно тронул побрякивающее на шее ожерелье из кусков цельного, необработанного янтаря, колдовская сила которого превосходит любой другой камень. Воевода, однако, попался не из робких. Он перевернул тело лицом вверх, прикрыл безжизненно-стеклянные глаза и сообщил:

– Еще не окоченел. Часа два назад прикончили, вряд ли больше.

– Разве это упырь? Это обыкновенный покойник, – книжный червь, видимо, задался целью продемонстрировать, как наука умеет констатировать очевидность.

Немил ни за что бы с ним не согласился, но ведь не зря же сам тысяцкий пригласил его на расследование. Пришлось

доказывать, что и от кудесника может быть польза:

– Я его знаю. Это Шугрей, староста Кабаньего переулка. Он ко мне третьего дня заходил, просил снадобье для мужской силы.

– Отчего ж он загнулся? От того, что всю силу растратил? – усмехнулся Абаш, обыскивая мертвое тело.

Немил пропустил выпад мимо ушей. Что с темного простонародья возьмешь?

В руках стражника мелькнул полотняный кошель. Он распутал тесемки и высыпал на ладонь горсть тусклых монеток.

– Смотри-ка: серебряные! Ух, до чего заледенели! Почему же тать не взял их? Может, кто-то его вспугнул?

– Дай сюда! – властно протянул руку тысяцкий.

Подчиненный нехотя отдал ему находку. Одна копейка застряла у него между пальцев – наверное, прилипла от холода. Боярин принялся пересчитывать серебро.

– Зачем мы вообще сюда ночью пошли? – дрожащим голосом заныл Любомысл. – Тут разбойнички промышляют: того и гляди, попадем под лихой кистень.

– Где ты видишь разбойников? – оборвал его Немил. – Вокруг оглянись!

Твердислав обвел взглядом окрестности. В самом деле: городское дно будто вымерло. Перекошенные избушки лепились на склонах оврагов, как ласточкины гнезда. За глухими заборами – ни души, в окошках ни огонька.

– Притихли Яруги, – хмуро молвил кудесник. – Беду чу-

ют!

На него обратились все взоры.

– Не разбойники это, – важно выпятил грудь Немил, давая почувствовать значимость своего мнения. – Упырь это набезобразил – вот кто!

Любомысл отшатнулся и побледнел. Абаш запричитал и принялся истово целовать оберег.

– Ты серьезно? Не шутишь? – спросил Твердислав.

Несмотря на испуг, комнатный книжник не мог потерпеть, чтобы верх в борьбе за научную истину взял колдун.

– Что это за упыри такие? Ты их только что выдумал! – с жаром заспорил библиотекарь.

Немил гордо отвернулся, чтобы показать, насколько он выше споров с червивым грамотеем, но боярин нетерпеливо взглянул на него, и пришлось объяснять:

– В середине Дикого леса, на Туманной поляне, растет исполинский дуб Мироствол. Ветви его уходят в заоблачный край, где на небесной тверди высится город богов. Там, в раю, блаженствуют навьи – души святых, праведников и великих воинов. Однако если ты грешник, и наделал много злых дел, то рая тебе не видать. Вместо неба твоя душа попадет в пекло, что залегло глубоко под землей.

В пекле правит царь бесов – Великий Лиходей, и уж он-то ни одной душе не откажет в приеме. Бесы и их помощники черти обдирают грешные души до лоскутов и превращают их в упырей – узников и страдальцев, которым придется прой-

ти через все муки ада. И продолжают эти пытки до бесконечности. У упырей нет надежды на избавление – они вечно стонут и терпят беду. Единственное, о чем они мечтают – хоть на миг вырваться из преисподней и глотнуть свежей крови. Однако у входа их сторожит чудовищный пес Полкан о трех головах. Мимо него не проскочишь! Лишь изредка одному из страдальцев удастся обернуться летучей мышью и проскочить незамеченным. Вот тогда-то и начинает упырь бродить по миру живых, нападать на людей и высасывать из них кровь. И убежать от него не удастся. Это нежить, которая не знает пощады, потому что сама терпит такие муки, от которых стремится избавиться любой ценой.

– Ерунда это! Бабкины сказки! – Любомysl дрожал то ли от холода, то ли от страха.

Похоже, он уже сам не верил, что прав, и продолжал спор из пустого упрямства. Чтобы морально добить его, Немил растопырил пальцы, вознес вверх ладонь и трубным гласом прогрохотал:

– Пророчество из чародейской книги гласит: двенадцать месяцев года истекут, и наступит тринадцатый – месяц чернец. Рухнет Древо миров! Из-под корней его разольется огненная река, что зовется Смородиной. Великий Лиходей выведет из преисподней рать бесов, чтобы смести богов и обрушить небо на землю. Из пекла появится корабль под черными парусами, обтянутый кожей, снятой с мертвецов. На этом корабле упыри переплывут через реку, ворвутся в наш

мир и растекутся по городам и весям, нападая на всех, в ком течет теплая кровь. Ни мужики, ни бабы, ни старики, ни дети не уйдут от их острых трезубцев. Своим адским нюхом упыри учуют любого, в ком теплится жизнь, выволокут на свет божий, где б он ни прятался, насадят на вилы и высосут кровь. И так будет со всеми! А после небеса рухнут, и мир погибнет в огне и потопе.

Немил кончил вещать, выудил из сумы, перекинутой через плечо, книгу в ветхом переплете, и ткнув ее в нос Любомыслу, завершил:

– Так написано в книге волхвов, которую завещал мне наставник – Велемудр из кривичей, а он носил высокое звание Крива Кривейшего и не мог ошибаться.

Абаш смотрел на вещего кудесника с немым обожанием.

– Хватит спорить! – оборвал их боярин.

Он растер в ладони комок белого снега, примятого бездыханным телом.

– Неужели ты веришь этому пустобреху, Твердислав Милонежич? – пискнул книжник.

– Я верю уликам, – отрезал тысяцкий. – Погляди сам. Что видишь?

– Ничего я не вижу! – победоносно вскричал Любомысл, надеясь повернуть распрю в свою пользу. – Обычный снежок, как и повсюду вокруг. Даже ничем не запачкан.

– Вот именно! – резко поднялся на ноги Твердислав. – Сонная вена на горле разорвана, кадык прокушен, лицо

бледное до синевы. А где кровь? Ее столько должно было натечь, что весь снег покраснел бы. Где же след? Я не вижу ни пятнышка.

Любомысл взял факел в зубы, и на карачках, по-собачьи начал ползать по сугробам, выискивая пятна крови.

– Что нашел? – спросил тысяцкий.

– Ничего, – упавшим голосом ответил слуга.

– То-то же! – торжествующе заключил Немил. – Выходит, я прав, а этот книжный червь обмишулился.

И, чтобы у тысяцкого не осталось сомнений, решил застращать его до конца:

– Из кого упырь выпьет кровь – тот сам в упыря обратится. Восстанет из мертвых и начнет рыскать во тьме. Кого встретит – на того нападет. Сказывают, будто в прежние времена целые города превращались в упыринные гнезда. А начиналось все с одного-единственного укуса.

– Заткнись! – неожиданно рассердился на Немила боярин. – Черный народец и так растревожен. Того и гляди, вспыхнет «пугливый бунт». А тут ты еще, как сорока, разносишь страшилки на кончике хвоста. Чтобы я от тебя таких басен больше не слышал. Понял?

Немил, не ожидавший отпора, отступил и закрылся тяжелой книгой.

– Не верь этому вруну, сударь, – нахально заявил Любомысл. – Его бредни не подтверждаются современной наукой.

– Книга волхвов и есть наука! – рассерженно вскричал

Немил, и для убедительности огрел библиотекаря тяжелым фолиантом по шапке.

Вот теперь победа над книжником была полной и окончательной. Однако неуч из книжной палаты никак не желал признавать поражения и упирался:

– Знаем мы эти поганые книги! Твой наставник сам ее и сочинил. И пророчества с заклинаниями из пальца высосал.

– Клеветник! Как ты смеешь его обвинять? – вспыхнул Немил праведным гневом. – Велемудр Кривейший прошел обучение у колдунов Дикого леса!

– Никакой он был не великий кудесник, а такой же обманщик и шарлатан, как ты сам!

– Ах ты, негодник! – зашелся от негодования Немил. – Меня ты можешь позорить, сколько душе угодно. Но своего учителя оскорблять я никому не позволю!

– Учитель твой – бестолочь. А ты весь в него пошел! – с азартом выкрикнул Любомысл.

– Не смей так о нем говорить! Не то...

– Не то что?

– Порчу на тебя наведу! Прокляну! Околдую!

Любомысл расхохотался в лицо кудеснику.

– Проклинай, сколько хочешь! – заявил он. – Я в твоё чародейство не верю. Нет в тебе колдовской силы. Ты – пустое место и бездарь, который только и умеет, что запугивать ветхими байками суеверное простонародье.

Немил задохнулся от гнева. В другое время он и вправду

выпустил бы из-под камня Алатыря, что на острове Руяне, дюжину лихорадок, и вдохнул бы их этому наглому грамотею в селезенку, чтоб тот загнулся в страшных корчах и судорогах. Но сейчас к их спору прислушивался главный боярин столицы, а перед ним допустить самую мысль о своем бессилии было никак не позволительно. Посему, на время позабыв о колдовстве, кудесник прибег к старому, проверенному способу доказательства правоты: от души двинул кулачищем наглому спорщику в морду, отчего тот рухнул в снег.

Поверженному противнику Немил поставил колено на грудь, занес десницу для повторного удара и с угрозой сказал:

– Возьми обратно свой собачий лай! Или я за себя не ручаюсь!

Но молодой враг извернулся, ловко опрокинул пожилого кудесника на спину, и, взгромоздившись сверху, принялся валтузить его что есть мочи.

– Прекратите! Нашли время для драки! – прикрикнул на них тысяцкий.

Однако как раз его присутствие и не позволяло обоим спорщикам уступать. Каждый горел желанием взять верх над соперником и доказать боярину, кто тут прав.

Немил схлопотал ощутимый удар по скуле, отчего в голове зазвенело. Ему показалось даже, что растерзанный труп за спиной Любомысла приподнимается, размыкает замерзшие веки и медленно вращает головой, словно после беспро-

будного сна. Кудесник хотел протереть глаза, но вместо этого получил новый удар – на этот раз прямо в лоб. Сердитые крики тысяцкого перестали до него доноситься.

Ой, как звенит в голове. И в глазах мельтешат разноцветные пятна. Так и кажется, будто мертвый Шугрей встает, как медведь из берлоги. Снег осыпается с его рваной ветоли, рукава волочатся по днищу оврага, в остекленевших глазах мелькают отблески факела, но живыми они от этого не становятся – на черные ресницы все так же падают снежинки, и не тают, а налипают комками. Чтобы труп шевелился? Как-то это нехорошо. Есть в этом что-то неладное. Даже звенящей голове это ясно.

Немил протянул руку, указывая на тело, наползающее на Любомысла, и через силу прохрипел:

– Сзади!

Однако его противник не поддался на эту хитрую уловку и не оглянулся. Покойник тяжело навалился книжнику на плечи. Костлявые руки охватили его горло и сдавили дыхание так, что у Любомысла выпучились глаза. Синюшное лицо мертвеца не выражало ни ярости, ни азарта, оно осталось безжизненным, не тронутым ни одним человеческим чувством. Лишь посиневшие губы его распахнулись, обнажив два ряда желтых зубов, готовых впиться Любомыслу в загривок.

– Упырь ожил! – охнул Абаш.

– Дошло наконец! – вздохнул Немил, поднимаясь на чет-

вереньки.

Боярин оторопел. Его ладонь распахнула пушистую шубу и нашарила рукоять короткого меча, болтающегося на поясе, но тут тысяцкий, видно, забыл, что собирался сделать, и застыл с разинутым ртом.

Не помня себя, Немил вырвал из рук стражника факел и принялся тыкать искрящейся и полыхающей паклей в восковое лицо мертвеца. Из разорванного горла покойника вырвался жуткий хрип, и тут уже боярин не оплошал и рассек его хлестким ударом меча, отчего тощее тело Шугрея переломилось надвое. Промасленное тряпье на конце факела упало на рваную вотолу, та вспыхнула и запылала.

– Как же так? Ведь он мертвый был! Все же видели! В лице ни кровинки! – бормотал ошалевший Любомысл, отпихивая горящие кости.

– Что, и теперь в упырей верить не станешь? – хватая ртом воздух, прошипел Немил.

– Что с останками делать? – тысяцкий первым вспомнил, кто тут главный.

– Спалить до самого праха! И пепел развеять по ветру, – отозвался Немил.

– Сам-то как? Тебя упырь не успел покусать? – перевел на него взгляд Твердислав.

Немил потер пальцем шею и успокоил скорее себя, чем боярина:

– Ни царапины. Не бойсь: я в злыдня не превращусь.

– И то хорошо. А то как бы не пришлось и тебя так же жечь, – хохотнул тысяцкий.

– Чтоб у тебя язык отсох! – не удержался кудесник.

– Не смей на меня лаять! Вдруг сглазишь? – испугался боярин. – Ты ведь сам говорил, что из кого упырь выпьет кровь – тот в кровососа превратится.

– А кто же тогда из Шугрея кровь выпил? – не удержался от едкого замечания книжник. – Его-то кто превратил в ходячую тварь?

– И верно! – по лбу боярина пробежала морщинка, вызванная раздумьем. – Выходит, это был не упырь? Шугрей – всего лишь очередная жертва, а сам упырь – тот, что его прикончил и кровь выпил – до сих пор должен шастать поблизости.

По коже Немила разбежались холодные мурашки. Все четверо растерянно застыли и начали разглядывать друг друга, словно надеясь распознать в соседе того самого упыря из Лиходеева царства.

– Не пора ли уходить? – забеспокоился Любомысл. – Мы и так задержались сверх меры.

Он потихонечку отступил к тропинке, ведущей на верхний край рва, и начал карабкаться по скользкому льду.

– погоди! – резко окликнул его Твердислав. – Сначала пусть мертвец догорит. Иначе по городу пойдет молва, а мне князь велел, чтобы все было тихо.

Абаш занялся костром. Неожиданно в темноте раздались

едва слышные хлопки, как будто кто-то стряхивал снег с одежды. Все замерли. Напряженную тишину нарушила маленькая темная птичка, которая опустилась на плечо боярской шубы, звучно хлопнув перепончатыми крылышками. Абаш облегченно вздохнул и во всю глотку гаркнул:

– Воробей прилетел! Добрый знак.

– Какой же это воробей? – боясь пошевелиться, выдавил из себя Немил. – Разуй зенки!

Птичка вспорхнула, сделала круг над воеводской шапкой, с которой свисал роскошный соболий хвост, и ткнулась в распахнутый ворот шубы, как будто хотела пригреться у боярина на груди.

– Кыш! Пошла вон! – отмахнулся от нее тысяцкий.

Однако крылатый летун оказался настырнее, чем можно было представить. Черные крылья мелькнули у Немила перед глазами. Мерцающий свет факела на мгновение высветил жилистые перепонки, сквозь которые протянулись тонкие нити костяшек.

– Это не птица, – догадался Абаш. – Это летучая мышь.

– Нетопырь, – уточнил Любомысл, и схватился за горло, как будто что-то его душило.

Это и в самом деле был нетопырь – черный, шустрый, мохнатый, с тупой хищной мордочкой, похожей на сплюсненную собачку. Он стукнулся о золотого льва на боярской гривне, отскочил, и тут же полез обратно, метя в заходивший ходунном кадык Твердислава.

– Как, говоришь, выглядят мертвые души, сбежавшие из пекла? – заплетающимся языком пролепетал Любомысл.

– Т-так и в-выглядят, – язык Немила отказывался повиноваться. – Летучий нетопырь. По ночам носится и ищет жертву. Найдет – высосет кровь. Тогда ненадолго вернет себе кость и плоть.

Нетопырь оскалил острые зубки и нацелился на горло боярина.

– Не пущу! – смелый Абаш загородил хозяина и, размахнувшись, двинул летуна палицей.

Железные шипы задели мышь и бросили ее вниз, на утопанный снег. Она хлопнулась оземь, издала жуткий писк, кувыркнулась, и выпустила облачко темной, отвратительно пахнущей гари, ударившей Немилу в глаза. Пока тот вертел головой, пытаясь вернуть себе зрение, из облачка вылез облезлый скелет, гремящий пожелтевшими костями и клацающий отвисшей челюстью. Поверх ребристой грудной клетки скелета колыхалось рваное тряпье, когда-то бывшее дорогим иноземным камзолом, а верхушку гнилого черепа скрывал дырявый капюшон.

– Это он! – взвизгнул Немил. – Упырь! Грешная душонка из преисподней. Берегитесь: кого куснет – тот сам ходячим покойником станет!

Любомысл издал утробный вой и первым бросился наутек. Однако в глубоком овраге было лишь два направления – вперед и назад. Одно из них перекрывал восставший из

мертвых упырь, а в другом тьма сгущалась с такой пугающей плотностью, что залезть в нее решилась бы только совершенно отчаявшаяся голова. Поэтому комнатный книжник начал карабкаться вверх по склону, надеясь забраться на кручу, поближе к Кремнику и городской страже с ее кострами, согревающими караульных в промозглые зимние ночи.

Как бы не так! Вместо того, чтобы выбраться, грамотей соскользнул обратно и едва не сшиб Абаша, который и не думал отступать. Верный слуга всю размахивал палицей, крича:

– Нам без разницы, кто ты – упырь, вурдалак, или хазарский каган. Мы тебе косточки живо пересчитаем!

Железный шип заехал по ребру скелета, отчего голые кости задрезались. Скелет хищно щелкнул отвисшей челюстью и начал напозать на Абаша.

– Пошел вон! – завопил Твердислав и выхватил меч.

Упырь опрокинул Абаша в снег и впился в его горло.

– Спасите! – вскрикнул стражник. – Он меня...

Договорить у него не получилось. Его крик перешел в отчаянный хрип. Из прокушенного горла вырвалась струя темной крови и брызнула Немилу под ноги. Твердислав подскочил к демону сзади и рубанул его клинком. Острие оставило на позвоночнике еще одну зарубку, но мертвец даже не повернул головы, скрытой под ветхой тряпкой. Вместо этого он с еще большей жадностью принялся высасывать из стражника соки, жутко булькая и рыгая.

Порванная кольчуга Абаша жалобно звякала, шлем свалился с его головы и повис на ремешке, темный от крови снег набился между подшлемником и железным днищем. Еще несколько мгновений стражник судорожно бил кулаками упыря, но вскоре ноги его перестали дрыгаться, и он застыл без движения.

– На помощь! Сюда! Сторожа! – голосил Любомысл, карабкаясь по склону оврага и скатываясь обратно.

Демон оторвался от жертвы и медленно обернулся. Под рваным капюшоном, накинутым на его голову, виднелся уже не череп. Оттуда выглядывало бледное, словно восковое, лицо, обтянутое морщинистой кожей. Пламя брошенного факела сверкнуло в паре безжизненных глаз, выискивающих новую добычу.

– Сгинь, поганая нечисть! – прошептал Немил, отступая назад.

Его прошиб пот, кровь ударила в голову, сердце бешено застучало. Он ткнул в упыря концом посоха, но тычок не мог остановить надвигающуюся тварь.

– Вот тебе! Получи! – сипло выкрикнул Твердислав и сделал выпад.

Острый конец его меча пронзил брюхо нежити. Сморщенная кожа, успевшая покрыть кости, разъехалась, и из раны хлынула только что выпитая кровь, как вино из порванного бурдюка. Демон зажал рану ладонью, как будто не желая упускать драгоценную влагу, и обернулся к боярину.

– Что, еще захотел? – яростно выкрикнул тысяцкий, и нанес рассекающий удар сверху вниз.

Однако упырь подставил костлявую ладонь и поймал лезвие меча. Раздался глухой стук и скрежет, костяшка большого пальца отлетела и пропала во тьме, но оставшимися четырьмя пальцами упырь сжал меч и вырвал его из руки Твердислава.

Перед Немилом мелькнула боярская шуба и соболиный хвост, свисающий с меховой шапки. Демон швырнул меч в сугроб и потянулся к воеводе, пытаясь схватить его за шею. Твердислав бросился прочь, но наступил на полу собственной шубы и грохнулся в снег. Шапка свалилась и покати-лась по дну оврага, как оживший зверек, вертящий пуши-стым хвостом.

– Кудесник, спасай! – взвыл боярин. – На тебя вся надеж-да! Век тебе благодарствовать буду, только уйми упыря!

Немил взмок от испарины, в глазах мельтешили отблески пламени, волны пульсирующей крови били в голову, разры-вая ее изнутри.

«Что же делать? Оружие дохлую тварь не берет. Может, попробовать заклинание? Только какое? Я до сих пор толь-ко баб от тоски заговаривал, да наводил порчу на злых лю-дей, если хозяйки платили как следует. А тут настоящая нечисть... С ней-то как сладить?»

Рука сама вытряхнула из переметной сумы книгу волхвов. Сжав кривую подмышкой, Немил принялся судорожно ли-

стать страницы. Господи, что ж такое, во тьме ничего не видеть... Что написано-то? Не разберешь! Ой! Это крыло книги нельзя трогать – тут запретные заклęcia. Мне Велемудр, Крив Кривейший, строго-настрого запретил их читать, даже шепотом. Да что шепот? Их даже в мыслях произносить – и то грех!

– Где ты, Немил Милорадович? – вопил Твердислав. – Не бросай меня! Помоги! Делай, что хочешь, иначе нам всем крышка!

Эх, была не была! Немил нашел нужную страницу и забормотал, шевеля губами:

– За рекою черною, за лесом за диким стоит дуб Мироствол. Ветви дуба царапают свод небесный, корни тянутся во глубокое подземелье, где за темными скалами, за пещерными безднами сидит на цепи пес о трех головах. Стережет этот пес души грешные, что томятся в Лиходеевом царстве. Как металась душа, от Лиходеевых пыток спасаясь, так и выпрыгнула из преисподней. Мимо пса пронеслась, в дольний мир залетела, много бед натворила, много зла начудила. На людей нападала заблудшая душа, кровь горячую выпивала, мужиков с бабами жизни лишала, малых деток пугала.

Ты воспрянь от сна, пес Полкан трехголовый! Пробудись, за душою заблудшей явись. Забери ее в пекло обратно, чтоб не лазила она по миру дольному, кровь горячую из людей не сосала, жизни б не отнимала, малых деток бы не пугала.

Немил перевел дух и умолк. Упырь застыл без движения

над боярином, придавив того к мятому снегу. Костлявая рука, приготовившаяся сдавить Твердиславу горло, остановилась. И даже Любомысл, отчаянно карабкающийся на склон и вопящий, в очередной раз скатившись вниз, замер с выпученными глазами.

– Что теперь-то? – спросил Твердислав, елозя под острой коленкой нежити.

– Откуда я знаю? – огрызнулся Немил. – Это запретные заклинания. Их на моей памяти никто не читал.

Скелет покойника захрустел. Спрятанное под дырявым капюшоном лицо взглянуло на кудесника пустыми глазницами. Костлявая рука шевельнулась, приподнялась и потянулась к нему.

– Чур меня, чур! – вскричал Немил и попытался отбиться тяжелой книгой.

Костлявые руки вырвали у него книгу и бросили ее в снег. Что может быть хуже спятившего упыря, который тянется к твоему горлу? Казалось бы, ничего. Однако Немил, видимо, так не считал. Почему-то его очень обеспокоил топот, раздавшийся за поворотом извилистого оврага. Ему почудилось, будто из городского рва несется целый табун бешеных лошадей, копыта которых сметают все на своем пути. Вот только лошади так не воют, не скрипят зубами и не издают оглушительного лая, который отражается от склонов и бьет в уши эхом сразу со всех сторон.

– Ты что наделал? Кого вызвал из своей чертовой книги? –

упавшим голосом спросил Твердислав.

– Знать не знаю, – промямлил Немил, отдирая от себя костлявую лапу с непомерно разросшимися ногтями. – Я только хотел упыря развеять. Думал, что он сам сгинет.

Застоявшийся воздух в овраге задрожал. Топот стал оглушительным, как гром, и прямо из темноты на трех застывших людей выскочила громада, покрытая черной свалывшейся шерстью. На зверином теле размером со здоровенную лошадь колыхалось сразу три головы. Три пары глаз горели диким огнем, три алых языка свисали из распахнутых пастей, полных острых зубов, три глотки одновременно ревели, выли и лаяли так, будто настал судный день.

Чудовище задело хвостом Любомысла, успевшего добраться до середины склона. Книжник свалился и отлетел вдале, кубарем прокатившись добрый десяток шагов.

– Что за безумная тварь? – пробормотал Твердислав.

– Это песик... песик Полканчик... из заклинания... – растерянно лепетал Немил, отступая в сторонку и вжимаясь спиной в заснеженный склон.

Упырь медленно повернулся к чудовищу. Его лицо, похожее на восковую маску, вдруг оплыло, как растаявшая свеча. Не обращая внимания ни на кудесника, ни на тысяцкого, до сих пор валяющегося в снегу, огромный пес подлетел к мертвецу и начал рвать и терзать его всеми тремя пастями, утробно урча и капая желтой слюной.

Любомысл выбрался из сугроба, в который его занесло,

и застыл с разинутым ртом. Никто из людей не пытался бежать: было ясно, что в узком овраге от такого чудища не скрыться, поэтому все трое предпочитали не шевелиться и делать вид, что их тут вообще нет.

Пес между тем оторвал упыря от земли, одной головой подбросил в воздух, а другой поймал на лету. Остатки выпитой крови пролились на землю, и мертвец вновь превратился в гремящий костями скелет, обернутый рваным тряпьем.

– Пройди мимо, напасть! Пронеси, сгинь, исчезни! – истоково бормотал Немил, теребя янтарные бусы, висящие на груди.

Пес терзал упыря, будто тряпку. Мертвый демон не сопротивлялся – в этот миг он напоминал драный мешок с куцей мослов.

Немил подобрал книгу, стряхнул с нее снег, воздел посох ввысь и заревел трубным голосом:

– Во имя богов всей вселенной, черных и белых, изыди, чудовище! Уйди прочь! Вернись, откуда явилось!

Его голос звенел над оврагом, однако рычание и лай раздавались так громко, что по сравнению с ними эти жалкие заклинания казались тоньше комариного писка. Одна из пастей сжала тряпку в зубах. Шерстистая туша развернулась, обвалив снег со склонов оврага, и метнулась в непроглядную тьму. Несколько мгновений – и ночь поглотила кошмарную тварь, хотя отголоски ее рыка и гомона все еще стояли в ушах.

– А что с нами? Мы-то как? – подал голос боярин.

– Ничего с нами. Мы никак, – выдохнул с облегчением

Немил.

Ему хватило сил, чтобы подать Твердиславу руку и помочь подняться.

– Нет, видал, а? – тысяцкого прорвало. – Вот это тварь! Она же весь город могла... Она и нас бы... а ты ее как! Мол, изыди! Уйди прочь! И ушла же! Ушла! Ай и молодец же ты!

Неожиданно для Немила боярин полез обниматься и даже расцеловал его в обе щеки. Любомысл подбежал и принялся стряхивать снег с его шубы, но тысяцкий даже не обратил внимания на книжного червя. Его карие глаза лихорадочно блестели, зрачки бегали, лицо покраснелось.

– А ведь я прежде не верил в тебя! – не выпускал он ку-десника из объятий. – Думал: фуфло твоя книга! И заклинания твои – сущий обман. Мне этот горничный грамотей так говорил. Ух ты, пакостник!

Любомысл схлопотал жесткий тычок каблуком боярского сапога.

– А теперь вижу: ты – голова! – не унимаясь, тискал Твердислав колдуна. – И волховская наука – самая что ни на есть настоящая. Ты же нас только что от лютой расправы спас. Рассказал бы кто – я б ни в жизнь не поверил. А тут – прямо со мной. На моих глазах. Этот гад меня в снег – бух! И зубами тянется к горлу. А тут пес трехголовый, да еще ростом с лошадь. Как же верно ты слово к ним подобрал! Сразу к

обоим. Я теперь чуть что – сразу к тебе. Государи небес, как же я струхнул! Поджилки до сих пор трясутся.

– Может, хватит? Нам бы в Кремник вернуться, – потянул его за рукав Любомысл.

– Да, конечно! – очнулся боярин. – Домой! К огоньку, к милой печке, в родной теремок под охрану. У нас во дворце таких страхов не водится. Разве что мелкая нечисть напакостит. Ну и пусть: я теперь знаю, кого позвать, чтобы с нею разделаться. Вот так волхв у нас! Чудо, а не человек!

Поток лестных слов и восторженных отзывов изливался из Твердислава всю дорогу до Кремника. Тысяцкий лично провел кудесника мимо ворот, проводил его на свой двор, объявил почетным гостем и поручил слугам ухаживать за ним, как за любимой тещей.

У Немила голова кругом шла от почестей и обильных похвал. Лишь под утро, оставшись в роскошно украшенной горенке, он выглянул в узенькое оконце и подумал: «Эк, куда меня занесло! Двор боярский. Попасть я сюда попал. А вот как я отсюда линиять буду»?

Последний день месяца лютото

Вот оно, боярское гостеприимство! Немил в полной мере хлебнул его утром, когда настала пора угощений. На завтрак подали печеного зайца в яблоках, овсяную кашу, сметки с рыбой из Клязьмы и кисель, который оказался не кислым,

а таким горьким, что хоть глаз вырви. Запивали все это сначала простонародным квасом, а после добротным сбитнем – горячим, аж до костей пробирало.

Потом тысяцкого вызвали к князю – докладывать, что случилось ночью. Вернулся Твердислав чернее тучи и, в приступе задушевного доверия, поведал, что князь опасается бунта – он всего несколько месяцев, как водворился, среди его слуг много тех, кто еще недавно служил злему царьку Буривою, узурпатору и самозванцу – в общем, смута теперь ох, как некстати. Черный народец на пороге большой голодухи, припасы к началу весны у всех кончились, чем кормить чернь – непонятно, одним словом, делай что хочешь, Твердислав Милонежич, но чтоб никаких происшествий, никаких демонов, упырей, а тем более трехголовых собак в стольном городе не заводилось. Так-то, брат Немил. Вот такая наша боярская служба.

Немил, разумеется, от души посочувствовал, и выпил с тысяцким на посошок. Однако из хором его не отпустили.

«А и вправду: куда идти? – пришло в голову. – В моей избенке на Торговой стороне – ни души. Ни жены, ни детей, ни даже кота или птички. Скарба за годы скитаний не нажил. Все имущество – палка-кривуля да Велемудрова книга. По правде сказать, она и не Велемудрова вовсе – сгорел мой наставник вместе со всем, что с ним было. И настоящая книга его сгорела. Уже после по памяти записал все, что помнил, только учился я, честно говоря, не особенно вдумчиво, так

что когда записывал – не столько вспоминал, сколько придумывал. Оттого и выкидывает моя книжка коленца. Как ни возьмусь волхвовать – обязательно что-то пойдет вкривь и вкось.

В общем, некуда мне возвращаться. А тут кормят и поят, да постельку стелют такую мягкую. И палата приятная: потолок расписной, будто небо со звездами, стены выкрашены в темно-багряный цвет, по верхам золотая лепнина с узорами, на полу дорогие ковры... Красотища!

Отчего же не погостить, раз уж выдалась такая удачка? Если совсем повезет, может даже горничная девка на ночь глядя приляжет постельку согреть... Впрочем, тут, пожалуй, я чересчур размечтался. Седина в бороду – бес в ребро. Это что, про меня? Хотя что мне? Я еще хоть куда!»

Немил поднял со столика до блеска начищенный медный поднос и рассмотрел в отражении свою бороду. Борода-то роскошная – широкая, как лопата, густая, рыжая с проседью. Сразу видно: человек умный, порядочный, основательный. Вон, боярин мне доверяет. И не зря. Чует: можно на меня положиться. На кого же еще, как не на кудесника, отмеченного печатью божественного духа?

Однако ближе к вечеру такое гостеприимство начало тревожить Немила. А тысяцкий, похоже, взялся за своего гостя всерьез. За ужином хозяин расщедрился и велел чашнику вынести безумно дорогого итальянского вина.

– Давай-давай, угощайся, – потчевал боярин, доверитель-

но хлопая Немила по отвисяющему брюшку. – Я же вижу, что ты любитель вкуснятины. Да и от чарочки, наверное, не откажешься?

– Не откажусь, – с достоинством согласился Немил.

Они чокнулись серебряными чарками, отозвавшимися мелодичным звоном. Боярин не скупился, чтобы умаслить кудесника. «Что-то ему от меня понадобилось, только что? Нужно ушки держать на макушке», – решил Немил.

Однако отказаться от второй чарки, а затем и третьей было выше его сил. Раз за разом он опускал кубок на стол, с шумом стучая о столешницу, вытирал рукавом усы, с которых стекали пахучие капельки, и довольно кричал, отчего хозяин приходил в полный восторг.

Вскоре легкий хмелек ударил в голову и разгорячил кровь. «Кажется, пришло время переходить к делу», – мелькнула самодовольная мысль. Кудесник склонился к ушку хозяина, и таинственным шепотом посулил:

– Есть у меня кое-что необыкновенное...

– Что? – загорелись карие глаза Твердислава.

– Пропуск в рай! – выпалил кудесник, воздев к потолку толстый палец. – Диковинка редкая, даже у самых святых вещунов такой не достать. Мне знакома боярская доля – соседи по думе на тебя смотрят волком, завистников пруд пруди, того и гляди вотчину отнимут или оговорят перед князем. Не нажив врагов, большим человеком не станешь. Вот и приходится время от времени делать что-то такое, о чем

после не хочется вспоминать. Было дело?

– Ну... – боярин замялся и отвел взгляд.

– Вот и я говорю! – ободряюще потрепал его по плечу кудесник. – Бывает, так нагресишь, что думаешь: рая уже не видать. Но тебе, Твердислав Милонежич, ужас как повезло. встретил ты знающего человека. Я любую грешную душу отмолю. И такую грамотку могу тебе выписать, что любой грех простится. Вот случится, к примеру, твоей душе попасть на небеса. Возьмет бог Судимир весы и начнет решать, куда ее определить – в ад или в рай. На одну чашу положит грехи, на другую – добро, которое ты в жизни сделал. Как ни крути, а обычно грехи перевешивают. Вот и отправляйся в пекло на вечные муки...

Боярин отшатнулся, его лицо исказилось от страха.

– И тут ты достаешь из-за пазухи мою охранную грамоту! – напирал Немил. – И кидаешь ее на весы. Хлоп! – и твоя чаша склоняется к раю. Моя грамота любой грех перевесит.

– А нельзя ли ее получить? – доверительно тронул его Твердислав.

– Простым людям нельзя. А тебе можно. Но обряд этот трудный и долгий, больших сил потребует.

– Ради всего святого, выпиши мне эту грамоту! Ничего не пожалею.

Целый час ушел у Немила, чтобы очистить боярскую душу от груза грехов. Еще полчаса он выписывал грамоту на отличном пергаменте, украшенном травным узором. Грамоту

та удостоверения, что боярин Твердислав Милонежич раскаялся во грехах и получил полное и безоговорочное отпущение от божьего человека Немила, приложившего свою руку и восковую печать.

Получив грамоту, боярин почувствовал себя на седьмом небе. Немил хлопнул его по плечу своей пухлой ладонью и заверил:

– Повезло тебе, добрый хозяин! Я с тобой, а значит, вся сила и мощь горних владык на твоей стороне!

Тысяцкий не остался в долгу: он запустил свои тонкие, но необычайно цепкие пальчики, унизанные перстнями, в кустистую бороду гостя, подергал ее, для придания дружеским отношениям особенной доверительности, и спросил:

– Скажи-ка, Немил Милорадович, а ты с любой нежитью можешь сладить? Вот черта, к примеру, одолеть можешь?

– Ха! – Немил закатил темно-синие глаза к потолку, давая понять, что это само собой разумеется.

– А как с бесом? – не унимался боярин. – На беса найдешь подходящее заклинание?

«Осторожно! Барин к чему-то клонит. Воли языку не давать!» – мелькнула в хмельном мозгу здравая мысль. Немил сдержал готовые сорваться опрометчивые слова о том, что нам, мол, хоть бес по плечу, хоть все адово воинство... Вместо этого он причмокнул пухлыми, чувственными губками, и запустил ладонь в густую, рыжую с едва заметной сединой шевелюру, изображая глубокое размышление.

– Бес – это такой хитрый зверь, которого запросто не унять, – вымолвил он с видом великого знатока. – Бесы – они ведь среди всех слуг Лиходея наипервейшие твари. Моществом не уступают богам – зря, что ли, они воют от сотворения миров. На земле ни один волхв сладить с бесом не сможет. Разве только, божество выручит.

Боярин придвинулся совсем близко. Его карие, с темными искорками глаза блестели, то ли от выпитого, то ли от лихорадочного интереса:

– А сам-то ты можешь призвать божество на помощь?

Немил важно откинулся в кресле и положил пухленькую ладошку на толстое брюшко:

– Боги – они ведь кому попало не помогают. Если признают в волхве своего истинного слугу – ничего для него не пожалеют. Что ни попросит – все выполняют. А если просить станет бестолочь, тупоголовый бездарь, или, еще хуже, молодой выскочка навроде твоего книжника Любомысла – то они осерчают и только накажут. В общем, еще хуже сделают. Я тебе прямо скажу, Твердислав Милонежич. В наше время все беды – от молодежи. Начитались своих новомодных книжонок, нахватались грамотенки по верхам, и уже мнят себя знатоками наук. Послушать их, так они и как жить-поживать знают лучше нас, старичков, и умом-разумом нас превосходят, и мысли у них в головах все такие... как это теперь говорят? Прогрессивные, во как! Мы, старые добрые ведуны, для них ничего не значим. Не почитают они нас, не слушают,

старым заветам не следуют. Если так дело пойдет – рухнет мир, помяни мое слово. Ибо весь белый свет держится на старине. На клятве и нерушимом слове. Забудь старое слово – и подселенной не станет. А молодежь... разве она это поймет?

Немил так расстроился, что успокаивать его пришлось новой чаркой. Твердислав мигнул слуге-стольнику – тот мигом подал широкое блюдо с поросенком в сметане. Немил схватился за нож, но рука подвела, и он опрокинул блюдо, размазав сметану по скатерти. Боярин пришел на помощь, аккуратно отрезал кусок понежнее и на ложечке, как младенцу, затолкал гостю в рот, приговаривая:

– Тут у нас, понимаешь, такое дельце... В палатах великого князя завелась то ли кикимора, то ли вредная навка. Дочку его, Ярогнуву, вконец измучила. Как только княжна заснет – так начинает ей сниться всякая муть, еще из прошлой ее, лесной жизни. Снятся ей оборотни, вурдалаки, мечи и всякое смертоубийство. Она, бедняжка, просыпается с криком, вся в поту, зовет нянек, подружек, до утра глаз не смыкает. Чахнет день ото дня. Князь боится: как бы совсем не зачахла. Он просил подыскать для нее ведуна понадежней, чтоб ее излечил, и от нечистой силы избавил. Ты как, сможешь такую работу проделать?

– Да я все смогу! – Языком Немила окончательно завладели хмельные пары. – Я живьем горел! Меня поганые язычники чуть не сожрали. Ятвяги в море пытались меня утопить,

чтоб принести в жертву морскому царю. И ты думаешь, что я испугаюсь кикиморы? Да я ее в бараний рог скручу! Хвост ей узлом завяжу! Уши ей оборву, и скормлю крысам!

– У нее нет хвоста, – блестя глазами, бормотал тысяцкий. – Она, вишь, какая-то хитрая. Верхуслава, княгиня наша, рассказывает, будто нежить эта приходит всегда в новолуние, а с последней луной пропадает. Будто бы, в начале месяца она – дите малое, а в конце – дряхлая старуха, немощная, силы все растерявшая. До конца месяца осталось всего ничего. Я вот думаю: нынче она должна ослабеть. Время самое подходящее, чтобы ее извести. Так возьмешься?

– Где она? Давай ее сюда! Я с этой тварью прямо сейчас разуправлюсь! – громыхал Немил заплетающимся языком.

Его рыжая борода гордо задралась вверх, показывая непреклонную решимость.

– Так не здесь она. В подполе у княжны. Я тебя отведу, – оживленно ворковал тысяцкий.

– И ее! И чертей! И всех бесов разом! Да что бесов – подать мне Великого Лиходея! Я его тут же разделаю! Вот этой вот самой вилкой! А этот пакостный книжник пусть смотрит и учится! Что он вообще понимает своим жалким умишком? И князь тоже пусть смотрит. Как увидит меня – так поймет, кто тут главный. И кому можно верить. Ведь поймет, правда? – гремел кудесник.

– Поймет-поймет, – заверил его Твердислав. – И еще наградит. Князь наш, Всеволод Ростиславич, умеет быть бла-

годарным. Ты, главное, послужи ему, без лишней хитрости и без обмана. А уж он не поскупится.

– Подать мне кривулю! – Немил поймал стольника за край зипуна и потянул к себе. – И Велемудрову книгу подать! Я Великого Лиходея так отдеру, что он вззоет! Башку ему откручу! Копыта вырву! Все его адово воинство распугаю! Как ворвусь в преисподнюю, как усядусь на престол князя тьмы, да как топну ногой! Вся земля задрожит. Вот увидите!

Глава 2. Кошмар

Ночь на 1 число месяца чернеца

Великой княжне Ярогневне Всеволодовне снилась Туманная поляна посреди Дикого леса. Удушливые облака гари, вырывающиеся из бушующей Змеиной горы, заволокли подножие Древа миров. Ее возлюбленный – израненный, истекающий кровью, настрадавшийся и истощавший, висел, распятый на Миростволе, и смотрел прямо ей в душу своими пронзительными зелеными глазами. «Подойди ко мне, моя милая, – шептал он, – поцелуй меня на прощание!»

Ярогнева приблизилась, приподнялась на цыпочки и постаралась дотянуться до его губ, с которых стекала кровь. Но близкое и знакомое лицо вдруг превратилось в волчью морду – лохматую, черную, щерящую желтые клыки. Княжна отшатнулась, но любимый схватил ее за руку, вложил в ладонь меч и приказал: «Пронзи мою грудь! Одним ударом! Насквозь!» Ей очень не хотелось это делать, но ведь любимый приказывал, и она не могла отказаться. Она взяла меч, нацелилась ему в сердце и...

Крик отразился от сводов темной палаты. Черная кошка с белой грудкой спрыгнула с разметанной постели и юркнула под стол. Княжна вскочила, откинула одеяла, уселась на

ложе и прикусила губу. Где? Где ты, Горюня? Я не хотела! Я никогда не хотела! Не суди меня строго! Прости!

Боги, за что же вы так со мной? Почему так темно? Только что отблески извержения красили лес в зловеще-багровый цвет, и вдруг тьма сгустилась, как в крошечном аду...

Рядом вспыхнула свечка. Знакомое лицо старой няньки Русаны, приехавшей вслед за хозяйкой с далекой окраины княжества, мелькнуло перед глазами. Нянька вытерла с лица княжны пот, и поднесла ко рту кружку с холодным питьем.

– На, родненькая моя, попей квасу, авось полегчает, – зашептал ее ласковый голос.

– Я дома? – еще не веря, спросила княжна.

– Дома, родненькая, где же еще. Опять снился лес? – участливо спросила Русана.

Княжна кивнула и принялась глотать терпкий квас.

– И лес там был, – отдышавшись, проговорила Ярогнева. – И гора извергалась. И он... он там был... висел на дереве... а я – я сама его... я сама...

– Это в прошлом, родная, – прижала ее к себе нянька. – Этого больше не повторится. Забудь, даже не вспоминай. Это всего лишь дурной сон.

Внизу, в сенях, хлопнула дверь. Громкие голоса отразились эхом от каменных сводов и заметались по палатам, разгоняя ночную тишину. По узенькой лестнице, поднимающейся в терем княжны, загрохотали тяжелые сапоги. Кошка Малинка сверкнула из-под стола испуганными глазами и

спряталась в тени.

Ярогнева прижалась к няньке и прошептала:

– Это кикимора? Не пускай ее!

– Что ты, родная! – погладила ее по пшеничным косам Русана. – Кикимора до полуночи носа не высунет. Это твой батюшка. Может, нашел наконец знающего человека, чтобы тебе помочь.

Раскрылась узкая дверца, и под низкую притолоку протиснулся князь Всеволод с яркой свечой в руке. Отца, видимо, подняли из постели: он был одет в тонкие шелковые порты и простецкую домашнюю рубаху из льняной ткани. Багряное корзно с золотым соколом, вышитым на спине – вот все, что он успел накинуть на плечи из дорогих княжеских одеяний. Зато матушка, великая княгиня Верхуслава, успела одеться, как следует, несмотря на поздний час. Темно-синее платье, расшитое травным узором, зашуршало, навевая на Ярогневу ощущение привычного домашнего тепла и уюта. Серебряная пряжка широкого пояса тускло свернула отблеском свечки. Светлые, как у дочери, волосы прятались под убрусом, чтобы не попадаться под нескромные взгляды посторонних людей, что шумели и вваливались гурьбой в тесный терем.

Ярогнева, три года не вылезавшая из седла, пока батюшка отвоевывал у самозванца великокняжеский стол, привыкла к гомону военного лагеря и толпам ратного люда. Вид незнакомцев – от знатных воевод до простонародных ополченцев – не мог смутить ее. Но тут, в тесном тереме, при-

строенном поверх гулких каменных палат, ей делалось не по себе от вторжения шумливых гостей. Двух из них она знала: столичный тысяцкий Твердислав постоянно мелькал рядом с батюшкой, который ценил боярина и считал его верной опорой. Правда, этого горделивого щapa в роскошном кафтане, сверкающем позолотой на фоне алого бархата, за что-то недолюбливала матушка, но сейчас они вошли вместе и держались так, будто задумали какую-то хитрость. За тысяцким влез худосочный и бледный слуга Любомысл, заведующий книжной палатой, в строгом зеленом зипуне без единого украшения, будто нарочно выставляющий напоказ скромность и отказ от барской роскоши. И, наконец, последним в тесный дверной проем медведем ввалился толстый монах в шерстяной зимней рясе, с черным клобуком на голове, сумкой, перекинутой через плечо, и кривым посохом в пухлой, мясистой ладони.

Русана вскочила, подбежала к гостям, и помогла монаху освободиться от рясы, под которой обнаружилась такая же черная рубаха из грубой конопляной дерюги. Вид этого черного человека мог бы испугать теремную затворницу, однако Ярогнева, «наша княжна», как называли ее батюшкины вояки, или «оголтелая девка», как звали ее же изменники, сражавшиеся за самозванца, была не из робких. В свои двадцать с небольшим лет она успела навидаться такого, чего иные принцессы не увидят за всю свою жизнь. И лишь непрекращающиеся кошмары измучили ее до такой степени, что

в этот миг она чувствовала себя ослабевшей.

Черный незнакомец распрямился, как медведь, вылезая из берлоги, и взглянул на княжну из-под кустистых бровей такими теплыми и светлыми глазами, что у нее сразу отлегло от души.

– Гляди, доча, кого мы к тебе привели, – сказала матушка, присаживаясь на край постели. – Это известный кудесник. Недавно он упыря одолел, а после прогнал такое чудище, что и сказать страшно. Он и тебе поможет. Поможешь, Немил Милорадович?

– Разумеется. За тем и пришел, – важно поведал кудесник, присаживаясь к столу.

Малинка без приглашения запрыгнула к нему на колени, бесцеремонно устроилась, как на любимой подстилке, и лизнула пухленькую ладошку. До Ярогневы донесся запах кошачьего корня, которым пришелец был пропитан так, как будто в детстве его нашли под валериановым кустом. Янтарное ожерелье брякнуло у него на груди, когда кошка, играя, начала ловить лапой обкатанные морем бусины.

– Смотри-ка, какая милашка! – улыбнулся кудесник в густые рыжие усы, и погладил зверька по загривку, вызвав тягучее и блаженное «му-у-уррр!».

Мать, тревожно переводившая взгляд с кудесника на боярина, успокоилась и села свободнее.

- Ну, рассказывайте, что у вас за беда, – велел пришелец.
- Завелась у нас нечисть в подвале, – опередив няньку,

заговорила княгиня. – Появляется после новой луны, безобразит четыре недели, а потом пропадает. Денька три от нее отдохнем, а как молодой месяц опять засияет – она тут как тут. И все по новой. Насыляет на дочку кошмары, не дает спать. Видишь, как дитя исхудало? Боимся, как бы до крайности не дошло...

Верхуслава подняла к глазам кружевной платочек и всхлипнула. Немил оглядел Ярогневу и вздохнул:

– Не серчай, княгиня, если моя новость придется тебе не по нраву. Одного взгляда достаточно: на твоей дочери – злая ворожба.

– Это и без того ясно, – буркнул Всеволод, ставя свечу на стол.

Супруга взяла его за ладонь и тихонько пожала, призывая замолкнуть.

– Что снится-то? – перевел взгляд на княжну Немил.

– Дикий лес, – прошептала Ярогнева. – Вурдалак с волчьей головой, распятый на Древе миров. Меч...

– А что дальше?

– Я беру меч, и... – девушка не нашла силы, чтобы продолжить, и опустила глаза – светло-синие, точь-в-точь как у матери.

Две косички песочного цвета упали на тонкие плечи, как выющиеся змейки.

– Станный сон. Наваждение какое-то, – заключил Немил.

– Нет, не наваждение, – возразила княжна. – Это вправду со мной было.

– Что было? – удивился кудесник.

– Вурдалак. Дерево миров. Я жила в Диком лесу. А потом... так случилось... мне пришлось проткнуть грудь любимого и отправить его на тот свет. Не могу вспоминать. А теперь мне это снится. Каждую ночь. Не могу я так больше. Избавь меня, мил человек!

Ее глаза поднялись на Немила – в них светилась надежда и наивная вера. Кудесник смутился – теперь настал его черед прятать очи. Чтобы скрыть смуту, подымающуюся в душе, он перевел взгляд на Верхуславу и спросил:

– А как выглядит эта подвальная нечисть?

– Каждый раз по-новому, – не удержалась и перебила хозяйку Русана. – Пока месяц совсем молодой – она словно малое дите в белой рубахе-ночнушке. На вторую неделю превращается в девку с длинной косой. Глаза черные, брови густые, взгляд недобрый – аж до костей пробирает. После полной луны она превращается в зрелую бабу. Тут может явиться простоволосой, в замызганном сарафане. А на последней, четвертой неделе, это дряхлая старуха в рогатой кичке. Чуть зазеваешься – начинает кидаться луковками, старой обувью, угольками от самовара. Но это все мелкие пакости. Главное – княжну не оставляет в покое.

– Дело ясное – это кикимора, – хлопнул по столу Немил и красноречиво посмотрел на Всеволода.

– Вот и мы думаем – то ли кикимора, то ли навка, – под-
села поближе Русана.

– Все на нее указывает, – не обращая на няньку внима-
ния, продолжал убеждать князя Немил. – Кикимора не да-
ет спать, по ночам душит, забирается в сны и вытаскивает
самые горькие, самые болезненные воспоминания. От чего
душа болит – то она и напомним.

– Зачем это ей? – слабым голосом спросила Ярогнева.

– Кикиморы пьют наши страдания, как деревья пьют сок
из земли. А может, ей что-то от тебя нужно. Может, хочет,
чтобы ты в лес вернулась. Давайте призовем ее к ответу.

– Не опасно ли это? – усомнилась Верхуслава.

– Брось, матушка! – расхохотался кудесник. – Чего тут
опасного? Я эту тварь мигом отважу.

– Постой! – вздрогнула Ярогнева. – Я не хочу ее видеть.
Пусть идет, куда хочет. Только бы здесь ее не было.

– Можно и так, – согласился Немил. – Тогда просто про-
гоним ее, да и дело с концом. Лады?

Он достал из мешка, перекинутого через плечо, тяжелый
том Велемудровой книги, и хлопнул им о столешницу, на-
рочно устроив побольше шуму, чтобы жест выглядел внуши-
тельнее. Увидав книгу, Любомысл побледнел, привстал на
цыпочки и что-то оживленно зашептал князю на ухо, тыча
своим тонким пальчиком в сторону чудотворного сокрови-
ща.

Всеволод неловко потер бритый подбородок, дернул себя

за свисающий ус и спросил:

– Нам вот тут говорят, что заклинания из этой книги срабатывают, как бы это помягче сказать, неожиданно, что ли? Например, хотели прогнать упыря, а вместо этого вызвали чудовище. Так не получится?

– Что ты, Всеволод Ростиславич! – от души расхохотался кудесник, хотя смех его мог кому-то со стороны показаться натянутым. – Надежней этой книги на всем белом свете ничего не найдешь. Уже столько лет со мной...

Его взгляд принялся мечтательно блуждать по сводчатому потолку, расписанному сценками Перуновой охоты, а пухленькая ладошка любовно погладила темно-зеленый бархатный переплет.

– Мы с ней и огонь, и воду прошли. Если бы ты только знал, сколько раз она меня выручала!

– А заклинания в ней ты сам придумал? – встрял книжный червь.

– Почему сам? – недовольно поморщился Немил. – Заклинания я записал от своего наставника, Велемудра Кривейшего.

– И он сам их тебе наговаривал? – не унимался библиотекарь.

– Он не мог их наговорить! – толстый кулак Немила грохнул по столу, синие глаза метнули молнии. – Мой наставник сторел, когда опричники злого князя, между прочим – твоего старшего брата, Всеволод Ростиславич – сожгли его за-

живо вместе с детинцем и горожанами, которые прятались от нашествия. И настоящая книга тогда же сгорела. А я по памяти ее восстановил. Да, может не все записано слово в слово. Что вспомнил, то и сберег. Что ж поделать – у меня не было библиотеки, как тут, во дворце, и заглянуть мне для памяти было некуда.

Любомысл опустил глаза и умолк. Князь неловко кашлянул в перчатку и произнес:

– Моего старшего брата давно нет в живых, и слуг его я отпустил. А к делам его я непричастен. Стоит ли теперь прошлое вспоминать, после стольких-то лет?

– Да пойми, княже, я не прошлое вспоминаю, – с горечью тронул янтарное ожерелье кудесник. – Я родню свою вспоминаю, отца с матерью, сестру с братом. Их уже не вернешь. Эта книга – последняя память о людях, растивших меня. Да, признаюсь, что-то в ней может не ладиться. Слово на слово не попадать. Мальчишки не думают об учебе, речей наставника не слушают, знаний не запоминают. Я и был сорванцом, хоть куда. Но другой книги волхвов больше нет – только эта. Так что придется рискнуть и сработать по плохо записанным воспоминаниям, либо все бросить, и пусть нечистая сила гуляет по твоему дворцу и творит, что захочет.

Выговорившись, Немил умолк, и лишь его ладонь продолжала нервно тереть ожерелье из необработанного янтаря.

– Батюшка, – слабым голосом вымолвила Ярогнева, – я думаю, волхву можно довериться. Лучше него никого не

найти. Слава о нем по всему городу разошлась.

– Ох, недобрая это слава, – пощипал жиденькую бороденку Любомысл.

– Не бойсь, Всеволод Ростиславич, – заверил князя Немил. – Моя книга разделена на тринадцать крыльев. В двенадцати крыльях заклинания безвредные. А все самые злобные, лиходейские наветы и заговоры, я собрал в последнем, тринадцатом. Тут чего только нет! И моровое поветрие, и лихорадки-трясучки, и темные тучи, и молнии с громом. Но главное – это вызов из преисподней Великого Лиходея с его бесами и чертями. Мой наставник, Велемудр Кривейший, строго-настрого заповедал: что бы ни было, никогда не читай этого заклинания! Ни за что! Ни по какому случаю! Я его заповедь хорошо помню. Так что можешь не опасаться. Моя волшба – верная. Будет ли от нее толк? Посмотри, и сам убедись.

– Ладно, уговорил! – дернул себя за свисающий ус князь. – Только если ты дочери вред причинишь, или город спалишь, или лихо какое накличешь – не обессудь, наказание будет такое, что позавидуешь своему Велемудру.

Немил только махнул на него рукой: мол, чего с маловерами разговаривать? Только слова на ветер бросать. И деловито распорядился:

– Хозяйка, носи свечи. Глубокую чару с водой, лучше серебряную, но можно и простую. Огоньку поддать не помешает. А с тебя, Твердислав Милонежич, меч. Вон он какой бо-

гатый. Что это за камешек в рукояти? Рубин! Ишь, как сверкает. Как будто кровью налил. Сюда вот, на столик клади. Колдовство – дело острое, без меча не обойтись. Ну, все готовы? Приступим!

Ярогнева следила за уверенными действиями кудесника, замерев от волнения. Знающего колдуна сразу видно. Вон, как ловко орудуют его толстые пальцы, покрытые рыжими волосками. Расставляют свечи по четырем сторонам света, располагают на столешнице меч острием к северу, чтобы отсечь демонские нападки, льют в воду расплавленный воск... Сразу становится ясно: опытный кудесник уже тысячу раз наводил свои чары, и в тысячу первый раз наведет, только теперь ради нас, нам на пользу.

«Бедная девочка, – думал Немил, окуная кончик Твердиславова меча в чару и шепча приличествующие случаю наговоры на воду и сталь. – Истошала вся, иссохла, только кожа да кости остались. Впрочем, какая же она девочка? Ей за двадцать, а до сих пор не замужем. Может, венец безбрачия подцепила? Или просто никто такую чахлую не берет?»

Украдкой ему удавалось бросать на Ярогневу взгляды, рассматривая ее. Иногда она ловила его взгляд и отвечала безмолвной мольбой, от которой у старого волхва таяло сердце.

«Случай легкий, – думал он. – Суеверные люди принимают за происки темных сил обыкновенные ночные страхи. В какую только ерунду не верят эти вятичи. Видно, оборван-

ное мужичье у них не отличается от князя с боярами. Ладно, родные мои, я продам вам то, что вы так хотите купить: исцеление от болезней, которые вы сами придумали, и веру в счастливый Золотой век, который никогда не наступит...»

Благоговение перед волховской книгой. Это важная часть обряда. Наши ясновельможные лопухи должны поверить, что в ней заключено особое, тайное знание, скрытое от непосвященных. Что это за знание? Откуда оно взялось? Вы когда-нибудь задумывались? Нет? И хорошо: вам и не нужно. Чем меньше задумываетесь, тем скорее я вас подлечу. Жалко девочку. Но ей ведь и вправду поможет, нет? С деревенскими бабами помогало. Скажешь такой, мол, ступай себе с миром, черта из твоей избы выкурили, печень от лихорадки очистили – и она распрямляется, расцветает, прямо на глазах молодеет и ходит после здоровая и веселая, за лечение благодарит, славу о янтарном кудеснике разносит по соседкам. А княжна – она, в сущности, тоже баба, только еще молодая, а значит, наивная и неопытная. Ее заговорить проще простого. Вот и она у нас сейчас распрямится, скинет с тоненьких плеч груз переживаний, улыбнется...

Немил подмигнул Ярогневе из-под кустистых бровей – та и вправду заулыбалась и ожила. Он постучал кривулей по полу, прислушался, покивал с важным видом, мол, все идет как положено, так и надо, будьте уверены...

Пусть ей снятся заморские женихи, принцы и королевичи, молодцы-удальцы: глядишь, тоска и пройдет, здоровый

голод вернется, она опять начнет кушать, как ее матушка – та-то барыня в телесах, есть за что ущипнуть... ой, не о том думаю, куда мне, грязному рылу, княгинь щипать? Да еще в присутствие самого князя – вон он как на меня таращится, так и сверлит своим варяжским оком. Похоже, не доверяет... Ничего, мы и не таким зубы заговаривали!

Немил омыл руку в наговоренной воде, подержал ладонь над свечой, очищая от темных сил, и еще не обсохшими пальцами принялся листать книгу. Да, вот оно – то, что нужно. Заговор на крепкий сон и чудесные сновидения. Так...

Он прокашлялся, принял загадочный вид, и заговорщицким голосом зашептал слова про море-окиян, остров Руяну, на котором стоит бел-горюч камень Алатырь, про силы добрые, силы могучие, что от века под этим камнем спрятаны.

Погладить по голове, приласкать девоньку – ее, видно, давно уж никто не ласкал. Разве тот вурдалак в лесу. Так, выпускаю я, значит, из-под камня Алатыря силы добрые, и несут их ветра прямо на девоньку Ярогневу, дочь князя Всеволода, и развеивают ее темные сны, и приносят ей радость, душевную легкость, здоровье и восстановление телесных соков. Да, и кикимору бы не забыть! Как же, ее тоже нужно упомянуть. Кхе-кхе, уйди прочь, злая кикимора, Ярогневу Всеволодишну трогать не смей, пальцем ее не коснись, языком своим длинным имени ее не произнеси... Вот придумали тоже: кикимора! Если б я гонял кикимор каждый раз, когда мне снится пожар, в котором горит мой родной Ве-

вереск, крики матери и сестры, добровольно вошедших в огонь, лишь бы не даться врагам... нет, девонька дорогая, тут не кикимора виновата. Жить мы правильно не умеем – вот что. Оттого наша жизнь на кошмар и похожа. Если б можно было так просто взять и кикимору пугануть – то как легко было бы создать божье царство прямо тут, на дворе... Жаль, что на самом деле людей не переменишь!

Он договорил слова вещи книги, закончил тем, что «слово мое крепко», и «никто его не порушит», и захлопнул сборник с таким шумом, чтобы ни у кого не осталось сомнений – заговор произнесен, и его действительность непреложна.

Он откинулся в кресле, сложив руки на подлокотниках – вылитый царь, ни дать ни взять! – и победоносно оглядел и княжну, и ее мать, завороженно вслушивающуюся в каждое слово, и няньку, благоговейно кивающую и теребящую душегрейку. Твердислав с затаенной надеждой поглядывал на князя: как тот, доволен ли услугой? И лишь Любомысл, хмурый, стоял далеко, у стены, демонстративно не желая участвовать в этом антинаучном обряде.

– Что дальше, добрый человек? – заглянула ему в глаза Верхуслава.

– Дальше можно не беспокоиться, – заверил кудесник. – Злые мороки уйдут, сон станет тихим, спокойным. На завтрак давайте княжне молочка со сметанкой, творожка с сушеными виноградинами, чернослива, можно орешков с медком. Ягод моченых – этих уже на обед. Скоморохов к ней

можно пустить. Скоро масленица – пусть гуляет и веселится.

– А блинов? Блинов можно? – спросила Русана.

– Блинов даже мне можно, – намекнул Немил.

– Это все ладно, – нетерпеливо прервал Всеволод. – Что с кикиморой? Она куда денется?

Ах, да, эта кикимора... Немил задумчиво тронул пальцами ожерелье и перебрал несколько янтарей.

– Кикимору мы щас прогоним, – уверенно заявил он. – Так пугнем, что следа от нее не останется. Вот увидите!

Кудесник чинно поклонился и спустился на нижний этаж исполнять княжью волю. В конце концов, кто платит – тот и прав. Князь подвел мастера к лазу, ведущему в подземелье. Тяжелый сундук придавил к полу деревянную крышку.

– А ну, взялись, раз-два! – кудесник окончательно вошел в роль распорядителя.

Князь самолично налег на сундук, сдвигая его к стене. Оглушительный скрип половиц ударил в уши среди ночной тишины.

– Пустите мастера! Посторонитесь! – командовал Немил, протискиваясь к темному жерлу.

Деревянная лестница уходила в подвал и терялась во тьме.

– Там она и живет. Вертлюжкой ее кличут, потому как уж больно она вертлявая, – несмело прошептала Русана.

– Где чара с наговоренной водой? – продолжал он командовать. – Боярин, где меч? Сейчас будем изгонять чертовщину. А с тебя, хозяйюшка, уксуса. Да, уксус, пожалуй, пой-

дет. Или кружечку самогона, только покрепче. Не слабенькой бурды, какую употребляют в деревенских избах, а настоящего – такого, чтоб как нюхнул, так глаза б на лоб вылезли.

Забывшись, он начал обращаться с княгиней, как с обыкновенной домохозяйкой, что смотрит ему в рот и угадывает каждое движение. Что поделывать, привычка! Однако никто не поставил его на место. Наоборот – сама Верхуслава ринулась на поварню, забыв, что можно послать Русану.

Немил принял из ее рук кувшинчик уксуса, придиричиво понюхал, для верности дал попробовать кошке. Та ткнулась мордой в пахучую жидкость, отдернулась и обиженно мяукнула на Немила. Самогон тоже оказался отменным – не дешевое пойло, а княжеский, на зубровке, и крепости самой что ни на есть подходящей – такой, что слезу вышибает. Его пробу Немил не доверил животному – вместо этого сам хлебнул и причмокнул. Да, все правильно – то, что надо.

Кряхтя, кудесник опустил перед темным провалом на колени, прыснул во тьму едкой жидкостью и хрипло заголосоил:

– Сгинь, нечистая сила! Изыди!

Эхо его голоса гулко гремело, возвращаясь из мрака, пахнущего сырой землей. Неожиданно в нос ему ударила гнилая луковица, прилетевшая из темноты. Дощатый пол заходил ходуном, сундук за спиной задрезжал, кошка стегнула хвостом и зашипела. Ярогнева отшатнулась и прижалась к Русане. Нянька обняла княжну так, будто хотела защитить

от опасности.

А Немилу в лицо ткнулся жесткий пучок прутьев, заставив отпрянуть и шлепнуться на пол.

– Это что еще за безобразие? – растерянно произнес он.

В этот миг из темного подпола выскочила метла и сама собой принялась больно хлестать кудесника. Вслед за ней вылетела деревянная ступа, выдолбленная из растрескавшейся осиновой колоды. Рваная попона прикрывала загадочное существо, спрятавшееся за выщербленными стенками. Ступа взмыла под потолок, существо поймало метлу и обрушило на кудесника град ударов.

– Вот те на! Нежить что, в самом деле тут водится? – ошеломленно проговорил он.

– А ты как думал? – рассерженно выкрикнул Всеволод.

– Кто бы знал! – вырвалось у Немила.

Попона, в которую куталось существо, сползла с его головы. Под ней показалась отвратительная гаргуля с широкими крыльями и длинными, как кинжалы, когтями. Два желтых глаза, похожих на ястребиные, полыхнули на Немила такой ненавистью, что ему почудилось, будто они прожгли в нем дыру. На разгоряченном свином пяточке твари выступили капельки пота, а из-под толстых и грязных губ выпростались кривые клыки.

– Спокойствие! Все сохраняем спокойствие! – бормотал Немил, обращаясь то ли к князю с княгиней, то ли к себе самому.

Однако гаргуля сохранить спокойствие не пожелала. Она звучно хлопнула кожистыми крыльями, издала пронзительный визг и понеслась на кудесника, норовя придавить его ступой.

– Загоняйте ее обратно! – засуетился Любомысл, отлепляясь от стенки и показывая, что он тоже участвует в схватке.

– Наоборот! – велел Всеволод. – Не давай ей нырнуть в подпол, иначе упустим.

Книжник захлопнул крышку подпола, и со скрежетом сдвинул на нее сундук.

– Кудесник, что же ты медлишь? Выручай! – крикнул князь, буравя Немила взглядом.

– Конечно-конечно, – поспешил заверить его чародей. – Не изволь беспокоиться, княже. Это всего лишь гаргуля. Я сейчас такое заклинание наговорю, от которого она окаменеет.

– Я же видел, Немил Милорадович, как ты с трехговым Полканом справился, – выкрикнул Твердислав. – Отчего ж ты с летучей тварью не совладаешь?

– По правде сказать, пес Полкан моего заклинания и не расслышал, – совсем перестав следить за языком, задрезжал Немил. – Он сидит перед воротами преисподней, сторожит их, чтоб ни одна душа мимо не проскочила. А если все же случится оказия, Лиходей его посылает беглую душонку обратно загнать, да воротить в пекло. Пес в тот раз за упырем прибежал. Ему до нас дела не было, потому мы и уцелели.

– Сделай хоть что-нибудь! Докажи, что ты на что-то годишься! – навис над ним боярин и так замахнулся подсвечником, что Немил испугался, не собрался ли тот раскроить ему череп.

Деваться было некуда. Князь накрутил длинный ус на палец и так грозно взглянул в его сторону, что стало ясно: придется исполнять свой долг, чего бы это ни стоило. Немил обреченно вздохнул, подобрался к мечущейся под потолком гаргулье, и, картинно размахивая кривулей, принялся вещать:

– Заклинаю тебя: прекрати безобразить! Прими свой истинный вид. Покажи настоящее лицо, чтобы все увидели, кто ты такая!

Та в ответ принялась стегать его помелом. Не думая, Немил отмахнулся и с силой ударил по днищу кривулей. Пляшущая ступа опрокинулась, гаргулья вывалилась, рухнула на пол и превратилась в ветхую старуху низенького роста, с торчащим, как сучок, носом. Она поднялась на коротеньких, словно обрубленных, ножках, и сверкнула на кудесника черными, навывкате, глазками. Хлипкое тельце ведьмы прикрывали лохмотья, а на голове торчала женская кика с тряпичными рожками.

– Это еще что за диво? – в изумлении попятился Немил.

– Вот она, значит, какая! – гневно сверкая очами, молвила Верхуслава. – Теперь-то мы ее выкурим из нашего дома.

Блестящие глазки кикиморы испуганно забежали по сто-

ронам. Она схватилась за метелку и попыталась поднять ступу, упавшую на бок. Однако силы уже покидали дряхлую нежить. Она засучила короткими ножками и визгливо разрыдалась. Рогатая кичка съехала на непомерно большое, торчащее, как пельмень, ухо. Плач её походил на лай лисицы.

«Кажется, дело сделано. Осталось лишь убедить всех, что это моя заслуга», – пришло Немилу на ум.

Вертлюжка оправдывала свое имя – она вертелась, как на сковородке.

– Отольются тебе мои слезы, – писклявым голосом выдавила она из себя. – И боги на небесах воздадут по заслугам за все черное колдовство, которое ты натворил.

Обвинение в черном колдовстве задело кудесника за живое, и он, забывшись, начал отвечать, нимало не заботясь о хозяевах палаты, притихших за его спиной:

– Я открою тебе одну тайну, чертовка вертлявая. От богов уже век нет ни слуху, ни духу. Опустел их Серебряный город, и никто не глядит на нас с высоты Белой вежи. Настоящие волхвы умеют туда подниматься. Они там бывали и видели.

– И ты поднимался? – скривила кикимора нос.

– Нет! Мне не дано. Но учитель мой это умел. Разумеется, посторонним волхвы ни за что не признаются. Простонародье должно верить, будто боги по-прежнему за ним приглядывают и наказывают за грехи. Иначе народец распустится и начнет безобразить. Но этой простецкой верой потчуют одних олухов. А я, как видишь, совсем не из них. Да, мое

колдовство светлым не назовешь. Могу напустить лихорадку. Могу вызвать черта из преисподней. Случись что – даже беса могу на тебя натравить. Потому что во всех трех мирах кроме нечистых тварей никого не осталось. Если хочешь добиться успеха – зови лихо. Богов звать бесполезно, они не услышат. Вот такая тебе моя правда. И поэтому будь уверена – я сумею тебя извести. Если нужно, то призову всю бесовскую силу, и обрушу ее на тебя, но свое дело сделаю. Вот и весь разговор.

– Зablуждаешься, черный кудесник! – кикимора наставила на него кривой палец, похожий на ветку. – Тебе с твоим скудным умишком и невдомек, что Белая вежа опять ожила. Огонь в ее очагах разгорается. Боги дома! А значит – жди заслуженного наказания за всю бесовщину, которую ты натворил.

Немил похолодел. Он готов был заехать клюкой по крючковатому носу ведьмы, но рука его вдруг ослабела, и опустилась безвольно.

– Ты – пустое место! – перешла в наступление кикимора. – Ты ни на что не годишься. Твоя волшба – всего лишь обман легковых. Даже в последние часы своей жизни, даже на грани издыхания я могу размазать тебя по углам. И князь со всей сворой холопов не сможет мне помешать.

Она вытянула когтистую лапу и ткнула в кудесника. Немил почувствовал, что горло его сдавила какая-то неведомая сила. В голову ударил жар, в ноги – холод, сердце затре-

петало, но главное – он перестал дышать. Ведьма его не касалась, и все же он задыхался.

– По... помогите! – захрипел он, пытаясь сорвать со своего горла невидимый обруч, который стягивал его все туже и туже.

– Эй, вы, там! Что попрятались? Смотрите во все глаза! – хохотала кикимора, обращаясь к отступившим подальше людям.

– Отпусти! – прохрипел Немил, чувствуя, что сдавивший его обруч становится горячим, как раскаленное железо.

– Что же ты не используешь колдовство? – издевалась кикимора. – Почему не зовешь бесов? Ты ведь это умеешь!

У Немила не оставалось сил, чтобы отвечать. Его выпученные глаза готовы были вот-вот лопнуть от напряжения. Лицо покраснело, как зрелое яблоко, ладони, наоборот, побледнели до синевы. Одним мановением руки кикимора загнала его в угол и поставила на колени. Велемудрова книга упала на пол и раскрылась на последних страницах – там, где в тринадцатом крыле таились запретные заклинания, начертанные особыми, колдовскими письменами.

– Вертлюжка,пусти его! – выкрикнула Ярогнева и замахнулась мечом.

Кикимора перевела кривой коготь с кудесника на княжну. Дева внезапно пошатнулась. Кровь отхлынула от ее лица, и она обеими ладонями принялась терзать свою шею, как будто разрывая невидимый огненный круг.

– Доченька, что с тобой? – испугалась Верхуслава, броса-
ясь к ней.

Этих мгновений хватило Немилу, чтобы вздохнуть чуть свободнее. Стоя на четвереньках, он перелистнул страницу, уткнулся в запретное заклинание – то самое, про которое Велемудр говорил когда-то: «ни в коем случае, ни за что на свете...», и, торопясь и сбиваясь, принялся бормотать:

– За рекою черною стоит лес зачарованный. Живут в том лесу черти поганые: упыри, вурдалаки, водяные и злыдни. Собрались злые черти и нахлынули тучей темною на нас, людей добрых. Не спастись от них за стеной белокаменной, не убежать от них в сапогах-скороходах. Никого не боятся черти: ни ратника во оружии, ни богатыря могучего. А боятся они Лиходея Великого, что сидит в преисподней на высоком престоле. Ты приди, Лиходей, и уйми своих слуг-чертей. Забери, Лиходей, Вертлюжку-кикимору, унеси ее за Железный лес, за Смородину реку. Ты мне – работу, я тебе – плату. Клянусь заплатить всем, чего сам пожелаешь. Явись тотчас же, Лиходей, и работу свою соверши!

Все замолчали и усталились на кудесника, ожидая, что будет дальше.

– Ты что сделал, остолоп? – прошамкала кикимора.

– Уматывай, пока хуже не стало, – пригрозил Немил, стараясь затянуть время.

«В самом деле: что дальше? – вертелось у него на уме. – Откуда мне знать? Запретного заклинания прежде никто не

читал. Наверное, кикимора сама должна улетучиться. Или кто-то ее должен выгнать? В заклинании что-то говорилось о Великом Лиходее...»

Кудесник похолодел. Нет, только не это! Великий Лиходей, царь бесов и хозяин преисподней, что властвует в пекле над душами грешников. Столкнуться с ним нос к носу – такого ужаса и врагу не пожелаешь.

Немил побледнел и растерянно завертел головой по сторонам. Какое счастье – ни одного постороннего! Ни чертей, ни лиходеев, ни упырей с их мышинными крыльями и гремучими костями. Какая все-таки это радость: видеть знакомые, человеческие лица!

– Вот что, карга, – обернулся он к кикиморе. – Давай-ка, убирайся подобру-поздорову.

– Или что? – передразнила его Вертлюжка. – Ты вместо меня такое лихо накликал, какое и в страшном сне не приснится. Теперь хлебнешь горя, дурень!

– Пошла прочь! Не место тебе здесь.

– Мне, может быть, и не место. Зато ему место!

И кикимора указала корявым пальцем на белую печь в дальнем углу. Только теперь Немил заметил, что гнетущая тишина, прежде висевшая под низкими сводами палаты, разрывалась от яростного воя вихря, бесновавшегося в трубе. Печное устье пыхало в горницу клубами черной сажи, заволакивающей тусклые отблески свечек. Холодные рукава ветра врывались в палату и расползались по сторонам, будто

стараясь захватить дворец вместе со всеми, кто сгрудился у длинного стола.

– Надо бы печку заслонкой загородить, – вымолвила Ярогнева.

Русана сорвалась с места, схватила железную крышку с гнутой ручкой, и вдавила ее в разверстную пасть печи. Немил бросился ей помогать, однако прикрыть печь заслонкой не удалось.

Порыв вихря собрался в ледяной кулак, хлестко ударивший по заслонке. Немил ощутил резкий толчок, который сбил его с ног и бросил на пол. Из печного устья вырвалась огненная струя и фонтаном прыснула в палату, разбрызгивая искры и сверкая языками пламени. Кошка взвизгнула и метнулась под стол, едва не сбив с ног Вертлюжку.

– Берегись! – закричал Всеволод, пытаясь закрыть жену и дочь от огня.

Твердислав навалился грудью на длинный стол и перевернул его на бок, закрываясь столешницей, как забором. Но эти отчаянные меры не помогали. Огненная струя поползла по полу, принимая облик огромного змея. Его брнчащая чешуя переливалась всеми оттенками красного цвета, от зловеще-багрового до ослепительно-золотого. Извивающееся тело оставляло на дощатом полу выжженный след. В нос Немилу ударил запах паленой древесины, смешанный с адской гарью.

– Кто звал Великого Лиходея? – заорал бес, спрыгивая с

загривка змеи.

Не решаясь подняться, Немил на карачках попятился к стенке, но далеко уползти не удалось – змей обвился кольцом вокруг колонн, поддерживающих каменный свод, и захватил людей в плен. Бес хлестнул по полу огненной плетью, навис над ними и прогромыхал:

– Кто посмел оторвать нас от дел?

«Не я! Правда, не я!» – попытался пискнуть Немил, но слова застряли у него в гортани. Змей хлестнул хвостом, пресекая попытку вырваться из огненного круга. Кудесник спрятался за колонну и укрыл лицо от нестерпимого жара, исходящего от вьющегося аспида.

– Доигрался, брехло! – ткнула его в бок жестким пальцем кикимора.

– Я тут вообще не при чем! Отпустите меня! – завопил Любомысл, рванулся из-за колонны и попытался перескочить через змея.

Огненное чудовище зашипело и расправило широкие крылья, сметя брошенную ступу. Одно из крыльев встопорщилось и так заехало книжнику в лоб угловатым сочленением, что тот отлетел обратно и грохнулся на пол.

– Попались? От нас никто не уйдет! – плотядно потер руки бес.

Немил высунулся из-за колонны. Звенящая чешуя змея переливалась всеми цветами радуги, как будто чудовище остывало, из ярко-оранжевого становясь сочно-зеленым. Че-

шуйки, с которых продолжали сыпаться искры, поблескивали, пуская в глаза солнечных зайчиков, отчего палата наполнялась радужным сиянием.

Узорный ковер на стене загорелся, кошка взвизгнула и прыгнула на пол. Ярогнева схватила ее за шкурку и прижала к груди, но ошалевшая Малинка оцарапала ей ладонь, вырвалась и, найдя щель между хвостом чудища и стеной, выскочила за огненный круг.

– За кошкой! Скорее, пока нас тут всех не спалили! – выкрикнул Всеволод и потянул за собой жену с дочерью.

Им и в самом деле удалось проскочить мимо длинного хвоста, бьющего об пол острым шипом. Однако стоило князю распахнуть дверь из палаты, как в нее вместе с холодным вихрем, несущим снежинки, втиснулась огромная собачья морда, сверкающая зелеными глазами.

Голова пса оказалась настолько большой, что не пролезала в узкую дверь, но это было еще полбеды. Рядом с ней, чуть выше и ниже, показались еще две такие же головы с распахнутыми пастями и оскаленными клыками. Все три зашлись истошным лаем и забрызгали князя вонючей слюной.

– Бегите-бегите, – подбодрил его бес. – Нашему песику хочется кушать.

Всеволод рванулся вдоль стены, распахивая запертые на ночь стрельчатые оконца, выходящие на двор, однако трехголовый Полкан уже подждал его. Стоило князю высунуться на улицу, как пес набрасывался и пытался поддеть его на

кльки, так что в конце концов Всеволод в страхе захлопнул ставни и бессильно развел руками.

– Ко мне! Живо! – велел бес тоном, не терпящим возражений.

Змей взмахнул хвостом и хлестко стегнул беглецов, отчего те кубарем полетели обратно к колоннам в середине палаты. Ярогнева растянулась на половицах и выронила меч, который лишь жалобно звякнул.

– Что вылупился? Это твоих рук дело! – надела на растерявшегося Немила Вертлюжка.

– Выручай всех, кудесник! Больше некому! – затряс его плечи тысяцкий, безумно сверкая глазами.

Немил подобрал с пола книгу и оперся о кривую. Что тут делать? Бесов и боги не могли одолеть, а мы по сравнению с богами лишь жалкие муравьишки, ползающие ниже травы. Но в этот миг все взгляды были устремлены на него. Отступить было некуда. Он глубоко вздохнул, поднял книгу повыше, и, закрываясь ей, будто щитом, выступил вперед.

Бес взгромоздился на опрокинутый стол, сложил за спиной кожистые, как у летучей мыши, крылья, и впился в кудесника взглядом желтых, полыхающих отблесками адского пламени глаз. Свиное рыло на козлиной морде задвигалось, словно роя пещеру под дубовым корнем, кончики длинных рогов всколыхнулись, ослиные уши встали торчком и обратились к противнику. Все движения его жилистого тела, покрытого короткой шерстью, говорили о том, что он в любой

миг готов сорваться с места, наброситься на человека и разорвать его в клочья.

Немил потерял силы и едва не упал – его спасла только кривуля, на которую он оперся. Щеки его побледнели, руки похолодели, но все же он собрался с духом и проревел трубным, почти не дрожащим голосом:

– Заклинаю тебя, царь бесов и повелитель зла: подчинись мне, исполни мою волю!

Демон скривил рыло, скептически хрюкнул, и спустился пониже.

– Властью, данной мне волховской книгой, я обращаю тебя в своего раба! – гремел кудесник, для убедительности тыча в беса тяжелым томом. – Покорись, и признай меня своим господином!

– А если не захочу? – осведомился бес, поблескивая крокодильими глазами.

Немил споткнулся, но тут же взял себя в руки и прогрохотал:

– Иначе я напущу на тебя сонм небесных богов! Великий князь горней дружины Перун засыплет тебя блиставицами, насадит на рогатину, испепелит! Солнечный государь Дажбог прожжет огненной стрелой, а медвежий царь Велес скормит дикому зверю.

– Но ведь ты сам знаешь, что богов в Небесном городе нет, – возразил демон, уставившись на кудесника прямоугольными, невыразительными зрачками. – Они ушли и бро-

силы людей на произвол судьбы.

– А вот и нет! – восторжествовал Немил. – Мне только что сказали: они вернулись из добровольного изгнания, и снова помогают своим верным слугам.

– Тогда тебе есть, чего опасаться, – бес спустился и пошел к Немилу, цокая копытами по дощатому полу. – Потому что ты успел натворить столько черного колдовства, что пощады от богов можешь не ждать. Думаешь, они спустят тебе порчу, которую ты навел на селянок у кривичей и ятвягов?

– Откуда ты знаешь? – опешил Немил.

– Мне ли не знать? – расхохотался бес. – Ведь ты взывал к силам преисподней. Мои слуги-черти носились, чтобы исполнить твои приказы.

– Я не виноват. Мне за это платили, – пряча глаза, проворчал Немил.

– Не надо оправдываться. Передо мной ты ни в чем не виновен, – бес приблизился и положил горячую ладонь ему на темя. – А вот боги тебя не простят. Так что лучше тебе держаться на моей стороне. Раз попал под мою защиту, ты выбрал свою судьбу.

– Нет! – воскликнул Немил, отступая и прикрываясь книгой.

– Еще как да! – напирал на него бес. – В глазах богов ты – преступник. Но для меня ты – верный слуга.

– Врешь! – пришел в ярость Немил. – Это ты – мой слуга. Ты должен меня слушаться, ведь это я тебя вызвал! Прика-

зываю: прогони прочь кикимору, что поселилась в этих палатах.

– Может, еще что? – осведомился супостат.

– Да! – Немил не мог остановиться. – Поставь мне дворец белокаменный. За рекой, на Торговой стороне. И притащи мне из пекла сундук сокровищ.

– Каких сокровищ? – деловито уточнил демон.

– Драгоценных камней, – теперь уже кудесник напирал на противника, хотя тот и был выше ростом раза в два. – Злата и серебра! В монетах и в слитках. Будешь служить мне, пока не отпущу. Все понял? Исполнять! Немедля! Повелеваю!

И он топнул ножкой, чтобы придать своим словам убедительности. Люди, выглядывающие из-за колонн у него за спиной, не шевелились и не решались сказать слова. Под сводами повисла тишина, которую нарушало лишь потрескивание искр, срывающихся со змеиной чешуи.

– Олух! Какой олух! – с горечью проскрипела Вертлюжка.

– Заткнись! – махнул Немил в ее сторону книгой. – Я и с тобой разберусь.

– Разуй zenки! – скрипела кикимора. – Не видишь что ли, кто перед тобой?

– Еще как вижу! – разошелся Немил, возвращаясь к демону. – Давай, выполняй повеленье. Кому я сказал? Или ты хочешь, чтоб я твоей гадине сделал больно?

Ярогнева подхватила на руки кошку. Расширенные глаза

девушки остановились, едва прикрытая ночнушкой грудь замерла. Князь с княгиней, казалось, боялись вздохнуть. Твердислав спрятался за колонной, став невидимым, а Русана с Любомыслом и вовсе не показывались на глаза.

Немил подобрал с полу попону, набросил ее на извивающегося змея и вскарабкался ему на хребет, между крыльями и головой.

– Ну, чего ждешь? – заорал он на беса. – Разве не видишь, что я тут хозяин? Смотри, что я сотворю с этой ползучей тварью!

И он изо всех сил принялся молотить кривулей по бокам змея, чешуя на которых зазвенела, как сталь.

Дракон пыхнул огнем и нервно ударил хвостом по полу, но Немил этого не заметил. Кудесник упер взгляд в черные, невыразительные зрачки демона, как будто соревнуясь, кто кого переглядит.

– Я не шучу! – выкрикнул он, и начал молотить посохом по острым иглам, гребнем торчащим над змеиной головой.

Чудовище заворочалось и захлопало крыльями, но в этот миг Немила не смогло бы остановить и землетрясение. Он подцепил гнутым концом кривули кожаные усики, свисающие из-под драконьего носа, натянул их, как уздечку, и принялся изо всех сил дергать, причиняя чудищу нестерпимую боль.

– Гляди! – вопил он бесу, подпрыгивая на хребте, ходуном заходившем под его седалищем. – Твоей твари приходится

туго. Сколько еще ей терпеть? Подчиняйся, и я смилуюсь над тобой и над ней.

Даже бес ошеломленно умолк, глядя на то, как бесцеремонно обращается Немил с чудовищем, едва помещающимся в палате. Однако Немил так увлекся, что забыл про осторожность.

– Я знаю: в подземных хранилищах богатств не счесть, – голосил он. – Тащи их сюда. Теперь я твой хозяин, понял?

Кажется, такое обращение змею пришлось не по нраву. Он извернулся и сбросил с хребта непрошенного седока. Немил кубарем полетел на пол, ударяясь об обломки раскрошенной мебели.

– Ах, ты так? – с негодованием взревел кудесник. – Ну, погоди у меня!

Он схватил бутылку с остатками мутного самогона, и принялся поливать им дракона. Капли, попадая на чешую, шипели и тут же испарялись, отчего по палате поплыл резкий запах спирта. Подобравшись с бочка, куда не доставало бьющееся об пол крыло, Немил вылил остатки на острый гребень, по которому тут же побежали синие язычки пламени.

Змей зашипел, изогнул шею и попытался пыхнуть на него огнем, но Немил вовремя отскочил и взялся за укус, плещущийся в глиняном кувшине.

– Вот тебе, чудище! – назидательно твердил он, поливая вытянутую драконью морду с чувствительным черным носом. – Помучайся, раз твой хозяин не хочет мне подчинять-

ся. Да, вот так тебе, и еще!

Не обращая внимания на хлещущий хвост, он выплеснул остатки едкой жидкости прямо в огромные, круглые, желтовато-игристые змеиные глаза. Дракон вздыбился, прынул ввысь и вонзился иглами гребня в сводчатый потолок, повредив роспись с изображениями солнца и звезд.

Бес замер. Казалось, что даже это исчадие ада не в силах поверить, что такое бесчинство возможно.

Змей обрушился на пол, увлекая за собой россыпь каменных обломков, вырванных из потолка.

– Что, съел? – победоносно вскричал Немил. – Еще будешь сопротивляться? Или слушаешься наконец?

Змей вышел из себя. Он раздраженно ударил крыльями об пол и раскрыл пасть, чтобы окатить зарвавшегося кудесника волной огня. Однако Немил не зевал: он мигом скатал попону в тугий ком и затолкал змею в распахнутую глотку, как затычку. Чудовище поперхнулось и принялось отплевываться, звучно хлопая крыльями.

Не теряя времени, Немил обернулся к бесу и пошел на него, грозно размахивая кривулей и крича:

– Что, съел? Будешь служить мне до скончания веков! Что прикажу, то и сделаешь. Одно копыто здесь, другое – там! Давай, шевелись! Мигом, иначе я рассержусь!

Бес не реагировал на приказы, но его кажущееся бессилие лишь подзадоривало кудесника. «Сейчас, или никогда! – замирая от собственной дерзости, думал он. – Или мне удастся

сделать то, что еще ни одному волхву не удавалось – подчинить князя тьмы. Или я прямо сейчас провалюсь с оглушительным треском и окажусь в преисподней, и тогда мучиться и страдать моей душе веки вечные!»

Эта мысль наполнила его отчаянной лихостью, он собрал всю решимость, которая еще плескалась на доньшке его души, и трубно заголосил:

– Клянись, что будешь вечно служить мне, чудище-лиходеище!

Смущало лишь то, что супостат почему-то совсем на него не смотрел. Взгляд беса остановился и замер, наблюдая за тем, что происходит у Немила за спиной. Ну нет, нас этим хитрым обманом не проведешь!

– Клянись, раб! – взвыл Немил, делая вид, что хочет ударить беса клюкой.

– Ты думаешь, что я и есть Лиходей? – Бес насмешливо шмыгнул кабаньим рылом. – Князь тьмы и повелитель пекла?

– Вот дурень-то, вот дурень! – охнула кикимора.

Кудесник медленно обернулся. У него за плечами огненный змей, распрямляясь и переливаясь всеми оттенками радуги, на глазах принимал облик высоченного статного мужа, одетого в драгоценный заморский наряд. Незнакомец оказался настолько велик ростом, что голова его уперлась в сводчатый потолок. Пряди темных волос выбивались из-под мягкого бархатного берета, а пронзительно-синие, холодные

глаза буравили Немила, как укол итальянского стилета.

Все в этом богатом великане-иностранце внушало почти-тельное благоговение. Огни свечей отражались, как в бриллиантах, в ожерелье из замерзшего льда, граненые кристаллы в котором переливались, сверкая искрами. Эти льдинки даже не думали таять в жаркой палате, где все вопреки от огненных сполохов змея. Нанизанные на золотую цепь, они мягко поблескивали на фоне темно-синего камзола из дорогой парчи. Короткая, аккуратно подстриженная борода и тонкие усики великана молодили его лицо, однако истинный возраст этого существа уловить было трудно.

Едва заметный взмах великаньей руки – и Немила припечатал к стене жезл с костяным наконечником в виде сжатого кулака с двумя пальцами, торчащими, как рогульки. Эта костистая вилка охватила с двух сторон его шею, приподняла над полом и воткнулась в настенный ковер, заставив кудесника повиснуть. Он почувствовал, что голова его вот-вот оторвется и начал отчаянно сучить ногами, чтобы достать до пола.

Бес слетел с возвышения, замахнулся огненной плетью и спросил великана:

– Господарь, позволь, я рассеку этого наглеца на тысячу кусочков! Если будет на то твоя воля, то душу его мы заберем в пекло и так отжарим, что все остальные поймут, что бывает с теми, кто дерзит князю тьмы.

– Пойдите! – выкрикнул пригвожденный к стене кудес-

ник. – А кто тут князь тьмы?

Великан ужался в размерах и ростом сравнялся с бесом. Но даже после этого он превосходил Немилу, не достающего ногами до пола. Царь преисподней бережно придержал ожерелье, нагнулся и поднял упавшую книгу.

– Погоди, Лютобор, – придержал он беса, готового расправиться с беспомощным пленником. – Посмотри только, какие заклинания припас для нас этот колдун.

И, обернувшись к зависшему Немилу, строго спросил:

– Зачем ты вытащил меня в Дольний мир? Или ты думаешь, что у меня нет других дел, кроме как исполнять твои прихоти?

– Прости, господарь! – в этот миг Немил был готов на все, лишь бы не задохнуться. – Я только хотел, чтобы ты избавил меня от Вертлюжки.

– Кто такая Вертлюжка? – нетерпеливо спросил Великий Лиходей.

– Это кикимора, которая доводит до безумия людей кошмарными снами, – поторопился объяснить хозяину бес.

– Всего-то? – рассердился Лиходей. – После тысячи лет перемирия назревает война между небом и пеклом. Царица Ледяного края рвется на волю из плена, чтобы превратить землю в снежный ком. А ты требуешь, чтобы я занимался кикиморой?

Из этой речи Немил понял только, что дела его хуже некуда. Он попытался сказать что-то в свое оправдание, но из

горла вырвался лишь хрип. Он задрогал ногами и попытался глотнуть воздуха. Лютобор подставил ему под ноги скамейку, что позволило пленнику отдышаться.

– Давай-ка посмотрим, что написано о тебе в колдовской книге, – бросил недовольный князь тьмы.

Бес услужливо принял из его рук тяжелый том в бархатном переплете, облизывая когтистые пальцы, и быстро зашелестел страницами.

– Не про меня эта книга, – глотая воздух, произнес Немил.

– Ошибаешься, – возразил Лиходей. – Колдовские страницы покажут все, что ни спросишь. Вот попросим их перелистать твою жизнь, и они не откажут, верно?

Бес заржал и затряс козлиной бородой – видимо, так у него звучал смех.

– Ага, вижу, – заинтересовался хозяин пекла. – Родился ты в кривичах, в городе Вевереске, в лето шесть тыщ двести второе от сотворения мира, да не один, а с родным братом-близнецом. Отчего же назвали вас так причудливо: его Всемилом, а тебя Немилом? Али ты отцу с матерью был не мил?

– Вот и нет! – буркнул угрюмо кудесник. – И батюшка, и матушка, хвала богам, в нас с братом души не чаяли. В нас и в нашей сестре.

– Да, вижу, – согласился Лиходей. – Тебя от брата было не отличить. Почему же растили вас порознь?

– Так в кривичах заведено, – заговорил Немил, на ко-

торого нахлынули воспоминания. – Велемудр, наш верховный священник, или, как кривичи говорят, Крив Кривейший, рассудил, что раз в княжеской семье родились близнецы, то старшему из них быть князем, а младшему, то есть мне – следующим великим волхвом. Оттого и учили меня не на князя, а на волхва.

– Только есть у Крива Кривейшего одна привилегия, – вкрадчиво произнес Лиходей.

Бес заржал от хохота и затряс головой.

– Да, есть! – с вызовом откликнулся Немил. – В конце жизни, когда великий волхв не может больше служить, он по собственной воле сжигает себя на костре, чтобы с дымом отправить свою душу в царство богов и занять место в раю за престолами Трех Государей. И это именно привилегия, ржать тут нечего!

Он метнул острый взгляд в веселящегося беса, и повысил голос:

– Потому что в рай кого попало не принимают. И пусть тело волхва корчится в языках пламени – зато душа его будет вечно служить Трем Владыкам.

– Так оно все и вышло, – заметил Лиходей, разглядывая страницы, на которых переливались картинки, во всех красках живописующие прежнюю жизнь кудесника. – Только на этот раз Крив Кривейший отправился на костер не один. Он утянул за собой весь город с жителями. Зачем он это устроил?

– Это не он устроил! Это все козни предателя, боярина Сорокоума! – тяжело дыша, выдавил из себя Немил. – Вдовый Сорокоум хотел взять в жены нашу сестру, но отец ему отказал. Боярин разгневался и привел к Вевереску войско злобного князя Изяслава. В бою с ним храбро пал и отец, и мой брат. Этот князь, да будет тебе известно, велел кланяться лживым кумирам и приносить им кровавые жертвы, чего ни одно божество не потерпит. Велемудр сказал горожанам, что лучше нам всем сгореть заживо, чем погубить души поганым обрядом. И моя матушка вместе с сестрицей сгорела, когда Изяслав с Сорокоумом подожгли деревянную крепость.

– Ай-яй-яй. Как же вышло, что ты не сгорел? – вонзил в него холодный взгляд Лиходей.

Немил выдохнул и отвел глаза.

– Велемудр мне не велел, – с трудом произнес он. – Он сказал, что я должен выжить и сохранить веру кривичей. Что свеча наших молитв не должна угаснуть. Что кривулю великого волхва следует передать из ладони в ладонь.

– Что за кривуля такая? Вот эта вот палка? – с пренебрежением спросил Лиходей.

Бес поддел копытом обгорелую клюку и ловким пинком отправил ее подальше в угол.

– Это не палка. Это волховской посох, – огрызнулся Немил.

– Вижу, что его-то ты сохранил, – с иронией заметил князь

тьмы. – А как же быть с верой в богов, тех самых, чья свеча не должна угаснуть? Ее ты хранил так же преданно?

Немил не мог смотреть на его коварную улыбку и молча отвернулся. Люди за колоннами притихли и не издавали ни единого шороха.

– Ты не понимаешь! – не выдержав, выкрикнул Немил.

– Так объясни, – улыбнулся царь демонов.

– Я уцелел лишь потому, что ударив меня этой самой кризулей, Велемудр обратил меня в лиса. Я метался среди полыхающих зданий, и горящие бревна рушились мне на голову, как будто это небеса падали на землю во время Судного дня. Если б ты слышал, как люди кричали, сгорая – их безумные крики до сих пор разрывают мне голову. Я проскочил через огненную стену и едва не погиб под рухнувшими воротами, но стоило мне оказаться за городом – как на меня с хохотом и улюлюканьем принялось охотиться войско предателя Со-рокоума. Это люди, а не пожар, сломали обгоревшему лису два ребра и переднюю лапу, прежде чем я умудрился проползти между их ног и вырваться на волю. Дальше я бросился в реку и плыл, сколько хватало сил, а после очнулся уже в своем теле в доме бедной рыбачки, которая выловила меня из воды. Несколько месяцев я метался в бреду на подстилке из жухлой соломы, прежде чем снова смог встать на ноги, как человек.

Где были боги все это время? Они помогли мне? Нет, они меня бросили! Я молился. Дни и ночи я проводил, упраши-

вая их откликнуться на зов своего служителя. Но они не услышали ни меня, ни крики людей, ради них сгоревших вместе с городом и святым храмом. Нет богов. Их давно не осталось – вот в чем я убедился. Иначе их сердца дрогнули бы, увидев страдания, которые терпят ради них люди!

Немил перестал кричать и умолк.

– Воспоминания задели тебя за живое, – заметил Лиходей. – Давай-ка посмотрим, что ты делал после...

Подобострастный бес принялся с шумом листать страницы, дырявя их острым когтем.

– Кто говорил людям, что грядет Золотой век?

Немил растерялся и не нашел, что ответить.

– Что это вообще за Золотой век? – с насмешкой спросил Лиходей.

– Это волшебное время, когда нет боли, страданий и смерти, – услужливо подсказал бес. – Трудиться не нужно: земля сама кормит людей. Урожай сам собой растет и ложится в амбар, а сладкие овощи лезут в рот – только отмахиваться успевай.

– И ты заливал неучам, что такое время наступит? – вперил в кудесника острый взгляд Лиходей.

– Люди хотят в это верить, – возразил Немил. – Без веры они потеряют желание жить. Они работают с утра до ночи, надрываются в полях и в мастерских, но большинство из них не видит иной награды, кроме жалких грошей. Им нужна вера в то, что счастливое царство ждет их в грядущем.

– Но ведь это вранье! – расхохотался царь демонов. – Ты-то знаешь, что никакого Золотого века никогда не было и не будет. Жизнь – лишь плесень на голых камнях вселенной. Любое существо обречено на жесточайшую борьбу за выживание. Страдания и потери в этой борьбе неизбежны.

– Божье царство наступит! – резко выкрикнула Ярогнева, показываясь из-за колонны. – Его подарят людям государи горнего мира.

– Вот еще одна сказка, которую продал вам по дешевке этот горе-кудесник, – князь тьмы потешался от души. – А он не забыл рассказать, что боги давно потеряли силу?

Немил представил, как могут наказать его за отступление от веры Перун, Дажбог и Род, и ему стало еще хуже. Однако в этот миг он не мог позволить, чтобы противник узнал, что творится у него на душе. Стараясь скрыть страх, он выкрикнул:

– Сила богов возвращается. Очаги Белой вежи пылают!

– И откуда же у тебя такие достоверные сведения? – расхохотался князь тьмы.

– От нее! – Немил указал на Вертлюжку, забившуюся в уголок и ставшую незаметной.

Царь бесов нахмурился.

– Что это за карга? – обернулся он к Лютобору.

– Кикимора из Дикого леса, – тут же ответил бес. – Поселилась в палатах и безобразит по мелочи.

– Она-то откуда знает, что творится на небесах?

В голосе Лиходея слышался гнев.

– Поди сюда! – велел он.

Вертлюжка оказалась, едва волоча ноги и тыча в пол своим сучковатым носом.

– Что за околесицу ты несешь? – недовольно спросил ее царь.

– Как же так? – растерялась кикимора. – Ведь я видела...

– Что ты видела?

– Три года назад... над Диким лесом Перун убил змея... большого такого, горячего... на тебя был похож, но другой... – залепетала Вертлюжка. – И Дажбог там был. Он сошел со своей колесницы, чтобы день задержался.

– Ах ты, старая ведьма! – разозлился Лиходей. – Перестань чушь молоть! Чтобы я этих слов больше не слышал! Пошла прочь, и чтоб духу твоего здесь больше не было!

Он звучно щелкнул пальцами. Порыв ветра распахнул двери палаты, подхватил кикимору, бросил ее в ступу и вынес наружу, где трехголовый Полкан тотчас набросился и принялся рвать и без того ветхое тряпье, в которое она куталась. Вертлюжка завизжала и отмахнулась от него помелом. Ступа взмыла, перелетела через стену Кремника и пропала из виду. Адский пес припустил следом, сверкая зелеными глазами и оглашая ночное небо оглушительным лаем. Двери захлопнулись, и дрожащий Немил снова уперся взглядом в кипящего от негодования Лиходея.

Бес перелистнул страницу и отвратительно захихикал.

Лиходей скосил глаза, заглянул в книгу и расплылся в криковой ухмылке.

– Вижу, ты у нас любитель женского полу, – заметил он. – Только привязанности у тебя отчего-то выходят короткими. Это от того, что ты до сих пор не встретил свой идеал, или от того, что женок приходится привораживать любовными чарами, которые, как всем известно, вечными не бывают?

Немил смутился, кинул быстрый взгляд на князя с княгиней, но те прятались за колоннами, и он слегка осмелел.

– Что тебе до моих женок? – ответил он. – Да, бывал я влюблен. И женщины мне отвечали взаимностью. А если я и использовал приворотное зелье, так лишь для того, чтобы два сердца встретились побыстрее.

– И сколько ты насобирал этих сердец? – поинтересовался Лиходей.

– Сколько ни было – все мои, – отрезал Немил, надеясь побыстрее закончить этот неприятный допрос.

– Что ж ты так злишься? – заулыбался его собеседник. – Я ведь тебя не обвиняю. Совсем наоборот: я весьма одобряю применение хитрости там, где менее искушенные личности терпят провал. Своими победами ты можешь хвастаться, не стеснясь – в моих глазах это заслуга.

– Не хочу ничем хвастаться!

– Не бойся, тебе не о чем беспокоиться, – ласково подбодрил его Лиходей. – По-моему, то, что ты натворил – совсем не проступок, а наоборот, достижение. Мало кто добивался

таких успехов в черном колдовстве. Другие кудесники так часто не вызывали моих слуг в мир людей, и не заставляли их вытворять лихие и озорные шутки. Так что ты заслужил награду. Да-да, награду! – озарил он Немила лучезарной улыбкой. – Как мы жалуем тех, кто нам услужил? – обратился он к бесу.

– Они превращаются в твоих вечных слуг, господарь, – низко склонился бес. – Мы забираем их души в пекло, но не для того, чтобы истязать. Колдуны помогают чертям жечь костры и кипятить свинец. А если повезет – их повьесят до охранников и помощников пыточных дел мастеров.

– Именно! – подхватил Лиходей. – И эта служба продолжается целую вечность. Разве не здорово?

Немил онемел.

– Но... я совсем не старался заслужить эту честь, – заплевающимся языком пролепетал он.

– И тем не менее, ты ее заслужил, – обрадовал его Лиходей. – Поверь: быть в аду помощником – намного лучше, чем жертвой. А вот те жалкие человечки, что прячутся от меня за колоннами, станут в моем царстве обыкновенными упырями. И когда кончится месяц чернец, и придет день Решающей Битвы, я поведу их обнищавшие души на Перуновых гридей, чтобы они затоптали небесное воинство, а после набросились на своих бывших сородичей и высосали из них кровь. Ну как, ты рад?

– Как же так? Ведь я не хотел, – сбивчиво забормотал

Немил.

По щекам его покатались слезы.

– А пропуска в рай ты почему продавал?

Немил опустил глаза к полу.

– Отвечай! – потребовал князь тьмы. – Мои вопросы нельзя оставлять без ответа.

– Простонародью – по десять серебряных денежек, – признался Немил. – Привилегированные, боярские, по полтине. И еще были особые, княжеские – по рублю место.

– А за особые что – какой-то отдельный рай?

– Зачем отдельный? Просто хоромы на высокой горочке.

– И сколько народу попало в рай по твоим пропускам?

– Почему мне знать? – огрызнулся Немил. – Никто оттуда не возвращался и жалоб не предъявлял.

Бес довольно хрюкнул и расхохотался.

Три часа ушло у Лиходея на то, чтобы выслушать полный отчет обо всех грехах, совершенных Немилом за прежние годы. Лютобор листал страницы прожитых лет, и в памяти Немила всплывали события, о которых он и вовсе предпочел бы забыть.

– Я не думал, что кто-то об этом узнает, – смущенно бормотал он.

– Прошлое не теряется, – назидательно ворковал Лиходей, касаясь ледяного ожерелья, бренчащего у него на груди. – Оно записывается в книгу твоей судьбы и сохраняется навсегда. И правители трех миров в любой миг могут раскрыть

эту книгу и узнать всю подноготную.

Люди притихли за колоннами, стараясь сделаться незаметными. Лиходей не обращал на них внимания, и только бес время от времени стрелял в них глазами и обещал:

– Погодите, мы и до вас доберемся!

От этих слов Ярогнева хваталась за меч, а Любомысл старался забиться за сундук, где пряталась кошка.

– Ты уже подготовил людишек к отходу в иной мир? – осведомился князь тьмы у подручного после долгого и мучительного перебора событий. – Тогда веди их ко мне. Пора с ними кончать.

– Ах ты, изменник! – закричал боярин Твердислав, выпрыгивая из-за колонны.

Он выхватил у Ярогневой свой меч и двинулся к Немилу, размахивая длинными рукавами ферязи.

– Ты нас предал! – выкрикнул он, гневно сверкая глазами. – Ты предал князя, своего господина, и его дочь, которую обязан был исцелить. Вместо этого ты вызвал на нашу голову царя бесов, обрек наши души на мучения в пекле, а сам заслужил снисхождение, да еще нашим мучителям помогать собрался? Я своими руками тебя на тот свет упеку!

Он замахнулся мечом и подступил к кудеснику, явно намереваясь раскромсать его.

– А ну, стой! – прикрикнул на него Лиходей.

Бес подставил Твердиславу копыто. Боярин споткнулся и грохнулся на пол, меч выпал из его ладони. Не медля, он по-

пытался вскочить, но отвратительный лохматый демон уже оседлал его, сжав козлиными ногами и ухватив за пышную шевелюру. Однако это падение не развеселило князя тьмы, а, наоборот, рассердило, причем не на шутку.

– Как ты смеешь покушаться на моего холопа? – крикнул боярину Лиходей. – Холопов своих только я волен миловать или казнить. Этот колдун принадлежит мне, и ты его у меня не отнимешь!

Боярин попытался возразить, но бес вставил ему в рот лошадиные удила и взнуздал, как коня.

– Когда это я превратился в твоего холопа? – упавшим голосом спросил Немил.

– Когда впервые вызвал из черной книги чертей! – насел на него Лиходей. – Когда забросил служение богам и обратился к вредоносному колдовству. Когда обманул первого простака, который поверил тебе, и навел порчу на его соседа. Ты думаешь, это дается бесплатно?

– Я не твой холоп! – дрожа, выговорил кудесник.

– Тебя никто и не спрашивает! – еще сильнее рассердился Лиходей. – Ты весь, до последнего волоска, с потрохами и мелкой душонкой, принадлежишь мне. Лютобор, – обратился он к бесу, – собери в горнице урожай новых душ, который наш новый слуга так услужливо подготовил. Князь с княгиней станут украшением моего узилища. А напоследок прикончи самого колдуна, и проследи, чтобы его дух занял место среди подданных преисподней.

– Нет! Поймите! Я не хочу! – отчаянно заголосил Немил, но бес, не обращая внимания на его крики, выудил остро наточенный серп и потянулся к его горлу.

Зазубренное лезвие тускло сверкнуло перед глазами Немила и понеслось к пульсирующей на шее вене. Немил охнул и изо всех сил зажмурился, ожидая, что холодная сталь полоснет по его тонкой коже. Ему представилось, как через мгновение волна горячей крови выплеснется из его жил и хлынет на пол...

Однако его кожа так и не дождалась прикосновения серпа. Вместо этого он услышал удивленный вскрик царя бесов и мелодичный звон ледяных кристаллов, рассыпающихся по полу.

Он открыл глаза. Корявая лапа с оружием, занесенная над его лицом, медленно опускалась. Обернувшись, лохматая морда беса изумленно наблюдала за тем, как хозяин пекла пытается удержать звенья цепи, висящей на его шее. Золотая цепочка с морозными бриллиантами на глазах распалась, звенья сами собой рвались, а блестящие камешки сыпались между пальцами Лиходея и разлетались по полу, издавая волшебный звон.

– Что случилось? – растерянно шмыгнул бес.

– Не пойму, – так же растерянно ответил его хозяин. – Кажется, дома случилась огромная неприятность.

Немил разглядел, что сверкающая позолота на рассыпавшихся звеньях облезает, и под ней обнажается ржавое желе-

зо.

– Я возвращаюсь, – отрывисто бросил хозяин. – Колдуна тащи в пекло, там мы с ним и расправимся.

– А с этими что делать? – показал бес на замерших от испуга людей.

– Леший с ними. Сейчас не до них.

Лиходей мигом раздулся, вырастая до потолка. Его итальянский камзол покрылся огненной чешуей, с которой посыпались искры, лицо преобразилось в змеиную морду, а изо рта высунулось раздвоенное жало. Через миг огненный аспид уже заползал в печное устье, чтобы через трубу вырваться в поднебесный простор.

Полкан за дверьми палаты жалобно взвыл и понесся за ним, сметая по пути деревянные заборы городских дворов. Демон вонзил когти в воротник Немила и поволок его к печке. Последнее, что увидел Немил в освещенной палате – это бледные, неподвижные лица князя, боярина и Ярогневых, провожающих его взглядом.

Бес резко дернул кудесника и затащил его в печь. Немил почувствовал, как сдавило его выпирающее брюшко. Лицо его окунулось в ворох золы, а ноздри и рот запорошила мелкая, отвратительная на вкус сажа. Каким-то чудом демон протиснул его сквозь трубу и выволок на крышу, но едва Немил собрался глотнуть морозного воздуха, как его снова дернуло и понесло ввысь.

Бес хлопал над его головой широкими и кожистыми, как у

нетопыря, крыльями. Под ногами замелькали слабые огоньки города, погруженного в зимний сон. Немил глазом моргнуть не успел, как оказался над стенами Кремника, а нечистый тащил и тащил его вверх, надрываясь и работая крыльями так, будто собрался взлететь выше небес.

Далеко внизу Немил разглядел белую ленту заснеженной Клязьмы, за которой дремала Торговая сторона города. Извилистая нить Шерны уходила на север, теряясь в непроглядной тьме. Бес понес его над лесами, не обращая внимания на снежные хлопья, сыпавшие, как из мешка. В ушах завывал ветер, руки заледенели.

– Отпусти меня! – завопил Немил, дрыгая ногами над пустотой.

Но бес и не думал его слушать. Последние признаки людского жилья внизу исчезли, и у Немила возникло ощущение, будто его затащили в крошечную тьму.

Глава 3. Прорицание

Бледный серп ущербной луны едва проглядывал сквозь тучи. Ночное светило до того истончилось, что казалось, будто оно дышит на ладан. Считанные минуты оставались ему до того, как погаснуть и пропасть на три дня перед тем, как снова возродиться и начать расти.

«Месяц умрет и опять оживет, – думал Немил, трепыхаясь в когтях беса, несущего его над темными лесами. – А вот если прикончат меня, то заново уже не родишься...»

Он позавидовал месяцу, кутающемуся в пушистые облака. Самого Немила мороз пробирал до костей, да еще бес, похоже, задался целью оседлать самые быстрые ветра, воздушными реками текущие по поднебесью. Ветряные порывы хлестко били Немила, трепали его рясу и швыряли в лицо колючие острые льдинки, от которых не было спасу. Пленник ухватил своего мучителя за козлиную ногу, дернул сильнее и заорал, стараясь сделать свой голос как можно более убедительным:

– Отпусти меня! Не хочу в пекло! И вообще, я против такого обхождения решительно возражаю! Слышишь? Решительно! Как еще тебе объяснить? Ре-ши-тель-но!

Демон с шумом размахивал крыльями и не обращал на причитания жертвы никакого внимания. Умиравший месяц

окончательно скрылся, и тьма стала такой густой, что хоть глаз выколи.

Через час адской тряски небеса вдруг разверзлись. Туманные облачка сменились тяжелыми тучами, из которых повалили густые снежные хлопья. Голова кудесника вмиг покрылась налетом снежинок, которые так и норовили забиться в рот и залепить глаза. Вокруг разразилась такая круговерть, что Немилу показалось, будто небо и земля поменялись местами. Он потерял ощущение времени и не мог определить, в какую сторону тащит его похититель.

Лютобор, казалось, и сам растерялся от закрутившей его свистопляски. Завывающий вихрь пытался его опрокинуть и занести в кромешную тьму. Он размахивал крыльями, выбиваясь из сил, и отчаянно сучил козлиными ногами, из-за чего пленнику то и дело перепадало копытом по хребту.

Снегопад продолжался не так уж и долго, но Немилу казалось, что его вывернули наизнанку. Он вконец обессилел, закрыл слипшиеся от снежинок глаза, и отдался на волю демона, который нещадно его бултыхал и впивался в загривок когтями.

Снежная круговерть стихла так же внезапно, как началась, словно невидимое божество на небесах взмахнуло колдовским посохом. Бес ошалело мотал головой, стряхивая тающие снежинки с длинных витых рогов – по растерянно бегаящим глазкам становилось понятно, что он не может сообразить, куда его занесло. Пленнику было уже все равно –

сил не осталось даже на то, чтобы полюбопытствовать, над какими краями они пролетают.

Над восточной стороной уже брезжил рассвет, когда его мучитель приободрился и уверенно выбрал направление на север. Немил заметил, что под ногами проносится заснеженная лесная глушь без единого следа человеческого жилья, и решил, что они залетели в такую чащу, где водится только нечистая сила.

Бес вконец вымотался – это чувствовалось по тому, что он опускался все ниже и ниже. Ноги Немила начали сбивать снег с верхушек сосен, тянущихся ввысь среди бескрайней чащи зеленовато-бурых лесов.

– Держись выше, иначе я врежусь в первый попавшийся ствол! – испуганно вскрикнул кудесник.

– Вот и отлично. Пара лишних шишек пойдет тебе на пользу, – натужно пропыхтел в ответ его мучитель.

– Какие тут шишки? Ты меня до смерти зашибешь!

– Так еще лучше. Сейчас или позже – тебе все равно умирать, – честно признал бес.

Как раз в этот миг Немил увидел перед собой высоченный вяз, раскинувший кривые ветви.

– Поднимай, не то я напорюсь на сук! – завопил пленник.

Бес с запозданием вздернул его повыше, но вяз как будто задался целью не упустить добычу: Немил готов был поклясться, что самый толстый из его сучьев ожил, пришел в движение и перекрыл путь, раскорячив ветвистые пальцы.

Кудесник только и успел, что закрыть глаза, и тут же почувствовал, как его лоб впечатался в жесткую, холодную кору дерева. Его воротник вырвался из когтей Лютобора, волхв потерял сознание и мешком полетел вниз, по пути обдираясь о ветви, которые так и норовили его подцепить.

1 день месяца чернеца

Когда он очнулся, первые лучи позднего зимнего утра уже красили туманные облака в розовый цвет. Липкое рыло беса с шумом шмыгало перед его лицом, стараясь по запаху определить, в каком состоянии жертва. Кудеснику на переносицу упала холодная капля, сорвавшаяся со свиного пятка, и он снова зажмурился, чтобы не видеть так близко этой отвратительной хари.

– Очухался! Наконец-то, – довольно произнес демон, бесцеремонно схватил его в когти и рывком поднял в воздух.

– Погоди! Дай отдохнуть хоть немножечко! – взмолился несчастный пленник.

– В пекле отдохнешь, – пообещал мучитель и поволок его над густым лесом, раскинувшимся, насколько хватало глаз.

В синих сумерках проступили очертания исполинского дуба, вершина которого терялась в нависших над землей тучах. Увидев его, Немил забеспокоился. «Мироствол! – мысли в его голове превратились в колючки, пронзающие острыми шипами. – Древо миров в глубине Дикого леса, под кор-

нями которого спрятан вход в преисподнюю. Если бес затащит меня под землю – я пропал! Оттуда нет выхода!»

Над раскидистой кроной дуба еще сверкали отблески молний, но вскоре они угасли. Стихли последние раскаты грома. Демон нерешительно обогнул очаг зарева и поплутал по окрестностям, но в конце концов и он собрался с духом и направился к Древу.

Когда они добрались до Туманной поляны, сумерки сменились тусклым утренним светом. Спесь покинула Лютобора, он опасливо озирался по сторонам и махал крыльями так осторожно, что хлопков больше не было слышно. Немилу показалось, что из тяжелых туч выскользнула горящая веревка. Она обвилась вокруг дерева и заструилась вниз, торопясь достичь земли.

– Господарь! – чему-то обрадовавшись, завопил Лютобор. – Я исполняю твое поручение! Я уже здесь!

«Веревка» упала на покрытую снегом поляну и поползла по ней, как змея. Тут только Немил догадался, что это тот самый огненный аспид, что через печную трубу ворвался в княжескую палату. Не обращая внимания на летучего беса, змей юркнул под дубовый корень и скрылся из виду.

– Господарь, погоди! Про меня не забудь! – обеспокоился демон.

Он сделал круг над поляной, словно боясь приземлиться. Под ногами Немила мелькнул деревянный детинец, сложенный из толстых «кремлёвых» сосен. За крепостными стена-

ми раскинулся целый лабиринт дворцовых построек, теремов и клетей, соединенных хитрыми переходами.

Лютобор метнулся от него прочь и пролетел над широким озером, середина которого уже освободилась ото льда. Прямо под Древом Немил увидел еще одну крепость – на этот раз каменную. Она поразила его невиданной треугольной планировкой, какой он не встречал прежде.

Поляна оказалась шире, чем можно было себе представить. На ней виднелось еще множество ветхих строений, но все они были заброшены или полуразрушены.

Измученному пленнику почудилось, будто одно из облаков опустилось на поляну, уплотнилось и приняло облик белого коня, в седле которого восседал грозный всадник в лазурном плаще. Видение так напугало беса, что тот аж затрясся. Его дрожь передалась человеку, и Немил снова принялся жаловаться:

– Эй, чего так трясешь? Вот вытрясешь прежде времени из меня душу – что тогда твой хозяин скажет?

– Ты должен бояться того, что случится, когда тряска закончится, – заржал Лютобор. – Видел зарево? Это Перун бился с огненным змеем. Кто такой огнезмей – ты и сам знаешь. А теперь представь, что с тобой станет, когда он освободит твою душу из тела. На ней испробуют самые зверские пытки, какие только безумное воображение чертей изобрело за последнюю сотню веков.

– Моя душа этого не заслужила.

– Она быстро забудет, кем была в грешной жизни. Когда в ней не останется ничего человеческого, ее заставят служить и пытаться тех, кто появится в пекле позже. А если твоя душонка начнет привередничать и кочевряжиться – то ее мигом вернут в чан с кипящим свинцом или в жерло вулкана, в котором бурлит раскаленная лава.

Немил представил себе, как его ободранную, голую душу сажают в кипящий свинец, и ему стало дурно.

– Лучше прикончи меня прямо сейчас! – заголосил он.

– Безвременная кончина тебе не поможет, – злорадно расхохотался бес. – Душе твоей все равно не уйти от наказания. И терпеть ей придется вечность! Хотя твоя просьба мне нравится. Я могу разделить тебя на части прямо сейчас, а кровью твоей я полью Мироствол, чтобы сделать приятно божкам, возомнившим себя владыками всего белого света. Посмотрим, что они скажут, когда хлебнут жертвенной крови.

Лютобор начал снижаться. Под вывороченными корнями гигантского дерева открылась пещера, темное жерло которой вело в преисподнюю.

– Мне было семнадцать, когда я чуть не сгорел вместе со всем своим городом, – воскликнул Немил. – С тех пор каждый прожитый день для меня – это удача. Их могло и не быть, этих дней, но я прожил их, и это счастье. И когда-нибудь день ухода настанет. Но в последний свой день я хочу видеть светлые лики богов, а не твою мерзкую рожу, бес!

И он зашептал, повторяя слова молитвы, которую не вспо-

минал уже много лет:

– Государи вселенной, если будет на то ваша воля – спасите меня. А не сможете спасти тела – так спасите хотя бы душу.

Но небеса хранили молчание.

– Бог Перун в облаках! – в отчаянии вскричал человек. – Если ты в самом деле вернулся из небытия, то появись сейчас, когда ты так нужен! А если ты слышишь, но не отвечаешь – то значит, что ты бесполезен, и лучше бы тебя вовсе не было!

Облака вдруг разверзлись. Сквозь просвет хлынул солнечный свет. Золотистые утренние лучи высветили поляну и заиграли искорками в снегу. Из-под ветвей Мироствола выскочил грозный небесный всадник в развевающемся лазурном плаще, выхватил из тула жгучую, извивающуюся стрелу, натянул лук и спустил тетиву.

Раскат грома ударил Немилу в уши. Перед глазами мелькнула блистающая, похожая на сверкающую иглу. Человек не успел даже зажмуриться: молния ударила беса в грудь и прожгла в ней дыру. Лютобор издал дикий вопль, от которого закачались лапы вековых елей, разжал когти и выпустил пленника. Немил выскользнул и полетел вниз, прямо в озеро.

Он успел заметить, как осыпается снег с еловых лап. Бес опрокинулся, шлепнулся оземь, подскочил, и, хромя, заковылял к пещере под Древом. Черная, обугленная дыра в его груди дымилась, сквозь нее просвечивали солнечные блики,

отражающиеся от снежного покрывала. Громовержец пустил коня вслед за ним и поднял сулицу – короткое метательное копьё.

Тут раздался всплеск, Немил окунулся в ледяное озеро и камнем пошел на дно.

Озеро оказалось глубже самого глухого омута. Дневной свет не проникал сквозь темную толщу вод. Человек почувствовал, что задыхается, и принялся отчаянно барахтаться, но набухшая ряса сковывала его движения, а сбросить ее никак не удавалось.

Вдруг что-то схватило его за ногу и потянуло в глубину. Немил испытал острый приступ паники. Рот сам собой распахнулся и выпустил воздух, ушедший наверх россыпью маленьких пузырьков. Холодные цепкие пальцы дернули его вниз и затащили в подводную пещеру.

Ко рту человека присосались чьи-то липкие губы. Он почувствовал, что снова может дышать, и раскрыл глаза. На его удивление, ему удалось разобрать, что происходит во тьме. Он увидел перед собой силуэт болотного чудища с густой гривой и перепончатыми лапами. Глаза болотника горели желтыми огоньками, а длинные, как у сома, усы, бултыхались в поднятой мути.

Кудеснику сразу же вспомнились деревенские байки о болотниках, берущих людей в рабство и заставляющих работать на своих подводных мельницах. Он принялся извиваться в поисках выхода, но болотник перекрыл ему путь и по-

гнал вглубь пещеры.

Человек плыл до тех пор, пока не ударился лбом о подводные сани, сплетенные из затонувших коряг. Чудище придавило его, оцарапав лоб жесткой чешуей. Немил ощутил, что в зубы ему вставляют узду, как коню. Болотник захохотал его, запряг в сани и натянул вожжи. Голова человека запрокинулась, и ему волей-неволей пришлось тянуть повозку.

Болотник хлестнул человека упругим древесным корнем и принялся погонять его, как водяного конька. Немилу ничего не оставалось, как подчиниться. Он вынес сани из пещеры и помчался над дном, взметая тучи песка. Его погонщик бурлил, издеваясь, и хлестал по хребту.

Ледяной холод перестал ощущаться, Немила обьял жар. Он не мог объяснить, как ему дышится, и лишь чувствовал, что уйти от погонщика не удастся. Чудище вдоволь натешилось, гоняя его по самым темным закоулкам своего подводного царства, а затем направило в настоящий дворец, темные очертания которого прорисовывались вдалеке.

Немил очутился в просторном зале с высокими окнами и входным проемом без дверных створок. По каменному полу ползали раки, над головой сновали сомы и щуки. Болотник распряг его и сунул в руки черпак с длинной ручкой. Затем подтолкнул к большому котлу, стоящему на треножнике посреди зала. В лицо Немилу ударила горячая струя, заставив его отшатнуться. Ему стало ясно, что в котле варится кипяток, хотя огня не было видно.

«Что за напасть! – думал он, подчиняясь хозяину и принимаясь размешивать варево. – Я боялся пекла, а угодил в рабство к болотнику. Что, если я так и сгину на дне? Никто не узнает, куда я делся».

Ощущение времени потерялось. Немил помнил только, что его заставляли таскать в мешках грязь и лить воду на крылья мельничного колеса, чтобы оно вертелось. Сколько часов он провел за этим занятием – сказать было трудно.

Облегчение пришло, когда сквозь дыру в потолке во дворец опустилась звезда. Ее колдовское сияние рассеяло тьму, и Немил воспрянул духом. У него на глазах звезда превратилась в чудесную деву, одетую в легкое платье. Дева схватила болотника за чешуйчатый хвост и заставила остановиться. Чудище выпучило на нее рыбы глаза и принялось разевать зубастую пасть, но звезда оказалась не робкого десятка. Жестами она показала, что пленника нужно освободить.

Болотник принялся спорить. Немила обдало волнами, которые всколыхнулись от шлепков перепончатых ласт. Но дева настаивала и не уступала. Она указала рукой на кудесника и сверкнула глазами на чудище. То нехотя подчинилось и вытащило изо рта человека уздечку.

Почувствовав себя свободным, Немил разъярился и принялся бушевать. Первым делом он схватился за черпак и огрел своего мучителя по макушке, но вода замедлила его движения, и удар получился слабым. Тогда он опрокинул котел, обдав болотника волной кипятка. Тот забурлил, прибли-

зился и хлестнул кудесника по щеке.

Немил вдруг почувствовал, что ему стало холодно. Он опять задыхался. Звездная дева схватила его за воротник и потянула к дыре в потолке, но он все же успел напоследок швырнуть котлом в чудище. Тут ему стало совсем невмogu, он раскрыл рот, и вода хлынула ему внутрь.

1 чернеца, полдень

Немилу чудилось, будто он оказался в волшебной стране. Над головой его раскачивались ветви огромного дерева, и выглядело это древо таким необыкновенным, что он только диву давался. В ветвях летали пестрые птицы, каких Немил в жизни не видывал, а с ветвей свисали диковинные плоды. Даже в самом загадочном сне у Немила не хватило бы воображения, чтобы придумать такое.

Вокруг, насколько хватало глаз, простирались колосающиеся хлебные нивы, между которыми текла молочно-белая река с кисельными берегами. А по реке плыла изящная серебряная лодочка, на которой стояло прозрачное существо в невесомой накидке, и правило путь веслом.

Нос Немила, привыкший к запаху вина и жареного мяса, на этот раз ощущал тонкие ароматы волшебных цветов. Все было прекрасно, вот только холодновато, и ему приходилось ежиться, лежа на жесткой почве.

Губы его ощутили колкое прикосновение. Он сделал уси-

лие и разлепил глаза. Волшебная страна мигом исчезла, хотя тяжелые сучья огромного дерева по-прежнему раскачивались над его головой. Раскрасневшееся солнце указывало на середину дня. Немил лежал прямо на мокром снегу, на берегу озера. А над его лицом наклонилась та самая дева-звезда, что избавила его от водяного. Она походила на грезу, настолько чудесную, что даже во сне такая, пожалуй, ему не приснилась бы.

Немил испугался, что незнакомка окажется всего лишь видением, и попытался коснуться ее, но рука так отяжелела, что не смогла оторваться от земли. Дева прижала к губам палец, давая понять, чтобы он помолчал, и поцеловала его еще раз.

Ой! Немила пронзила острая боль. Поцелуй гостьи вывернул его наизнанку, словно в нутро впились сотня острых иголок. Кудесник перевернулся на живот, и началась рвота. Вода выходила из него струями и лилась в снег. Он еще долго отплевывался, и только когда вкус тины перестал ощущаться во рту, он пришел наконец в себя.

Звезда гладила его по спине, помогая вернуть чувства. Дыхание выровнялось, Немил ощутил бодрость, тепло и прилив сил. Он попытался дотронуться до незнакомки, но та отскочила так ловко, что он до нее не дотянулся.

– Хорошо, что ты жив, – тихо шепнула она. – Я свое дело сделала. Дальше ступай, куда тебе суждено.

– Постой! – крикнул Немил. – Скажи хоть, как тебя звать.

Где тебя найти? Да погоди же!

Но кричать было поздно. Гостья легкой походкой побежала в сторону огромного Древа. Стройные ножки в красных сапожках мелькали, оставляя в набухшем снегу едва заметные следы. Она оглянулась лишь раз, чтобы бросить:

– Хочешь что-то узнать? Спроси у Трояна.

Кудесник и глазом моргнуть не успел, как дева исчезла среди корней, торчащих из-под земли. Человек огляделся по сторонам и пробормотал:

– Что со мной? Неужели я жив? Что за дева меня целовала? Или это был сон?

Льдинки у замерзшего края озера образовали разлом, как будто тут вытаскивали из воды грузное тело. На всякий случай кудесник отступил подальше, бормоча:

– Чур меня, чур! Только высунься из воды, черт болотный, я тебя такогрею, что надолго запомнишь!

Ноги сами понесли его прочь. Сделав шаг, он споткнулся и шлепнулся в снег. Рука его нащупала попавший под сапожок на длинной ручке и котелок, еще недавно кипевший в подводном дворце.

– А вы тут откуда взялись? – вырвалось у человека. – Что за каша у меня в голове? Это все мне почудилось, или было взаправду? Эх, не понять мне всамделишного колдовства!

«Ступай, куда тебе суждено...» Легко сказать! У кого бы спросить: эй, земляк, а не подскажешь, куда мне суждено

ступать?

Воды озера тихо плескались вдали. Немил принялся обходить вокруг огромного дерева, но дуб был так широк, что обойти вокруг него не удалось бы, пожалуй, и за много часов. Стена потрескавшейся коры уходила ввысь.

Солнце повисло над верхушками вековых сосен. Сияющее Око богов едва грело, но сияние его манило, как будто обещающая удачу. Недолго думая, Немил двинулся в его сторону.

На кlobук кудеснику то и дело сыпались прошлогодние листья всех расцветок и видов. В густой листве кто-то шуршал и тряс ветки. Десятками голосов перекликались птицы. Их крики сливались в неразборчивый гомон, из которого то доносилось чудесное пение, то звучало дикое карканье, как будто безумной вороне выщипывали перья.

Чуть ли не на каждом шагу Немил спотыкался о вывороченные корни, похожие на лапы великана, вылезшего из земли, чтобы поймать случайного путника. Под их хитросплетениями зияли чернотой сырые пещеры. Немил зябко поежился, представив, куда могут уводить эти пещеры, и кто может прятаться в их глубине.

Он прошел мимо двух ручьев, вода в которых была такой прозрачной и чистой, что ему тут же захотелось напиться. Он уже наклонился над ближним, но что-то остановило его. Озеро кишмя кишело разной живностью, но тут, над ручейками, не вились даже мелкие мошки. Как ни манили про-

зрачные ручейки, Немил, сделав усилие, перешагнул через них и пошел дальше.

Дорогу ему преградило такое могучее корневище, что пришлось перелезть через него, как через стену. Однако за ним Немил обнаружил стену уже настоящую. Она была сложена из огромных белых валунов, каждый из которых должен был весить не меньше тысячи пудов.

Вершины двух каменных башен терялись в листве Мироствола, и Немил чуть не свернул шею, пытаясь рассмотреть, где они кончаются. Между башнями виднелись наглухо закрытые ворота, но и до них было не добраться из-за опущенной железной решетки.

Он принялся обходить вокруг каменных стен, увидел еще одну круглую башню, завернул за нее и вскоре оказался опять у ворот.

«Вот тебе и на! – пробормотал кудесник. – У крепости всего три угла! Где это видано, чтоб так строили?»

В самом деле, у встреченного им детинца стен оказалось всего три, и в каждом из трех углов высилось по круглой башне, сложенной из таких же гигантских камней.

Немил взялся руками за решетку и принялся голосить:

– Эй, не здесь ли живет прорицатель Троян? У меня к нему дело!

В глубине темной арки закрипели ворота. В узкую щель между створками протиснулось трое стражников, и Немил жутко обрадовался, что между ними осталась решетка, через

которую было не просочиться.

Что за стражники это были! Не приведи господь столкнуться с ними нос к носу, да еще в диком лесу, где на сотню верст в округе – ни одной живой души.

Ростом каждый из стражников был такого, что голова Немила едва доставала до подола тяжелой кольчуги, свитой из прочных стальных колец. В руках они держали тяжелые палицы, которыми можно было снести целую гору. Но удивило Немила не это. Раскрыв рот от изумления, он вглядывался в их глаза – огромные, круглые, мутно-зеленые. Глаз было всего шесть, и на троих это, вроде бы, считалось нормальным.

Однако распределены они были уж очень неравномерно. У первого из стражников глаз был всего один, и располагался он аккуратно над переносицей. Лицо второго стражника выглядело обычно, если не принимать во внимание размеры и дикий, устрашающий вид. А вот у третьего глазниц было сразу три. К счастью, его третий глаз, расположенный посреди лба, открывался лишь изредка, но зато когда его взгляд втыкался в человека, тот чувствовал, что его пронизывают насквозь.

– Чего надо? – грубо спросил первый стражник – тот, у которого был всего один глаз.

– Мне бы к Трояну, – дрогнувшим голосом пролепетал Немил.

– Зачем тебе? – спросил второй, скорчив при этом такую

гримасу, что сразу перестал казаться обыкновенным.

– Дело у меня до него. Очень важное! – сбиваясь и путаясь, начал объяснять человек. – Мне сказали, будто Троян – единственный, кто может помочь спасти душу от пекла.

– Мы спасением душ не занимаемся, – вперив в него третий глаз, проговорил последний из стражников. – Ступай, откуда пришел.

Все трое повернулись и двинулись обратно к воротам.

– Подождите! – пугаясь, выкрикнул человек. – Как вы не поймете? Мне Троян позарез нужен! Лиходей утащит мою душу в пекло, и мучиться мне до скончания веков. Мне бы один только вопросик задать!

– По таким пустякам пророка не стоит даже будить! – обернувшись, бросил одноглазый.

– Это для вас пустяки! – возмутился Немил. – А для меня – вопрос жизни и смерти.

Но стражники его даже не слушали. Они исчезли в узкой щели. Створки ворот захлопнулись с глухим стуком. Настала тишина, которую нарушали лишь голоса птиц, поющих прощальную песню солнцу.

Кудесник уныло побрел на поляну. Огненная колесница Дажьбога уже начинала спускаться с небесной дороги, показывая, что близится вечер.

Немил поежился и пробормотал:

– Провести ночь в этом заколдованном лесу? Да меня тут заживо сожрут. Ну уж нет!

Он скинул с плеча суму, вытряхнул из нее волшебный котел с ковшиком и разворошил сапогом мокрый снег, под которым еще виднелись остатки прошлогодних трав.

Медовый луг еще не успел освободиться от снежного покрова. Белое одеяло укутывало прошлогодние травы, засыпанные жухлыми листьями Мироствола. Но само Древо миров уже начинало цвести. Его нижние сучья с засохшими шляпками желудей наливались весенними соками и зеленели, а выше, в густой пышной кроне, начиналось настоящее буйство красок. Тут вызревали семена всех растений и трав, какие только можно было найти на земле. Круглый год ветер срывал их и разносил по свету. Стоило проявить сноровку, и диковинные цветы и плоды сами летели в ладони.

Но Немила заморские диковинки не привлекали. Он стащил с головы клубук и принялся набивать его хорошо знакомыми травами: пахучей душицей, мятой, ромашкой, пустырником и тимьяном. Корешки и засохшие стебли ему удавалось найти и под снегом, благо, на Медовом лугу можно было найти все, что душа пожелает. Вскоре в шапку легли ростки длинного девясила, похожие на скрюченные когти беса. К ним отправилась пригоршня багряных ягод боярышника и шишечек хмеля. Клубук уже наполнился почти до краев, но не было самой главной добавки.

Немил встал на четвереньки, зарылся ладонями в талый снег и втянул воздух ноздрями. «Сон-трава, плакун-трава, ты всем травам голова. На глаза мне покажись, да в ладони

мне ложись!» – забормотал он, вертя головой по сторонам.

И тут же сверху, с колышущейся на ветру пышной кроны, на него осыпалось целое облачко фиолетовых цветов, плывущих по ветру, как воздушные кораблики.

– Вот спасибо тебе, чудо-дерево! – радостно закричал чудесник, ловя их ладонью.

Теперь стало ясно, зачем нужен котел, что водяной так не хотел отдавать. Немил насобирал валежника и наломал сухостоя, щелкнул огнивом и разжег мох под наспех разложенным костром. Две воткнутые в землю рогатки, поперечная перекладина – и вот уже котел с талым снегом вскипает над пламенем.

Растирая в ладонях растения, тщательно отделяя коренья и шишки, Немил принялся отправлять их в пахучее варево. Последними пошли в дело фиолетовые цветы. Однако онигодились не все: часть опытный варщик так и оставил под шапочкой, нахлобучив ее на макушку.

Над поляной уже поднимался дурманящий запах сонного зелья. Немил зачерпнул его ковшиком, остудил на холодном ветру, опасливо тронул кончиком языка и тут же сплюнул.

«Сон-трава, чар-трава, пошла кругом голова. На, отдай-ка глоток! Спи, пока не выйдет срок!» – радостно заплясал он вокруг котла.

Над горячим варевом клубился ароматный дымок. Ветерок нес его Немилу прямо в ноздри, и тот непроизвольно вдохнул сладкий запах. Голова сразу задурманилась, тело

охватила приятная лень. Ему вдруг стало ясно, что все вокруг – суета и тлен, и нет нужды куда-то спешить и к чему-то стремиться. Нужно лишь расслабиться и отдохнуть, в этом и есть смысл жизни.

Немил блаженно опустил на снег, прилег и растянулся. Пылающие отблески солнечного венца скрылись за вершинами елей. В воздухе медленно таяли синие сумерки, и на небесах засияли первые, самые яркие звезды. Над дымящимся котлом пролетела синичка, на мгновенье задержалась, чтобы вдохнуть ароматного пара, и тут же рухнула без движения на землю.

«Отдохни и ты...» – подумал Немил и закрыл глаза. Мокрый снег забился ему в рукава и проник за шиворот, но чудесник не обращал внимания на холодок. Его окутала приятная дрема. Ему снилось, как неведомая сила подхватывает его и поднимает высоко-высоко, в чудесную страну, где всегда колосятся обильные урожаи. Прекрасные девы в разноцветных одеждах водят там хороводы, а самая красивая склоняется и целует его в уста. На ней красно-золотистая шубка с сапожками, и то же самое, доброе и ласковое, лицо, что пробудило его от смертельного сна.

Вот только язык у нее какой-то шершавый и жесткий. И разит от нее тухлятиной, как от поганой нечисти. Эй, владыки небес, вы кого мне подсунули вместо райской девы?

Немил распахнул веки и округлившимися глазами вперился в ночную тьму, окутавшую поляну. Прямо над ним

колыхалась чья-то волосатая морда. Звериные глазки горели адским пламенем. Из распахнутой пасти несло зловонием. Длинный язык облизывал губы Немила, пытаясь определить на вкус, что за зелье свалило с ног этого брюхатого мужичка.

– Ты кто? – вне себя от изумления, спросил человек.

Чудище отпрянуло и сверкнуло на него желтым глазом. Вопрос можно было и не задавать. Немилу уже приходилось встречаться с оборотнями, но не с такими. Перед ним был вурдалак – особая разновидность нечистых тварей, превращающихся в волков. Кого только не встретишь на Туманной поляне!

– Пошел прочь! – в панике завопил кудесник.

– Не рыпайся, и останешься цел, – хриплым голосом прошипел вурдалак. – Я – Вострозуб, а эта поляна – мои охотничьи угодья. Раз ты забрел сюда, значит, ты – моя добыча.

– Зачем лижешь меня? Что я тебе, девка, что ли? – отползая подальше, осведомился Немил.

Поганая тварь не дала человеку ускользнуть. Вострозуб лапой придавил Немила к снегу и еще раз обнюхал его с ног до головы.

– Чем так наклюкался, признавайся! – велела нежить.

– Да вот же, в котле, – хитро забегал глазами кудесник. – Хочешь, и тебя угощу?

Вурдалак сунул пасть в котелок, резко отпрянул и завопил:

– Ой, горячо! Ты нарочно меня ошпарил?

– Да нет же! – подполз на четвереньках Немил. – Зачем мордой лезешь, как зверь? Пить нужно по-человечески. Вот, смотри, я тебе сейчас ковшик подам.

Он в самом деле зачерпнул зелье ковшиком, подул, подождал, пока пар развеется, и поднес питье оборотню.

Тот недоверчиво принюхался, взглянул на Немила, буркнул: «Ну ладно, раз ты не подох, то и мне худа не будет...», и мигом запустил в ковш свой безразмерный язык.

Несколько мгновений зверь ошалело вращал глазами, словно пытаясь понять, что с ним стало. Затем взгляд его помутился. Он блаженно закатил желтые глазки и плюхнулся брюхом в снег. Его руки, с первого виду вполне человечески, впились острыми когтями в сырую проталину. Еще мгновение – и Вострозуб захрапел, испуская такие звуки, что весь лес, казалось, должен был испугаться до одури. Немил поддел его носком сапога – тот даже не шевельнулся.

– Действует зелье! – с восторгом прошептал человек, быстро перекинул суму через плечо, подхватил котелок с ковшиком, и заторопился к белому храму, сложенному из огромных камней.

Пока Немил бегал вокруг необъятного дерева, перелезал через корни и носился вдоль каменных стен, разыскивая ворота, пахучее варево в котелке успело остыть и едва дымилось. Однако это ему было и нужно.

Он подвесил котелок на двух рогатках прямо перед воротами, облил зельем полы своей рясы и бросил ковшик по-

близости, после чего улегся рядом и напоказ захрапел, делая вид, будто уснул беспробудным сном.

Расчет его оказался верным: не прошло и четверти часа, как ворота храма-крепости заскрипели, трое стражников выбрались и сквозь решетку начали разглядывать храпящего человека.

– Чем это он так упился? – с любопытством спросил одноголазый.

– Похоже, наварил в котле пива, – отозвался его старший собрат.

– А может, это медовуха? – облизнулся третий.

Его глаз посреди лба распахнулся и вперился в котелок, однако над двором уже успела сгуститься ночная тьма, и разглядеть что-либо оказалось трудно даже для трех зрачков.

Немил слегка приподнял веко и сквозь тонкую щелочку увидел, как решетка со скрипом приподнимается, и трое великанов выбирают на поляну. Тут только ему пришла мысль, что они, чего доброго, для верности прихлопнут его своими огромными палицами, а то и просто наступят по неосторожности. Сердце тревожно забилося, к горлу подкатил ком, но Немил тут же взял себя в руки, выровнял дыхание и притворился мертвецки пьяным.

– Дрыхнет, и в ус не дует, – сказал одноголазый, пихая лежащего человека деревянным башмаком.

– Я тоже хочу так, – с завистью поведаль двуглазый.

– Вы что, забыли? Мы в сторожах! – призвал их к порядку

трехглазый.

– Да мы по глоточку только. До утра все повыветрится. Вот увидишь – и белочка не почует, – принялся нить одноглазый.

Не обращая внимания на старшего, двое младших схватили котел и принялись жадно отхлебывать.

– Ну? Чего там? – пританцовывая от нетерпения, спросил трехглазый.

– Вроде, хмелем не пахнет, – удивленно произнес двухглазый.

– Видно, настойка на травах, – добавил младший.

– А чего же тогда этот хмырь так упился? – не унимался трехглазый.

– Да ты посмотри на него! Человечишка! Ему глотка хватает, чтобы копыта откинуть, – в один голос запели собратья.

Великаны отбросили последние сомнения и принялись хлебать, передавая по очереди котелок друг другу. Последним взялся за пойло трехглазый, и уж он-то выхлебал все до самого дна.

– Эй, а нам ничего не оставил? – посетовал средний.

– Полно тебе, – вытирая ладонью усы, пробасил старший. – Ты и так хлебнул будь здоров.

И все трое поплелись обратно к воротам. Однако на полпути ноги у них начали заплетаться, а тяжелые палицы выпали из рук. Не доходя до ворот, великаны повалились на снег и захрапели. Трехглазый расположился прямо под ре-

шеткой, так что теперь она не закрылась бы, даже если на нее надавить.

Немил осторожно открыл глаза, рысью метнулся к котлу, валяющемуся на снегу, и убедился, что тот пуст. Затем осторожно пробрался мимо лежащих тел, пихнул ногой тяжеленную палицу, пригнул голову под решеткой и тенью проскочил в распахнутые ворота.

Ночь с 1 на 2 чернеца

«Куда я попал?» – было его первой мыслью.

Он ожидал оказаться во дворе под открытым небом, но попал в глубокий и узкий тоннель, сложенный из тех же огромных каменных глыб. На стенах торчали зажженные факелы, которые вели его вперед, будто указывая путь.

Немил запыхался, пытаясь сбежать как можно быстрее от великанов-охранников, но теперь замедлил шаг. Продвигаться вперед стало боязно: конец коридора тонул во тьме, и что поджидало там, что притаилось – это была загадка.

Немилу захотелось вернуться, он даже остановился и посмотрел назад, но тут же представил, как придется перебираться через уснувших стражей, а надолго ли хватит им колдовского зелья? Они же такие огромные... Им и лошадиная доза, пожалуй, покажется слишком малой.

Немил сделал усилие и заставил себя идти вперед. Он прошел мимо каменных ниш, в которых виднелись мраморные

изваяния богов и богинь. Отблески факелов падали на их лица, отчего казалось, будто боги разгневаны и негодуют на непрошенного гостя. Затем он попал в удивительный зал, потолок которого был раскрашен, как утренний небосвод. Месяц и Солнце ласково улыбались друг другу с востока и запада. Хоровод Волосынь кружился вокруг Лося, а сверкающее созвездие Колы скрипело колесами, отправляясь в глубины вселенной.

Факелы на стенах начали гаснуть. Еще несколько шагов – и Немил оказался в кромешной тьме. Продвигаться приходилось наощупь, но сзади послышался скрип деревянных ворот и громыханье опускающейся решетки. «Великаны очнулись! Чтоб их Полкан разодрал!» – подумал Немил и припустил побыстрее вперед, но тут же споткнулся о каменный порог и кубарем вкатился в просторный и совершенно темный зал.

Лоб его стукнулся о каменный пол. Гулкое эхо удара разнеслось под высокими сводами.

– Где я? – вслух воскликнул Немил.

«Я-я-я», – медленно затухая, повторило эхо.

– Есть здесь кто-нибудь? – снова выкрикнул он.

«Кто-нибудь, кто-нибудь...» – повторило эхо.

Немил принялся шарить руками вокруг, но пальцы его ощущали только холод камней. Он пополз на карачках вперед. Ладонь правой руки угодила в канаву, пробитую в гранитных валунах. Канавка казалась неглубокой, но пальцы по-

чувствовали неприятную вязкую жижу, запах которой так сильно ударил в нос, что Немил скривился.

И в этот же миг вязкая жижа вспыхнула, обдав его лицо языками зеленоватого пламени. Он мгновенно отдернул руку и подался назад, а за огненным ручейком, отделившим его от дальней половины палаты, уже поднимался, словно из-под земли, серебряный престол, украшенный драгоценными самоцветами. В тусклом свете огненных сполохов камни полыхали зловещими бликами. Их отблески бросались в глаза, поэтому Немил не сразу заметил неясный силуэт, восседающий на престоле.

Кто это был, человек или демон? Во тьме было не разглядеть. Очертания незнакомца терялись под широкой накидкой из синего бархата. Глубокий куколь скрывал его лицо, остающееся в тени. Сиденье престола медленно вращалось, однако как ни поворачивался силуэт, его темный лик всегда оставался повернут к Немилу.

Незнакомец скинул с головы капюшон, и Немил в страхе зажмурился. В отблесках пламени он увидел высокое чело в венце из дубовых листьев. Однако такой головы видеть ему еще не приходилось. У нее было три лица. Одно из них смотрело направо, другое налево, а третье заглядывало Немилу в душу парой пронзительных, искрящихся глаз.

Два боковых лика были неподвижны: казалось, будто они обращены в неведомые дали и разглядывают в них что-то такое, что недоступно разуму человека. Но третье лицо, обра-

ценное к пришельцу, выглядело оживленным. Оно то хмурилось, как будто узнавая что-то новое о своем собеседнике, то сдержанно улыбалось, видя в нем свет.

Немил раскрыл рот и вдруг понял, что совершенно не готов к разговору и даже не знает, как его начать.

– Прости, что я потревожил тебя, – сбивчиво заговорил он. – Я слышал, что ты – прорицатель, и можешь ответить на любой вопрос.

– Могу, если только у тебя хватит ума спросить то, что действительно важно, – отозвался трехликий пророк.

– Я – Немил, сын князя Милорада из Вевереска. Только теперь я не князь. И живу в Вятичах, а от моего города один пепел остался.

– Я знаю, кто ты, и что случилось с твоей семьей, – проговорил прорицатель.

– Раз ты все знаешь, тогда расскажи сам то, что мне нужно.

– Ты хочешь, чтобы я все разжевал и положил тебе в рот? Так не бывает. Ты сам должен решить, каков твой главный вопрос.

Немил разволновался и рукавом стер со лба пот.

– Как стать бессмертным? – преодолев внезапно напавшую робость, выговорил он.

– Достань с неба звезду, – ответил пророк.

– Ты надо мной издеваешься? Это же невозможно.

– Зачем спрашиваешь, если сам знаешь лучше меня?

Тут Немила наконец прорвало, и слова посыпались из него, как горох из мешка:

– Я не шутки шучу. Меня привела беда. Я так обмишулился, что и рассказать страшно. Как начну вспоминать, так оторопь берет. Вызвал я Лиходея из черной книги. Он прилетел огненным змеем и велел бесу перерезать мне глотку, а душу забрать в пекло. Представляешь?

– Чем же ты так ему насолил?

– Насолил? Как раз наоборот. Князь тьмы меня «наградил» за то, что я колдовал, срывал свадьбы и наводил порчу на добрых людей. Его слугам от этого было, где разгуляться. Вот он и решил взять меня на веки вечные, только не мучеником, а палачом. Но мне и это не улыбается. Не хочу я в пекло ни в каком чине.

– Чего же ты хочешь?

– Сам не знаю, что тут можно придумать. На ум лезет лишь то, что при таком раскладе лучше вовсе не умирать. Авось, душа еще по земле погуляет. Если удастся выгадать дополнительный срок – может, тогда и прощение получится заслужить? Как ты думаешь, прорицатель? Могут мне боги прощеньице выписать? Сейчас-то я им даже на глаза показаться боюсь.

– Если ты так боишься богов, зачем колдовством занимался?

– В том-то и дело! – хлопнул Немил себя по лбу. – Еще три дня назад ни в каких богов я не верил. То есть я знал,

конечно, что когда-то они правили всей подселенной. Только это когда было? В незапамятные времена. А теперь они сгнули – так я думал. Чертовщину и бесовство я наблюдал каждый день, а вот правду богов разглядеть не мог, как ни старался. Думал, боги ушли, и никогда не вернуться. А раз так, то чего их бояться?

– Стало быть, больше ты так не думаешь? – спросил прощатель.

– Я их присутствие собственной шкурой почувствовал. По городу поползли слухи, будто владыки неба вернулись. Только кто верит слухам? Черный люд любит нести всякий вздор. И тут бес потащил меня к Миростволу, под корнем которого открывается вход в преисподнюю. А небесный всадник с молниями в деснице на него как налетит! Как пронзит стрелой! Хорошо, что в меня не попало. Тут сомнения развеялись – и следа от них не осталось.

– И что ты при этом почувствовал?

– Перепугался еще пуще прежнего. Раньше я ждал наказания от бесов. А теперь начинаю дрожать, когда думаю про суд богов. Ох, попадусь я им под горячую руку – быть беде! Уж и не знаю, что хуже – вечные муки в пекле, или то, что надумают сделать со мной небесные государи.

– Да уж, попал ты в переплет – не позавидуешь, – улыбнулся Троян.

– Легко тебе веселиться, – обиделся человек. – А меня всего аж колотит. Умоляю, дай верный совет: как спастись?

Вся надежда – на твое вещее слово.

– Что спасать будем – тело или душу?

– А нельзя ли все это оставить, как есть? Чтоб одно от другого не отделять.

– Не намерен же ты жить вечно?

– А почему бы и нет? Если б ты только знал, сколько народу ко мне самому обращалось за вечной жизнью. И холопы, и бояре готовы были отдать все, чем богаты. Расстаться с самым любимым и дорогим, лишь бы избавиться от страха смерти.

– И что ты им отвечал?

– Я давал им надежду, ведь за ней они и приходили. Разумеется, брал свою скромную плату. Ну, может быть, не такую уж скромную. Но оно того стоило. Просители уходили с покоем и счастьем, а за них никаких денег не жалко.

– А теперь встань на их сторону и сам дай им совет: стоит ли обращаться к такому же колдуну?

– Никогда! Объегорит, и совесть не шелохнется.

– Вот ты и подал совет сам себе. Представь, что ты превратился в доброго советчика. Что бы ты им объяснил?

Немил призадумался.

– Я сказал бы, что еще никто в нашем мире не видал вечной жизни, – с горечью произнес он. – Что это сказка, которой потчуют легковеров, чтобы раздеть догола. Потерявшие совесть обманщики продают эту сказку ради наживы. Кто поверит им – тот просто лопух.

– Видишь? Ты и сам сумел во всем разобраться. Мог бы меня не искать – достало и своего разума.

– А как же душа? – вскричал Немил. – Ведь если есть боги, то и рай для души тоже должен где-то открыться. Пусть спасти тело и не удастся, но душу-то сохранить можно?

– Душу можно, – согласился пророк. – Сам скажи: как ты ее погубил?

– Черным колдовством и служением бесам, – понуро ответил Немил.

– А чем вину эту можно загладить?

– Может, подвигом ради богов? Если так, то я готов послужить им. Вот только захотят ли они меня принять? И что мне сделать, чтобы они простили меня? Наверное, это должно быть что-то большое и важное?

По накидке из темно-синего бархата на плечо прорицателя вскарабкался забавный пушистый зверек. Спинка и бока его в отблесках пламени отливали огненно-рыжим цветом, в то время как грудка и кончик хвоста сияли белизной. Зверек юрко цеплялся коготками за бархат и размахивал пушистым хвостом. Немил забеспокоился, что зверек помешает провидцу, но Троян только слегка улыбнулся и молвил:

– А вот и моя веверица. Пожаловала на любопытного гостя. Чем ты ей так приглянулся?

Зверек уставился на Немила бусинками темных глаз и застыл. Если бы человек только что не видел его юрких прыжков, то подумал бы, что это мраморная статуэтка.

– Грядут большие события, – вымолвил Троян, поглаживая веверицу. – Ты не первый, кто у меня побывал. Мир разрывается от противоречивых желаний. Каждый тянет его в свою сторону. Когда тянут слабые, то все, что они могут – лишь отщипнуть от него малый кусочек. Но когда потянут сильные – они порвут его в клочья. Настанет миг, когда каждая живая душа должна будет решить, на чьей она стороне. Добро и зло уравновесятся. На чью чашу положишь свою душу – та и перевесит.

– Я не хочу отдавать душу бесам!

– Бесы выступают против богов. Начнется война. Кто бы ни победил, она кончится плохо. Наступит конец света, мир погибнет в огне и потопе.

– Я боюсь погибать. Как спастись?

– Даже малые души могут решить исход великих битв. Подумай о том, что тебе по-настоящему дорого. Страх – заблуждение. Перестанешь блуждать – увидишь свет.

– Не нужны мне никакие битвы, и не собираюсь я решать их исход. Кидать душу на чужие весы – ой, нет, не мой это обычай. Пусть боги и бесы ссорятся, как хотят, лишь бы меня это не касалось. А я постою в сторонке. Я на многое не замахиваюсь. Мне не нужны ни золотые дворцы, ни власть над всем миром. Я хочу лишь, чтобы сильные мира сего оставили меня в покое и позволили бы наслаждаться счастьем, и чтобы оно никогда не кончалось.

– И что тебе нужно для счастья?

– Рай!

– А если от рая ничего не останется?

– Пока боги на небе, ключи от рая – у них. Да, я знаю, что боги и бесы воюют от начала времен, ведь я волхв, и я читал летописи ветхих веков. Их вражда никогда не закончится. Вот и ладненько! Меня это устроит. Пусть она длится вечно, а я заживу своей жизнью. Разве так нельзя?

– Бесы – не единственные враги горних владык. Могут найтись противники и похлеще. Они никому не дадут покоя.

– Да брось! Кто это может быть? – усомнился кудесник.

– Я могу тебе рассказать. – И пророк начал вещать нараспев: – Давным-давно миром правила злая колдунья Марена, или попросту Мара. В ее посохе заключалась огромная темная сила. Стоило ей ударить посохом оземь, и все вокруг леденело. Начинались метели и вьюги, а с неба обрушивался такой снегопад, что вскоре живая земля терялась под тяжелым покровом снегов. Озера и реки промерзали до самого дна, а моря и океаны покрывались такой толстой ледяной коркой, что она не таяла даже летом.

Никто, кроме Мары, не мог справиться с этим морозным миром, и она оставалась его полной хозяйкой до тех пор, пока боги и бесы, забыв об извечной вражде, не договорились и не пленили ее.

Льды растаяли, снег сошел, и земля расцвела. Боги и бесы разделили миры вселенной между собой. Богам досталась страна Ирий, спрятанная в ветвях Древа миров, а бесам –

преисподняя, что находится глубоко под корнями. И те, и другие, были довольны своим уделом и договорились не совать нос в срединный мир, оставленный людям.

Договор этот держится на суровой клятве. Когда клятва будет нарушена, начнется невиданная война, в которой боги, бесы и вся их прислуга сойдутся в последний раз. Силы и той, и другой стороны будут равны, а отступить никто не пожелает. Все падут на поле боя, после чего землю затопит море огня. В его пламени сгорит Миროствол, миры обрушатся, и наступит конец света. В довершение всего, хлынут воды великого моря и поглотят все, что останется от пожара.

Единственной уцелевшей окажется Мара. Она вырвется из темницы и снова, как в старые времена, ударит посохом оземь. Волны моря заледенеют и превратятся во вздыбленные торосы. В холодном мире Марены не останется места ни для чего живого: ни для растений и трав, ни для людей и зверей. Мир вернется к тому, с чего все начиналось: к бескрайней холодной пустыне, в которой Марена останется полновластной царицей.

Немил слушал пророка, как пораженный.

– И этого нельзя избежать? – хриплым голосом спросил он.

– Почему же нельзя? Судьба в наших руках, – возразил вещий провидец. – Однако у нас никогда не хватает ума или воли, чтобы свернуть с пути, ведущего в пропасть.

Немил замолчал в замешательстве. Дрожь в коленках не

унималась, сухая рука предательски выскользнула из повязки и повисла, как плеть.

– У тебя два пути: либо к богам, либо к бесам, – продолжил провидец. – Какой выбор сделаешь – такую и выберешь себе судьбу. Легкой судьбы не бывает. Реши, чего хочешь больше всего, да не обманись. А теперь ступай, и не прощайся.

Немил развернулся и побежал прочь, в темноту. Он словно боялся, что вещий пророк сам произнесет приговор. При одной мысли о том, каким может быть этот приговор, он приходил в ужас.

Когда Немил вышел их храма, тусклое зимнее утро уже пробивалось сквозь тяжелую завесу облаков. Сапоги человека оставляли глубокие следы в хлюпающем снеге, раскисшем от влаги.

Немил оглянулся. На месте храма с его стенами из гигантских валунов зияла прозрачная пустота. Вдали виднелась опушка леса: вековые ели покачивали на ветру лапами, с которых сыпались комья снега. Цепочка следов обрывалась у того места, где только что высились ворота с чудовищными стражами.

– Эй, а куда делась крепость? – крикнул Немил в пустоту. Ответом ему послужило лишь завывание ветра, прорывающегося сквозь чащу. Кудесник сорвался с места и бросился топтать нетронутый снег на том самом месте, где он бесе-

довал с прорицателем. Он размахивал руками, пытаясь нащупать невидимые стены, но ловил только воздух. Все было напрасно: на поляне не сохранилось даже намека на храм и его обитателей.

– Что за подстава? – в сердцах выкрикнул человек. – Чудеса должны быть полезными, а тут ничего, кроме убытков. А вдруг что-то пойдет не так? К кому обратиться за помощью?

И снова ему не ответил никто, кроме рыженькой веверицы, которая скользнула вверх по коре Мироствола и насмешливо застрекотала, издеваясь над неудачливым проходивцем.

Глава 4. Звездный хоровод

2 день чернеца

Молва про Туманную поляну разошлась широко. Здесь, в самой середке Дикого леса, водились загадочные существа, с которыми никто не захотел бы столкнуться нос к носу. И здесь же, под корнями огромного Древа миров, скрывался вход в преисподнюю, откуда в любой миг мог выскочить Лиходей со своими прихвостнями.

Немил не забывал об этом, пока барахтался в снегу, пытаюсь понять, как убраться отсюда подальше. Его манил пологий Медовый луг, что тянулся вдоль берега Шерны, насколько хватало глаз. В волховской книге было черным по белому писано, что этот луг защищен крепостью Велеса, за которой открывается мост в Горний мир. В этом месте боги спускаются с неба на землю, а значит, человек может чувствовать себя в безопасности.

Однако сейчас и луга, и поляна так плотно были укутаны снегом, что кудесник лишь с трудом угадывал, где летом цветут медовые травы, и в какой стороне встает радуга, тянущаяся к небесам.

Сума с его нехитрыми пожитками и котелок с остатками сонного зелья валялись среди вывороченных корней. Све-

жий снежок уже успел припорошить их, но длинная ручка ковша торчала так, будто звала поскорее выдернуть ее из сугроба. Кудесник едва успел перебросить сумку через плечо, как чья-то цепкая лапа с длинными когтями ухватила его за запястье. В нос ударил смрадный запах звериного дыхания.

Немил оглянулся. Давешний вурдалак подкараулил его из засады – его желтые глаза алчно блестели, а пасть, полная волчьих зубов, хищно клацала.

– Тебя только мне не хватало! – в сердцах бросил кудесник.

– Ты зачем опоил меня сонным зельем? – с угрозой прорычал оборотень. – Я едва зенки продрал.

– Я в тебя силой питье не вливал. Ты сам напросился, – возразил человек.

– Порву! – взревел Вострозуб и бросился в нападение.

Немил хлестнул зверя сумкой по морде и бросился наутек. Но не успел он сделать и трех шагов, как наскочил на препятствие, отлетел назад и рухнул в снег.

– Вот ты и попался! Думал, от меня можно сбежать? – раздался над ухом знакомый голос, от которого по коже побежали мурашки.

Немил поднял глаза, и тут же получил удар козлиным копытом. Пара жилистых ног, покрытых свалывшейся шерстью, витые рога над головой, перепончатые крылья, и оплавленная дыра в бурой шкуре, сквозь которую просвечивала поляна – вот что он успел заметить, пока пытался под-

няться.

– Не сбегал я. Ты меня отпустил, – по привычке принялся оправдываться кудесник.

– Отпустил, значит? – зловеще выдохнул бес Лютобор. – Ты это так называешь?

Воздух вырывался из дырявой груди демона с хриплым сипением, что делало его голос режущим, как скрежет точильного камня.

– Хозяин ждет тебя в пекле, – продолжал он. – Выбериай, как тебя туда доставить: по кусочкам, или, может, пойдешь своим ходом?

– Великий Лиходей помнит о такой мелкой сошке, как я? – залепетал кудесник. – Вот счастье-то! Передай, что я не стою его забот. Пусть займется обустройством подземных глубин, а обо мне даже думать забудет.

– Не надейся! Хозяин никого не забудет, – посулил Лютобор.

Схватив Немила за шиворот, он поволок его к Миростоволо, под корнями которого зиял темный вход в пещеру. Вурдалак безумно загоготал и принялся приплясывать, провожая их.

В этот миг серые тучи, нависшие над землей, раздвинулись, и в просвет хлынули яркие солнечные лучи. Немил зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что над далеким берегом Шерны переливается сияющим многоцветьем протянувшаяся к небесам радуга.

Он даже не успел удивиться тому, что радуга появилась среди зимы. Вместо дождя с неба падали снежинки. Попадая в столб света, они золотились и блестели, как искорки. Вурдалак подскочил и завизжал, словно резаное поросё.

– Как некстати! – хрипло выдохнул бес. – Додола раскинула мост.

– Того и гляди, вернется Перун, и снова начнет молниями швыряться, – подхватил оборотень.

– Пора убираться! – решил Лютобор.

Кудесник воспользовался их замешательством и вырвался из цепких лап. Он побежал прямо к сияющей радуге, виднеющейся на далеком Медовом лугу. Лютобор бросился за ним, но Вострозуб задержался, испуганно крикнув:

– Ты куда? Вдруг это боги за нами явились?

Демон притормозил, подозрительно разглядывая небеса, а Немил поторопился убраться подальше от этих ужасных монстров с волчьими головами и дырами в тушах.

Он запыхался и вымотался, пока продирался через лесную чащу. Ладони, которыми он разгребал снег, озябли, зато со лба градом катил пот. Ему полегчало, когда он выбрался на ровное заснеженное поле, тянущееся вдоль пологого берега Шерны.

– Вот он, Медовый луг, – утешил себя беглец, бросаясь в сугробы так, как пловец бросается в волны. – Только медом тут и не пахнет. Цветы появятся не раньше, чем сойдет снег, а пока ползать мне, как ужу.

Он и в самом деле едва полз, несмотря на отчаянные усилия. Вдали, перед радугой, показалась высокая крепость на земляном валу. Крытые шатрами башни и деревянные теремки озирали окрестности темными провалами бойниц. Казалось, что оттуда, из темноты, за равниной наблюдают невидимые стражи, в любой миг готовые спустить тетиву. Но Немилу было не до переживаний. Он устремился к деревянным стенам, как к последней надежде на укрытие и защиту.

Лесная чаща за его спиной затрещала, и на прибрежный луг выкатились его преследователи. Звериные лапы вурдалака легко скользили по ледяной корочке, которой морозец сковал сырой снег, а вот козлиные ноги беса проваливались по самые бедра – никакой лед не выдержал бы стука его тяжелых копыт.

Немил выбился из сил. До детинца осталась всего сотня шагов, но давались они с превеликим трудом. Человеку казалось, будто расстояние между ним и целью не сокращается. Он проходил десять шагов, а путь сокращался едва ли на шаг. Приходилось барахтаться и раскидывать снег, в котором оставалась глубокая борозда, но путь от этого не становился короче. Высокие башенки не приближались, словно крепость отступала и удалялась.

– Что за темная ворожба? – взмолился Немил. – Я вот-вот ноги отброшу. Упаду в снег, и помру. Прощай тогда, душа кудесника Немила, Милорадова сына. Заберут тебя в пекло на веки вечные, и не увидишь ты больше белого света!

На его счастье, продвижение преследователей замедлилось еще больше. Оборотень чувствовал себя в родной стихии, его гибкое тело по-волчьи скользило по снежному покрывалу, но расстояние между ним и Немилом лишь увеличивалось.

– То ли глаза обманывают, то ли ноги! – кудесник тронул янтарное ожерелье, бренчащее на груди, но и оно не помогло прогнать морок.

Сто шагов показались ему десятью верстами, но в конце концов он все же добрался до холма, на котором высились стены из толстой кремлёвой сосны. Лютобор высвободил копыта из снежной ямы, взмахнул крыльями и взлетел над равниной.

«Сейчас схватит!» – мелькнула у беглеца мысль, от которой бросило в жар. Он вскарабкался на обледенелый земляной вал, но не удержался, поскользнулся на ледяной корке и кубарем покатился вниз.

«Все, пропал!» – пришло на ум, когда тяжелая, покрытая бурой шерстью туша беса мелькнула перед глазами. Но Лютобор не мог до него дотянуться, как ни старался. Демон работал крыльями изо всех сил, но и для него считанные шаги превратились в версты.

Встав на четвереньки, чтобы вновь не сорваться, Немил добрался до тяжелых ворот и принялся молотить в них кулаками.

– Эй, хозяева, открывайте, не то меня тут живьем съе-

дят! – закричал он.

Детинец хранил молчание. Пустые бойницы угрюмо взирали на беглеца, не суля помощи.

– Отворяйте, иначе я разнесу вашу халупу по бревнышку! – взревел от отчаяния человек.

Створки ворот заскрипели и чуть-чуть приоткрылись. Не дожидаясь, Немил полез в узкую щель. Бес за его спиной сделал рывок и спикировал с высоты, как ястреб, падающий на добычу. Вурдалак скакнул вверх по склону и клацнул зубами, пытаясь схватить беглеца за пятку.

Обдираясь, Немил втиснулся в щель и упал за порогом. Юркий оборотень просочился за ним. Створки тут же захлопнулись, Лютобор вонзился в них рогами, взвыл и отлетел назад.

Не успев отдышаться, Немил пополз в сторону. Вурдалак бросился следом, но заскулил, как щенок, и метнулся прочь. Человек оглянулся, и тут же наткнулся макушкой на чей-то сапог, высокий и толстый, как печная труба.

Ойкнув от неожиданности, он заметил, что чудовищный великан в три человеческих роста бросился на вурдалака и принялся ловить его. Оборотень заметался по двору, пытаясь забиться в первый попавшийся уголок. Заросший густой бородой великан походил на медведя. Шуба из бурого меха колыхалась у него на плечах, а голову украшал устрашающий шлем, отделанный под звериный череп. Из разинутой пасти шлема мелькало человеческое лицо. Несмотря на размеры,

чудище двигалось со сноровкой, какую трудно было ожидать от этой неповоротливой с виду туши.

– Как здорово! Птички сами попались в силки! – прогромыхал великан, раздвигая огромные лапы.

Вурдалак взвизгнул и проскользнул между растопыренными пальцами. Косматое чудище поймало его за шкурку и подняло в воздух, как щенка. Оборотень задрогал ногами и заверещал.

– А тут у нас кто? – обернулся хозяин детинца к кудеснику.

Великан схватил Немила за шиворот, вытащил из снега и встряхнул, давая понять, что церемониться не собирается. Ворота дрогнули от удара, тяжелые створки задребезжали.

– Это кто там еще? Ваш дружок?

Великан приоткрыл створку и увидел беса, норвящего вломиться внутрь.

– А вот и наш старый знакомец, его превосходительство Лютобор, темник адова воинства! Это что за чудесная дырочка в твоих ребрах? Сквозь нее речку видно. В пекле так теперь носят?

– Брось шутить, Велес, – состроил уродливую гримасу бес. – Шутки кончились. Пошел слух, будто боги скрывают себя беглецов. Выдай их, и разойдемся по-хорошему.

– С удовольствием. От такого добра я и сам рад избавиться. У меня их тут двое. Тебе которого?

– Всех давай. Мой господарь с ними разберется.

– Держи оборотня!

Медвежий царь замахнулся, и, как щенка, швырнул вурдалака в ворота. Зверь пролетел добрую сотню аршин и уткнулся в сугроб.

Косматый великан захлопнул ворота и принялся уменьшаться в размерах. Рост его сравнялся с медведем, поднявшимся на задние лапы. Шкура из бурого меха и звериный череп на голове лишь увеличивали это сходство. Серебряный оберег в виде медвежьего следа болтался у него на груди. Густая борода придавала ему дикий вид, но теперь он возвышался над человеком не более, чем на полторы головы, и разговаривать с ним стало намного удобнее.

– Ну а ты кто такой? Как тебя угораздило связаться с нечистью? – спросил Велес.

– Не выдавай меня! Я – кудесник Немил Милорадович из Великого Мира-города, – взмолился Немил.

– Врешь! – перебил царь. – Мы в самой середке зачарованного леса. Люди сюда не добираются.

– Меня бес притащил. Он на крыльях сюда долетел.

– Я так и понял, что ты бесов прихвостень.

– Никакой я не прихвостень! – возмутился Немил. – Я сам по себе.

– Тогда что тебе нужно в моей крепости?

– Умоляю, пропусти меня в рай! Мне очень нужно.

– Что за чушь ты несешь? В рай попадают только души, да и то лишь после того, как отделятся от тела. Вот испустишь

дух – тогда пусть твоя душа и прилетает. Государи вселенной рассудят, куда ее определить – в ад или в рай.

– У меня так не выйдет. Я до божьего суда не дотяну. Лиходей хочет украсть мою душу и запереть ее в пекле. Мне нужно выслужиться перед богами – может, тогда мне прощенье выйдет. Пропусти меня к Радужному мосту, ради всего святого! Гляди, у меня и пропуск есть. Прямо в рай! На хорошем пергаменте выписан, с сургучной печатью!

Немил пошарил за пазухой и выудил грамоту, в которой черным по белому значилось, что податель сего пользуется полным и безусловным правом прохода в рай, минуя препоны, мытарства и прочие отговорки.

– Вот, видишь? У меня таких много! Я хоть сто человек за собой проведу. А мне всего-то и нужно, чтобы пройти одному-одинешеньку, – торжествовал Немил, уверенный в неотразимости своего аргумента.

– Это что за бесовская харатья? – с подозрением спросил Велес, разворачивая пергамент. – Кем составлена? Кто печать приложил? Сколько вход сторожу – никогда такой прежде не видел.

– Будь уверен, писанье надежное, из первых рук, – напустил на себя внушительный вид кудесник.

– Из каких таких первых рук? – рассердился страж. – Что за обманщик ее написал? Это ж чистой воды шарлатанство. Признавайся: ты сам ее сочинил?

– Да ты что? Как я мог? – разыграл оскорбленную невин-

ность кудесник. – Такие только в небесном присутствии выдают.

– Ах ты, прохиндей! А ну, вон отсюда! Убирайся!

Велес распахнул створки ворот, за которыми виднелось белое поле. Вурдалак барахтался в сугробе, жалобно поскучивая.

– погоди! – Немил растопырил руки и уцепился за дверцы. – Не отдавай меня этим поганцам.

– Мой детинец – последняя крепость на пути к небесам, – сурово вымолвило неумолимое божество. – Здесь посторонним не место. Тем более, всяким мошенникам и плутам. Ступай, откуда явился.

– Окажи мне последнюю милость! – упирался кудесник. – Дома никто не поверит, что я столкнулся нос к носу с настоящим лесным царем. Выпей со мной на посошок, и расстанемся по-хорошему.

– Я пью отвары на травах, от которых тебя наизнанку вывернет.

– Прекрасно! Я и сам варю зелья. Вот, смотри. В моем котелочке еще что-то плещется.

Немил вытащил из сумы котелок – на его дне еще бултыхалась пахучая жидкость. Он зачерпнул ее ковшиком и протянул Велесу.

– Ну, давай, одним духом. Ради здоровья и крепких сил!

– Это что за бурда? – подозрительно спросил страж.

– Это как раз такой отвар, как ты любишь, – попытался

убедить его человек.

– Не пей! – закричал из-за амбара гулкий голос. – Мы вчера чуть отпили – до сих пор голова гудит!

Немил поднял голову и увидел, что из узкого волокового оконца в стене терема на него таращится огромный глаз – мутно-зеленый, ничего не выражающий, как у гигантского ящера.

Велес швырнул ковшик в снег. Трое вчерашних стражников выбрались из амбара, шатаясь и грохоча сапогами. У старшего во лбу приоткрылось третье око и так пронзительно уставилось на Немила, что человеку почудилось, будто его насадили на вертел.

– Вот он где! А мы его с ночи ищем, – потер руки трехглазый. – Он нас вчера опоил этим зельем, так, что мы на ногах не держались. Могли и вовсе не проснуться.

– Ах ты, обманщик! – завелся Велес. – Отравить меня вздумал?

– Что ты! Нет! Это всего лишь медовый отвар! – подскочил Немил.

Но разъяренного хозяина было уже не остановить. Велес опрокинул котел и выплеснул из него остатки зелья. Немил и моргнуть не успел, как котел нахлобучился на его клубок и сдвинул виски.

Бум! – ковшик ударил по днищу так громко, что зазвенело в ушах. Немилу почудилось, будто он оказался внутри колокола, и этот колокол грозил раздавить его своей тяжестью.

– Вот тебе, остолоп! Будешь знать, как обманывать божество, – негодовал Велес, используя ковшик, как колотушку. – Мой детинец – не проходной двор. То какая-то старая карга ломится и требует пропустить ее, то вурдалак с бесом, то липовый волхв. Пора отвадить этих проныр. Получай за всех разом!

Удары посыпались на Немила с разных сторон.

– Ребята, он ваш! Делайте с ним, что хотите, – велел царь охранникам.

Великаны загоготали и бросились ловить человека, как курицу, мечущуюся по двору. Немил услышал их топот и бросился в щель между створками. Едва выскочив за ворота, он поскользнулся на ледяном склоне и покатился под горку, кувыркаясь и переворачиваясь.

– Чтобы духу твоего здесь больше не было! – орал Велес ему вслед. – Попадешься еще раз – накажу!

Немила подбросило, завертело и ударило о ледяной скат. Перед глазами поплыли мутные круги, но быстро избавиться от плотно насаженного котелка не получилось – здоровая рука не слушалась и не желала шевелиться. Ему пришлось повозиться, прежде чем он снял котел с головы. Остатки зелья смочили его усы и просочились в рот, вызвав истому.

Радуга все так же переливалась за его спиной, как недосяжимая мечта. Лишь мрачные очертания детинца преграждали к ней путь. Немил поискал глазами обходную дорожку, но в этот миг его ухватила за шиворот чья-то когти-

стая лапа и бесцеремонно поволокла к лесу.

Вурдалак протащил его через чашу и бросил к корням Мироствола. Лютобор наклонился над ним. Дырявые легкие беса издавали свист при каждом выдохе, что придавало его голосу дополнительной жути.

– Не заставляй ждать хозяина. Ты должен ему душу. Забыл? – просипел бес.

– Ничего я не должен! – взъелся Немил. – Моя душа принадлежит только мне, и никому больше, ясно?

– Отдай ее по-хорошему. Если явишься добровольно, то станешь помощником палача, как и было обещано. А если не дашься, то и эту привилегию хозяин отнимет. Тебя определяют в мученики, и будешь ты страдать целую вечность. Не спорь с владыками преисподней, они препираться не станут.

– Но я не хочу быть ни мучеником, ни палачом! – воскликнул Немил. – С какой стати я должен выбирать из двух зол? Меня ни одно не устроит.

– Что устроит тебя, а что нет, никого не волнует. Ты не выберешься из зачарованного леса. Отсюда спасения нет, и деваться тебе больше некуда. Господарь поручил мне важное дело. Пока его не закончу, на глаза ему не покажусь. Даю тебе срок до утра – лезь в пещеру и ступай к огненной речке, у которой горемык поджидает Полкан. Он проводит тебя к князю тьмы. Сложишь перед ним голову – выслужишь себе тепленькое местечко. Ну а если до утра не объявишься – я вернусь, и тогда пощады не жди.

Бес взмахнул крыльями и поднялся в воздух. Вурдалак заскользил за ним тенью по снегу, стараясь не отстать. Ошеломленный Немил не успел даже подумать, куда они так заторопились. Видно, и впрямь у них выдалось важное дельце, раз оба оставили пленника.

Немил сел прямо в снег и стиснул голову. Его охватили мучительные колебания.

– Что же делать? – вслух размышлял он. – Если я заявлюсь к Лиходею по своей воле, то он, вне всяких сомнений, тут же велит меня прикончить. Зато после моей душе выйдет огромное послабление – ее хотя бы не будут мучать. Правда, заставят мучать других. И это будет тянуться целую вечность. А если я не явлюсь? Меня накажут, и самого сделают мучеником. Тогда придется страдать без конца. Как же быть? Что мне выбрать? Владыки вселенной, кто бы мне в этом помог? Нет, это просто невыносимо!

Оба решения казались настолько плохими, что сделать выбор было невозможно. Это сводило Немила с ума. При мыслях о том, что может случиться, его бросало то в жар, то в холод. Иногда ему даже казалось, что кровь в жилах вскипает и начинает бурлить, как густое варево в котелке.

– Хоть руки на себя наложи, – в сердцах высказал он. – Только что это даст? Душу и после этого не оставят в покое. Просочиться бы мне в Горний мир! Любым способом. Может, тогда удалось бы доказать этим молчаливым богам, что я не совсем пропащий. Не может же быть, чтоб совсем не

осталось возможности спасти душу? Эй, вы, боги! Пошлите мне хоть какой-нибудь случай, а уж я за него уцеплюсь!

Солнце уже закатывалось за Шерну. Радужный мост начал таять в последних лучах уходящего дня. Вконец расстроившись, кудесник побрел к темному бору, чтобы наломать еловых лап и устроить себе хоть какой-то ночлег.

Ночь со 2 на 3 день чернеца

Он вдохнул полной грудью ветерок, чуть тронутый вечерним морозцем. Подтаявший за день снег вновь начал твердеть и хрустеть под сапогом. Звезды посыпались на темнеющий небосвод, как горох из порванного мешка, но главное – после короткого исчезновения вновь появился новорожденный месяц, сверкающий, как острый серп, только совсем тонкий, будто выкованный из серебристого света. Кажется, тронь такой пальчиком – и тут же обрежешься.

Огромный Мироствол уходил в небо темной громадой, настолько суровой, что даже приближаться к нему было боязно. Под корнями, в глубокой пещере, глядящей на север, урчали, ухали и голосили подземные твари. Эти приглушенные отголоски напрочь отнимали у Немила желание приближаться, да и вообще подходить к дереву с северной стороны, так что он выбрал местечко на южной опушке поляны, между двумя ручейками, игриво журчащими среди сугробов.

Серебристый отблеск месяца высветил маленькую фигур-

ку, карабкающуюся по стволу Древа на головокружительной высоте. Немил насторожился. Это кто еще там шебуршится? Зверь или нечистая сила? В таком месте всякого можно ждать.

Фигурка ловко спускалась к земле, цепляясь за глубокие борозды в ветхой коре. В смутных лучах молодого светила трепыхался легонький сарафанчик, поверх которого виднелась накинута кацавейка.

Вот тебе и на! Звери одежды не носят. Немил подобрался, приготовившись драпануть, пока его не заметили. Главное – не хрустеть, ставя ногу в глубокий снег, а там спрячешься в темной чаще, и даже черт тебя не найдет.

Однако далекий незнакомец и не глядел в его сторону. Кацавейка в последний раз трепыхнулась и плавно соскользнула на землю. В тусклых бликах лунного света Немил разглядел маленький силуэт, похожий на детский, но уж больно нескладный.

Откуда здесь дети? Может, это чья-то неприкаянная душа?

По коже кудесника побежали колючие мурашки, и очень захотелось нырнуть в чащу, под защиту спасительной тьмы. Однако чутье подсказало, что сейчас лучше замереть и не двигаться. Немил даже закрыл глаза, чтобы взгляд не притянул внимания неведомого упыря.

Нет, с закрытыми глазами стоять совсем плохо! Где противник? Вдруг он подкрался и сейчас тянется к шее, скаля

кльки? Нужно немедленно оглядеться. Только вот... если открыть глаза – вдруг он и в самом деле уже прямо тут, перед лицом? Нет, лучше пока не открывать. Лучше просто послушать, что творится вокруг. Пока вроде тихо. Но если это чужая душа, то она и не станет греметь. Что же делать?

Лоб Немила покрылся испариной, руки сами собой опустились. Нет, дальше терпеть невозможно!

Он разлепил веки и скривил лицо так, будто собрался немедленно схлопотать по сопатке. Но рядом никого не оказалось – ни человека, ни бескровного духа.

Уф-ф-ф, какое облегчение! А где этот странный ребенок, что ползает по стволу Древа в третью ночь жуткого месяца чернеца, о котором рассказывали столько пугающих баек? Может, это царь бесов принял облик невинного дитяти, чтобы вырваться на свободу и устроить лихую заварушку?

Немил повертел головой. Призрак сгинул – и следа не оставил. Хвала Роду-владыке и Перуну-воителю! Только бесов нам тут не хватало, как будто и без них горя мало.

Кудесник повеселел, вернулся к подстилке из свежих сосновых лап, и улегся на берегу озера, мечтательно глядя на звезды, которые сверкали так ярко, будто задались целью вселить радость в обитателей Дольнего мира. Его потянуло вздремнуть, только сны в этот раз вышли вздорные: то ему грезилась неведомая царица, напускающая ледяные чары, то кошмарная битва богов и бесов, от которой тряслись горы, рушились небеса и сыпались звезды...

Фу! Немил вскочил и стряхнул сон. Ночной лес вокруг только делал вид, что спит. На самом деле он притаился, чтобы завладеть душой мошки, попавшей в серединку его паутины. Скрипели сучья деревьев. Тихо шептались чьи-то далекие голоса. Кричали птицы, которых было не разглядеть во тьме. А может, это русалки? Может, леший, что хочет заманить в рабство? Пойди, разбери!

Немил сцепил ладони, положил на них голову и раскинул в стороны локти. Хорошо хоть, что на хвойной подстилке не чувствовалось мороза, иначе было бы совсем худо. Звезды все так же сияли в безоблачном небе, далекие и безразличные, как небесные божества, которым нет дела до переживаний людей.

«Троян сказал: станешь бессмертным, если достанешь с неба звезду, – пробормотал кудесник себе под нос. – Только как это сделать? Никому еще это не удавалось. Разве что звезды сами сойдут на землю, а месяц покатится в руки...»

Месяц и в самом деле светил так чарующе, что казалось, будто он подманивает к себе, как охотник на ловле. Немил вспомнил страшилку: «придет чернец – белу свету конец», и поежился. Он обеспокоенно начал вглядываться в ночные созвездия, выискивая глазами признаки надвигающейся беды, однако бархатно-темное небо оставалось спокойным и тихим, как в лучшие времена.

Все оставалось на своих местах: и яркая Перуница, отливающая холодным синим огнем, и багряная Ярилица, и яр-

кая, бьющая радостной силой любви Ладуша. Тихо поскрипывали невидимые колеса повозки Колы, запряженной Вепрем, а одинокий Лось выставил кончик сверкающего рога из-за северного края окоема.

И вдруг этот спокойный поток помутился. Россыпь Волосынь хлынула с неба к земле, блистая и играя, как сноп алых искр, разлетающихся от костра. Немил невольно отпрянул и прикрыл ладонью глаза, хотя до игривых звездочек было еще далеко.

Огненный сноп несся вниз, к долу, и метил отнюдь не куда попало: он устремлялся прямо к подножию Мироствола. Немил отполз в темноту: чего доброго, влестится такая звезда прямо в лоб, а кому нужны в башке новые дырки? У нас старые еще не зажили.

Но его опасения оказались напрасными. Семь звезд Волосынь мягко приземлились на талый снежок Туманной поляны, ударились оземь и превратились в чудесных молодых девушек. Немил затаил дыхание и вытаращил глаза. Его зрачки стали широкими, как у кошки.

Девушки взялись за руки и, хохоча, принялись водить хоровод. Там, где ступали их мягкие сапожки, снег сходил, и среди черных проталин распускались огненные цветки. Несколько быстрых кругов – и вся поляна раскрасилась разноцветным сиянием трав и растений, с молодой силой пробивающихся из сырой почвы.

Мироствол над их головами зачарованно взмахнул ветвя-

ми и принялся осыпать луг диковинными семенами, которые ложились девам под ноги и тут же всходили сияющими ростками.

Серебристый свет месяца смешивался с их красочными отсветами и выхватывал из темноты лица плясуний. Немил прижал ладонь к сердцу: одна была краше другой. Длинные косы выбивались поверх светлых шубок. Под меховыми шапками сверкали улыбки. Очи дев сами сияли, как звезды, и казалось, что стоит в них заглянуть – и останешься зачарованным навсегда.

Внезапно Немил охнул от изумления. В потоке лунного света перед ним промелькнуло знакомое лицо. Игривая улыбка и искрящийся взгляд, две косы поверх шубки, стройные ножки в красных сапожках – вроде, все как у других. Однако эту улыбку он не спутал бы ни с какой другой. Это была та самая незнакомка, что поцеловала его на краю озера, когда он лежал, без чувств выброшенный на берег.

Забыв обо всем, Немил распрямылся и шагнул из своего укрытия. Ускоряя шаг, он двинулся к этим танцующим волховницам, сам толком не зная, что он сделает и что скажет. Он боялся лишь одного – что те сгинут, не успев даже взглянуть на него.

Снег скрипел под его стоптанными сапогами. Девушки остановились и испуганно принялись вглядываться в темноту. Немил тоже остановился. Несколько мгновений плясуньи разглядывали темный силуэт, выбравшийся из пещер

под корнями.

– Не бойтесь! Я вам не сделаю зла! – хрипло прошептал человек, стараясь, чтобы его голос звучал как можно ласковее.

Однако за долгие годы злословия и гонений он отучился говорить с теплотой. Ласка его получилась похожей на приглушенный рык зверя, вышедшего на ночную охоту.

Девичий хоровод мигом рассыпался. Плясуньи принялись разбегаться, кто куда. Не думая, Немил ломанулся в их гущу. Ему под руку попадались пушистые шубы и хлесткие косы, но он их не трогал. Он ловил глазами только одну – ту, что узнал и не мог позабыть.

Сверкающими метеорами девушки принялись возноситься ввысь, и самые ловкие вскоре оказались на полпути между землей и небом. Та, единственная, с которой Немил не сводил глаз, тоже подпрыгнула и взмыла вверх, но он изловчился и здоровой рукой ухватил ее за сапог. Пару мгновений боролся он с тягой, несущей его в небеса, а затем пересилил и опустил красотку обратно на землю.

Она была яркой и светлой, и в то же время далекой, как настоящая звездочка.

– погоди хоть мгновенье! Не улетай! – взмолился Немил.

– Что тебе надо? – испуганно спросила девушка.

– Скажи, как зовут тебя!

– Звенислава...

– Я таких дивных имен отродясь не слышал, – сбивчиво

заговорил человек. – А я Немил.

– Отпусти меня, Немил, – тихо попросила дева.

– Как же я тебя отпущу? Ведь ты улетишь!

– Улечу... На земле мне не место.

– А ведь я не успел тебя поблагодарить за то, что ты меня оживила. Без тебя я бы не задышал.

– Благодарить не за что. Меня послали владыки. Судьба в их руках.

– И кто же твои владыки?

– Как кто? Хорс Ясный Месяц и Перун-громовержец.

– Ты, выходит, звезда?

– Конечно. Ведь ты сам видел, откуда мы появились.

– Остайся со мной хоть на чуток, – попросил он.

– Не могу. Вот-вот явится пастырь и погонит всех по домам, – с сожаленьем сказала она.

Помедлив, кудесник разжал ладони. Дева тут же воспарила и понеслась к небесам, как будто была легче воздуха. Яркий месяц спустился и поплыл ей навстречу, но Немилу некогда было дивиться на новые чудеса. Он видел только чудную деву, которая стремительно удалялась.

Внезапно он испугался, что больше ее не увидит. Эта мысль показалась ему настолько невыносимой, что он подпрыгнул ей вслед и попытался вернуть ее.

Его пальцы скользнули по мягкому меху, которым была оторочена ее шубка, и ухватились за сапожок. Дева ойкнула, сапожок слетел с ее ноги и остался в руках у человека. Ку-

десник прижал его к груди и подогнул колени, ожидая приземления в талый снег, но что-то удержало его в воздухе, и он завис, как будто его вздернули за шкуру. Он почувствовал, что какая-то сила тащит его вверх.

Яркие звездочки взмыли в небеса, рассеялись по черному своду и засияли, как ни в чем не бывало. Они снова стали холодными и недосыгаемыми, как несбывшаяся мечта. А Немил завертел головой и задрыгал ногами, не понимая, что за сила схватила его, как щенка. Ему пришло в голову, что это, должно быть, вернулся бес Лютобор, чтобы затащить его в пекло. Острый страх проскочил искрой от макушки до пят. Кудесника прошиб пот, мгновенно сменившийся приступом ледящего холода. Но бес поволок бы его вниз, в пещеру под корнями Мироствола.

– Ты кто? Что тебе надо? – крикнул он, стараясь вывернуться и взглянуть на того, кто уносил его в высоту.

Мокрые пятна на его рясе блеснули серебряным светом. Такой же свет лился на его клобук и на суму, которую неведомая сила подняла вместе с ним. Прямо над головой Немил разглядел ослепительный серп луны, который поддел его воротник острым кончиком. Кудесник болтался, как подвешенный на сучок, и не мог найти опоры. Сияние стало таким ярким, что на него было больно смотреть. Хорошо, что новорожденный серп выглядел совсем тонким. «А что было бы, если б он засиял в полную силу?» – пришло человеку на ум.

Луна как будто поймала его на крючок. Под ногами про-

неслась Туманная поляна. Тускло мелькнули льдинки, плавающие в Светлом озере. Темная чаща Дикого леса из мрачной стены превратилась в ковер, стелющийся далеко внизу.

– Отпусти! – крикнул Немил.

Он чувствовал себя карасем, которого опытный рыболов выудил из воды. Но блистательный месяц, сияющий прямо над головой, и не думал откликаться на слова человека. Лучи ночного светила упали на деревянный детинец Велеса. Прежде эта крепость казалась человеку неприступной твердыней, но сейчас он видел ее стены и башни с высоты птичьего полета. Как легко, оказывается, через них перемахнуть!

Хоромы Медвежьего царя осталась позади, и во тьме замелькал призрачный мост, крутой дугой поднимающийся к небесам.

У Немила перехватило дыхание. Радужный мост, ведущий напрямик в Горний мир! Прежде к нему приближались лишь великие волхвы, умевшие путешествовать в заоблачное Вышеградье. Но ведь это же ветхие байки! Как можно верить в такое?

Немил боялся вздохнуть. Мост приближался – до него уже можно было дотянуться рукой. Он состоял из семи разноцветных полос, пестрые переливы которых завораживали взгляд. Они засверкали среди ночной тьмы, будто перья жарптицы.

Немила вдруг охватило ощущение небывалого счастья. Горний мир! Подняться в него, увидеть своими глазами бо-

гов и обитель праведных душ мечтал любой из кудесников.

– А ведь я и не верил, что все это взаправду, – прошептал он.

И тут вдруг ему вспомнилось, что сам-то он – грешник с прожженной душой, заслужившей лишь вечные муки в аду. Что, если боги действительно существуют? Что, если они накажут за чертовщину, которой он с таким упоением предавался с молодых лет?

Немил задергался и закричал:

– погоди! Я туда не хочу! Ты не понимаешь! Вам нужен не я!

Но влекущая его сила оставалась безмолвной и безразличной. Радужный мост под ногами сиял красным, оранжевым и золотистым. Лазурные, темно-синие, нежно-зеленые полосы стелились дорожками, ведущими к раю. Немил взмахнул девичьим сапожком, зажатым в руке. Каблук задел одну из дорожек – тут же раздался мелодичный звон, как от серебряного колокольчика. Он сунул сапог в суму, болтающуюся у него на плече.

Земля осталась так далеко внизу, что ее уже было не разглядеть, а его влекло все выше и выше. Дерево миров уже не казалось огромным, его ствол стал тоньше, а ветви – раскидистой. Из густой листвы выпорхнул сокол и начал парить вокруг, рассматривая пришельца.

Они поднялись на невиданную высоту, но, на счастье Немила, очертания окрестностей потерялись во тьме, что

спасло его от мучительных приступов головокружения.

Горбинка Радужного моста осталась внизу, но луна не останавливалась и тянула человека ввысь. Немил ошалело вертел головой, стараясь понять, куда его занесло. Прово-
жавший их сокол сделал последний круг и отстал. Мелькну-
ла тоненькая верхушка Мироствола. Вокруг заиграли звез-
ды, но не холодные и далекие, а горячие и живые.

– Государь, я не знаю, кто ты, и откуда свалился на мою голову, – дрогнувшим голосом взмолился человек. – Раз ты паришь в небе месяцем и следишь за звездами, то, навер-
ное, ты лунный Хорс, сын Сварога и брат Дажбога с Денни-
цей. Если я прогадал, то прости – в волховских книгах пишут
всякую белиберду. Но зачем ты притащил меня на небеса?
Здесь для живых тварей не место.

– Ты напал на моих подопечных, – ответило лунное боже-
ство. – За это ты должен понести наказание.

– И вовсе я не нападаю, – принялся оправдываться кудес-
ник. – Я всего лишь хотел поймать звездочку. Одну-един-
ственную. Их же много!

– А вышло так, что я поймал тебя самого, – заявил Хорс. –
Теперь ты мой. Вздумаешь ерепениться – живым домой не
вернешься.

До Немила дошло, что лучше пока помолчать, и он сжал
челюсти. Хорс продолжал поднимать его на девятые небе-
са, к темному простору, у которого не было ни конца, ни
края. Человека пробрал ледяной мороз, дышать стало нев-

моготу. Он замахал рукой, давая знак, что еще чуть-чуть, и ему придет конец. Месяц сжалился и окутал его теплым светом. Немилу полегчало, и он вдохнул полной грудью.

Придя в себя, он обнаружил, что очутился среди созвездий, кружащихся в бесконечном хороводе. Яркие блески складывались в причудливые узоры, которые на глазах оживали и принимались за работу. Мирный пастушок пас огромных волов, ленивых, прожорливых и ко всему безразличных. Мимо большой белой птицы, похожей на лебедя, проскочила юркая ящерица, а двое неразлучных близнецов, обнявшись за плечи, помахали Немилу руками.

– Волосыни! – прошептал человек. – Ради всего святого, подскажите, где Волосыни!

Близнецы простерли руки, указывая на скопление звезд, сияющих в отдалении, и Немил тут же узнал их. Это были те самые девы, что спускались на Туманную поляну. Хорсу не понравилась такая самодеятельность. Он встряхнул пленника, чтобы тот угомонился.

Мимо промчалась небесная повозка, скрип которой звучал так явственно, что хотелось зажать уши. Огненный лось пасся на вольных просторах, наклоня рога к краю небес. Он удивленно взглянул на возносящийся месяц, поймавший на острый крючок человека, обеспокоился и наставил на них рога, но не смог сойти с места и лишь издал трубный рев.

– Мне бы одну звездочку! – умолял человек. – Только одну, но не какую попало, а ту, что я видел танцующей на по-

ляне.

Внезапно его проводник дрогнул. Прямо перед лицом Немила раскрыл цепкие клешни небесный рак, готовый перекусить и божество, и его пленника. Они проскочили под брюхом чудовища, но человека тут же облаяли гончие псы. Поджарые и голодные, они пришли в ярость, почуяв добычу. По лихорадочному блеску их глаз Немил догадался, как редко в их жизни бывает такая удача, и как долго приходится дожидаться, пока случайная жертва сама не попадет в их владения.

Ловко двинув ближайшую гончую в грудь, месяц взлетел еще выше. Свора отстала, но на пути тут же возник дракон, разинувший жадную пасть. Немил едва не влетел в нее. Он закрыл лицо ладонью и перестал смотреть на дорогу. Единственное, что ему оставалось, это беспомощно бормотать: «Только бы пронесло! Если останусь цел – начну новую жизнь. Даю голову на отсечение!»

– Кому нужна твоя голова? Ей цена – ломаный грош. А отсеки ее – и того никто не даст, – услышав его причитания, откликнулся Хорс.

Божество сжалилось и спустилось пониже. Серебристая круговерть над головой Немила замедлилась, ожившие звезды отделились. Под ногами понеслась небесная твердь, сложенная из внушительной величины алмазов, присыпанных плодородной почвой. Драгоценные кристаллы лишь изредка проглядывали сквозь темную толщу дубрав, хвойных боров

и березовых рощ, окружающих серебряный город богов. Через золотистое поле с колосящейся пшеницей вела дорожка, вымощенная теми же алмазами, среди которых попадались синие сапфиры, зеленые изумруды и рдяные рубины. Судя по тому, что деревья и травы вокруг находились в расцвете, здесь царило вечное лето.

3 день чернеца, утро

По бархатистой черноте небосвода прокатилась сияющая Денница, предвещающая восход солнца. Далеко на востоке, за семью водами Утреннего моря, Дажбог надел свой пылающий венец и вывел солнечную колесницу на дорогу, протянувшуюся над всей подселенной. Лучи дневного светила упали на краешек тверди и заискрились, отразившись в алмазах. Но бескрайний простор над головой Немила остался черным – тут, на вышине, даже у солнца не хватало сил, чтобы осветить эту бездну.

Лунный серп пронес человека над волнуемым морем пшеницы, над сосновым бором и дубравой, состоящей из вековых дубов. Перед Немилом открылась волшебная крепость с громадными стенами, покрытыми серебром.

Заоблачный Вышеград, как называли это исполинское сооружение люди, или попросту Белая Вежа, как звали его сами боги, был выстроен в незапамятные времена великанами в форме восьмиугольника. На стыках стенных прясел выси-

лись башни, поражающие своими размерами, но даже они казались незначительными по сравнению с самой главной, центральной башней, выстроенной в середине крепости и служащей ее защитникам последней цитаделью. Ее колоссальная стрела уносилась в темные небеса и доставала до звезд. Это и была та самая Белая вежа, с вершины которой божества наблюдали за тем, что происходит во всех трех мирах мироздания.

От удивления Немил разинул рот. Он задрал голову, пытаясь рассмотреть луковку, венчающую этого колосса, но шея лишь хрустнула от напряжения, а пленившее его божество встряхнуло человека так, что ему пришлось смириться.

Немила понесло прямо к веже, и он испугался, что сейчас вмажется в нее, как давеча в дерево, когда его тащил бес. Но тут на него напал новый страх, заставивший его позабыть о столкновении. Месяц уже долетел до главной площади города, опоясанной круглой аллеей с позолоченными дорожками. И тут Немил обнаружил, что повис над дырой в небосводе, сквозь которую видна далекая земля. Белая вежа торчала прямо из этой дыры, как будто ее фундамент парил в воздухе. У человека помутилось в глазах, и он перестал понимать, что происходит.

Его мучитель как будто задался целью нарочно растревожить человека еще больше. Он понес Немила прямо к этой дыре. Пленник решил, что сумасбродное божество собралось его выкинуть, как ненужную ветошь. Он задергал нога-

ми и заголосил:

– Погоди немного! Давай поговорим!

Не слушая воплей, месяц отцепил его и швырнул прямо в дыру, за которой виднелся голубой простор поднебесья и пушистые облачка, спокойно плывущие между землей и небом. Немил устремился вниз, но не успел он пролететь и трех локтей, как грузно плюхнулся на невидимое покрытие, состоящее из прозрачных кристаллов.

Едва успев опомниться, он вскочил на колени и обнаружил себя стоящим над бездной, однако его руки и ноги упирались в твердый алмазный свод. Облака и гуляющие по поднебесью вихри были видны, как в подзорную трубу. Чудесные алмазы увеличивали и приближали изображение. В просветы меж облаками можно было разглядеть ниточку Шерны, текущей через Дикий лес. Немил приблизил к кристаллам лицо и увидел, как игривая веверица скачет с ветки на ветку, стряхивая с них снег.

– Что за диво! – вырвалось у него.

Он пошарил руками вокруг и убедился, что опора под ним надежна и выдержит не только толстенького человечка с колышущимся брюшком, но и гигантскую восьмиугольную башню с высоким крыльцом и массивными мраморными ступенями, ведущими к ее входу.

Хорс приземлился рядом, приняв облик статного мужа, лицо и ладони которого испускали призрачный свет. Немил разглядел бархатный черный кафтан, расшитый серебряной

нитью. Узор изображал ветви дерева, из-за которых выглядывал лунный лик, окруженный звездами. Само божество ростом превосходило Немила в три раза, но оно тут же сжалось до привычных размеров, чтобы удобнее было общаться.

Наблюдая за ползающим на четвереньках кудесником, небожитель не выдержал и расхохотался.

– Эта площадь зовется Зеницей, – пояснил он. – Она – как зрачок в глазу горних владык. Сквозь нее видно всю землю. От нашего взора никто не укроется, так что мы знаем о тебе даже то, в чем ты сам себе побоишься признаться.

Немил вспомнил свои опасения. На ум пришло, что сбудутся самые мрачные из них, и его охватил испуг.

– Ты провинился, и обязан загладить свою вину, – вещал Хорс. – Теперь ты – мой холоп. Я намерен отдать тебя в рабство моему другу Перуну. Будешь верно служить ему – и заслужишь прощение. Все понятно?

Немил воспрянул духом и приподнялся на коленях.

– Заслужу прощение? Так ведь это как раз то, что мне нужно. Ты не шутишь? Я увижу Перуна? Небесного громовержца? Ай-люли, да никто из волхвов о такой почести и не мечтал!

– Тебя что, это радует? – с подозрением спросил Хорс.

– Ничуть не бывало! – спохватился кудесник. – Я ужасно страдаю. И готов вытерпеть наказание, каким бы тяжким оно ни оказалось. Только обратно меня не отправляй. А то на земле за моей душой бес охотится. Чуть зазеваешься – и

все, нет у вас больше такого ценного работничка, как Немил Милорадович. Эх, если бы все кары были такими!

«Наказание, о каком можно только мечтать!» Эта мысль так приободрила Немила, что он вскочил на ноги. Но стоило ему взглянуть вниз, как голова закружилась, а тело предательски затряслось. Алмазная мостовая была настолько прозрачной, что ему почудилось, будто он парит над пустотой и вот-вот рухнет в бездну.

– Только скажи Перуну, чтоб он сразу не бил меня молнией, – дрожа, попросил он. – В волховской книге написано, что хозяин грома и молнии скор на расправу. Если всплывет, что прежде водились за мной кое-какие грешки – так я их замолю! Только дайте мне срок.

– Жаль откладывать, но скорой расправы не жди. Перун готовится к свадьбе. По обычаю, на торжестве должны быть свидетели от всех трех миров. Земляне – скверные твари, но хоть один из них на свадьбе все же должен присутствовать. Раз уж ты под руку подвернулся – то тебе за всех и отдуваться.

– Я отдуюсь! – пообещал Немил. – Это, конечно, ужасная кара, но я ее вытерплю. Свадьба богов! И меня на нее зовут гостем! Да такого от первоначала времен не бывало!

– Не гостем, а мелкой прислугой, – поправил Хорс.

– Верно-верно, прислугой, – поспешил согласиться Немил. – Так еще лучше. Не просто поглазею, а еще и поучаствую в действе. Если в моем Мире-городе кто узнает –

то просто сдохнет от зависти!

Внезапно раздался звон, и в глаза Немилу ударила россыпь искр. Их выбили из алмазов копыта огромного скакуна, похожего на ожившее облако. На коне восседало новое божество. С первого взгляда кудесник узнал громовержца, выпустившего стрелу в беса на Туманной поляне.

Всадник был под стать своему коню и ростом превосходил человека в три раза. Мужественное лицо с короткой холеной бородкой и пронзительными голубыми глазами не позволяло угадать возраст. В движениях сквозила властная уверенность в своих силах. На плечах небожителя взметалось лазурное корзно – меховой плащ с одним рукавом, застегнутый драгоценной запоной.

Немил опасливо отполз в сторону. Ему пришло на ум, что боги играют им, как щепкой, и лучше под ноги не попадаться. И лазурное корзно, и секира, притороченная к седлу, и искрящиеся молнии-стрелы в туле за спиной всадника говорили о том, что это Перун, великий князь небесного воинства и предводитель дружины богов.

Всадник спешил, принял обычные размеры и склонился над человеком.

– Кого это ты притащил в Горний мир, братец Хорс? – спросил он.

– Это подарок к твоей свадьбе, княже, – по-родственному обняв его, ответил месяц.

– Подарок? Вот эта вот жалкая тварь? – расхохотался Пе-

рун. – Не сильно же ты потратился.

– Бракосочетание должны засвидетельствовать представители всех трех миров. Боги, гриди и навьи от Горнего мира соберутся все – в них недостатка не будет. Посол бесов прибыл сегодня, еще до рассвета. Нам не хватало людей.

– Верно, – согласился Перун. – Нас устроит любой человек, хоть самый последний.

– Считай, что это он и есть.

Громовержец придирчиво осмотрел съезжившегося кудесника и заключил:

– Твой подарок весьма кстати. Я ценю твою заботу.

И он обнял Хорса в ответ. Немил выдохнул, расправил плечи, втянул брюшко и выгнул грудь колесом, чтобы Перун понял, какое ценное приобретение ему досталось.

– Постой! – вдруг сказал громовержец. – Не тебя ли третьего дня тащил бес, когда я подстрелил его на Туманной поляне?

– Да, государь. Это был Лютобор, – замаялся Немил, сообщая, не выйдет ли ему боком такое признание.

– А на кой ляд ты ему сдался?

– Лиходей приказал отнести меня в пекло и отнять душу.

– Вот дела! Выходит, что я тебя уберег. Помню, уж больно жалостливо ты причитал и сетовал на судьбину. Бес уронил его в воду, – обратился Перун к Хорсу. – Я послал служанку проведать, не утонул ли этот бедолага. Она рассказала, что болотник Колоброд, этот хитрый хмырь, что живет в Свет-

лом озере, запряг пленника в сани и катался на нем, как на лошади. Ох, и смеялся же я! Правда, забавно?

– По правде сказать, государь, ничего забавного в этом не было, – осмелился возразить человек. – Наоборот, я ужасно страдал и думал, что пропаду без следа.

– Что ж, тогда за тобой должок. Вот и случай его отработать. Поступаешь в мое распоряжение и будешь делать, что я велю. Лады?

– Разумеется, государь! – едва сдержал радость Немил. – Я – твой и душой, и телом.

– погоди раболепствовать. У тебя еще будет случай выслужиться. А Светлое озеро принесло мне удачу. На его берегу я встретил свою судьбу. Разве это не чудо?

– Твоя служанка, кажется, приглянулась этому пройдохе, – заметил лунный бог, пихнув Немила сапогом.

– Звенислава? Этому колдуну? – рассмеялся Перун. – Из него песок сыпется. Седина в бороду, бес в ребро. Впрочем, стоит ли осуждать его за любовь? Ведь у меня самого на носу свадьба. Сейчас мне хочется, чтобы все были счастливы. Вставай, человечек! Тебе повезло. Ты попал к государям, когда они в добром духе.

Перун поманил его за собой и запрыгнул в седло. Сияние месяца померкло у кудесника за спиной. Он зашагал вслед за новым хозяином, вертя головой по сторонам и дивясь чудесам небесного города. Солнце уже взошло и пекло во всю силу – его жар обжигал лицо и ладони. Но воздух вокруг оста-

вался холодным, так что путнику приходилось зябко кутаться в грязную рясу.

Колесница Дажбога уже начинала карабкаться на Окольную гору, возвышающуюся над Серебряным городом. Там, на вершине, сверкали золоченые крыши Полуденного дворца, в котором солнечный государь любил вздремнуть часок после обеда. Однако даже в разгар дня тени в Вышеграде оставались низкими и вытягивались так далеко, что у Немила возникло впечатление, будто он наступает себе на пятки.

Встречать Перуна выходили чудные звери: олень с золотыми рогами, чьи копыта при каждом шаге высекали новенькие червонцы, и огромный, размером с медведя, вепрь, щетина которого тоже отливала позолотой, а клыки напоминали мамонтов бивень. Вокруг порхали жар-птицы, хвосты которых искрились разноцветными сполохами, и даже Индрик-зверь, похожий на шерстистую козу размером с лошадку, не побоялся выбраться из хвойного бора.

За живой изгородью виднелись просторные усадьбы, в центре которых поблескивали позолоченные крыши деревянных дворцов, каменных палат и высоких теремов с причудливыми куполами в виде шатров и бочек.

Местные жители, невесомые и бестелесные, воспаряли над землей и неслись поглазеть на чужеземца, явившегося во плоти и крови в мир, недоступный бранным телам. Однако Перуну не было до них дела. Всадник уверенно повернул налево и въехал в арку, образованную живыми дубами.

За оградой из тесно сплетенных ветвей тянулось длинное строение из белого мрамора. Сквозь узенькие стрельчатые окна доносились звуки пирушки, возбужденные вопли и звон бьющихся друг о друга мечей. Двускатная крыша здания была покрыта тонкой позолотой, отчего превращалось в подобие зеркала, пускающего в глаза солнечного зайчика.

По звукам боев и попоек Немил догадался, что это гридница, но кто мог обитать в ней? Ведь Вышеград представлялся ему страной покоя. Его немой вопрос разрешился тут же: на порог широкого крыльца высыпали бестелесные воины в невесомых доспехах. Какого только оружия не было у них в руках! Копья, рогатины, короткие сулицы для метания, луки и самострелы с тульями за спиной, мечи, топоры, секиры, палицы и булавы, и, конечно же, кистени – куда же без них? Призрачные тела едва виднелись из-под кольчуг с тонкими, идеально ровными колечками, из-под нашитых на жесткую кожу пластинок, и даже из-под чешуйчатых броней, которые так изящно сгибались и разгибались, что воин в них напоминал бросающегося змея. Ничуть не боясь нарушить покой заоблачного края, воины во все горло хохотали и игриво ругались. От них разило превосходной хмельной медовухой и жареным кабанчиком, а натренированные кулаки так и чесались, чтобы заехать соседу в ухо и вызвать его на шуточный бой.

«Перунова гридница!» – догадался Немил.

Волхвы обещали воинам, что в ней окажутся души тех,

кто со славой погибнет в бою. Только кто верит обещаниям? Одни простаки. А теперь что же, выходит, что все так и есть? Голова кудесника разрывалась: ветхие байки, над которыми он потешался прежде, на глазах превращались в сущую правду, а ее еще нужно было переварить.

Он вжал голову в плечи и постарался стать как можно более незаметным, вспомнив, насколько беспощадна бывает дружина Перуна ко всяким прихвостням бесов. На его счастье, дружинники мало обращали внимание на теплокровного человека, плетущегося за конским хвостом. Громкими и восторженными воплями они приветствовали своего господина, который приосанился в седле и привычно принимал знаки всеобщего обожания.

Сразу несколько горних витязей подрались за право помочь Перуну спуститься с седла, а после отвести крылатого скакуна в стойло.

– Володимер, вычисти моего Грома так, будто он только родился! – приказал громовержец высокому навью, одетому не в доспехи, как все, а в благородное княжеское корзно. – Перышко к перышку, шерстинка к шерстинке! Не хочу ударить в грязь лицом перед невестой!

При слове «невеста» витязи взвыли от восторга и увязались толпой за Перуном, который пешком через густую дубраву зашагал к высокому белокаменному дворцу. На Немила никто не обращал внимания, будто он был тут своим. Однако никто из воинов-гридей не приближался, и ему стало ясно,

что местные обитатели тщательно избегают прикосновения к теплокровному, полнотелому жителю Дола.

Вдоль широкой улицы, образованной рядами дубов, застыли в самых немыслимых позах каменные чудовища. Извивающиеся змеи с разинутыми пастьями окаменели в миг броска, и их торчащие клыки и высунутые жала готовились проглотить любого, кто окажется на пути. Крылатые львы, гигантские ящеры с огромными хвостами и когтистыми лапами, чудовищные волки немыслимых размеров, и быстрые, крадущиеся как тени пардусы – все казались настолько живыми, что Немил боялся приблизиться к ним. На его счастье, никаких признаков движения не было заметно в их окаменелых телах.

– Это наш господин их всех поборол! – с гордостью проговорил навь Володимер, обернувшись к Немилу.

Он оказался единственным, кто решился заговорить с человеком.

Дворец Перуна больше напоминал рыцарский замок с высокими башнями и неприступными пряслами стен. Вся лихая ватага без труда втиснулась на широченный двор, а к ним по ступеням с крыльца уже спускалась великолепная богиня в белоснежном платье, из-под длинных пол которого виднелись синие носки изящных сапожек. Лица хозяйки было не разглядеть из-за прозрачной накидки, но едва Перун легко, как молоденький новичок, взбежал прямо к ней по ступенькам, как она сорвала накидку и страстно поцеловала суже-

ного в уста.

Толпа гридей заревела от восторга. Радость свою от встречи влюбленных витязи выразили тем, что принялись звенеть мечами и секирами, отчего поднялся такой трезвон, что у Немила заложило уши.

– Кострома, Кострома, государыня моя! – запели на разные голоса небесные воины.

Богиня оторвалась от жениха и ласково им улыбнулась. У нее были глубокие, очень выразительные глаза светло-синего цвета. Немил едва коснулся их взглядом, и тут же почувствовал, как проваливается в неведомые дали.

«Вот это ворожея! – восхищенно подумал он. – Не чета мне, чернокнижнику!» В этой небесной колдунье чувствовалась такая волховская мощь, что тягаться с ней в ворожбе оказалось бы не под силу, пожалуй, любому бесу, так что Немил на всякий случай отступил подальше и снял ногу с крыльца, на которое уже собрался было взобраться.

Однако Перун не забыл о нем.

– Посмотри, кого я привел! – радостно показал он на Немила.

Кострома одарила человека улыбкой. Ее зубки были ровными, безупречными, как будто их выточил мастер из озерного жемчуга.

– У нас на свадьбе должно быть по твари от каждого из трех миров. А о людях-то мы не подумали! – хохотал, сжимая невесту в объятьях, Перун. – По правде сказать, эти лю-

дишки – такие самодуры, что и звать не хотелось. Да один сам попался. Представляешь, он полез лапоть нашу Веню! Ему здоровья осталось всего-то на несколько лет, да и то, если пьянствовать перестанет, а он все туда же.

– Как он смог дотянуться до Вени? Разве она по ночам не на небе? – удивилась невеста.

– Ох, и горюшко мне с этими игруньями-звездами, – весело пожаловался громовержец. – Она с сестрицами отпросилась погулять по поляне. Там он ее и зацапал. Каков хват, а?

– Да, на это способен не каждый. – Богиня пронзила нежданного гостя таким внимательным взглядом, что Немил затрепетал. – Но ведь он в таком случае провинился?

– У людей в головах черти пляшут. Что с них требовать? Он явился как нельзя кстати. Поручим ему охранять нашу свадьбу от сглаза. Он должен знать, как это делается.

– А он не подведет?

– Пусть только попробует!

Перун шутливо погрозил человеку пальцем и поманил к себе. Немил почтительно приблизился и упал на колени. Он боялся не то что поднять глаза на небесных господ, а даже дыхнуть, чтобы следы от его дыхания не остались на белом мраморе ступеней.

– А ну-ка ребята, приведите мне нового служку в порядок! – гаркнул Перун, обнимая невесту за талию и уводя ее в высокие двери дворца. – А не то он похож на болотное чучело, которое только что вытащили из трясины.

Гриди дружески расхохотались и принялись подталкивать Немила к гостевой палате, видневшейся за дубами. Первым делом его отвели в деревянную баню, сложенную из тех же дубовых бревен. Увидев плотный сруб с низкой крышей, из дырки в которой валил пар, Немил изменился в лице.

– Давай-давай, не стесняйся, – подбодрил Владимир. – Горним душам баня без надобности, мы свои телеса в Доле оставили. А вот тебе без нее – никуда.

Человек сомневался и медлил, не решаясь войти.

– Ладно, – наконец сказал он. – Только вы со мной не ходите.

– Отчего так? Мы тебя так отпарим, что после спасибо скажешь.

– Нет, не надо. Я один искупаюсь.

Он вошел в тесный сруб и разделся в предбаннике. Скинул рясу с рубахой и грязными сапогами – до сих пор не было времени, чтобы отмыть и начистить их. Воровато оглянулся – не смотрит ли кто? И здоровой рукой ощупал на спине, чуть пониже загривка, старое, почти заросшее клеймо с надписью «бесовъ хвостъ», выжженное каленым железом. Его оставили «добрые люди» на память о колдовстве, которое пугало их до помутнения разума.

В пышущей жаром парилке он сам постегал себя веником, сам плеснул квасом на раскаленные камни, сам наполнил горячим отваром ушат и намылился. Вместе с пеной сошли грязь и пот, которых он нахватался, пока бултыхался в озере

да валялся в снегу.

Владимир принес в предбанник стопку новенькой, чистой одежды. Немил уже сидел, завернутый в простыню, и отходил от пара.

– Государь жалует тебе кафтан. Это большая почесть, – объяснил навий служка. – Наденешь его – всяк поймет, что ты дворовой громовержца.

Немил надел синие портки из тончайшего шелка, сверху – рубаху, шитую красными травами, придавил свисающее брюшко широким малиновым поясом с серебряной пряжкой, и натянул мягкие сапоги из зеленого сафьяна, расшитого серебряной нитью. Рука его потянулась к роскошному синему кафтану из заморского бархата.

– Я тебе помогу, – вызвался провожатый, заметив, что человеку трудно продеть в рукав сухую руку. – Ой, а что это у тебя под загривком?

Немил поморщился и промолчал.

– Ничего-ничего, у нас ты поправишься, – пообещал навий слуга. – Горний мир и не таких выправлял.

Глава 5. Свадьба на небесах

Никогда еще Немил не получал такого удовольствия от еды. В домике для гостей, расположенном за дубами, вдали от шумной гридницы, ему накрыли поистине царский стол. Верченое мясо с восточными пряностями, заморские птицы в сметане, расстегаи и удивительные плоды, вкус которых менялся от кислого к сладкому – так кудесника не угощали даже в лучших домах дальнего мира. В довершение всего ему подали кувшин такого ароматного вина, что он зажмурился от удовольствия и даже забыл крикнуть, вытирая ладонью бороду.

Самой бороды его быстро лишили. Невесомые навьи усадили его на высокое сиденье, запеленали в простыню, как младенца, и принялись порхать над ним с бритвой и ножницами. Сначала он испугался, как бы его не поранили, но навьи так искусно делали свое дело, что он успокоился и доверился им. Ключья косматой бороды быстро слетели на пол, за ними последовали пряди давно нечесаных рыжих волос, и когда он взглянул на свое отражение в зеркале, то изумился. К нему как будто вернулась молодость, да и чувствовал он себя так же.

Вот только чертово клеймо с надписью «бесовъ хвостъ» не давало покоя. Хорошо хоть, что тутошние завсегдаги не

могли разглядеть его под тремя слоями ткани, или, по крайней мере, притворялись, будто не замечают.

Гостевой домик оказался в его полном распоряжении. Две навьи женки взбили перины в ложнице, и хотя солнечная колесница едва перевалила за полдень, Немил с удовольствием прилег на подушках и тут же провалился в глубокий сон. Ему показалось, что за прошедшие часы он прожил уже много дней – столько всего ему довелось испытать.

Он проспал едва час, а Владимир уже влетел в горницу, чтобы будить его.

– Собирайся! – торжественно велел навь. – Тебе доверили ехать в голове свадебного поезда. Будешь отпугивать злые чары особенным оберегом – ты ведь по злым чарам, как говорят, немалый знаток!

Немил сделал вид, что пропустил его колкость мимо ушей, и с благоговением принял волховской жезл, выструганный из блестящего черного дерева.

– Быть «вожем» свадебного поезда – особая почеть, – внушал ему невесомый Владимир. – Ума не приложу, как ее доверили едва знакомому новичку, но делать нечего. Смотри же, не оплошай! Это только с земли кажется, будто жизнь в Ирии – суцая сказка. На самом деле у Громовержца много недоброжелателей. В открытую они пакостить побоятся, но вот подложить свинью свадебному поезду – на это они горазды.

Немил хотел было укрепить доверие навья, рассказав ему,

какие виды заклятий насылают в таких случаях черные колдуны, и как некоторым из них целый свадебный поезд удалось превратить в стаю волков. Но тут же спохватился и решил, что теперь, пожалуй, не время выкладывать все, что он помнил из своей прежней жизни.

Свадебный поезд уже готовился к отправлению. Жених и невеста стояли на мраморных ступенях крыльца и приветствовали гостей. Поодиночке и парами к ним подходили роскошно одетые обитатели горного мира, от важных божеств до воинов и бестелесных слуг.

Владимир неотлучно суетился при Перуне, то и дело подавая ему поднос с серебряной чаркой, из которой следовало угостить каждого гостя. По тому, как ловко, со знанием дела этот навь исполняет свои обязанности, Немил догадался, что он далеко не последний из слуг горного князя.

Но стоило ему взглянуть на служанку невесты, как у него отнялся язык. Эту волну золотых волос, струящуюся по красной шубке, он узнал бы и в темноте. Золотой обруч на голове, с которого свисают колечки в виде огненного цветка, и всего один сапожок, торчащий из-под длинной полы – второго не видать!

Всеми правдами и неправдами Немил подобрался поближе, таким nepозволительным бесчинством вызвав возмущение толпы придворных, и поймал взгляд горней девы. Ее немного печальные, светло-голубые глаза едва глянули на него, и тут же испуганно утаились в землю.

Немил попытался схватить ее за рукав, но та в страхе отдернула руку.

– Не трогай меня! – едва слышно произнесла дева. – Ты теплокровный, тебе будет больно.

– Я любую боль вытерплю, лишь бы коснуться тебя! – с жаром зашептал человек, но дева ему не поверила и отступила подальше.

– Не бойся меня! – стараясь не привлекать внимания, заговорил Немил. – У меня перед тобой должок. Самое время вернуть.

– Что за должок? – удивилась дева.

– Ты меня оживила, когда я лежал без дыхания на берегу, – зашептал Немил.

– Полно тебе, ты и сам дышал, только слабо, – возразила дева. – Вернуть жизнь даже боги не могут, а я и подавно бы не смогла.

– Прости за то, что я так нещадно хватал тебя прошлой ночью, – смущенно выговорил Немил.

Щеки девы покрылись румянцем, она потупилась и отступила на шаг.

– Должен я тебе кое-что вернуть! – продолжил Немил, и вытащил из дорожной сумы, с которой до сих пор не расстался, красный сафьяновый сапожок.

– Не срами меня! Нас увидят! – пришла в ужас дева.

– Но ведь он твой! – возразил Немил. – Да и как ты пропляшешь всю свадьбу без сапога?

Дева испуганно огляделась вокруг: гости поздравляли «князя с княгиней» и не обращали внимания на слуг. Она едва заметно махнула Немилу рукой и повлекла его в дубраву, обступившую со всех сторон дворец. Вскоре они оказались в беседке, скрытой переплетенными дубовыми ветвями.

– Я с тебя сапожок сорвал, мне его и надевать, – залихватски пропел Немил, становясь перед девушкой на колени.

Та убедилась, что никто их не видит, и поставила ногу на деревянную скамеечку. Ее нога была удивительно стройной и неестественно бледной, как будто в ней не было ни кровинки, но кудесника уже перестали смущать чудеса горнего края.

Он бережно начал надевать сапожок на эту стройную ножку, и нечаянно коснулся тонкой кожи. Как будто целый сноп ледяных игл впился в подушечки его пальцев.

– Ой! Осторожнее! – вскрикнула дева.

– Тебе тоже больно? – виновато спросил Немил.

В этот миг он больше думал о том, как бы не причинить ей вреда. На то, что его пальцы горели холодным огнем и перестали сгибаться, он не обращал внимания.

– Нам нельзя трогать друг друга. Будет больно и мне, и тебе, – печально промолвила дева.

Едва дыша, Немил взялся за сапожок так, чтобы случайно не тронуть деву. Та встала и притопнула сапожками – теперь оба сидели у нее на ногах, лишь подчеркивая их тонкие линии.

– Звенислава! – раздался из-за деревьев певучий голос. – Где ты? Мы тебя обыскались!

– Ах, нас уже хватились! – испугалась дева и закрыла лицо руками.

– Так вернемся быстрее! – предложил Немил. – А то господа свою свадебку без нас, чего доброго, не доиграют!

Однако его шутка Звениславе не пришлась по душе. Дева от волнения кусала губы и вслушивалась в суету у дворца, где уже заиграли трубы и зазвенели бубны.

– Побежали! Быстрее! – позвал Немил, и они вдвоем кинулись к пестрой толпе, в которой приглашенные уже рассаживались по саням.

– Ах, как хороша невеста! – всплеснула ладонями Звенислава. – Какое белоснежное платье! Какие кружева! Какой яркий цветок на груди! А какая у нее коса на голове – чистое золото!

И райская дева с сожалением потрогала свои распущенные волосы, светлой волной выбивающиеся из-под шубки.

Немил мельком взглянул на Кострому. Та и в самом деле выглядела роскошно даже по меркам небожителей. Толстая коса золотистого цвета изящной змейкой вилась вокруг ее головы. Высокий кокошник, расшитый жемчугом, прикрывал лоб. Такие же жемчуга, только крупнее, свисали на золотых цепочках с височного обруча, загадочным голубоватым сиянием оттеняя изящные белые ушки. Взгляд ее светлых, глубоких глаз лучился таким счастьем, что Немил позавидо-

вал. Однако гораздо большее впечатление на него произвел Перун, которого все с особенным удовольствием величали по случаю свадьбы «князем».

Слуги накинули Громовержцу на плечи лазурное корзно, подбитое мехом. У груди полы корзны соединялись крупной запоной в виде всадника, разящего змея. Фигурка всадника полыхала, как огонь, а глаз змея сверкал ярким рубином, свет которого, казалось, не отражался от солнца, а исходил из глубины.

Под корзном – рубаха из синего шелка, перепоясанная широким гашником. Просунутая в единственный рукав десница сжимает пушистую шкурку черного соболя, которыми слуги украсили все столы и сиденья в палатах. Шуйца выпросталась из-под распахнутой полы корзны, и оживленно размахивает, приветствуя гостей и распоряжаясь поездом. На каждом пальце – по огромному перстню, и за один такой можно купить целый город вместе с холопами, боярами и князьками.

Немил решительно шагнул на мраморную ступень и начал взбираться вверх по крыльцу.

– Ты куда? Не лезь под ноги к князю с княгиней! – попыталась удержать его Звенислава.

Однако у Немила нашлось собственное мнение на этот счет. В этот праздничный день Перун должен его не забыть. Значит, нужно показаться ему на глаза.

Кудесник бесцеремонно вырвал соболиную шкурку из рук

громовержца и начал ощупывать мех, бормоча:

– Дай-ка сюда. Может, это какая-то гадость? Знаем мы эти лиходейские уловки: сглазят, наколдуют, заговорят, а после подсунут. Тронешь – и поминай, как звали.

Кострома малость оторопела от этакого бесчинства.

– Ты и невесту мою будешь ощупывать? – осведомился Перун.

– Невесту ты сам ощупаешь, когда она войдет в ложницу после венчания, – деловито ответил Немил.

Перун замер, уставившись на человека. Многочисленные гости, собравшиеся вокруг крыльца, затихли. Над дубравой повисла такая тишина, что стало слышно, как цокает белка. И вдруг толпа грянула со смеху, подняв целую бурю веселья. Отовсюду посыпались непристойные шуточки. Гости принялись поучать жениха, что и как делать во время брачной ночи, чтобы не дать маху. Невеста смутилась и отвернулась, а жених сам хохотнул и потрепал человека по волосам, взъерошив его аккуратно уложенные лохмы.

– Шкурка чистая. Можно ехать, – с важным видом распорядился Немил.

– Теперь вижу: ты – настоящий ведун, – одобрил князь.

Гости перекинулись на человека и подняли его на смех. Несмотря на насмешки, Немил не обиделся, а, наоборот, ощутил себя на седьмом небе. Ведь он оказался в самом центре внимания, и у кого? У небесных богов и богинь, владык мира, вершителей судеб. Раз смеются – то точно уже не за-

будут.

– Рассаживайтесь по саням! – взмахнул он здоровой рукой с таким видом, чтобы все сразу поняли, кто тут главный.

Хохоча, гости принялись расходиться. Богиня Мокошь, исполнявшая роль старшей свахи, осыпала княгиню и князя хмелем. Почтительно приблизившись к Костроме, Звенислава поклонилась ей в пол и повела к отдельному возку – к венцу жениху и невесте полагалось ехать порознь.

Гриди высыпали из чертога в доспехах, начищенных до зеркального блеска. От их оружия замельтешило в глазах. Немил благосклонно одобрил поднятый ими лязг: чем больше железного звона, тем больше страху нагонят они на чудовищ, если таковые вздумают высунуться из тайных убежищ.

Внезапно кудесника накрыло волной бурного, ничем необъяснимого восторга. На ретивом огненно-красном коне к гостям выехал молодой бог в кумачовой, как у мужика на ярмарке, рубахе. Сапоги его, темно-зеленые, с узорными золотыми травами, ловко держались в стремях на загнутых носках, так что наездник управлялся со скакуном одними ногами, в то время как руки его размахивали так оживленно, что казалось, будто это ветер сорвал с горы мельницу и понес ее над простором.

– Будь внимателен! – подсказал навь Владимир, указывая на лихача. – Это Ярило, свадебный дружка нашего жениха. Они с Перуном приятели не разлей вода. Как напьются, так начинают буйнить, а то и носы могут друг другу расквасить.

Следи за тем, чтобы он не прикладывался к меху с вином.

– Как же я за ним услежу? – растерялся кудесник. – Ведь я ему не указ.

Владимир, не слушая возражений, бросился к саням Перуна, у которых нетерпеливо бил копытом облачный конь.

– Эй, где тут кудесник со своим оберегом? – загрохотало божество в красной рубахе таким низким басом, что с окрестных дубов посыпались желуди.

– Тут я! – отозвался Немил, стараясь не попасть в свистопляску, поднятую этим вихрем.

Ярило спрыгнул с седла, поставил человека перед собой и наклонился, разглядывая его так, как лис разглядывает мышку перед тем, как сожрать.

– Ты, как я слышал, великий колдун?

– Не великий. Обычный, – бледнея, ответил Немил.

– Уберечь свадьбу от порчи сумеешь?

– Еще как! Я в этом деле мастак, каких свет не видывал! – стоило лишь чуть-чуть прихвастнуть, как человек снова почувствовал себя в родной стихии.

– Гляди в оба! Только наивные думают, будто в Белой Веже все только и делают, что милуются и лобызаются. На самом деле у Перуна полным-полно недоброжелателей.

– Кто может злоумышлять на небесного князя? – удивился кудесник.

– Много кто. Например, Велес – его давний соперник. Перун хозяйничает на небесах, зато Велес – в доле. Они не мо-

гут сойтись, как земля с небом. За сто веков у них накопилось столько обид друг на друга, что начни вспоминать – и драки не миновать. Иная материя – государыня Лада. С виду она – сама любушка, но при этом себе на уме. Она и сама не прочь царствовать в горних мирах, только кто ее пустит на владычный престол? Небось, наша царица спит и видит, как доказать всем силу своих чар. Свадьба – отличное время, чтобы опробовать их. Как увидишь богиню любви – берегись! Любовь зла, особенно, когда это любовь к себе. Что тарачишь глаза? Думаешь, это все? Как бы не так. Есть и еще закавыка. Додола, хозяйка радужного моста. Поглядеть на нее – так она само очарование, так и переливается всеми красками. А ты знаешь, что она была невестой Перуна до того, как он повстречал Кострому? Ох, кому я это говорю? Ты же полный растяпа, земляной червь, откуда тебе это знать? Слушай внимательно: Додола расстроена из-за того, что у нее увели суженого, и расстроена сильно. Свадьба – случай отомстить сопернице и предателю-жениху. Представь, как это будет красиво. На глазах у всех небожителей оба – хлоп! – и превращаются в диких зверей, которые даже не помнят, кем были прежде. Вот урок всем неверным любовникам, что бросают свою половинку.

– Разве боги способны на такое коварство? – пролепетал обескураженный человек.

– Если сильно рассержены – то способны, – заверил Ярило. – Но главный, кто меня беспокоит – это посол его ве-

личества Лиходея. Явился сегодня перед рассветом, показал вместо верительной грамоты дивный посох с неразгаданным свойством, и, как ни в чем не бывало, поднялся в Вышеград по мосту. Велес закрыл перед гостем ворота, да наши мудрые и дальновидные государи велели пустить его. Не хотят ссориться с бесами, уклоняются от войны. А посол этот кто? Мелкий черт Вертопрах, о котором мы прежде даже не слышали. Если б князь тьмы в самом деле искал нашей дружбы, то прислал бы кого-нибудь попримечней. Дело пахнет адскими кознями. Эти хитрые твари явно что-то задумали. Только что? Поди, разгадай, что у них на уме. Уж больно не нравится мне этот посох. Кто знает, на что он способен? Может, это оружие? Не успокоюсь, пока не упрячу его подальше, за семь замков.

– А раньше князь тьмы присылал своих подданных? – осведомился Немил.

– Не припомню такого. Лиходей держит камень за пазухой на Перуна. Когда-то давно они были друзьями, почти побратимами. Да после дружок переметнулся к врагам, и с тех пор они на ножах. А тут – редкий случай для мести.

Человек разволновался и по привычке принялся теревить янтарное ожерелье, свисающее с его шеи. Ярило встряхнул его плечи и пронзил взглядом:

– Если ты возомнил, что быть дружкой на свадьбе – плевое дело, то спустись с неба на землю. Тебе предстоит работа, какой свет не видывал. Обмишулишься – спросят с тебя.

Все понятно?

– Как не понять! – с досадой ответил кудесник. – Я-то думал, что свадьба богов позволит мне выслужаться. Что вести свадебный поезд – это привилегия и почет. А выходит, над моей головой нависают угрозы, о которых я даже не знаю? Как же я с ними справлюсь?

– В том-то и дело. В мире богов свои сложности. Будь на чеку. Если что – сразу ко мне.

Отпустив человека, с которого слетела вся самоуверенность, Ярило вскочил в седло и пустил коня к веренице гостей, рассаживающихся по саням.

– Что случилось? На тебе лица нет, – воскликнула Звенислава, едва увидела возвращающегося Немила.

– Кажется, я попал, как кур в ошип, – пожаловался кудесник. – Послужить на свадьбе богов – значит, спасти свою душу, так я думал. А выходит, что все наоборот. Допустишь промах, и боги накажут так, что лучше бы было вообще не родиться. Только бы свадьбе никто не навредил! Тогда и мне никто худа не сделает.

– А нельзя ли опередить злопыхателей? – подала мысль Звенислава. – Раскрыть их коварные планы, да и прижать к ногтю?

– Если бы! Они – боги. А я кто? – от волнения у Немила не хватало слов, чтобы завершить предложение. – Деваться некуда. Хотя бы вид сделаю, будто из кожи вон лезу, чтобы у них ничего не случилось. Авось, тогда меня пощадят.

– Можешь рассчитывать на меня, – сказала небесная дева. – Мне бы совсем не хотелось, чтобы с моим господином и его возлюбленной прямо на свадьбе случилась беда.

– Спасибо тебе, моя душенька, – расчувствовался Немил. – Уж и не знаю, на кого тут положиться. Я в этом мире чужак, тут у меня ни родни, ни знакомых. Хватаю жабрами воздух, как рыба на суше, и не могу надышаться. Одна ты для меня – утешение.

Звенислава смутилась и даже чуть-чуть покраснела.

– Если б ты знала, как я ненавижу опасности и приключения! – не мог уговориться человек. – Дали б мне спокойно дожить свои годы. Нет, всем от меня что-то нужно. Лиходею подай мою душу, небесным владыкам – голову, упырю – кровь. Я им что, дар природы? Нет, чтобы выделить мне местечко в раю и сказать: ступай в вечное счастье, Немил Милорадович, и ни о чем не тревожься. А если случатся на твоём пути трудности – то мы сами о них позаботимся. Что, сказали мне так государи вселенной? Как же, жди!

Звенислава погладила его по рукаву, стараясь не касаться открытой кожи.

– Свадьба – большое событие, его запоминают надолго, – утешила она спутника. – Если справишь свою службу ладно – попадешь в число ближних слуг. Тогда проси, чего пожелаешь. Владыки небес справедливы, они не забудут тебя награждать.

– Только на это я и надеюсь. Иначе придет мне такая ха-

на, что и словами не описать. Хочешь не хочешь, а угодить богам надо. Дело решенное: я принимаюсь за службу. Если свадьба пройдет без сучка, без задоринки, то я сорву выигрыш, о котором мечтал. А для этого нужно найти стервеца, что злоумышляет на князя. Выведу пакостника на чистую воду – добыюсь своего.

– Может, никто и не злоумышляет? Может, это пустые тревоги?

– Хорошо, если так. Только слабая это надежда. Пойдем-ка, расчистим для свадебки путь. Вредитель нам неизвестен. Зато мы знаем, кого наметили в жертву – жениха и невесту. Стало быть, наша задача: жертв спасти, покушение предотвратить. И с орудием зла ясность полная – это черное колдовство, а уж в нем-то я разбираюсь. Так что злодея ждет встреча, о какой он и не помышлял.

И Немил двинулся вдоль вереницы саней, придиричиво осматривая приглашенных. В возок к жениху сели Ярило, Хорс и Стрибог. От Ясного месяца, кожа которого серебрилась и поблескивала завораживающим сиянием, Немил предпочел держаться подальше. Но пройти мимо хозяина поднебесных ветров он не мог. Улыбаясь, Стрибог обнажал золотые зубы. Позолота блестела и на витых рогах, что тянулись ввысь с его шлема. Одет он был в мятль, цвет которого менялся от белого к нежно-голубому. Ярило строго взглянул на кудесника и погрозил ему пальцем, так что Немил предпочел побыстрее проскочить мимо.

В следующих саях разместился бог судьбы и гаданий Судимир с сестрами и дочерьми. С одной из его сестер, черной пряхой Несречей, Немил не захотел бы встретиться ни за какие коврижки – ведь она обрывает нить жизни, которую ткут для каждого из людей с его рождения. Зато белая Среча, что дает этой жизни начало, так и источала жизнерадостность.

Переплут и Додола, Денница и Жива, Карна и Желя – все богини и боги сливались перед глазами человека в череду мелькающих ликов.

«Как я попал сюда? Кто я такой? Самозванец, чудом угодивший на роскошное пиршество, – мелькала в голове кудесника холодящая мысль. – Вдруг они разгадают, что я – просто гусеница, что заползла на их скатерть? Ведь раздавят – одно мокрое место останется. Главное – не подавать виду. Уф, Немил Милорадович, ну и вяпался же ты! Держись уверенней! Улыбайся! Пусть никто из них не догадается, кто ты на самом деле!»

И он улыбался, и всем своим видом показывал, что без него тут не обойтись, что он – знаток ведовства, и находится за работой, от которой нельзя отвлекать.

Гриди вывели крылатых коней, похожих на легкие облака. Перед Немилом пронесся целый табун жеребцов, алмазные копыта которых едва касались поверхности. В самом конце ковылял серый в яблоках конек с крыльями, сложенными, как у скачущего по земле воробья. Он казался настолько смешным и невзрачным, что Немил улыбнулся.

Небесные воины дружно вскарабкались в седла и выстроились справа и слева от поезда, образовав почетный караул.

Сани гостей покачивались, как ладьи на волнах. Кудесник обеспокоился и полез посмотреть, отчего их качает. Как они вообще могут катиться по земле в разгар лета – ведь полозья сотрутся об алмазы?

Едва он оказался под днищем саней, как заметил, что полозья и вовсе не касаются почвы – они парят в одном верхке над травой, словно какая-то сила удерживает их на весу.

– Вот так чудо! – не удержавшись, воскликнул он.

Размечтавшись, он вообразил, как летит на таких же санях в разгар лета по главной улице Великого Мира-города, а князья и бояре тарашатся на него и вопят: «гляди, что колдун вытворяет!» В уме отложилось, что нужно выведать у небожителей их секретик и при случае щегольнуть им.

Внезапно по рядам приглашенных пробежало волнение. Гриди вытянулись в струнку и замерли. Звенислава уставилась в дальний конец аллеи, ее лицо приняло благоговейное выражение. Немил посмотрел туда же. Под аркой, образованной двумя окаменелыми чудовищами, сцепившимися в схватке, показался старейшина горней общины Род в сопровождении Лады и юной Лели.

Старейшина чинно вышагивал, кутаясь в роскошный рдяной мятль с меховым подбоем. Борода его казалась почти белой от седины, но голубые глаза блестели так молодо, словно старость боялась подступить к нему по-настоящему. Ла-

да, претендующая на звание небесной царицы, держалась так же степенно, а вот ее дочь Леля, выглядящая лет на восемнадцать, вела себя непосредственно.

Но внимание человека привлекли не богини, способные поразить красотой и менее чувствительное сердце. Его взгляд сразу же упал на существо, настолько отвратительное, что само появление его в Горнем мире казалось невероятным. Оно походило на беса, только мелкого и суетливого.

Из коротких штанишек торчали нелепые и кривые ноги, волосатые, как у животного. Козлиные копыта гулко стучали по алмазной мостовой, и даже эхо от этого чужеродного звука резало слух. Впрочем, верхняя часть его тела казалась вполне человеческой. Под распахнутым воротом косоворотки виднелась голая, без единого волоска, грудь. Густые и длинные космы лохматились на голове, как у пугала. Из них торчали миниатюрные рожки, годные разве на то, чтобы пугать голубей. Они были не длиннее остреньких ушек, розовых, как у свиньи. Такой же свиной пяточок украшал оживленную физиономию с бегающими глазками. На несуразное тело был напялен новомодный фряжский камзол из темно-зеленого бархата с золотым шитьем. Только вот хвостик с пушистой кисточкой на конце выдавал не заморского аристократа, а обыкновенную нежить, корчащую из себя важного гостя.

Владыка Род оказывал своему спутнику необъяснимые знаки внимания. Он поддерживал его под локоток и зани-

мал учтивой беседой, пока эта нечистая сила гримасничала и кривлялась.

– Откуда тут это козлище? Как его занесло в Горний мир? – спросил пораженный кудесник.

– Ты разве не знаешь? – откликнулась Звенислава. – Это же черт Вертопрах, посланец Великого Лиходея. Он прибыл на свадьбу, чтобы засвидетельствовать почтение своего господаря.

Черт вытащил из рукава кружевной платочек, хрюкнул и обмакнул в него свой свиной пяточок. Рыльце заходило ходуном, оставляя на кружевах слизь и черные волоски. Род участливо поддержал спутника и осведомился, не холодно ли тому на небесах, открытых в звездный простор, после жара огненного пекла. Вертопрах скривил рожицу и мотнул рожками, выказывая недовольство здешней погодой.

– Противно смотреть, как владыка миров лебезит перед мелким чертякой! – в сердцах бросил Немил.

– Ничего ты не понимаешь! – обиделась Звенислава. – Наш старейшина – мудрый правитель. Ему нужен мир с бе-сами, а они, между прочим, так и шныряют по Туманной поляне. После долгого перерыва они снова полезли в Дол, хоть им это и запрещено. Что они затеяли? Может, готовятся к нападению? Нужно заранее разузнать.

– Как по мне, так их всех нужно прижать к ноготку, да и дело с концом.

– Вот пойд и прижми!

У Немила иссякли доводы, и он почувствовал досаду – не столько от того, что оказался неправ, сколько от того, что его переспорила дева, которую даже и ущипнуть не за что. Черт между тем закончил сморкаться и небрежно швырнул платок на дорогу.

– А вот это вы зря! – кудесник востепенел, как гончая, слышавшая охотничий рожок.

Дева не успела схватить его за пояс, чтобы попридержать. Метнувшись торжественной процессии под ноги, Немил схватил замусоленный платок, поднял его в руке и, торжествуя, вскричал:

– Это что такое? Я тебя спрашиваю, мурло безобразное!

Черт опешил, и даже небесный владыка остановился, едва не споткнувшись о мятущегося человечка.

– Вы что, ослепли? – обернулся Немил к окружающим, демонстрируя им кружева, с которых стекали остатки соплей. – Это же черное колдовство! Адская тварь, не стесняясь, ворожит у всех на виду. Навела на ткань порчу и бросила на дороге. Попробуй теперь, переступи через нее – мигом почувствуешь лиходейскую ворожбу!

И он победоносно окинул взглядом ряды богов и богинь, всем своим видом показывая: мол, как вам такое? Видали работу настоящего ведуна?

Мгновенье над аллеей висела полная тишина, а затем небожители дружно грохнули со смеху. Род от хохота согнулся чуть ли не пополам, на глазах у него выступили крупные,

как алмаз, слезы.

– Польстился на кружевные узорчики? – едва превозмогая веселье, проговорил владыка. – Забирай их себе. Наш гость будет не против.

Немил повертел в руках склизкую рвань, засомневался, и для верности рассмотрел ее на просвет. Козлиная нога черта дрогнула, копыто выбило из мостовой искру.

– Как ты смеешь вставать у меня на пути? – прошипел он.

– Так и смею! – самоуверенно заявил Немил, хотя поджилки у него затряслись от сознания собственной промашки.

– Я – посол! Моя личность вне подозрений!

– А я – вож поезжан. Я должен оберегать их от нечисти – такой, как ты.

Черт обернулся к Роду, состроил надменную физиономию и проверещал:

– Возмутительно! Я пожалуюсь господарю!

– Ах, какой неприятный случай! – расшаркался перед ним старейшина. – Не стоит беспокоить царя преисподней, у него и без нас забот полон рот. Мы это дело сами уладим.

И он махнул человеку ладонью, чтобы тот поскорей убирался. Немила как ветром сдуло. Он спрятался за сани с нарядной публикой и постарался стать незаметным, что при его габаритах оказалось нелегкой задачей. Там его и нашла Звенислава, зажимающая губы ладошкой, чтобы не прыснуть со смеху.

– Чего они все? Я ведь как лучше хотел! – попытался оправдаться кудесник. – Я же на службе. У меня обязанности. Разве не так?

– Так, так, – успокоила его дева. – Ты рванину-то выкинь, а то весь перемажешься. На тебе самом порча останется.

– Не может же быть так, чтобы черт без причины метнул на дорогу свою соплю, да еще прямо перед санями!

– Никак не может. Разве что черт попадется сопливый. Но ведь этого не бывает, правда?

– Эх, да что с вами толковать! Вы тут все неучи, настоящего колдовства и не видели. Пропадете вы без меня, как пить дать!

– Пропадем страшным пропадом, кто б сомневался, – едва сдерживая хохот, утешила его дева. – Сама судьба послала нам этакого чудотворца.

Немил бросил наконец платочек, присыпал его землей и тщательно утоптал захоронение сапогами.

– Так-то оно понадежней будет, – виновато отдуваясь, проговорил он. – Теперь можно ходить без опаски. Колдовство на нем если и было, то все в землю ушло.

– И куда же мы, горемычные, без тебя? – вздохнула дева. – Пойдем уже. Поезд вот-вот тронется. Новые подвиги не за горами.

Немил колебался и не решался показаться. До него доносился возмущенный голос Вертопраха, который требовал, чтобы «этого мерзкого колдуна» сбросили с неба на землю

вниз головой, поскольку иного тот не заслужил. Чтобы успокоить почетного гостя, к нему вышел сам громовержец Перун. Горний князь постарался обаять не на шутку разошедшегося посланника, и ему это удалось. Черт расплылся в улыбке и преподнес свадебный дар: древний посох из дерева редкой породы, украшенный самоцветами, с рукоятью слоновой кости в виде белой совы, широко раскрывшей удивленные глаза.

Перун вежливо похвалил ценный дар и передал благодарность Великому Лиходею, который, не забыв прежней дружбы, подобрал для него столько изысканную диковинку. При имени Лиходея черт онемел, и едва не свалился в обморок – до того он боялся собственного владыки.

Самоцветы на посохе испускали из глубины темный блеск, который пришелся Немилу не по душе. Притворившись паинькой, он отправил Звениславу к невесте, а сам рыбкой метнулся к Перуну, схватился за посох, дернул и хрипло шепнул:

– Дай сюда! Я его осматрю!

Перун не выдержал и расхохотался так, что на лошадиной упряжи затренькали бубенцы.

– Когда же ты угомонишься, дубовая голова? На свадьбу всем дарят подарки, таков обычай.

– А вдруг на нем злые чары? Зря, что ли, ты взял меня в услужение? Раз уж выпал мне случай, то позволь исполнить свой долг, как положено.

– Я ценю твоё рвение, но ты перестарался. Погляди: вокруг братья и сестры. Они вовсе не собираются съесть меня с потрохами.

– Скажи это Великому Лиходею. Я нос к носу с ним терся, сам видел, каков он. Помяни мое слово: лиходейских подарков без подвоха не бывает.

Перун погладил иссушенное дерево с вязью вкрапленных самоцветов и проговорил:

– Этот посох намного древнее и Лиходея, и всех горних божеств. По правде сказать, я и сам ума не приложу, где посланник раздобыл эту вещицу. Если б на ней были чары, то они бы уже проявились.

Он повертел трость в руках и для верности щелкнул по свиной голове ногтем.

– Видишь? Ничего нет.

– Что ж мне никто не верит-то? – с досадой бросил Немил и отступил.

К Вертопраху приблизились слуги, предложили ему чашу с вином и увели в белокаменную палату веселиться и отдыхать. Черт с готовностью согласился и больше не появлялся. Все облегченно вздохнули, а Ярило принялся зычно орать, что пора выезжать. Род первым отправился к месту венчания, чтобы все подготовить. Низкий голос Ярилы несся над поездом, как набат вечевого колокола.

Гости расселись наконец по саням, почетный караул выстроился от них по обе стороны, гриди обнажили мечи, блеск

которых должен был отпугнуть злыдней. Владимир подвел Немилу крылатого скакуна – того самого, серого в яблоках, невзрачного и неказистого. Человек с завистью посмотрел на белоснежных коней охраны, легких, как облачка, и привередливо буркнул:

– Другого что, не нашлось?

– Тебе и этот сойдет, – пренебрежительно бросил навь.

– Похоже, меня ни во что не ставят.

– Теплокровым по чину других не положено. Ты не ревнуй, этот конек ладный, даром что неказист с виду. Его зовут Рублик. Он хорош уже тем, что не взбрыкнет и не сбросит тебя с края вниз – туда, откуда ты явился.

Немил осекся и вспомнил, что забрался так высоко, что падать отсюда будет ой как больно. Пришла мысль, что пора наконец поумнеть и начать следить за языком, только он, баламут, живет собственной жизнью и не хочет мозгам подчиняться.

Владимир помог ему вскарабкаться в седло и вручил обеими руками – кнут с распущенным на семь концов язычком и серебряный колокольчик, звона которого боится нечистая сила. Немил взял кнут правой рукой, а вот с левой вышла заминка – она упорно не разгибалась, хотя ладонь шевелилась, а пальцы держали все, что в них вложишь. Навь проявил деликатность, облетел коня слева и навесил на шуйцу Немила шнурок с петелькой так, что колокольчик болтался и сам звенел при любом движении.

– Знаешь, зачем они? – спросил навь.

– Не учи ученого, – обиделся кудесник и лихо щелкнул кнутом по дороге, отгоняя нечистую силу.

– Так-то лучше, – похвалил его служка и помчался к Перуну.

Сам же Немил заторопился к невесте. Кострома восседала в санях, запряженных тройкой крылатых лошадок. Звенислава уже суетилась рядом, обхаживая госпожу. Напротив невесты, на низкой скамеечке устроились владычица Мокошь и мать с дочерью – Лада и Леля. Увидев, как мило щебечут они с Костромой, Немил вспомнил, что богиня любви – одна из подозреваемых в чародействе, и пришел в ужас. Забыв о предостережениях, он направил коня прямо к ним и во все горло выкрикнул:

– Вы чего сюда набились, как селетки в бочку? А ну, выметайтесь!

Богини оторопели и смолкли, и даже служанка, уже знакомая с манерами землянина, не смогла открыть рта, шокированная его отменной вежливостью.

– Живо! Кому я сказал! – и Немил щелкнул кнутом для острастки.

Синие очи Лады загорелись недобрым огнем.

– Совсем страх потерял, смерд? – прошипела она.

– А чего мне бояться? Мой владыка – Перун. Хочешь пожаловаться на меня? Иди, жалуйся. А до тех пор его невесту я буду оберегать, и я один буду решать, что для нее безопас-

но, а что – нет.

– Матушка, позволь, я подрежу ему язычок, – звонким голоском попросила Леля.

Юная прелестница привстала со скамьи, и с человека мигом слетел весь его гонор. Молодая богиня только с виду казалась милой. Стоило ей приподняться, как кудесник почувствовал себя добычей, трепещущей перед когтями коршуна. У Лели не было при себе ни оружия, ни силков для охоты, но их и не требовалось – она и без всяких приспособлений могла изловить любую тварь на земле, в море, а тем более в родном Вышеграде.

– погоди, дочка, – откликнулась Лада. – Мы не можем испортить праздник. Холоп просто забылся. Он одумается и повинится.

На выручку человеку пришла Кострома. Она погладила сидевших лицом к лицу Ладу и Лелю, и мягко проговорила:

– Простите за наших слуг. Человек – новичок в нашем городе, еще ночью он бродил по Туманной поляне и скрывался от бесов. Ни с того, ни с сего оказаться на небе, да еще в живом теле и с теплой кровью – такого поворота и более крепкие души не перенесут. Он исправится, правда, Немил Милорадович?

Кудесник расплылся в улыбке – его до глубины тронуло почтительное отношение богини, назвавшей его по имени-отчеству.

– А я что? Я ведь все для тебя, госпожа, – пробормотал он.

– Для меня тут все тоже в новинку, – тепло произнесла Кострома. – В Горнем мире у меня ни родни, ни друзей. Спутницы Рода-владыки оказали мне честь, сев в мои сани. Какая еще невеста может мечтать о том, чтобы сама богиня любви провожала ее под венец? Я так счастлива, что и слов не подберу. Но в одном ты прав: у моего суженого много врагов. Следи за ними, не дай сотворить лиха.

– Будь уверена, госпожа, так я и сделаю, – пообещал расстроганный кудесник. – Ради тебя я в лепешку расшибусь. И вы, сударыни, не серчайте и камня за пазухой не держите. Ведь я о благе хозяев пекусь. Разве слугу в этом можно винить?

И он направил коня к голове поезда, где воевода гридей уже приплясывал от нетерпения. Серый конек взмахнул крыльями и легко оторвался от мостовой. Немила качнуло, и он увидел, как земля уходит из-под ног. Дыхание перехватило, голова закружилась, и ему захотелось немедленно спрыгнуть, чтоб не терпеть страху. Но он очутился у всех на виду, и мысль, что над ним станут потешаться, показалась ему невыносимой, поэтому он взял себя в руки и напустил бодрый вид.

Рублик пронесся над санями с разодетыми божествами и поплыл низко, над самой алмазной дорогой, едва не касаясь ее копытами. Немил вспомнил об обереге и зазвенел колокольчиком, оповещая окрестности: свадьба едет! Прохожий, посторонись!

Стрибог поднял окованный серебром рог, и задул в него с такой силой, что у Немила заложило уши. Рев рога вышел таким оглушительным, что вздрогнуть должны были, наверное, даже бесы в самом дальнем углу преисподней.

В передних санях Ярило сам взялся за вожжи. Перун встал со скамьи и оглянулся: не потерялась ли невеста? Разглядев позади ее белоснежное покрывало, помахал посохом и лихо гаркнул: «Поехали!» Бубенцы зазвенели, поезд тронулся, началась кутерьма.

Немил оказался на кончике этой стрелы, рассекающей простор Горнего мира. Рублик нес так спокойно и ровно, что седок позабыл о страхах. В душе человека взметнулась целая буря чувств. «На меня смотрят боги! – неслись возбужденные мысли. – Они мне доверяют! Они меня выбрали, чтобы я охранял торжество! Небывалая почесть! Рассказать бы кому – не поверят. Перунова свадьба станет легендой. А я – вот, тут как тут, на первом месте, у всех на виду. Эй, вы, там, на земле! Все те, что гоняли меня взащей! Что не верили мне, насмехались, жгли огнем и топили в море! Поглядите! Что, съели? Я выше всех!!!»

Ему хотелось орать во все горло – так сильны были чувства.

Свадебный поезд проехал мимо столетних дубов и миновал гридницу. Тут вся Перунова дружина, разодетая в боевые доспехи, пьяная и разгоряченная от постоянной пирушки, присоединилась в веренице саней. Она приветствовала

своего предводителя таким оглушительным криком, что ветви дубов затрещали. Довольный Перун подал команду, и эта разношерстная толпа отправилась в хвост процессии, чтобы не путаться под полозьями у господ.

За Золотыми воротами перед Немилом открылся широкий путь, уводящий в бескрайний небесный простор. Но тревожное чувство не покидало кудесника, напасти так и мерещились, и он вглядывался в каждый встречный куст, пытаясь разгадать, что за ним кроется – затаившееся зло, или всего лишь беззаботные райские птицы.

На дороге замаячила массивная фигура, похожая на медведя, вставшего на задние лапы. Немил сжался и приготовился к бою, но стражники на крылатых скакунах порхали поодаль, как ни в чем не бывало, и даже не думали тревожиться.

По мере приближения фигура росла. Человек разглядел знакомую шубу из бурого меха и костяной шлем, похожий на череп зверя. Вид его разбудил неприятные воспоминания о недавней стычке, и человек счел за благо вильнуть в сторону и не лезть на глаза.

Велес положил низкий поклон жениху с невестой и поприветствовал их прочувствованной речью.

«А вот и еще один подозреваемый! – припомнил Немил предостережение Ярилы. – Что у него на уме? Учудит ли он что-нибудь? Эх, кабы знать!»

Перун пригласил Велеса в свои сани. Кудесник почуял

опасность и разволновался, но вспомнил конфуз, случившийся с Ладой, и заставил себя терпеть и не вмешиваться. Вернувшись на дорогу, он звучно щелкнул по ней кнудом и зазвенел колокольчиком.

– Сгинь, нечистая сила! – для собственного успокоения выкрикнул он. – Путь, расчистись!

– Эй, погодите! – возмутился Велес. – Что это за хлыщ? Кажется, я его знаю. Он ломился ко мне в детинец и требовал пропустить в Горний мир. Я, разумеется, отказал. И знаете, что он удумал? Отравить меня колдовским пойлом. Вот ведь, какой прохиндей!

– Хорс его похолопил. Теперь он наш, – безмятежно отреагировал Перун.

– Что значит «наш»? В нем теплая кровь. Ему не место на небе.

Немил не сдержался и возразил:

– Что с того, что во мне кровь? Это что, преступление? Упыри так и думают.

– Ты кого упырем назвал? – взъелся бог.

– Любезный братец, угомонись! – усадил его на скамью громовержец. – Человек – мой слуга. Я за него отвечаю.

– Если так, тогда ладно. Но учти, прохвост, – обратился к Немилу Велес. – Я слежу за тобой в оба глаза. Если замечу, что ты строишь козни – отомщу так, что в пекло запрочишься.

– То же самое я и тебе скажу, – буркнул Немил.

– Ах ты, негодник! Ты кому угрожаешь?

– Прекратите! Немедленно! Оба! – прикрикнул на спорщиков Ярило. – Вы превращаете праздник в склоку.

Велес опомнился и полез к жениху с заверениями в вечной дружбе. Перун развлек его, показав дивный посох, подаренный Вертопрахом. А Немил поторопился отъехать подалее, чтобы суровые божества оставили его наконец в покое.

Раскидистая крона Древа миров показалась вдали. Алмазная дорога вела к ней мимо густых рощ и дубрав, мимо колосящихся пшеничных полей, за которыми виднелись молочные воды Звездной реки.

Внезапно алмазы мостовой полыхнули в глаза тысячей ярких бликов. Немил зажмурился, отшатнулся и едва не слетел с седла. Поезжане у него за спиной возбужденно загомонили.

– Что еще за напасть? – не раскрывая глаз, завопил вож. – Стража, наизготовку! Отразить нападение, кто б это ни был!

И снова позади раздался дружный всплеск хохота.

– А вот и наш солнечный государь! – привстав в санях, кликнул Хорс. – Братец,ними свой венец! Не все гости могут выдержать его блеск.

Огненные сполохи просвечивали даже сквозь опущенные веки Немила. Когда их круговерть успокоилась, он раскрыл глаза и увидел позолоченную колесницу, запряженную тройкой пламенно-красных коней. Возница в багряном кафтане направлял ее навстречу поезду, нимало не заботясь о том,

что еще чуть-чуть, и повозки столкнулся на полном ходу.

Кровь ударила Немилу в голову, сердце заколотилось. Он позабыл и про страх, и про то, что нужно самому побережеться. Мелькнула лишь мысль, что новый противник наедет на сани Перуна и раздавит их, а этого никак нельзя допустить. Он направил Рублика навстречу летящей колеснице, решив: «пусть лучше столкнется со мной, и будь что будет!»

Но серый конек сам остановился в аршине от своих огненных родичей, так и пышущих жаром. За спиной возницы поднялся бог в золотистой одежде, с драгоценными бармами на плечах, усыпанными самоцветами. В руках божества полыхал нестерпимым сиянием венец, который он только что снял с головы.

– Дажбог, не смущай человечка! – насмешливо выкрикнул Велес. – У него душа в пятках, а в голове – ветер.

И снова над вереницей саней грянул раскат смеха.

– Святослав, ларец! – велел солнечный бог.

Возница раскрыл широкую шкатулку. Дажбог запрягал в нее корону и хлопнул откидной крышкой, отчего нестерпимое сияние наконец померкло – лишь сквозь замочную скважину пробивался ослепительный луч. Немил вытер со лба пот и недовольно промолвил:

– Осади назад, государь! Не загораживай путь.

– Ты думал, я на тебя нападаю? – осведомился Дажбог.

От саней Костромы принеслась Звенислава и потянула Немила назад, шепча ему на ухо:

– Не выставляй себя на посмешище! Солнечный государь нарочно съехал с небесной дороги, чтобы встретить нас. Это неслыханная почесть!

– Что ж вы не предупредили? – с досадой бросил человек, отъезжая. – Я на взводе, отовсюду жду нападения, а тут такие сюрпризы, о каких я ни сном, ни духом.

– Да ладно вам, не судите нашего вожа за то, что он ревностно исполняет свой долг, – громко сказал из саней Перун. – Молодец, человек, держи ушки востро. Вдруг придет настоящее лихо? А тебя, государю Дажбоже, благодарю за великую честь. Редко можно увидеть, чтобы солнце сошло с тропы посередь дня.

– День особенный, такой повод нельзя пропустить, – любезно откликнулся Дажбог.

Навь Святослав, служивший ему возницей, развернул позолоченную колесницу и направил ее к Миростволу. Не доезжая до Древа, поезд остановился. Гости вылезли из саней и пошли за женихом и невестой. Дажбог двинулся первым, освещая им путь.

Над головами захлопали крылья. Целая стая жар-птиц налетела, озарив поле разноцветным сиянием. Перья из их хвостов выпадали и, светясь, опускались к земле. Гриди расхватили их и воткнули себе в шапки, отчего свадебная процессия превратилась в череду огоньков. Звенислава подлетела к Немилу и воткнула перо ему за воротник, отчего он и сам засиял, как светлячок.

Поляну перед древом миров заранее застелили мягкими коврами. Род уже поджидал их у алтаря, Лада с Лелей присоединились и встали у него за спиной с праздничными дарами.

Немил отвел Рублика в сторону и наблюдал за действием со стороны. Звенислава со служками и возницами встала поблизости.

Ярило подвел жениха и невесту к алтарю и приготовил обручальные кольца. Дажбог с Ладой подняли над их головами венцы, владыка Род раскрыл древнюю книгу.

Кострома сбросила накидку и отдала ее свахе. Открылось ее лицо, бледное от волнения. Лишь на щеках проступал едва заметный румянец. Перун взял невесту под ручку и окинул ее нежным взглядом. Владыка принялся читать стих, пробуждающий древнюю волшбу.

– Государь, великий князь горнего мира Перун, – строгим голосом вымолвил Род. – По своей ли воле берешь в жены девицу Кострому?

– По своей! – эхом отозвался Перун.

– Кострома, своей ли волей берешь в мужья бога Перуна?

– Да, воля моя! – тихо выдохнула дева.

– Пусть будет брак ваш священным и вечным, – заключил Род.

Ярило подал блестящие кольца. Бледный пальчик Костромы дрогнул, Перун засмеялся, поймал его, надел колечко и прикоснулся губами. Род соединил их ладони, Дажбог и Ла-

да опустили венцы им на головы.

Перун обнял свою молодую супругу и поцеловал ее. Гости восторженно заголосили и принялись осыпать пару хмелем и пшеничными зернами. У богинь проступили слезы, Звенислава рядом с Немилом ахнула и протерла глаза.

– Нет, не могу я на это смотреть! – вдруг раздался рассерженный крик.

Додола, богиня радужного моста, швырнула оземь расшитый рушник и бросилась к поезду. Ее сани поднялись в воздух, заложили крутой вираж и понеслись прочь. По рядам гостей пронесся вздох сожаления. Богини и боги с пониманием переглянулись и сделали вид, что ничего не случилось.

– Плохая примета! Как некстати! – прошептала Звенислава.

Пытаясь загладить неловкость, Ярило вышел на середину поляны и привлек внимание:

– Венчание состоялось. Теперь – гулянье и свадебный пир.

Все тут же забыли про происшествие и проводили «князя с княгиней» в их сани. Возницы вернулись к своим обязанностям, летучие гриди опять взмыли ввысь, образовав два ряда огоньков. Поезд тронулся с места, но на этот раз проехался по окрестностям, задержавшись на берегу Звездной реки.

Немил не находил себе места. Ему казалось, что все только и судачат, что о его оплошностях. Все время, пока моло-

дые супруги гуляли по берегу, он держался в тени. Звенислава с Владимиром сопровождали новобрачных, отчего он почувствовал себя одиноким и всеми брошенным. Лишь Рублик потерялся мордой ему о плечо, давая знать, что он рядом. Немил похлопал его по крылу, не выдержал и пустил слезу.

На него нахлынули разом все чувства: и жалость к себе от того, что у него самого не случилось такой же чудесной свадьбы, и воспоминания о прожитой жизни, и мысли о том, что скоро уже ей конец, а свое гнездо так и не свито. Колокольчик на его шуйце звякнул, голосок серебра прозвучал и задорно, и жалостливо одновременно.

– Не за себя, так хоть за других порадуюсь, – сказал Немил своему коньку и плеснул на него водой из реки.

Перун с Костромой прошли по дубравам и березовым рощам, что окружали столицу богов. Серебряный город встречал новобрачных колокольным перезвоном, звуки которого разносились по всем небесам и долетали до самых дальних уголков подселенных миров. Поезд вкатился в Золотые ворота, пронесся по Малиновой улице, дурманящей голову пряным запахом листьев и ягод, и остановился на площади перед Белой вежей.

Род и Лада успели подъехать пораньше и уже встречали молодых у входа в огромную башню.

– На порог не ступи, господине! – испуганно завопил Немил, спрыгивая с коня и бросаясь Перуну под ноги.

– Скорее я о тебя споткнусь, – откликнулся Громовержец.

Но Немил знал, как выдержать свадебный чин. Он взбежал по ступеням и лег на порог, чтобы князь не коснулся его сапогом. Перун подхватил на руки Кострому и бережно внес ее в вежу, переступив через ретивого холопа.

Большой зал Белой вежи сверкал от сотен светочей, воткнутых в гнезда на стенах. Столы ломились от изысканных яств: обитатели всех трех миров почитали за честь, если их угощенье попало на свадьбу богов. Огромные копченые рыбины разевали пасти, как будто их только что выудили из Хвалынского моря. Молочные поросята щекотали ноздри запахом поджаристой корочки. Обложенные яблоками лебеди тянули вверх шеи, словно и не пеклись в печи.

Внутреннее убранство палаты поразило Немила роскошью. Он с первого взгляда влюбился в тяжелые колонны, поддерживающие сводчатый потолок, в разноцветные знамена, свисающие со стен, даже в едкий запах светочей, горящих тут, наверное, уже тысячу лет.

Тут было как-то... он не мог подобрать слов... может, сказочно? Или волшебно? Какие бы новые ощущения ни охватывали его, он почувствовал только теперь, что в самом деле оказался на Небе, в неведомом Горнем мире, где живут только боги и праведники, окончившие земной путь. Он, маленький человечек, в котором гулко стучало сердце, а разгоряченная кровь пульсировала в висках – что он делал в этом царстве великих и вечных, которым до него, червя, не было дела? Он вжал голову в плечи и постарался стать незамет-

ным, но Звенислава позвала его за собой, и ему волей-неволей пришлось взять себя в руки.

За порогом палаты княгиню и князя встретили солнце и месяц – Дажбог и Хорс. Их сестра Денница поднесла каравай с солью. Кострома и Перун отломали по маленькому кусочку, обмакнули в солонку и отведали угощенья.

Ярило проводил их к отдельному столику на возвышении, за которым стояли два высоких престола, отделанных мягким бархатом темно-багряного цвета. На сиденьях заранее разложили подушечки и покрывала из соболей. Стол застелили тремя скатертями, поверх которых расставили драгоценные блюда и чаши.

Перун воткнул перо жар-птицы в спинку кресла, поставил рядом подаренный посох и устроился на бархате. Кострома скромно присела рядом – она как будто стеснялась внимания, обращенного к ней со всех сторон.

Немил снял со стола драгоценную чашечку чистого золота, усыпанную разноцветными камешками. Она так сверкала, что он не мог устоять. Воровато оглядевшись, он убедился, что окружающим на него наплевать, и сунул ее себе за пазуху. Затем, как ни в чем не бывало, принялся поправлять скатерть, убрал посох подальше за спинку престола, да и сам спрятался там же, чтоб было меньше вопросов.

Самые важные гости чинно расселись за длинным столом, поставленным посреди зала. Вслед за ними места вдоль стен начали занимать воины-гриди и навьи слуги. Звенисла-

ва устроилась в дальнем углу с Волосынями, чье сияние озаряло низко нависшие своды.

Только тут у Немила отлегло от души. Беды не случилось, подозрения не оправдались, никто из гостей не подвел, нечистая сила на свадьбу не покушалась. Ну, подумаешь, пару раз выставил себя на посмешище. Может, оно и к лучшему. Богини и боги – надменные, высокомерные, смотрят поверх головы. Человечек для них – что комар, о таком даже думать не станут. А вот если ты их рассмешил – этого они не забудут. И если придется их о чем-то просить – они вспомнят тебя и улыбнутся, а оттого и решение их выйдет в твою пользу.

Немил малость приободрился, выскочил из-за престола и принялся красоваться у всех на виду, чтобы подольше остаться в памяти у владык.

– Брысь! Не суйся под ноги, смерд! – раздался над ухом неприязненный окрик.

Настроение кудесника сразу упало. Гадкий черт Вертопрах, разряженный, как иноземная кукла на карнавале, загородил ему путь, явно затевая свару. Немил тут же вспомнил, что на груди у него пригрелась чашечка со стола новобрачных, и счел благоразумным убраться подальше.

– Какая омерзительная тварь! – шикнул он в спину уходящему черту. – погоди, я тебе это припомню!

Пир продолжался уже целый час, и Немил убежался, переноса блюда с общего стола за маленький столик моло-

доженов. Гости успели захмелеть и сыпали шуточками про первую ночь и про то, как перед сном новоиспеченная жена станет стягивать с супруга сапог. Костроме эти шуточки очень не нравились: она сверкала глазами на говорунов, особенно на горластого Ярилу, но заткнуть их не могла – молодым на свадьбе полагалось помалкивать и делать то, что велит дружка.

Шум над рядами гостей неожиданно стих. Вертопрах, сидящий по правую руку от Рода, поднял большую заздравную чару и наполнил ее вином. Его крючковатые пальцы коснулись вделанных в тусклое серебро рубинов, поблескивающих багровым отражением светочей. Перепончатые крылья за спиной горделиво расправились, хвост с засаленной кисточкой дернулся и смел с пола лебединые кости.

Заметив всеобщее внимание, посол смутился, рука его дрогнула, и через край переполненной чары выплеснулось вино, оставив на скатерти багровый размыв.

– Все вы знаете, что меня послал Лиходей Великий, владыка подземного царства, – неуверенно начал он речь.

По лицам присутствующих пробежала тень неудовольствия – никому не хотелось лишний раз вспоминать бывшего собрата, изменившего общине. Род, однако, сделал вид, что не замечает смущения, и благосклонно покивал послу, выказывая расположение. Царица Мокошь вообще притворилась, что не заметила неловкости. Приободрившись, черт продолжил:

– От имени своего господаря я поднимаю чару в честь нашего друга Перуна, великого князя небесной дружины и доблестного предводителя гридей-охотников. Я свидетельствую, что заключенный на моих глазах брак законен и будет признан как в царстве Великого Лиходея, так и во всех смежных краях, что признают его своим господарем.

Окончив речь, Вертопрах передал чару соседу справа – им оказался бородатый Велес, который, судя по размытому взгляду и неуверенным движениям, уже успел порядком принять на грудь.

– Отлично! Это именно то, что мы хотели услышать. Большого нам от тебя и не надо – засвидетельствовал брак, и гуляй, откуда явился, – во всеуслышание заявил медвежий царь.

Посол обиженно поджал губки, однако окружающие отреагировали взрывом веселья, и он решил не строить из себя оскорбленную невинность. Перехватив чару, Велес вылил в нее несколько глотков темно-красного зелья, заранее заготовленного в золоченом кубке, низко склонился над колышущейся поверхностью вина и зашептал волховской заговор, слова которого Немил не смог разобрать из-за шума и дальности расстояния.

– Крепкой силы тебе и здорового духа! – передавая чару, прогремел Велес.

Немил обеспокоенно завертел головой. Как же так? Колдовство посреди свадьбы! Разве оно не под запретом? Од-

нако собравшиеся не обращали внимания на этот поступок, который у вятичей вызвал бы бурю негодования.

Тем временем серебряная чара оказалась в руках Додолы. Богиня Радужного моста неловко оправила одеяние из тонкого небесного шелка, пошептала над питьем неизвестное заклинание, а затем булькнула в него содержимое прозрачной склянки, которую держала перед собой, даже не думая прятать. Темно-синяя, почти черная жидкость показалась Немилу наиподозрительнейшей, однако владыка Род и царица Мокошь даже не думали беспокоиться, и слуга проглотил тревожное предостережение, уже готовое сорваться с его языка.

Чара меж тем попала к ослепительно дивной Ладе, которая весело щебетала с соседями и вела себя крайне неприужденно. Немил не смог отвести взгляда от сияющих синих глаз, белой кожи без единой морщинки и совершенных линий, подчеркивающих благородство лица, обрамленного волной пышных волос, едва убранных под драгоценный кокошник. Заглядевшись, он едва не пропустил миг, когда богиня любви выплеснула в чару содержимое пузырька, припрятанного в широком рукаве, и шепнула пару словечек.

Раскрыв рот, Немил наблюдал, как чара проходит через руки Дажбога, Хорса, Ярилы, Мокоши, Денницы, Живы, и каждый из них что-то шепчет, трет о серебро рукавом или что-то желает вслух.

Не утерпев, Немил выбежал на середину палаты, сума-

тошно взмахнул длинными рукавами и выпалил:

– Эй, что вы там делаете? А ну, перестаньте! Так нельзя!

Сонм богов ответил ему дружным хохотом. Поняв, что опять выставил себя на посмешище, Немил с досадой махнул на всех рукавом, вернулся к столику новобрачных, и, перегнувшись через белую скатерть, горячо зашептал:

– Господине, не пей этой отравы! Ты же видишь – они что-то в вино подливают.

Перун лучезарно улыбнулся слуге и от души рассмеялся:

– Не беспокойся зазря, человечек. Я уже сто веков сижу за одним столом со своими любезными братьями и сестрами. Если бы кто-то из них хотел причинить мне вред – то сделал бы это тысячу лет назад.

– Но ведь они нашептывают заговоры! Это же колдовство!

– Это полезное колдовство. Они желают мне счастья и готовят подарки.

Немил прикусил губу и отпрянул. Его возбуждение и тревога забавляли пирующих. Род обвел палату царственным движением руки и громко вымолвил:

– Житель дола, ты в нашем краю новичок. Привыкнуть к обычаям и порядкам богов ты еще не успел. Беспокойство твое объяснимо – ведь на земле все только и думают, как бы сглазить или попортить соседа. Но у нас так не принято. Мы не причиняем друг другу вреда.

Дружный хохот пробежал по столам, за которыми расположились богини и боги, добрался до дальней стены зала, у

которой сидели многочисленные служанки, и загремел у самого входа, где рядами устроились навьи и гриди из дружины Перуна. Захмелевший Ярило поднял тяжелую чару, протянул ее Немилу и велел:

– Передай своему господину. Да смотри, не пролей, иначе всю свадьбу испортишь!

Слова его утонули в хохоте навьев, отражающемся от каменных стен. Немил бережно принял чару, и осторожно, стараясь не расплескать, понес ее к столику новобрачных.

Сосуд оказался тяжелее, чем он мог себе вообразить. Он наполнился до самых краев, и нужно было заботиться о том, чтобы ни одна капля не попала на пол. Немил ощутил свою неловкость: он двигался неуклюже, переваливаясь с ноги на ногу – не то, что боги, которые парят над землей, словно легкие облачка. К тому же, сухая рука лишь делала вид, что держится за одну из узорных ручек. Разговоры утихли, все взгляды обратились на человека, что еще больше смутило его. От напряжения Немил упрел. Очередной шаг получился неловким, он споткнулся, плюхнулся на колено, наклонил чару и перелил вино через край.

По рядам пирующих пробежал неодобрительный шепоток: богини и боги переглядывались и судачили, что расплескать вино из заздравной чары – плохая примета. Торопясь загладить неловкость, он поставил сосуд на скатерть, расстеленную перед новобрачными.

Кострома ласково улыбнулась ему и пододвинула чару му-

жу. Перун лихо схватился за ручки, сделанные в виде морских коньков, рванул чару к себе и одним духом опустошил ее наполовину.

Зал умолк, глядя, как вино стекает багряными струйками по его пышным усам и окладистой русой бородке. Одна капелька упала на ковер и зашипела, как будто прожигая ворсистую ткань.

Перун оторвался от чары и обвел зал мутным, ничего не замечающим взглядом. «Неужели наклюкался?» – подумал Немил, прячась за спинку кресла.

Пальцы Перуна ослабели, ладони разжались, чара выскользнула из его рук, ударилась о стол, опрокинулась и с грохотом свалилась на пол, разливая остатки питья. Князь пошатнулся и оперся о плечо супруги. Кострома взглянула на него с удивлением, но не успела она поддержать мужа, как у Перуна подкосились колени и он с шумом рухнул на ковер, неловко раскинув руки. Лазурное корзно слетело с его плеча и плавно прикрыло лужицу пролитого вина.

Немил кинулся к распростертому богу, упал на колени и прижал ухо к груди, скрытой под тонкой рубахой.

– Что с моим мужем? – трепещущим от волнения голосом спросила Кострома, наклоняясь над ними.

– Ни звука. Сердце не бьется. Дыхания нет, – горестно сообщил волхв.

Небожители повскакали из-за столов и окружили лежащего.

Кострома протянула руку, чтобы поднять посох, упавший рядом, но старец Род опередил ее, воскликнув:

– Осторожно, сестрица! Не трогай! Это, должно быть, оружие, и сила его нам пока не известна.

– Оружие тут не при чем! – гневно вымолвила Кострома, распрямляясь. – Моего мужа отравили, разве не видно?

– Как отравили? Что ты? Не может быть! – на все голоса загомонили богини и боги, столпившиеся вокруг.

– Он потерял сознание ни с того ни с сего, – настаивала Кострома. – Стоило ему выпить чару, и жизнь улетучилась.

– Жизнь не могла улетучиться. Боги бессмертны, – возразила Жива.

– Скажи это моему мужу! – и Кострома указала на бездыханное тело.

Лицо Перуна побледнело до такой степени, что начало отливать синевой. Губы его оставались сжаты, как будто небесный князь силился что-то сказать, но слова так и не успели сорваться с его языка. Род отодвинул Немила, расстегнул ворот Перуновой рубахи и ощупал его тело.

– Дело не обошлось без ворожбы, – произнесла Кострома, прикасаясь к посоху, выпавшему из рук Перуна. – Эта вещь пришла к нам из преисподней. Наверняка в ней скрыта тайная сила. Я обследую посох и раскрою его секрет.

– Даже не думай! – испугался за нее Род. – Ты можешь пострадать еще больше, чем твой благоверный. Нужно сдать его в Оружейную палату и запереть на семь замков. Им зай-

мутся наши лучшие знатоки.

Ярило обмотал посох полотенцем, поднял, как ядовитую гадюку, и тут же исчез в толпе. Кострома проводила его долгим взглядом.

– Немил, – тронула она за плечо растерянного человека, – как дружка на свадьбе, ты должен был оберегать моего мужа от черного колдовства.

– Ах, госпожа, если б ты знала, как глубоко я раскаиваюсь! – низко склонился Немил перед ней. – Я взвалил на себя непосильную ношу. В мире богов столько волшбы и чудес, что глаза разбегаются. Проживи я тут тысячу лет – и тогда бы всех не перевидал. Как я мог только подумать, что способен защитить господина от порчи! Это моя вина, целиком моя. Не стоило браться за дело, которым я не владею.

– Может, наши любезные братья и сестры проявят к тебе снисхождение, если ты разыщешь злодея?

– Куда мне! – печально воскликнул Немил. – Я тут гость. Без позволенья великих даже шагу ступить не могу. С небожителями мне не совладать – я и коснуться-то их не могу. Как же мне вести следствие, как расспрашивать тех, кто одним взглядом способен развеять меня по ветру?

– В самом деле, сестра, что это ты чудишь? – сурово вмешался в их разговор Велес. – Как может эта живая тварь расследовать отравление, если он у нас – главный подозреваемый?

– Это я-то? Подозреваемый? – изумился Немил.

– А кто же еще? Ни один из богов, ни одна из богинь не могли пожелать зла своему заступнику. Без Перуна мы беззащитны перед полчищем бесов, а они давно мечтают захватить наше небо и превратить его в свой вертеп. Все уважали великого князя. Он был всеобщим любимцем. Замыслить против него злодейство мог только тот, кто явился из враждебного мира. Думаешь, мы не знаем, что ты водил дружбу с бесами? Читал черную книгу, обманывал легковерный народ и творил злую ворожбу? А о чем ты беседовал с Лиходеем, которого сам же зазвал в палаты земного князя в Мире-городе?

– Как, вы и это знаете?

Кружок небожителей возмущенно загомонил.

– С высоты Белой вежи мы видим все, что творится в любом уголке подселенной, – грозно сказал Велес. – Ты водил шашни с нашим злейшим врагом. Ты ему продался.

– Верно! – поддержал обвинение Хорс. – Царь преисподней завладел твоей душой. Ты принадлежишь ему полностью и без остатка. Чтобы получить в пекле поблажки, ты выполнишь любое его поручение. Не за этим ли ты явился в наш мир? Не за этим ли втерся в доверие к Перуну?

– Что за чушь вы городите? – вскочил Немил на ноги. – Вы же сами меня сюда и притащили!

– Притащили, потому что уж больно настойчиво ты лез на глаза, – сказал Хорс.

– Этот малый и сам норовил пробраться к Радужному мо-

сту, – проревел Велес. – Он пытался меня подпоить сонным зельем, которое сам же сварил. Как видно, он давно набил руку в варке зелий и ядов. Может, он и для нас припас какую-нибудь отраву?

– Что ж вы стоите? Обыщите его! – выкрикнула Додола.

– Ах, вы так? – взъелся Немил. – Ладно, смотрите. Мне скрывать нечего. Вот мой кафтан. Вот рубаха. Вот пояс. Хотите, я и сапоги скину? Легко пришли, легко и уйдут.

Не успел он сбросить кафтан, как украденная чашка выпала у него из-за пазухи и со звоном покатила по полу.

– Что там? Ты прятал в ней яд? – рявкнул Велес.

– Да нет же! – скрипя от досады зубами, воскликнул Немил. – Она пустая.

– Зачем тайно таскать с собой пустую посудину?

– Просто мне она приглянулась. У вас всё тут такое блестящее. Эх, да кому я объясняю?

– Это всего лишь обычная безделушка, что стояла у нас на столе, – вступилась за него Кострома.

– Но мы уже знаем, что этот колдун – варщик зелий и отравитель, – настаивал Велес. – Нынешний день он провел рядом с Перуном, ни на шаг от него не отходил. В свадебной суматохе уследить за ним не сумел бы и самый острый глаз. Для такого ловкача подсыпать отраву в питье – раз плюнуть. На пиру он брал блюда и носил их на стол новобрачным. А чару с вином, которая и свалила с ног самого могучего из небесных воителей, он последним держал в руках. Да еще,

если помните, и споткнулся на полпути, припал на колени, замутил вино и пролил. Думаете, это все он случайно наделал? Нет, любезные братья. Этот земной волхв не так прост, как кажется. Уж если продашь свою душу бесам, так это навечно. Ты их раб, и выполнишь все, что они повелят.

– Клевета! – возмущенно вскричал Немил. – Никому я душу не продавал, она до сих пор при мне. И никаких бесовских распоряжений я не выполнял. А если варил сонное зелье – водился за мной такой грешок, к чему скрывать? – так исключительно ради того, чтоб получить крайне важное предсказание и попасть к вам, великим и справедливым, чтобы узнать, как эту самую душу спасти. И что же я вижу? Даже у горних богов справедливости не найти. Видно, нет ее ни на земле, ни на небе.

– Он еще нас винит! – возмущенно загудела толпа богов и богинь. – Как он смеет, ничтожество? Наказать его прямо тут, не сходя с места.

Вокруг Немила завертелась кутерьма из разъяренных небожителей. Ему показалось, что они готовы разделаться с ним немедленно: спор шел лишь о том, каким особо мучительным способом это сделать.

– Угмонитесь, любезные братья и сестры! – возвысил голос старец Род. – Без суда мы не можем его наказать. Это было бы несправедливо. А в несправедливости упрекать нас не может никто. Мы посадим этого человечка в темницу под вежей. Посидит там – может, совесть в нем и проснется. Для

него будет лучше, если он сам признается в черных делах. Если нет – наши слуги из навьей дружины докажут его вину.

Толпа богов и богинь одобрительно загудела. Плотный кружок расступился, пропустив отряд призрачных воинов в тяжелых доспехах. Гриди подхватили Немила под руки, плотно стиснули и поволокли в подвал.

Он пытался кричать, вырваться, доказывать свою невиновность, но все было напрасно. Гриди не хотели его даже слушать. Перед ним распахнулась тяжелая дверь, окованная железом, и его бросили вниз по ступеням, уводящим в мрачную глубину.

Немил кубарем покатился во тьму, переворачиваясь и ушибаясь о выступы. Лишь распластавшись на холодном полу, он пришел в себя, с силой саданул по камням кулаком и отчаянно прокричал:

– Как же вы не поймете, владыки? Я добрался до вас, потому что поверил, что вы поможете мне спасти душу. А вы сами же меня губите. Вот и верь после этого в добро и правду. Где их искать? На земле? Я там был, ни шиша не нашел. А теперь я на небе. И что вижу? Тут то же самое! Видать, правды нигде не найдешь.

Глава 6. Вертопрах

Ночь с 3 на 4 чернеца

Ночь с третьего на четвертое число месяца чернеца выдалась мрачной и неудобной, несмотря на то, что Немил проводил ее в небесном мире, где сами боги велели испытывать счастье и благодать.

Прутья железной решетки отгородили узника от каменного пяточка, к которому спускалась лестница из пиршественной палаты. Там горел светоч, воткнутый в гнездо на стене. Немила так и тянуло к нему, потому что другого источника тепла и света поблизости не было. Тесный каменный мешок давил его своей тяжестью и лишал воли.

– Как же так? – бормотал узник, расхаживая по клетке, как пойманный лев. – Разве эти небожители не видят, что я не виновен в отравлении Перуна? Да, раньше я часто грешил. Было дело, что толку скрывать. И, наверное, меня есть за что наказать. Но не за покушение на Лазурного князя!

Дверь в палату со скрежетом отворилась, и по крутой лестнице плавно спустилась Звенислава. Небесная дева парила, едва касаясь ступенек красными сапожками, и от того казалось, что она летит, а не ступает по твердой поверхности. Немил схватился здоровой рукой за решетку и вжался

в прутья лицом.

– Вот и ты! – с замиранием произнес он. – Не было бы счастья, да несчастье помогло. Я и не чаял тебя увидеть. Каждый раз, когда смотрю на тебя, будто солнце восходит в душе.

Но дева казалась тревожной и не отвечала на его излияния.

– погоди! – перебила она. – У меня плохие вести.

– Вот те на! – расхохотался Немил. – Я заперт в темнице. Меня готовы казнить боги, а бесы вознамерились замордовать мою душу. Бежать некуда, осталось лишь ждать судьбу. И ты говоришь, что бывают вести еще хуже? Ну-ну, давай-ка послушаем, что еще за сюрпризы таит волшебный и непредсказуемый мир божеств.

– Смеяться тут не над чем, – строго ответила дева. – Взбунтовались Перуновы гриди. Они требуют немедленной расправы над отравителем своего господина. Дружину Перуна не удержать, она подчиняется только хозяину, а его больше нет. Небесные витязи вот-вот сюда явятся, чтобы учинить над тобой самоуправный суд.

– Даже на небе нет справедливости, – горько вздохнул Немил. – А люди думают, что тут царит совершенство.

– Это не вина горних владык, – возразила Звенислава, приближаясь и заглядывая ему в глаза. – В земной жизни гриди были отчаянными воинами. Даже очутившись в чертоге Перуна, они сохраняют буйный нрав.

– И что теперь делать?

– Уповать на богов.

– Так лишишься последнего.

– Гриди шумят. Вот-вот ворвутся, – с испугом сказала дева.

– Веня! – Немил просунул руку сквозь прутья и осторожно погладил широкий рукав ее платья. – Меня могут растерзать в любой миг. Если это не выйдет у сумасбродных гридей, то бесы в аду ждут не дождутся своей очереди. Рано или поздно я все равно пропаду.

– Не говори так! – отшатнулась дева.

– Пора посмотреть правде в глаза. Я уже пропал, только долго этого не понимал. Я творил злые вещи и много грешил. Душа моя загублена и приговорена. Единственное, что меня утешает – то, что в последние часы жизни я вижу твое лицо. Как жаль, что я раньше не знал того света, что от тебя исходит! Может, тогда я успел бы исправиться.

– Не все потеряно.

– Боюсь, что уже поздно. Прежде я никого не любил, просто жил со случайными женками, да и те не задерживались надолго. А до тебя даже дотронуться не могу, и все же чувствую, что ты – свет очей моих. Знаешь, чего я боюсь больше всего? Если моя душа попадет в пекло, то ее уже не отпустят, и я не смогу тебя больше увидеть. Вот что самое страшное.

– Я спасу тебя! Я позову госпожу! – воскликнула дева.

– Твоя госпожа едва обосновалась в этом призрачном мире. Для коренных небожителей ее слово мало что значит.

– Нет! Она – вдова князя горней дружины. Ее все почитают. Она поможет тебе, вот увидишь!

Дверная створка распахнулась до упора, издав громкий стук. На ступени хлынула толпа призрачных воинов, вооруженных секирами, сулицами и кистенями. Во главе ее несся пожилой воевода Мстивой, за плечами которого маячили близнецы Мирослав и Славомир.

– Беги! – крикнул деве Немил.

Толпа заполнила узкую площадку перед темницей. Воевода Мстивой просочился сквозь решетку, звякнув о прутья железной кольчугой. Близнецы последовали за ним, схватили узника за руки и прижали спиной к стене. Плотная масса доспехов всех мыслимых форм и расцветок оттеснила и скрыла деву.

– Вот он, убийца и лиходейский лазутчик! – с ненавистью произнес Мстивой, прижимаясь кольчугой к груди пленника.

Немил почувствовал, что по его телу пробежала дрожь, как будто десятки колючих игл впились в кожу.

– Отстань! Ты меня истязает, – прохрипел он.

Толпа гридей заржала и загомонила. Звенислава попыталась протолкаться к выходу, но ее сжали и не пропустили.

– Эй, девонька, что ты здесь делаешь? – начали напирать на нее возбужденные воины. – О чем ты сговорила с изменником? Лучше признайся, иначе пойдешь на казнь вместе с ним.

– Как вы смеете? – не смутившись, выкрикнула Звенислава. – Я – служанка почтеннейшей Костромы, супруги вашего господина. Не уважать ее – значит предать Перуна. Вы так ему служите?

Гриди опешили и перестали ее сдавливать. Звенислава звонко хлопнула по чужой ладони, вцепившейся в ее шубку, и исчезла на лестнице.

– Не до нее нам. Займемся убийцей, – обернулся к Немилу Мстивой.

Мирослав со Славомиром встряхнули пленника, вызвав новую волну ледяных игл.

– Никакой я не убийца. Обвинения – пустая брехня, – через силу выдавил из себя узник.

– Ах, брехня? – взъелся Мстивой. – Тебя обвиняет владыка Велес. Это его ты назвал брехуном?

Новый взрыв негодующих криков сотряс своды каменного мешка. Призрачные гриды полезли в клетку, не давая себе труда снять замок с решетчатой дверцы. Они просачивались сквозь прутья, как туманные облака, и лишь одежда задевала за зубрины и цеплялась за них, оставляя вырванные нити. Немил почувствовал стеснение, ледяные уколы посыпались со всех сторон.

– Перестаньте меня трогать! – заорал он. – Я не вытерплю этой боли. Прежде я думал, что пытаются в аду. Теперь вижу: небо ничем не лучше.

– Так ты признаешься, что тебя подослали из преиспод-

ней? – насел на него воевода.

– Ни в чем я не признаюсь! Видно, ни в одном из трех миров не найти справедливости. Вам, как я посмотрю, до лущинки, кого казнить, лишь бы найти жертву. Кто попался – тот и виноват. Вот она, горняя правда!

– Не смей клеветать на вышний мир! – взревела толпа разгулявшихся воинов. – Ты – чужак! Ты тут лишний.

– А ну, ребята, возьмемся за него, как следует! – скомандовал воевода.

Прозрачные руки потянулись к Немилу со всех сторон, причиняя ему жуткую боль.

– Что вы ко мне привязались? – в отчаянии вскричал он. – Как же вы не поймете: Перун был моей последней надеждой. Сам царь преисподней спит и видит, как бы заполучить мою душу. Но мне выпала удача: я попал в услужение к горнему князю. Я чаял, что он оставит меня при себе и не выдаст. Что став его слугой, я проведу остаток жизни на небесах и буду здесь счастлив, как все, кто сюда отправляется. Что за такое служение мне полагаются привилегии, и после смерти моя душа попадет в рай, а не в пекло на вечные муки. И тут разом все рухнуло. Да разве бы мне пришло в голову своими руками загубить собственную удачу?

Мстивой остановился и пытливо заглянул Немилу в глаза.

– Врет он все, – бросил гридь Мирослав.

– Мы же знаем, что он обманщик, – поддержал близнеца Славомир.

– Перун не был твоим благодетелем, – произнес воевода. – Тебя подарили ему, как раба. Холопские души не ведают преданности. Они подводят при первом удобном случае.

– Мы все – рабы своих прихотей и страстей, – возразил Немил. – По-моему, лучше быть рабом божества, чем темной стороны собственной души.

– Что мы с ним цацкаемся? Вытащим во двор, да и разделаем, как порося! – слышались крики.

Немил ощутил, как его тело снова пронзили колючие иглы.

– Не трогайте его! – раздался властный женский голос.

По лестнице грациозно спускалась Кострома в пушистой белой накидке. За ней маячила Звенислава, тревожно выискивая Немила в бурлящей толпе. Разглядев, что узник еще цел, она с облегчением бросилась к нему.

– Госпожа? – удивленно воскликнул Мстивой. – Что ты тут делаешь? В подвале грязно и мрачно, а от живой твари за версту несет скотским душком. Тебе тут не место.

– Я сама о себе позабочусь. Что вы затеяли?

– Мы собирались казнить изменника, отравившего твоего супруга.

– Его вина не доказана, – ледяным тоном возразила богиня.

Толпа призрачных воинов зашевелилась и загомонила.

– А чего тут доказывать? Владыка Велес разложил все по полочкам, – недовольно буркнул Мстивой.

Кострома щелкнула пальцем по решетке, замок сам собой раскрылся, и она вплыла внутрь. Призракам пришлось потесниться.

– Освободите его! – велела она, указав на Немила.

– Вот еще! – возразил Мирослав, и огляделся в поисках поддержки.

– Ты нам не хозяйка, – дерзко глянул на нее Славомир. – Ни одна женщина не имеет права приказывать нам.

– Я вам не женщина! – гневно произнесла Кострома.

– Кто ты такая? Откуда взялась? – подступил к ней Мирослав. – Никто не знает, где наш хозяин тебя подобрал.

– Ах, так? – голос богини был спокоен, но тверд, как лед. – Пфу на вас!

Она резко дунула на близнецов. Порыв ветра устремился на гридей и разметал в клочья тела, похожие на прозрачные облака. Лишившись опоры, рубахи и кожаные доспехи опали на пол. Серебряные пряжки на поясах жалобно звякнули о сырые камни. Это зрелище развеселило соседей, толпа воинов загоготала и затряслась. Немил почувствовал, что колючие иглы перестали впиваться в его кожу, и ему полегчало.

– Стыдитесь! Следите за языками! – вступилась за госпожу Звенислава. – Кострома – законная супруга Перуна. После успения князя она – наша владычица.

– Мы пойдем к старосте Роду и потребуем справедливости, – продолжал упорствовать Мстивой.

– Ступайте, – позволила Кострома. – А пока чтобы духу

вашего здесь не было!

И она сделала вид, что хочет развеять и остальных. Гридей как ветром сдуло. Они ломанулись на лестницу и бросились вверх по ступеням, толкаясь и спотыкаясь. Клочки тумана, витающие над брошенной одеждой, собрались и вновь приняли облик двух близнецов. С запозданием Мирослав со Славомиром натянули доспехи, щелкнули пряжками ремней и, стараясь не встречаться с Костромой взглядами, поспешили вслед за товарищами.

– У нас мало времени, – отрывисто бросила Кострома. – Они скоро вернуться. Тебе нужно спрятаться так, чтобы потом не нашли.

– Не собираюсь я прятаться! – с возмущением заспорил Немил. – Я ни в чем не виноват. Боги должны меня оправдать.

– Наивный! Боги ничего никому не должны. Боюсь, что даже владыка Род не совладеет с этой разбушевавшейся оравой. Дай гридям волю – они всю Белую Вежу перевернут вверх дном. Так что не спорить, и быстро за мной!

Кострома развернулась и поплыла вверх по ступеням. Немил бросился следом. Лязгнула тяжелая дверь, и они оказались в палате пиров.

Огромный зал произвел на Немила удручающее впечатление. После вчерашней суматохи здесь еще не успели прибраться. Высокие очаги в стенных нишах погасли, и лишь кое-где из кучек золы вились пахучие дымки. На сдвинутых

с места столов громоздились блюда с недоеденными яствами и чаши с недопитым вином. Сдернутые скатерти валялись на полу, путаясь под ногами. Шаги беглецов отдавались гулким эхом в звенящей пустоте, разительно отличающейся от многолюдья и многоголосья, которые Немил наблюдал тут в разгар торжества.

Кострома выглянула за дверь и произнесла:

– Ни души. Запах живого тела чувствуется издалека. Хочешь спастись – возвращайся в свой мир и веди себя тише воды, ниже травы.

– Так не пойдет! – возразил Немил. – Бес только и ждет, когда я сам сунусь под его серп. Да и с какой стати я должен отдуваться за чужую вину? Моего господина ухлопали. Добрый слуга не потерпит такого пятна на своей чести.

– Ты стал слугой бога всего день назад, – заметила Кострома.

– Вот именно! – вскрикнул Немил. – А должен был в самом начале своей жизни. Это сколько же я упустил? Нет, раз выдался случай – я его не пропущу. Если б ты знала, сударыня, какое счастье мне подвалило, когда сам громовержец взял меня в дружки! Это же почесть, какой ни одному смертному не видать! А она выпала мне, да еще вопреки моим прежним грехам. Но счастье длилось недолго. Его порушил злодей, отравивший владыку. Я не успокоюсь, пока не найду подлеца. Может, хоть так я заслужу прощение за все, что натворил прежде.

– Какой ты упрямец! – вымолвила Кострома. – Вижу, тебя не переубедить. Что ж, назвался груздем – полезай в кузов. Отпускаю тебя на свой страх и риск. Но мне самой придется оправдываться перед тремя государями. Они посчитают этот поступок моим своеволием. Что я скажу им?

– Скажи, что велела мне учинить розыск. Обещаю, что не подведу тебя.

– Может, это и к лучшему, – задумалась Кострома. – После того, что случилось, ни на кого нельзя полагаться. Злодеем может оказаться, кто угодно. Человек со стороны – как раз то, что нужно. С чего ты начнешь расследование? У тебя уже есть подозрения?

– В суматохе мне не дали осмотреть место, где все произошло, – сказал Немил. – Однако еще не поздно. Да и с подозреваемым определиться нетрудно – этот злой черт Вертопрах сразу меня невлюбил. Вот что значит: с больной головы на здоровую.

– Верно, он – посол Лиходея и единственный, кто явился к богам из преисподней, – согласилась Кострома. – Не удивлюсь, если узнаю, что бесы нарочно его подослали.

– К тому же, он сам и налил в чару вино, от которого у хозяина вышибло дух, – припомнила Звенислава.

– Все один к одному, – поддержала ее Кострома. – Вот что, Веня: ступай-ка ты вместе с Немилом. Помогай ему всем, чем сможешь. Без тебя он заблудится в призрачном мире. Ты его и проводишь, ты и спрячешь, если придется.

– Что вы со мной, как с дитем малым? – обиделся человек.

– Ты и есть дите, даром что вес – шесть пудов, – вздохнула дева. – Перестань за тобой следить – пропадешь. Ох, и горе с тобой!

– Это мне горе от ваших порядков, – недовольно ответил Немил. – Развели тут чудес. Даже я, кудесник с тридцатилетней выслугой, не могу в них разобраться.

Его так и тянуло к уютному столику, за которым на свадьбе сидела чета новобрачных. Сейчас столик был опрокинут, а дорогу к нему преграждали перевернутые лавки и кресла.

– Вот тут все и случилось, – печально сказал новоявленный сыщик, перешагивая через них. – Как же так вышло, что я вас не уберег? Ведь ради этого меня и позвали. Хоть волосы на себе рви.

– Если удержишься – волосы на тебе вырвут гриди, – напомнила богиня.

Однако Немил так увлекся осмотром, что не расслышал ее слов. Все внимание его сосредоточилось на серебряной чаре, валяющейся на полу. Лужица темно-красного вина уже засыхала, распространяя едкий запах. Он сел на корточки и потянулся к ней пальцем, но Кострома предупредила:

– Лучше не трогай!

Немил тут же отдернул руку.

– Может, вино отравили еще до того, как налить в чару? – предположила Звенислава.

– Проверим! – резво вскочил кудесник.

Бочка, из которой разливали вино на пиру, до сих пор стояла в дальнем углу. Немил схватил ковшик на длинной ручке и зачерпнул остатки со дна.

– Стой! – выкрикнула Звенислава, но Немил сделал вид, что не слышит.

Одним духом выпив половину, он от души крикнул и вытер бритый подбородок, по которому стекали пахучие струйки.

– Давно мечтал попробовать, что за вино подают на пиру у богов, – сообщил он, мечтательно закатывая глаза к потолку. – По-моему, это фряжская романея. Питье иноземное, благородное. Пахнет теплыми берегами, морским ветерком и дубовой бочкой. Только есть ли в нем яд? Что-то я не распробовал.

И он начал хлебать оставшуюся половину – на этот раз не торопясь и смакуя каждый глоток. Кострома со Звениславой смотрели на него во все глаза. Покатав остатки жидкости на языке, кудесник воздел палец кверху и со знанием дела заявил:

– Нет, не отравлено. Иначе меня бы уже замутило.

– Какое там замутило! Ты истончился бы и исчез без следа, – поправила Звенислава.

– Чуть-чуть истончиться мне бы не помешало, а то брюшко так и свисает, – согласился Немил.

– Мужиков не исправишь, только и знают, что пьянство-

вать. А кто будет дело делать? – недовольно вымолвила Кострома.

– Не изволь беспокоиться, моя государыня! – расхохотался Немил, которого выпивка привела в доброе расположение духа. – На тверезую голову путная мысль не приходит. А вот я зачерпну еще ковшик, и мигом соображу, что да как!

– Веня, отними ковш у этого распутника, – велела боги-ня. – Ты не забыл, что гриди вот-вот явятся по твою душу? Самое время для питья и веселья.

Небесная дева подплыла к кудеснику и выхватила черпак из его пухлой ладони.

– Да вы сговорились! Вот ведь бабы! – от винных паров у Немила развязался язык.

Кострома с достоинством проигнорировала это вульгарное замечание.

– Зато теперь мы точно знаем, что вино отравили уже после того, как налили в чару, – заметила служанка.

– Вот-вот, это был следственный эксперимент, – отозвался Немил и рыгнул, деликатно прикрыв рот ладошкой.

Невесть откуда появившаяся веверица пробежала по заляпанной скатерти и уселась на краю стола, расправив пушистый хвостик.

– Что ж это я один пью? – спохватился Немил. – Веня, отдай ковшик. Я и зверька угощу.

– Гриди пошли во дворец Трех Государей, а это через площадь от нас, – напомнила Кострома. – Если владыки их не

удержат, они вконец распоясаются. Угадай, кто попадет под горячую руку?

– Дайте веверочке хотя бы глоточек, – не слушая, потянулся Немил к черпаку. – Да и я с ней глотну, а то когда еще выпадет такой случай?

– Хватит! – строго распорядилась богиня. – Кто только что собирался спасти душу?

– Как раз для души я и пью, – заспорил Немил, но Звенислава унесла ковш подальше.

– Тогда я напьюсь всякой отравы, и пусть вас обеих потом мучает совесть, – пригрозил кудесник и подобрал чару с остатками яда. – Вон, там на доньшке еще что-то плещется. Не верите? Смотрите, щас как глотну!

И он сделал вид, что собирается лизнуть остатки отравленного вина.

– Отдай! – рассердилась на него Звенислава.

– Посмотри, что там в чарке, – посоветовала Кострома.

Служанка сунула нос в сосуд и осторожно принюхалась.

– Боги родимые, сколько всего понамешано! – сморщилась она. – В основном там вино и вода, но я чую добавки из ягод и листьев. Дайте мне пару мгновений. Ага, все понятно!

Она просияла.

– В этом зелье я могу различить запахи двадцать одной травы. Семнадцать трав совершенно безвредны, от них только польза и никакого вреда. Но четыре оставшихся на земле считались бы ядовитыми: это дурман, жгун, волчья ягода и

живоко́сть. Вот только...

– Что? – с нетерпением спросил Немил.

– Они отравили бы человека, такого, как ты. Или любого другого, кто живет в дольном мире. А бессмертному богу они были бы ни о чем. Наоборот, небожители извлекли бы из них только целебную силу.

– Что же тогда из хозяина дух вышибло? – притопнул кудесник ногой.

– Так сразу и не угадать. Вроде, ничем по отдельности божество не проймешь. Может, все превратилось в отраву после того, как смешалось? Или их приготовили таким хитрым способом, что после готовки свойства трав переменялись.

– В любом случае, ясно, что это сделал тот, кто хорошо разбирается в зельях, – подвела итог Кострома.

Звенислава протянула чару Немилу, чтобы он осмотрел ее повнимательнее, но тот отшатнулся и помотал головой.

– Что, взялся за ум? – насмешливо спросила служанка.

– А вот и взялся! – заявил он. – Дайте-ка мне пораскинуть мозгами. Веня все верно запомнила. На свадьбе я нервничал, волновался. Суеты-беготни было много, но видел я то же самое. Вертопрах поднял заздравную чару и наполнил ее вином. Он долго не выпускал ее из рук, бултыхал и не отдавал, будто не желал с ней расставаться. Затем пустил ее по рукам и каждый шептал над ней заклинания и добавлял подозрительные растворы, но черт начал первым. Помните его длинный тост в честь новобрачных? Пустое плетенье словес.

С чего вдруг он сам захотел налить вино в чару? На это есть виночерпий. Зачем столько держал ее, будто нарочно затягивая время и выискивая возможность плеснуть туда гадости?

– Выходит, он во всем и виноват? – осведомилась Кострома.

– А кто же еще? – отозвался Немил. – Все говорит о том, что Перуна отравил Вертопрах, и сделал он это по заданию царя преисподней. Это первое действие в войне, развязанной бесами против богов. Сначала им нужно было вывести из строя князя, чтобы небесное воинство осталось без руководства, и они этого добились. Теперь нужно ждать их всеобщего наступления.

Ради этого Вертопраха и подослали. Коварный злодей использовал самое подлое из средств – яд. Мог ли Вертопрах припасти такой яд? Вполне мог, ведь как раз черти, бесы, да и сам Лиходей – непревзойденные знатоки всяких зелий. Мог ли черт добавить яд в чару? И тут ответ: да! Мы все видели, как он возился. Налицо и средство, и возможность, и злобный замысел. Все один к одному. Дело ясное, сомнений не остается.

– Хорошо, что ты так подробно во всем разобрался, – одобрила Кострома. – Дело за малым: найти доказательства и уличить злодея.

– Я за это берусь! – решительно заявил Немил.

– Лишь на тебя я и могу полагаться, – молвила богиня. – Поторопись: если бесы и в самом деле замыслили нападение,

то времени остается в обреш. Я дам тебе крылатого коня, на котором разъезжал мой супруг. Перуну он уже не понадобится, а вот тебя вынесет из беды.

– Ах, госпожа! – изумилась Звенислава такому подарку.

Все трое вышли на крыльцо вежи. Широкие мраморные ступени спускались к алмазной площади, на которой в этот предрассветный час царило безмолвие. Утро уже приближалось, но Дажбог еще почивал в своем восточном дворце за семью водами, и свет от его венца не успел озарить неба. Звезды и недавно народившийся месяц блестели над головой, заливая окрестности серебристым сиянием. Призрачные лучики отражались в алмазах под ногами и сверкали в их гранях, отчего Немилу казалось, будто он ступает по тысячам светлячков. Да и сама Звенислава, попав в отблеск ночного светила, принялась словно лучиться и сеять таинственный свет. Немил почувствовал благоговение перед этим загадочным существом, которое оставалось звездой, даже приняв облик девы в красочной шубке. Ему захотелось выразить свои чувства, но он постарался их спрятать, чтобы его спутница не загордилась и не возомнила бы о себе слишком много.

Кострома между тем подвела их к аллее, кольцом опоясывающей площадь. По ее позолоченным дорожкам, утопающим в зеленых зарослях, бродили без привязи два скакуна. Первый, могучий и рослый, походил на облако, принявшее вид белого, как молоко, коня. Вторым был уже знако-

мый Немилу Рублик – его серый в яблоках круп тонул в полутьме, а грива свисала нечесаными прядями. Небесные скакуны походили друг на друга лишь крыльями, которые то и дело топорщились и расправлялись.

– Это Гром, любимый конь моего мужа, – произнесла Кострома, подходя к первому. – Благодаря ему я появилась так быстро, а ведь могла не успеть.

Повинуясь богине, Немил подошел к седлу и увидел, что стремя болтается выше его лба.

– Государыня, я на таком облаке не усажу, – усомнился кудесник.

– Ничего-ничего, полезай. За ним никто не угонится.

Кострома нетерпеливо взяла человека за шиворот, подняла и бросила на седло. Конь недовольно всхрапнул, стукнул копытом по алмазной мостовой и так оглушительно заржал, что у Немила заложило уши.

– Он меня не признает, – пожаловался человек.

– Будь умной, спокойной лошадкой, – проговорила богиня, поглаживая скакуна.

Лунный свет серебрил бледную кожу ее раскрытой ладони, которая тонула в снежной гриве, сливаясь с ее чистой, незапятнанной белизной. Конь ткнулся мордой ей в грудь. Богиня отдала Немилу узду и велела:

– Езжай!

Но стоило седоку ударить пятками по бокам скакуна, как тот взвился на дыбы и тряхнул так, что Немил вылетел из

седла. Он непременно ушибся бы о мостовую, если б Кострома не подхватила его на лету.

– Куда мне скакать на коне громовержца, – цепляясь за ее рукав, как за последнюю надежду, пожаловался Немил. – С таким ни один человек не совладеет.

– Может, попробовать Рублика? – робко предложила Звенислава.

Второй конек не возражал. Немил мигом взлетел в его седло и уселся с таким удобством, как будто оно было сделано по его мерке. Рублик и ухом не повел – он стоял смирно и ждал распоряжений. Звенислава вспорхнула и устроилась у кудесника за спиной.

– Погляди, госпожа, он легко унесет нас обоих, – сказала она.

– Будь по-вашему, забирайте этого малыша, а Грома я оставлю себе, – согласилась богиня.

Со стороны Дворца трех государей, выходящего на Алмазную площадь, слышались шум и крики. На его крыльцо высыпала толпа разъяренных гридей с зажженными факелами. Судя по тому, что никто их не сдерживал, Рода они не застали, и теперь готовы были бесчинствовать пуще прежнего. Река огненных светочей потекла по ступеням, заливая аллею и площадь.

– Смотрите, изменник собрался бежать! – заголосил Мирослав, указывая на Немила.

– Что за нелегкая вас принесла? – с досадой бросил кудес-

ник, натягивая поводья.

– Скачи во весь опор, – шепнула ему Кострома, и шлепнула по крупу Рублика.

– Н-но! – завопил Немил и вдарил пятками по бокам серого скакуна.

Звенислава обхватила его спину руками.

– Держи его! – закричал воевода Мстивой.

Толпа гридей взмыла и принялась окружать их, как стая мятущихся привидений. Кострома села на Грома. Облачный конь расправил крылья и понес ее по поднебесью. Вслед за белым верзилой взмахнул серым крылом и Рублик. Немил почувствовал, как конь отрывается от земли и уносит его в вышину.

– Ох, грехи мои тяжкие! – взмолился кудесник, цепляясь за гриву.

Славомир подскочил и попытался ухватить конька за хвост, но поймал лишь пустоту.

– Мы летим! – радостно воскликнул Немил, глядя, как Рублик удаляется от земли.

Призрачные воины пометались по площади, но угнаться за летучими скакунами не смогли.

– Куда вы теперь? – крикнула Кострома, облетая вокруг кудесника и служанки.

– Навестим Вертопраха. В его вещичках пороемся, – сообразил Немил.

– Смотрите в оба, как бы вас не поймали. И пусть с вами

будет удача! – пожелала им на прощанье богиня.

4 день чернеца. Утро.

Немила распирало от энтузиазма. Он чувствовал, что схватил удачу за хвост. Еще чуть-чуть – и он разоблачит злодея, так коварно свалившего свою вину на другого. И тогда все наладится.

Денница уже сияла на небосводе, предвещая скорое появление Дажбога. Едва народившийся месяц пропал, но темноту, наполненную загадочным мерцанием звезд, уже начинали рассеивать первые отблески солнечного венца.

Немил оглянулся на спутницу и, перекрывая шум ветра, спросил:

– Где искать Вертопраха?

– За стеною. Ему отвели усадьбу у южных ворот, – ответила дева.

– Гостя поселили за городом? – удивился кудесник.

– Разумеется. Он же черт. Как послу, ему оказывают всяческие почести. Однако никто не доверяет ему настолько, чтобы селить внутри укреплений.

Кудесник залюбовался Звениславой – пряди ее золотистых волос выбивались из-под убруса, а оживленное лицо покраснелось. Это делало его не таким призрачным и отдаленным, как обычно, и казалось, что к нему можно приложиться губами и почувствовать горячий ответ. Но тут Неми-

ду вспомнились сотни колючек, впивающихся в его тело при каждом прикосновении к небожителям, и соблазнительная мечта мигом улетучилась.

Рублик уверенно разрезал простор, размахивая крыльями. Внизу проносились широкие улицы, засаженные деревьями, и маленькие проулки, утопающие в зелени, за которой прятались дворцы и усадьбы. Золотые крыши еще не начинали сверкать, и можно было только гадать, какому боже-ству принадлежат эти роскошные хоромы.

– Постой, ты куда? – осторожно тронула Немила за рукав его спутница.

– Как куда? К южным воротам! – отозвался кудесник.

Он как раз натянул узду, направляя коня.

– Что ты! Нас сразу заметят. Посмотри, как мы светимся.

В самом деле: попав в первые лучи восходящего солнца, конь и его седоки сверкали ярче любой звезды. На фоне темного неба их движение бросалось в глаза.

– Что же делать?

– Держи путь на север. Запутаем след! – откликнулась Звенислава.

Рублику пришлось как следует поработать крыльями, чтобы перемахнуть через северные ворота – до того высокой оказалась массивная надвратная башня, оберегающая вход. Хорошо хоть, что в этом беспечном мире, куда не было доступа посторонним, стражники не расхаживали по пряслам и не вглядывались в небо из караулок.

– Куда теперь? – растерялся Немил, оказавшись над бесконечным простором звездной реки, несущей молочные воды в глубины вселенной.

– Поворачивай! Не то унесемся невесть куда. Надо затаиться на часик-другой и убедиться, что за нами не будет погони.

– Что? Таиться и ждать? Ну уж нет! – запротестовал Немил.

Его распирало от предвкушения скорой победы.

– Мы почти у цели. Еще чуть-чуть – и разоблачим злодея, который так подло меня подставил. Нельзя медлить. Нужно ковать железо, пока оно горячо.

– Как бы тебя самого не сковали. Будь умнее кузнечно-го молотка, не бейся головкой о наковальню. Стоит богам узнать о твоём бегстве, как они отправят вдогонку кое-кого посильнее, чем разгулявшиеся вояки.

Скрипнув зубами, Немил смирил клокочущее нетерпение и повел коня на посадку. Рублик плавно приземлился на тропе между густым сосновым бором и березовой рощей. Спрыгнув с седла, кудесник догадался проявить галантность и протянул руки, чтобы ссадить Звениславу. Однако небесная дева, смеясь, взмыла ввысь и опустилась сама, не дав Немилу прикоснуться к своей шубке.

Они оказались в глубине леса, наполненного таинственными, шепчущими звуками.

– Сколько нам тут сидеть? – ворчливо спросил он.

– А куда ты торопишься? Мы в горнем мире. Впереди у его обитателей – вечность.

– Нет у меня впереди вечности. Если только Лиходей не скрадет мою душу – тогда да. Только это будет вечность в аду.

Вертопраха поселили не просто в усадьбе – ему выделили целый дворец, больше напоминающий хорошо укрепленный замок. Но добираться до этого замка пришлось через сады и рощи, со всех сторон обступившие серебряные стены Белой Вежи. Невесомой Звениславе не стоило никакого труда протискиваться сквозь густые чащобы, а вот грузному Немилу пришлось попрыгать. Он лез через заросли, как ворчливый медведь, не разбирая дороги. Упругие ветви хлестали его по лицу, колючки цеплялись за одежду, как пальцы чудовищ, задавших целью не пропустить чужака.

Дева с досадой оглядывалась и подгоняла:

– Что копаешься? Какой ты неловкий!

– Чего ты от меня хочешь? – не оставался Немил в долгу. – В этом мире царствует нежить, тут все скроено по ее мерке. А я – приличная человечина из плоти и крови, мне тут неудобно.

– Так я, выходит, нежить? – сверкнула очами дева. – Вот, значит, что ты обо мне думаешь!

– Ой, только не придирайся к словам! Я и так чувствую себя, как рыбка на сковородке.

Кудесник с завистью посмотрел, как легко парит над оврагами и ручейками Рублик, серая шерстка которого казалась ярко-серебряной в лучах восходящего солнца.

– А вот и сад Лады, – сказала Звенислава. – Потерпи, отсюда путь будет легче.

Они пересекли опушку и вошли в дивный садик с плодовыми деревьями, настолько диковинными, что Немил даже представить не мог, из каких стран они могли происходить. Шагать стало легче, когда по обе стороны потянулись стройные ряды яблонь, на ветках которых уже появились первые зеленые яблочки.

– Надо же, как все тут купается в зелени, – заметил он. – А на земле еще снег лежит. Лютый месяц кончился, настал чернец, а до весны еще три с половиной недели, и то, если все пройдет гладко.

– Что может задержать весну?

– От чернеца жди беды. Волхвы с давних пор предрекали, что в этот месяц наступит светопреставление, – нахмурил брови Немил. – Дождаться бы нового года – и то будет удача.

Рублик никак не хотел идти в поводу. Он порхал над полянами и щипал сочную травку, в которой путники тонули по пояс. В конце аллеи конь застыл перед раскидистой яблоней, ветви которой клонились к земле.

– Зря мы сюда пришли, – шепотом произнесла Звенислава. – Владыки ужасно сердятся, когда посторонние наведываются в этот уголок.

– Мы опять рассердили богов? Что им еще не по нраву?

– На этом древе растут молодильные яблоки. Раз в год Лада подает их к столу. Если дерево засохнет, богини и боги начнут дряхлеть и чахнуть. От их вечной молодости и следа не останется. Вот они и берегут этот сад, как зеницу ока.

– Молодильные яблоки? – оживился Немил. – Вот везуха! Я-то думал, что это сказка, и даже мечтать о них боялся.

Он подбежал к яблоне, подпрыгнул и наклонил к себе ветку, с которой свисали плоды.

– Стой! Ее нельзя трогать! – в ужасе воскликнула дева.

– Послушай, Венечка, другого такого случая мне не представится, – лихорадочно блестя глазами, принялся умолять ее человек. – Мое тело уже изнашивается. Я чувствую, что подступает старость. То одно заболит, то другое, и никакие припарки не помогают. Мне нужно омолодиться. Так я отсрочу смерть.

– Смерть не отсрочишь. Она придет тогда, когда старшая из Судениц оборвет твою нить.

– Ты не понимаешь! После смерти меня ждут вечные муки в аду. Это уже решено. Отсрочка нужна мне, как воздух! Я хочу все исправить.

Немил потянулся к ближайшему яблоку, чтобы сорвать его.

– погоди! – выкрикнула Звенислава. – Ты только напрасно совершить еще один тяжкий проступок. Эти яблоки созреют лишь к яблочному спасу, а до него еще полгода. По-

смотри, какие они маленькие и зеленые.

– Ничего себе маленькие!

– Когда вырастут – будут еще больше. От неспелых пользы не будет.

– Я все же попробую. Век себе не прощу, если упущу случай.

– Тебя не вразумить. Ладно, пробуй, только не рви с веток. Гляди – тут кто-то уже побывал до нас. Подбери с земли паданцы.

Немил огляделся и заметил, что Рублик с недоверием принохивается к зеленому яблочку, упавшему на траву. Кудесник отпустил ветку, подбежал и отнял у коня находку.

– Ну-ка, отдай! – гаркнул он, и с нетерпением надкусил плод.

Тревога Звениславы сменилась на едкую насмешку, когда она увидела, как выпячиваются глаза ее спутника, и как морщится его лицо.

– Тьфу! Ну и кислятина, – принялся отплевываться Немил. – Оно же зеленое.

– О том я тебе и толкую.

Немил выплюнул остатки и с сожалением бросил надкушенное яблоко под копыта коню.

– На, жри, скотина. Ты же местный. Может, хоть тебе эта зелень пойдет впрок.

Но конь, недоверчиво покатав яблоко по земле, отвернулся и фыркнул. Звенислава залилась хохотом:

– Его уже кто-то пробовал до тебя. Смотри, оно и с другого бочка надкушено. Разве ты не заметил?

Немил пнул яблоко сапогом и с досадой сказал:

– Не удивительно. Все в этом мире – сплошная обманка. Только губу раскатаешь – а тебе шиш с маслом.

– Просто ты здешних правил не знаешь, вот все время и попадаешь впросак.

– Да кто их вообще знает?

– Все, кто здесь обитает, – серьезно добавила дева.

Когда путники добрались до замка, в котором обосновался Вертопрах, Дажбог в своей сияющей колеснице успел проделать уже половину пути до Полуденного дворца, а значит, времени было никак не меньше десяти часов утра.

Две массивные башни угрюмо взглянули на Немила узкими прорезями бойниц. Ворота между ними не смог бы выбить даже исполинский таран. Над запертыми накрепко створками возвышалась грандиозная статуя великана, настолько похожего на живого, что казалось, будто он в любой миг готов сорваться с места и прихлопнуть непрошенных гостей.

– Опять эти стены, – недовольно забурчал Немил. – От кого боги так отгораживаются? Ну, Рублик, держись – придется тебе помахать крылышками.

Он собрался вскарабкаться на коня, но Звенислава его удержала.

– Не стоит мелькать в небесах, – сказала она. – Так нас заметят издалека. Проверим-ка лучше, не оставил ли хозяин ключик.

Кудесник доверился деве, и не прогадал. В воротах отыскалась неприметная дверка, открывшаяся при первом же прикосновении. Рублик не смог пролезть в нее – пришлось оставить его снаружи, а вот сами путники без труда оказались во дворе.

– Как бы нас не застукали! – Глазки Немила забежали по сторонам, выискивая опасность.

Но Звенислава без тени сомнений потащила его к многоярусной палате, выглядывающей из-за садилов и цветников.

– Ох, угораздило же меня самому лезть к черту в логово, – храбрился Немил, вслед за девой поднимаясь по лестнице на верхние этажи.

Они прошли через анфиладу помпезно украшенных залов с вычурной мебелью и оказались в жилой горнице.

– А ну, как нас схватят? – не унимался Немил.

Давешнее оживание слетело с него, едва запахло близостью нечистой силы.

– Разве не видишь? Хозяина нет дома, – успокоила его Звенислава. – Вон его вещи брошены, как попало.

– Вещи? Давай-ка пороемся в них!

Немил оглядел просторную спальню с кроватью под роскошным балдахином, широкими шкавами, столиком у окна и удобными креслами с резными спинками.

– Боюсь, по-быстрому нам не управиться, – заметила Звенислава, с сомнением разглядывая богатое убранство и множество закоулков, где могли прятаться тайники.

– Еще как управимся, не впервой, – заверил Немил. – Стой на стреме и следи, чтобы гости не пожаловали. А я тут пока покопаюсь.

Первым делом он прошелся по выдвижным ящикам в столике и осмотрел вазочки из разноцветного стекла, пылящиеся на полках.

– Вот так находка! – воскликнул он, едва начав обыск. – Подвески для кики. А чертик-то наш нечист на руку! Видать, стырил их у какой-нибудь госпожи.

– Чья бы корова мычала! – уколола его Звенислава.

Однако ее и саму не оставили равнодушной серебряные колечки в виде цветочка с семью лепестками, какими знатные барыни украшали головные уборы.

– Еще кольца и перстни, – бормотал Немил, вытряхивая их из ваз по соседству.

– Мне как раз впору, – откликнулась дева, примерив их на свой тонкий палец.

– Их придется оставить. Хозяин не должен заподозрить, что мы у него побывали.

– Какая сознательность! Ты растешь на глазах.

Возбуждение овладело человеком настолько, что он не обращал внимания на колкости своей подруги. Распахнув дверцы гардеробной, он принялся прошупывать одежду,

проявляя при этом подозрительную сноровку.

– Проверим, не зашито ли что-то в подкладку, – бормотал он.

– Вижу, дело тебе знакомо. Не впервой за него взялся?

– На двор гляди! Как бы не погореть. Будешь ворон считать – нас возьмут, как яйцо из-под курицы.

– А Вертопрах-то у нас с причудами! – прыснула в кулачок Звенислава, глядя, как Немил выбрасывает из шкафа нарядный женский сарафан, душегрейку и рогатую кикю – бархатную шапочку с двумя выступами в виде рожек, украшенных бахромой.

– Думаешь, это его причуды? – усомнился кудесник. – Брось, не сам же он это носит.

– А что ты на это скажешь? – дева показала ему зеркальце и гребешок для волос, забытые на столе. – Мужчинам такие вещи вроде бы ни к чему.

– Может, он сударушку себе завел. Черти до баб охочи – это все знают.

– Кабы так, то навьи бы об этом болтали. Сплетни в Серебряном городе разлетаются быстро. Глазом моргнуть не успеешь – а все уже знают.

– Говорю тебе: тут была баба, – стоял на своем Немил. – Вон пузырек с благовониями. Не для себя же он его держит.

И он указал на небольшой прозрачный сосуд с мутными узорами, похожими на те, что зимой мороз наводит на оконное стекло.

– Кому еще придет в голову держать под рукой духи? На свадьбе Вертопрах терся поблизости – если бы от него пахло, я бы почуял.

Звенислава взяла пузырек с подоконника, понюхала и разочарованно произнесла:

– Никакие там не духи. Просто вода.

– А вдруг это яд? – забеспокоился Немил. – А ну, дай сюда!

Он вырвал пузырек из рук девы и сжал в своей разгоряченной ладони.

– Ой, да он же студень, как лед! – с удивлением вскрикнул кудесник.

– Это и есть лед, – обиженно подтвердила дева.

– И тебе не холодно было его держать?

– Мне – нет, ведь во мне нет теплой крови.

В этот миг дверь с шумом распахнулась. В спальню ворвался разъяренный Вертопрах. Болтающийся хвост нервно бил по полу, а раскрасневшиеся глаза так и сверкали.

– Вот они! Я их застукал! – обернувшись, прокричал он.

Вслед за ним в горницу ввалились грузный Велес в медвежьей шкуре, Стрибог в рогатом шлеме и Хорс в черном кафтане, расшитом серебряной нитью.

– Венька! – с досадой воскликнул кудесник. – Я же велел тебе стоять на стреме, а ты все прозевала!

Звенислава распахнула окошко и вылетела наружу. Немил вскочил на подоконник и собрался последовать за подругой,

но обнаружил, что от земли его отделяет расстояние в три этажа. Прямо перед его глазами покачивались верхние ветки яблони, растущей в саду. Звенислава, как и положено бесплотному духу, плавно спустилась на почву – лишь ее шубка на ветру колыхнулась, как перышко.

Немил замешкался перед прыжком, и тут сзади за воротник его схватила могучая рука бога ветров.

– Он отраву с собой притащил! Видите? Он и меня хотел отравить! – взвизгнул черт, указывая на ледяной пузырек, выглядывающий из ладони кудесника.

– Это не мое! – крикнул Немил, но отпираться было бессмысленно – все уже успели разглядеть сосуд, который он судорожно сжимал.

– Сейчас ты ответишь за все! – пригрозил Велес, проталкиваясь к окну.

Немил спрыгнул с подоконника, но Стрибог не отпустил его, и кудесник повис в воздухе, дрыгая ногами.

Черт схватил его за воротник и с силой потянул вверх, вопя:

– Не уйдешь, пакостник!

– Немил, держись! Я приведу Рублика! – подбодрила его Звенислава.

Небесная дева носилась со скоростью ветра. Ворота замка оказались распахнуты – как видно, Вертопрах открыл их и от нетерпения бросил незапертыми. Рублик с готовностью расправил крылья, Звенислава вскочила в седло и полетела

на помощь.

Рассерженные божества высунулись из окна и потянулись к Немилу, требуя:

– Отдай пузырь!

– Не могу, он к руке прилип, – пролепетал человек.

– Душу вытрясу! – яростно взревел черт и принялся бултыхать его так, что у кудесника сердце ушло в пятки.

Воротник вырвался из лапы черта, и Немил почувствовал, что его несет вниз. Перед глазами мелькнули окна нижнего этажа. «Сейчас расшибусь», – мелькнула некстати пришедшая мысль. Он принялся отчаянно вертеть головой в поисках любой зацепки, но цепляться было не только не за что, но и нечем – одна его рука беспомощно висела в рукаве, вторая бесцельно сжимала стремительно тающий пузырек.

Звенислава на Рублике подлетела снизу, уступила ему часть седла и выкрикнула:

– Хватайся!

Немил выпустил пузырек и ухватился за седельную луку. Дева рывком усадила его у себя за спиной. Пузырек хлопнулся оземь и разлетелся на мелкие льдинки, которые тут же растаяли. Его содержимое ушло в чернозем.

– Вот подлец! Он уничтожил улику! – взвыл Вертопрах.

Рублик взмахнул крыльями и взлетел над стеной. Стрибог отшвырнул от подоконника мешающего черта, надул щеки, и изо всех сил дунул в сторону беглецов. Ураганный порыв ветра перевернул коня, Немила выбросило из седла, и он

понесся к земле. Звенислава попыталась выровнять скакуна, но не справилась: ветер играл ей, как листиком, сорванным с ветки. На счастье кудесника, порыв оказался настолько сильным, что подхватил и понес его самого. Немил ждал, что вот-вот врежется в башню или напорется на острый древесный сук, но его все влекло и крутило до тех пор, пока вихрь не начал ослабевать. Под ногами мелькнули молочные воды звездной реки. Круговерть начала утихать, и его наконец отпустило. Немил плюхнулся в звездный поток и отчаянно заработал здоровой рукой, но этих усилий не хватало, чтобы держаться на плаву, и его потянуло ко дну. Он уже начал захлебываться, когда крылья летучего скакуна хлопнули над головой, и Звенислава выудила его из воды.

Дотацив его до берега, она приземлилась. Немил рухнул без сил на гальку, сплошь состоящую из сверкающих самоцветов. Он не мог надышаться и только разевал рот, как рыба, выброшенная на сушу.

– Уф, как меня подхватило, как бросило! – едва отдышавшись, поделился кудесник. – До сих пор в себя не приду. Никак не привыкну я к тутошним чудесам. Вроде, только что из водоворота вылез. А одежда сухая, как ни в чем не бывало!

– А с чего бы ей быть мокрой? В речке ведь не вода, а звездочки. Вон их сколько, целый поток.

– То-то я смотрю, волны белые, как молоко, и вроде как светятся. А куда эта речка течет?

– В глубину темноты. Но туда нам не надо, – недовольно

откликнулась дева. – Лучше подумай, что делать дальше?

– Только об этом и думаю! – Немил вскочил и начал возбужденно ходить по берегу.

Под его сапогом захрустели россыпи самоцветов. Купание в Звездной реке оказало на человека неожиданное воздействие – от него перестало пахнуть, как от обычного существа, и это было несомненное преимущество, поскольку в Горнем мире, где обитают бесплотные духи и божества, живой запах ощущался особенно резко.

Битый час Немил не находил себе места, пока Звенислава ходила на разведку в город, чтобы узнать, где рыщут гриди. За это время он успел набрать самых больших самоцветов и упрятать их за пазуху. Однако они тряслись при ходьбе и мешали, а их острые края кололи брюхо, и без того нависающее над поясом. Горестно повздыхав, кудесник вытряхнул их обратно на берег, пообещав на прощанье:

– Не обижайтесь, мои дорогие, я про вас не забуду. Вернусь за вами, когда все уладится.

Неожиданно один из камушков взвился в воздух и стукнул его по лбу. Немил отскочил, подозрительно осмотрелся и громко спросил:

– Кто здесь? А ну, не балуй!

И сразу же в спину ему угодил изумруд размером с голубиное яйцо. Кудесник сорвался с места и с криком начал носиться по берегу, выискивая невидимого врага. В трех шагах от него раздался звонкий девичий хохот. Оглянувшись,

он увидел перед собой Звениславу, стаскивающую с головы алую шапочку с белой опушкой.

– Ты давно здесь? – с подозрением спросил он.

– Недавно, зоркий ты страж, – со смехом ответила дева. – У меня две новости, хорошая и плохая. Плохая: гриди рыщут по всему городу и устраивают засады. Пойдешь улицей – непременно попадешься.

– А хорошая?

– Я достала тебе шапку-невидимку.

И дева протянула ему алую шапочку.

– Это одно из сокровищ, которые боги хранят с незапамятных времен. Ярило подарил ее Перуну на свадьбу, а Кострома сжалилась и решила отдать тебе. Не потеряй, другой такой не найдешь.

Немил надел шапку, и тут же перестал видеть свой синий кафтан, порты и сапоги. Его тело стало совершенно прозрачным.

– Знаешь, что я сделаю? – решился кудесник. – Я сам приду к владыкам с повинной головой. Лягу перед ними на плаху и скажу: «если уверены, что я виноват – то рубите голову! Но учтите: коли ошибетесь, душа моя будет на вашей совести». Да, так и скажу. Не может быть, чтобы боги без вины казнили.

– С чего ты вообще взял, что боги обязаны быть справедливыми? – предостерегла Звенислава. – Они такие, какие есть. Ты сам отвечаешь чужим требованиям? Ты ведешь се-

бя так, как хотят боги?

Возбужденно разгуливающий Немил аж остановился – до того неожиданной показалась ему эта мысль.

– Но при этом ты ждешь, что божества станут вести себя, как тебе надо. Так откуда взялись эти требования? Ты их не выдумал? Божества – это свет, ветер, небо, простор. Ты купаешься в их лучах, но замечает ли тебя этот луч? Замечают ли тебя ветер, огонь, волны, дождь, гром и молнии? Не попадайся им под горячую руку – вот одно правило, с которым точно не прогадаешь.

– Пусть будут молнии, гром и огонь, – согласился Немил. – Но не на мою голову, а на тех, кто по правде виновен. Возьму черта за шкуру и бухнусь им в ноги. Пусть выбирают, кто настоящий злодей – он или я.

– Но ведь может случиться, что не ты и не он.

– Пузырек с ядом. Он стоял у него на окне.

– Мы не знаем, что было в том пузырьке. Черт не блещет умом, но оставил бы он доказательство своего преступления на таком видном месте? Неужели бы он не боялся и не думал, как замести следы?

Немил забавлялся, то снимая, то надевая шапку. Его выпирающее брюшко то появлялось, то пропадало из виду. То ли от этого, то ли от лишнего возбуждения его бросало то в холод, то в жар. Стоило выйти из тени, как в лицо ему устремлялся поток жестких и жгучих солнечных лучей, ставших просто невыносимыми. Они лились с вершины крутой

горы, вздымающейся позади городских стен.

– Скоро полдень! – пояснила Звенислава, которой жара была нипочем. – Дажбог остановил колесницу на Окольной горе. У него есть час, чтобы отдохнуть в Полуденном дворце перед спуском к Вечернему морю. Но сегодня отдыха ему не видать: нашлись дела поважнее. После успения Перуна в совете трех государей образовалось свободное место. Нужно решить, кому его отдать. Ради этого владыки соберутся во дворце трех государей.

– Вот удача! Туда мне и надо! – воскликнул Немил.

– Им будет не до тебя, – охладила его пыл дева. – Впервые в совет решено вместо бога ввести богиню. Такого еще не бывало. Будут горячие споры.

– Чего спорить? Которая могущественней и влиятельней – ту и выбрать.

– С давних пор особенным уважением и почетом пользуется труженица Мокуша. Ее слово многое значит.

– Так может, к ней мне и обратиться?

– Не все так просто. Мокуша не рвется во власть. У нее есть соперница – Лада. Никто лучше Лады не владеет любовными чарами. Ее власти подчиняются все живые существа. Но Ладу многие считают слишком легкомысленной. Она большая игрунья, и часто увлекается. А заигравшись, начинает вытворять невесть что.

– Я заставлю владык меня выслушать. Отступить некуда! – пригрозил Немил.

– Терпения! Не лезь на рожон, – остерегла его Звенислава. – Пока государи будут обсуждать важные дела, не показывайся им на глаза. А как начнут расходиться – тут и можешь упасть им в ноги. Не дерзи, будь покорен, говори, как верноподданный. Не обещаю, что они захотят тебя выслушать. Но если выскочишь не вовремя – тогда на тебя точно рассердятся. А богов лучше не сердить, особенно, если ты из плоти и крови.

– Садимся на Рублика, и полетели! – Немил сгорал от нетерпения.

– Совсем сбрендил! – всплеснула ладонями дева. – Рублика сразу заметят. Пойдем пешком. Вернее, пойду я, а ты таись и крадись следом. Авось, проскочим.

Серого скакуна отпустили на волю, и он унесся на заливные луга, заросшие густыми травами. Звенислава провела Немила под исполинской аркой ворот.

Просторная улица вела прямо к веже, но дева шестым чувством распознала засаду и свернула налево, на тянущуюся вдоль крепостной стены аллею, называвшуюся Серебряным кольцом. Немил поразился ее сметливости: не раз и не два навстречу им попадались гриди, рыщущие в поисках беглеца, но Звенислава всякий раз ловко ныряла в просветы между густыми изгородями и углублялась в лабиринт переулков и тайных проходов, которыми лишь изредка пользовались служители великих божеств. Немил едва поспевал за ней. Он то и дело трогал свои бока, чтобы убедиться, что они все

еще на месте. Его доводила до иступления мысль, что тело больше не появится и пропадет навсегда. Прохожие его не замечали, они глядели сквозь него, как будто он был пустым местом. Это обижало и успокаивало одновременно.

Наконец, они добрались до Золотого кольца, за которым простиралась алмазная Зеница.

Глава 7. Дворец трех государей

Тело Перуна покоилось во дворце трех государей, куда его с почетом доставили сразу после отравления. Вокруг дворца выстроилась стража из гридей, не желающих расставаться со своим господином. Звениславе пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы провести Немила мимо призрачных воинов.

Труднее всего оказалось пройти в ворота дворца, настолько высокие, что в них, не склоняясь, въехал бы великан верхом на слоне. Хоть они и были распахнуты, но по бокам от них расположились близнецы Мирослав и Славомир, придирчиво разглядывающие всех входящих. Даже на бессмертных богов и богинь эти дерзкие вояки взирали так, будто при любом подозрении готовы были вытолкать их взащей.

Немил почувствовал, как в копчике у него заиграл страх, но Звенислава тащила его вперед, и он вынужден был переступить через себя, чтобы не опозориться. На служанку призрачные воины не обратили внимания – слуги сновали туда и сюда, как будто во дворце готовилось что-то важное. Но стоило человеку сделать шаг в безразмерный проем, как оба стража принялись и принялись вертеть головами. Немил проскочил побыстрее и оказался в огромном зале, потолок которого возвышался над полом, как купол высокого храма.

Вдоль стен стояли лавки, покрытые расшитыми коврами, в углах высились статуи великих предков, а у дальней стены, на возвышении, виднелись парадные престолы трех богов, правящих всем мирозданием. В этот час они были пусты, и лишь бездыханное тело могучего громовержца лежало перед ними, прикрытое синим бархатным покрывалом.

Звенислава едва не потеряла невидимого Немила, и пришлось сжать ее ладонь, затянутую в красную перчатку, чтобы напомнить о себе. Они появились вовремя: Кострома уже была здесь. Она склонилась над телом супруга и скорбно разглядывала его бледное лицо. Навь Владимир стоял за спиной хозяйки, ожидая распоряжений.

Звенислава спрятала Немила в уголке, за статуей небесного кузнеца, куящего звезды, а сама поспешила к госпоже.

– Вот и ты! – обернулась к ней Кострома. – Как раз вовремя. Я забираю тело супруга домой. Ступай вперед и расчисти путь, чтобы никто не мешал. Владимир, зови воеводу Мстивоя.

Своевольные гриди горячо поддержали решение вдовы своего господина. Призрачные воины подняли носилки и повлекли тело хозяина к выходу.

– Прочь с дороги! Не путайтесь под ногами! – заголосила Звенислава, отгоняя в сторону мелких служек.

Кострома двинулась следом, а замыкал шествие Владимир с обнаженным мечом – это был древний обряд, символизирующий готовность слуг вступить в бой даже за мертво-

го господина.

Внезапно лицо Костромы изменилось, вместо скорби на нем отразилась досада.

– Ах, ты уже здесь, любезная сестрица? – раздался мелодичный, но не слишком приветливый голос. – Ты ранняя пташка. Совет государей собирается в полдень, а до него еще остается чуток времени.

Стены зала заиграли всеми цветами радуги, как будто их осветило сияние. По высокому куполу побежали разноцветные блики. От неожиданности Немил отпрянул и спрятался за огромную статую, забыв о своей невидимости. В зал грациозно вплыла Додола, богиня радужного моста, в сопровождении целой стайки додолиц – нарядных девочек в возрасте от семи до двенадцати лет.

– Я не собиралась тревожить владык пустяками, – процедила сквозь зубы Кострома.

– А куда это гриди тащат великого князя? – маска любезности мигом слетела с Додолы.

– Его место – дома, под защитой родных стен, – отрезала Кострома.

– Великий князь горней дружины принадлежит всей общине богов, а не тебе одной, – резко выкрикнула Додола, преграждая ей путь и останавливая процессию.

Растерянная Звенислава попятилась, опасаясь очутиться между двух ссорящихся богинь.

– Я – законная супруга Перуна. Я решаю, как с ним по-

ступить, – отчеканила Кострома.

– Что это за супруга, которая с мужем и ночи не провела? – дерзко возразила Додола.

– Не суй нос не в свое дело! – Кострома побелела от гнева.

– Ах, так это не мое дело? – взъелась Додола. – А то, что ты среди бела дня похищаешь великого князя – это чье дело?

– Что за ссора, любезные сестры? Как вы можете ругаться над еще не остывшим телом? – послышался громкий, уверенный голос.

Юные додолицы бросились врассыпную, уступая дорогу целому сонму великолепных божеств. Первым вошел в зал владыка Род – Немилу бросился в глаза его рдяной мятль, расшитый узорами. За старцем под высокие своды вступила целая толпа небожителей, среди которых кудесник разглядел Ладу с ее юной дочерью Лелей, Велеса, Стрибога, Ярилу и Хорса. За ними робко, будто не веря, что ему здесь рады, просеменил Вертопрах. Его неуверенный вид разительно контрастировал с дорогим черным камзолом, увешанным золотыми цепями. Божества окружили носилки с Перуном, не давая процессии ступить шагу.

– Эта самозванка думает, будто князь-воин принадлежит ей одной! – гневно выкрикнула Додола.

Ее радужный плащ разметался, отчего разноцветные полосы заплясали на лицах вошедших.

– Как вам не стыдно затевать свару над мертвым? – укоризненно глянул на обеих богинь Род своими пронзительны-

ми голубыми глазами.

Бледная Кострома сжала губы, но не ответила и отступила. Гриди вернули носилки к подножию трех престолов и поправили сбившееся покрывало, под которым лежало неподвижное тело.

– Займите места! Мы начинаем совет! – провозгласил Род и поднялся на центральный престол.

Оба кресла по правую и левую руку от него остались пусты: одно из них принадлежало Дажбогу, на втором раньше сидел Перун. Богини и боги расселись на лавках вдоль стен, и даже Вертопраху отвели отдельное кресло неподалеку от возвышения. То ли это был знак почтения, то ли, наоборот, все остальные предпочитали держаться от него подальше.

Внезапно сияние в зале стало ослепительным – это подъехал солнечный Дажбог верхом на огненном скакуне. Его венец светил так, что невозможно было смотреть на него. Немил укрылся за статуей, чтобы его не обожгло, да и Вертопрах не на шутку перепугался, а вот остальным обитателям Горнего мира до жара не было дела – он их не трогал.

Дажбог спешился, снял венец и уложил его в ларец, поданный слугой Святославом. Только когда крышка ларца захлопнулась, и нестерпимое сияние померкло, Вертопрах перестал ерзать, будто его поджаривали на сковородке. Род мигнул слугам, и те быстренько принесли послу большую чашу с вином, которая его успокоила.

Солнечный государь поднялся к престолом и занял место

по правую руку от старейшины.

– Братья и сестры, у нас множество дел, но сначала мы должны решить, кому достанется место Перуна, – провозгласил Род.

Рассевшиеся на лавках богини и боги оживились и загомонили. Звенислава тихо юркнула в уголок, нащупала рукав Немила и зашептала:

– Смотри, сейчас начнется самое интересное. Владыки будут выбирать нового соправителя.

– Ох, не мое это дело, – шепнул человек в ответ. – Взгляни лучше на Вертопраха. Видишь, у него из кармашка торчит костяной гребень?

– Подумаешь, что в нем такого? – сказала дева, досадуя, что ее спутник никак не возьмет в толк, что же в Горнем мире по-настоящему важно.

– Ничего ты не понимаешь! – вышел Немил из себя. – Гребень – женский. Это оружие, а не предмет обихода. Иначе зачем таскать его с собой?

– Брось, ты все выдумываешь!

– Я – колдун, я знаю толк в подобных вещах. Стоит кинуть такой гребешок через плечо – и зал зальет огненная река. Черт нарочно его притащил, чтобы угробить всех одним махом. Сначала он вывел из строя Перуна, а теперь хочет прикончить и остальных. Я ему помешаю.

– Сиди тихо и не высовывайся, – шикнула на него Звенислава. – Божества без тебя разберутся.

– Нет, я всех спасу! Иначе зачем я тут? – не унимался Немил.

Пока они препирались, претендентки на оставшийся пустым трон выступали с речами. Лада доказывала, что она станет мудрой правительницей, и приводила множество убедительных доводов. Речь Мокуши оказалась короче: богиня-труженица заявила, что решать судьбы миров для нее – слишком высокая честь, которой она недостойна.

Богини и боги внимательно слушали и горячо откликались на эти речи, а вот Вертопрах заскучал. Он выхлебал чашу с вином до дна и велел слугам наполнить ее по новой, после чего начал клевать носом. Уже через пару минут он дремал, безмятежно посапывая.

– Не похоже, чтобы он собирался напасть! – заметила Звенислава.

– Притворяется! – с возмущением ответил Немил. – Бдительность усыпляет.

Кудесник выбрался из своего укрытия, и, пользуясь невидимостью, начал вдоль стеночки пробираться в дальний конец зала.

Леля, юная дочь Лады, от души обняла и поздравила мать с новой почестью. Лада горделиво устроилась на престоле по левую руку от Рода.

– Теперь, если владыки не возражают, я хочу забрать тело супруга в родные чертоги, – смиренно выступила вперед Кострома.

– Не позволю! – выкрикнула Додола, становясь рядом с ней. – Мало того, что эта воровка увела у меня суженого, так теперь она и тело его хочет сжечь, чтобы скрыть свое преступление.

Богини и боги, сидящие на лавках вдоль стен, ахнули от негодования. Немил, с превеликой осторожностью пробравшийся сквозь толчею, замер.

– Скорбь моя по супругу слишком велика, чтобы отвечать на эти гнусные измышления, – бледнея еще больше, вымолвила Кострома.

– Как ты можешь бросаться такими словами, сестрица? – с укоризной сказал Род Додоле. – Мы все – члены одной дружной общины. Я понимаю твои чувства, но...

– Ничего ты не понимаешь! – перебила старейшину богиня радуги.

Присутствующие возмущенно загомонили – перебивать владыку считалось неслыханным бесчестьем. Однако Додола не замечала всеобщего негодования. Порыв гнева так увлек ее, что она не могла остановиться:

– Все знают, что Перун был моим нареченным. Мы собирались пожениться – такова была наша судьба. Мир богов кажется вечным и неизменным, поэтому мы не торопились со свадьбой. Но вот явилась эта проходимка и в одночасье охмурила моего ладу. Тот забыл про свою суженую и бросился к новой страсти, как будто его самого поразил гром. Ни за что не поверю, что тут обошлось без колдовства. Эта

приблуда, должно быть, его приворожила. Кроме любовного приворота такую страсть ничем больше не объяснишь. Она вспыхнула внезапно, и привела к его гибели. Вот что бывает, когда отдаешься порочным страстям!

Дажбог покачал головой и отвернулся, давая понять, что эта свара ему не по нраву. Род в глубокой печали теребил се-ребристую бороду, и только Лада впилась в двух спорщиц та-ким взглядом, будто собралась пробуравить обеих насквозь.

– Наша любезная сестра обвиняет тебя в привороте. Что скажешь на это, сударыня? – осторожно спросил Кострому старец.

– Я бы вышла из себя от этих надуманных обвинений, ес-ли бы не понимала чувств, охвативших Додолу, – ледяным тоном произнесла Кострома. – Столько лет быть невестой славнейшего из государей, а потом вдруг узнать, что он по-любил другую. Это крушение всех планов, это несбывшие-ся надежды. Как трудно признать, что возлюбленный отдал сердце другой! Поневоле припишешь такую беду ворожбе. Но я не боюсь обвинений. Наша новая государыня, Лада, лучше всех разбирается в любовных чарах. Пусть она осмот-рит еще не остывшее тело Перуна и решит, подвергался ли он привороту.

– В самом деле, сестрица, ты теперь государыня, – обра-тился к соседке старейшина. – Вот и разреши этот спор. До-кажи, что по праву заняла место среди владык.

Лада вскочила с престола так резво, будто сорвалась с

привязи. Она сбежала по ступеням, откинула с носилок покрывало и принялась изучать бездыханное тело громовержца, пронося ладонь над его лицом и грудью. Все замерли и принялись вглядываться в то, как творит волшебку хозяйка любовных чар.

Немил воспользовался случаем и на цыпочках прокрался мимо последнего препятствия – воеводы Мстивоя, который отгораживал гостей от владычных престолов. Держаться на цыпочках для грузного Немила оказалось непросто, выпирающее брюшко перевесило, он покачнулся, взмахнул руками и легонько задел кольчугу воеводы, которая тихо звякнула.

Мстивой встrepенулся и принялся озираться по сторонам. Род приложил палец к губам, давая воеводе знак, чтобы тот не мешал. Немил восстановил равновесие и тихо прокрался дальше, к креслу Вертопраха, который беззвучно кемарил, свесив похожий на свиное рыльце нос.

Лада прикрыла корзном плечи Перуна и резко выпрямилась. Зал затих, ожидая ее заключения. Бледная, как полотно, Кострома казалась невозмутимой, в то время как лицо и глаза Додолы полыхали от ярких, горячих эмоций.

– Любезные братья и сестры, – возвысила голос Лада, – вне всяких сомнений, великий князь не подвергался любовным заклятьям. Никаких следов приворота я на нем не нашла.

Зал дружно ахнул и загомонил. Немил, уже подобравшийся к Вертопраху, вздрогнул, как будто его застали врасплох.

– Вот и славненько, – вздохнул с облегчением Род. – Приговор хозяйки любви сомнений не вызывает. Дело разрешено.

– Но это еще не все! – подняла руку Лада.

Все снова устали на нее.

– Я не могу сказать, чем отравлен Перун – зелье слишком простое и вместе с тем неуловимое, – произнесла государыня. – Зато могу точно сказать, что лишить жизни бессмертного бога не может даже оно. Перун не умер.

– Он еще жив? – привстал со своего престола Дажбог.

– Не совсем так, – отозвалась богиня. – Он ни жив и ни мертв. Он как будто уснул смертным сном, но еще есть надежда его разбудить. У нас остается время до конца этого года, после к жизни его будет уже не вернуть.

– Но до конца года остались считанные недели, – сказал Род.

– Да, всего три недели, и подойдет к концу этот злой месяц чернец, в который сама судьба обрушивает на нас несчастья, каких мы и не ждали. Но знайте: великого князя хоронить еще рано. Пока он всего лишь усоп, но еще может воскреснуть.

– Какое счастье! – громко воскликнула Кострома.

Ее щеки порозовели, а глаза стали теплыми и голубыми. Род спустился с престола, подошел к ней и обнял по-родственному, как дорогую племянницу.

– Нам подарили надежду, – сказал он Костроме. – Исполь-

зую отпущенное время с толком. Оставим великого князя под надежной охраной в самой мощной из крепостей, какую только видели все три мира – в Белой веже. Там никто к нему не подберется.

Кострома так расчувствовалась, что лишь молча кивала. По щеке ее пробежала горячая слеза.

Разбуженный радостным гомоном, Вертопрах вскинул нос и продрал глаза. Немил понял, что медлить нельзя, и выхватил костяной гребень из его кармана. Движение вышло порывистым и неловким, черт почувствовал его, начал хватать воздух руками и вцепился в невидимого кудесника.

– Эй, да тут вор! – с удивлением просипел он. – Только что-то его не видать.

Немил дернулся, но противник не отпускал, и вместо того, чтобы вырваться, кудесник с грохотом шлепнулся на колени. Шапка слетела с его головы, и все увидели посреди зала неуклюжего толстяка, барахтающегося в ворсистом ковре.

– Вот он, отравитель! – вскочил с лавки Велес. – Явился, чтобы довершить свое черное дело?

– Что? Чужак? – возмутился Род. – Как он сюда пробрался? На совет государей мы допускаем лишь избранных. Стража, олухи, куда вы смотрели?

Уязвленный Мстивой бросился на человека и навалился сверху. От его кольчуги исходил мертвенный холодок.

– Стойте! Смотрите, что притащил этот черт! – вытянул руку кудесник, демонстрируя всем костяной гребень.

– Вяжи его! – приказал воевода подлетевшим близнецам, Мирославу и Славомиру.

– Вы что? Я всех спас! – не вставая с колен, завопил ку-десник. – Этим гребнем черт вас всех хотел погубить.

– Что за чушь ты несешь? – рассердился Род. – Неужели ты думаешь, что нас можно обмануть такой простецкой уловкой?

– Но ведь это оружие... он же всех... одним махом, – упавшим голосом продолжал бормотать Немил, которого стражники успели скрутить так, что он едва трепыхался.

Лада приблизилась, взяла гребень и осмотрела его.

– Обычный гребешок для расчесывания волос, – сказала она. – У меня такой же, только серебряный. Если хочешь кого-то убить им, то выломай из него зубья и вбей их себе в лоб – может, тогда начнешь хоть что-то соображать.

– Как же так? Вы получше проверьте, – совсем упал духом Немил.

– И зачем я притащил этого разгильдяя в горный мир? – посетовал Хорс. – Что б ни случилось – он всегда на виду. Где беда – там и он.

Ярило подобрал шапочку с мягкой опушкой и заткнул за свой пояс.

– Государи и государыни, – склонился перед владыками воевода Мстивой. – Выдайте нам этого прощельгу головой, а уж мы придумаем для него такую расправу, которая всем нечестивцам послужит уроком.

– Нет, не надо меня на расправу! – взвыл Немил. – Я ж радел ради вас! Я службу хотел сослужить!

– Забирайте, – махнул гридям Род.

– Погодите! – возразила вдруг Лада. – Этот вор еще не по всем статьям отчитался. Тащите его ко мне.

Гриди с готовностью приволокли упирающегося Немила и бросили его к подножию престолов.

– Не далее как нынешним утром кто-то пробрался в мой сад и сорвал молодильное яблоко, – гневно сказала новоизбранная государыня.

– Кому могла прийти в голову такая глупость? – рассмеялся Дажбог. – До яблочного спаса еще полгода.

– Вот именно! – продолжила Лада. – Любой небожитель знает, что молодильные яблоки созревают лишь к концу лета. А вот чужакам из других миров это знать неоткуда.

– Мог бы и догадаться, – хмыкнул Дажбог.

– Как же, догадаешься тут, – не удержался Немил. – У вас всегда лето. Везде все растет – протяни руку и рви.

– Так ты признаешься? – ухватила за него Лада.

– Ничуть не бывало! Не рвал я твоих яблок! – распрямился Немил.

– Тебя видели у моего сада, и не одного, а вместе со спутницей, Звениславой.

Услышав свое имя, дева приблизилась и встала рядом с кудесником.

– За Звениславу я отвечаю. Это моя служанка, – вмешался

лась Кострома.

– Вот и отлично. Пусть расскажет, что они делали в заповедном саду, – велела Лада.

– Государыня, – почтительно склонилась перед ней Звенислава, – прости нас за то, что по недоразумению мы вторглись в запретный сад. Но яблок в нем мы не рвали. Это сделал кто-то до нас. Сбитый плод мы нашли на земле, он был надкушен и брошен. Мой спутник из Дольнего мира по незнанию пытался его попробовать, но тут же выплюнул и ни капельки не проглотил. Накажите меня, если я вру.

– Если не человек сорвал яблоко, тогда кто? – задала вопрос Лада.

Дажбог подозвал своего слугу, Святослава, и велел ему:

– Расскажи, что ты видел за час до рассвета.

Святослав приблизился и заговорил:

– Государь, вчера вечером, как обычно, я выпряг огненных коней из твоей колесницы и отпустил их на вольные пастбища. Ночью они разбрелись, и пришлось собирать их по дальним краям. Коренного я нашел на лугу неподалеку от Ладиного сада, он мирно щипал траву и не лез, куда нельзя. Зато я увидел, как из сада вышла незнакомая девочка лет семи, в белом сарафанчике и детской кике, прикрывающей волосы.

– Что за девочка? – удивился Род.

– Знать не знаю, – ответил слуга. – Никогда ее прежде не видел.

– Ты не выяснил, откуда она взялась и что делала там?

– Нет, владыка. Мне до чужих навых духов нет дела. Я торопился собрать коней к пробуждению хозяина, он задержек не терпит.

– Вот это новость! – рассмеялся Дажбог. – Незнакомый ребенок у нас, в Горнем мире. Может, ты просто его не узнал?

– Может и так, государь. Темно было, ведь твоя колесница еще не выкатывалась на небосвод.

– Я эту девочку тоже видел, – забыв о чинах, встрял в разговор воевода Мстивой. – Только было это уже при свете дня, через час после выезда солнечной колесницы. Она попалась нам, когда мы искали этого нечестивца, удравшего у нас из-под носа.

Мстивой ткнул кулаком Немила, отчего кудесника пронзила острая боль.

– Близнецы наткнулись на незнакомку и притащили ее ко мне. Я увидел, что передо мной ребенок, и постарался ее не напугать. Однако вела она себя донельзя самостоятельно и так отвечала, что пришлось ее отпустить.

– О чем ты ее спрашивал?

– Спросил, чья она и откуда взялась. Говорил ласково, чтобы ее не обидеть, но детишка попалась с норовом. Сказала, что «чья ты» спрашивают только рабов, а она не рабыня, а вольная птица. Я велел ей идти домой и на улицу не показывать носа. Она послушалась, и больше я ее не встречал.

– Ну и порядки у нас, – вздохнул Дажбог. – По городу бродят незнакомые дети, а мы о них даже не знаем.

Кострома вызволила Немила из тесных объятий гридей и взяла слово:

– За час до рассвета землянин вместе с моей служанкой был на площади. Его видели гриди, и не только видели, но и пытались схватить. Он не мог обратиться в семилетнюю девочку, даже если бы кто-то из великих божеств его околдовал. Взгляните на него: он больше похож на борова, чем на ребенка.

Богини и боги на лавках дружно загоготали, к ним присоединились и многочисленные служки, что задело Немила за живое.

– Через час после рассвета эта парочка, как вы знаете, вломила в жилище нашего гостя, – продолжила Кострома.

– Вот-вот! – воспрянул Вертопрах, уже давно ерзающий, как на иголках. – Этот человек – закоренелый вор. Он уже дважды пытался меня обокрасть, сначала в моем доме, а теперь тут, при полном народе. Не отпускайте его и накажите так, чтоб другим неповадно было.

– Ничего я не крал! – обиделся Немил. – Я искал улики, чтобы до вас, важных владык, наконец дошло – этот черт и есть самый настоящий злодей.

– В любом случае, мы узнали, что яблоко было сорвано еще до него, – вымолвила Кострома.

– Меня рассказы о какой-то там девочке не убедили, –

возразила Лада.

– Пустите меня! – Немил избавился от прикосновений гридей и бухнулся в ноги владыкам. – Как же вы не поймете? Не мог я причинить вреда моему господину, ведь он дал мне надежду. Лиходей повелел бесу отнять мою душу и ввергнуть в пекло на вечные муки. Троян дал мне совет: сослужить службу богам, чтобы они избавили меня от этого наказания. И вот случай представился, да какой! Сам Перун, великий князь грома и молнии, пригласил меня послужить на его свадьбе. Это же просто мечта! Неужели вы думаете, что я мог ему навредить? Да я бы в лепешку расшибся, лишь бы ему услужить.

– Твои слова горячи, но дела убедительнее слов, – откликнулся с престола Род. – Вот он, лежит твой Перун, без кровинки в лице. Что ж ты так плохо ему услужил? И зачем ты обманом пробрался сюда, на совет государей, где нет места незванным гостям?

– Каюсь в том, что не выполнил свою службу как следует, – приподнимаясь на коленях, сказал Немил. – Волхв должен оберегать свадьбу от порчи и сглаза. Кто ж знал, что тайный враг подмешает отраву в питье? Да еще и отрава такая, что никто ее не распознает. Только у меня ни причин, ни желанья для такого злодейства не было никаких. А у кого они были? Поглядите вокруг! Единственный враг, что сидит среди вас – вот он, черт Вертопрах! Нет других обитателей преисподней на небе. Судите сами: он лично наполнил чару и

долго не выпускал ее из рук, будто ловчил и чего-то старался добавить. Да и кто лучше адовых служек разбирается в ядах?

– Врешь! – взвизгнул черт, вскакивая со своего места.

Его свиной пятак сжался и с шумом втянул воздух, а тонкие рожки на голове заходили ходуном от негодования.

– Ты, растяпа и негодяй, валишь свою вину на меня! Куда вы, владыки, смотрели, когда доверили этому шарлатану оберегать свадьбу? Он же обманщик! Али не знаете, чем он промышлял, пока обретался в родном мире? Да он и колдовать-то никогда не умел, только обманывал простаков легковерных, да брал с них денежку, и не совестился. И вот такому-то прощельге доверить столь важное дело?

– Больно много ты обо мне знаешь! Интересно, откуда? Нарочно следил?

Немил подскочил к черту, схватил его за грудки и затряс, отчего зазвенели золотые цепи и драгоценные побрякушки, которыми тот был увешан.

– Эй, а ну разойдитесь! Не смей, землянин, позорить посланника. Его нельзя трогать! – грозно выкрикнул Род.

Мстивой схватил Немила за шиворот и силой оттащил от Вертопраха.

– Государи и новоизбранная государыня, – вышла вперед Кострома, – позвольте мне заступиться за этого неразумного человечка. Речь его спутана, слова неразборчивы, но в одном он прав. У него не могло быть желанья причинить лихо божеству, которое столь высоко его вознесло.

– Его душа – в руках Лиходея, он сам в этом признался! – возразил Велес. – Чтобы избавиться от мук ада, чего только не сделаешь.

– Но Вертопрах – тоже слуга Лиходея. Кому князь тьмы поручит покушение на божество – случайному человеку, или испытанному слуге?

Вертопрах растерялся и плюхнулся в кресло. Его черные глазки забегали по сторонам.

– Что, если в словах человека есть смысл? – настаивала Кострома.

Черт попытался сказать что-то в свое оправдание, но его заплетающийся язык издал только несколько неразборчивых хрипов.

– Мы не можем обвинять посланника без оснований, – сказал Дажбог, потирая свою золотистую бородку.

– Но и в том, и в другом случае за преступлением стоит Лиходей! – Кострома обратилась ко всему залу. – Кто еще пожелает выбить из строя главного воина небесной дружины? Бесы и раньше пытались захватить небеса. Теперь, когда боги вернулись из странствий и снова засели в своей горней твердыне, враги должны быть обеспокоены. Они только и думают, чтобы нанести нам удар. Что же их раньше удерживало? Кого они боялись?

– Перуна! – в один голос выдохнули сидящие вдоль стен божества.

– Именно! – звенел голос Костромы. – Они не решились

бы развязать войну, пока жив Перун. Но теперь его нет, и ничто их не сдерживает. Откройте глаза: война уже началась, и отравление моего возлюбленного супруга – ее первый шаг.

Голос богини умолк. Повисла звенящая тишина, которую никто не решался нарушить.

– Что скажешь на это, посол? – устремил взгляд на черта владыка Род.

Вертопрах беспомощно развел руками, повертелся и, не найдя себе места, стремглав выбежал из дворца.

– Свет не видывал таких бестолковых послов, – раздраженно промолвил Дажбог. – Они с человечком друг друга стоят.

– Если слова Костромы верны, то нас ждет война, и в этот раз перевес будет не на нашей стороне, – сказал залу Род.

– Нам нужны новые, могущественные союзники, – напористо молвила Кострома. – Такие, каких нипочем не одолеть. Я говорю о Святогоре.

Зал охнул.

– Святогор – это необузданная, дикая сила, с которой невозможно договориться, – возразил Род.

– Мы предложим ему вступить в брак с одной из богинь. Так поступали в древние времена, чтобы скрепить союз.

– Вряд ли кто-то из наших сестер захочет выйти замуж за этого дикаря, – заметила Лада.

– Настало время, когда нужно думать не о себе, а обо всей нашей общине, – решительно заявила Кострома. – Ради

спасения нашего мира кому-то придется пожертвовать собственным благополучием.

– Беды валялся на нас одна за другой, – задумчиво вымолвил Дажбог. – С человечком-то что будем делать?

– Его вина не доказана, обвинения несостоятельны, – завила Кострома. – Я уже поручила ему заняться поиском виноватых.

– Куда он от нас денется? Пусть продолжит свое дело, – решил Род. – Однако трогать посланника строго запрещено. Даже если война на пороге – пусть не мы будем теми, кто ее развяжет.

Голубые глаза Лады вспыхнули от гнева, но возразить старейшине она не посмела. Кострома взяла Немила за плечи и быстро вывела из дворца. Владимир уже ждал на площади рядом с санями, в которые был запряжен крылатый Гром. Стоило Звениславе вслед за хозяйкой прыгнуть на сиденье, как навь схватил вожжи, Гром взмахнул крыльями, и потянул сани ввысь.

– Скорее, пока эти мудрые владыки не передумали, – оглядываясь, приговаривала Кострома. – Пока они раскачаются, мы уже сделаем свое дело.

Мятежные гриди на время угомонились и вернулись в отведенный им чертог, отделенный от Перунова дворца густой дубравой. В просторной гриднице они занялись привычным делом – устроили пир с состязаниями и боями. Звенислава

осмотрела двор усадьбы, захлопнула за собой двери палаты и сказала:

– Нас оставили в покое, но это только на время.

Владимир повел Грома в конюшню, а Кострома пригласила Немила в светлую горницу на жилом этаже дворца. Здесь все оставалось, как перед свадьбой, когда Перун был еще цел и невредим. Стены, обитые голубой материей с золотыми узорами, мягкий ковер на полу, удобные кресла в углах и лавки вдоль стен – как будто гости только что поднялись с них и ушли, оставив хозяину заботы о делах войны и мира.

Звенислава поднялась следом, выглянула в окно и сказала:

– Никого. Мы одни.

– А что толку? – взорвался Немил. – К моим обвинениям против этого черта никто не прислушался. Откуда взялось это предубеждение?

– Ты – человек, ты чужой в этой мире, – утихомирила его Звенислава. – Твое слово тут мало что значит.

– Я тут тоже недавно, но это не значит, что я позволю себя унижать, – вымолвила Кострома, погрузившись в высокое кресло рядом с престолом Перуна. – Каких дерзостей наговорила мне эта Додола! Она с самого начала невзлюбила меня, и теперь ясно, почему. Боги вообще никого не пускают в свой закрытый мирок. Чтобы попасть сюда, нужно пройти сто мытарств.

Мне сделал предложение великий князь горного воин-

ства, предводитель небесной дружины, громовержец и первый витязь! Но даже ему эти завистливые домочадцы, называющие себя «братьями и сестрами», вставляли палки в колеса. Он посадил меня на Грома и повез в свой дворец, чтобы сделать его хозяйкой. И сразу же натолкнулся на препятствия, которые строили ему собственные «братья и сестры». Первым, кто встал у нас на пути, оказался Велес. Он никак не хотел открывать нам ворота детинца, охраняющего подступ к мосту в Горний мир. Перун нашел на него управу, но тут заочевряжилась ее высочество богиня радуги. Она, видите ли, возомнила, что сама вправе решать, кого пускать на небеса, а кому дать от ворот поворот.

– Что она сделала? – спросил Немил, возмущение которого полностью совпадало с настроением хозяйки дворца.

– Она не открыла нам мост! – сдерживая гнев, проговорила Кострома. – У нее есть платок: когда она машет им в одну сторону, мост появляется, когда в другую – исчезает. Так вот, она не пожелала пошевелить ручкой, чтобы дать нам подняться. Теперь ясно: она ревновала. Перуну пришлось уговаривать высших владык, чтобы они приказали Додоле впустить меня, лишь после этого она подчинилась. Боюсь, что эти небожители так привыкли покоиться на своих престолах, что не готовы принять правду. Времена изменились, на нас наступает враг, а они не желают этого замечать. Боги слепы. Если я не открою им глаза, они пропадут.

– Вот-вот, именно, боги слепы! – с восторгом подхватил

Немил. – Они запретили мне трогать Вертопраха. Как же тогда доказать, что он – отравитель? Хотя сегодня я узнал много такого, что навело меня на кое-какие соображения. Возможно, есть смысл рассмотреть и других подозреваемых. Возьмем эту Додолу. Видали, в каком окружении она появилась? Целая стайка девчушек, и всех так нарядили, будто на ярмарке показывать собрались.

– Чем они тебе не понравились? – спросила Звенислава.

– Кто сорвал яблоко? Лада пыталась повесить на меня еще одно обвинение. Час от часу не легче! Какое счастье, что ей не поверили. Но что за девочка побывала в саду в тот самый час, когда мы садились на Рублика, чтобы удрать от гридей? Может, это одна из додолиц?

– Зачем малым додолицам рвать зеленые яблоки?

– Кто же их знает? Может, из озорства. Или от детского неразумия. Или у них были причины, которые нам неизвестны.

– Додолиц узнали бы свидетели – Святослав и Мстивой, – возразила Звенислава. – Нарушительница, которую они видели, была незнакомкой.

– Вот-вот, незнакомки шастают по Горнему миру, как по своему двору, а меня, законную невесту Перуна, на порог не хотели пускать! – с обидой произнесла Кострома.

Чтобы утешить госпожу, Звенислава подала ей чашу вина на расписном подносе. Хозяйка отпила, но это ее не успокоило. Она поднялась с престола и принялась расхаживать

между широкими окнами, за которыми слышался щебет чудесных птиц.

– Кого еще можно заподозрить в преступлении против моего супруга? – спросила она кудесника.

– Посуди сама, государыня, – с готовностью откликнулся тот. – Додола считалась невестой Перуна. Неожиданно появляется разлучница и уводит жениха у невесты. Чем не повод, чтобы замыслить недоброе?

– Я не разлучница, – сурово прервала его богиня. – Перун сам меня выбрал, сам предложил отправиться с ним в Горний мир, сам просил моей руки и сердца. И никто его не принуждал. Покинутая невеста пыталась списать все на любовные чары, но их не было – вы же сами все слышали. Ладу не проведешь. Додола обижена, и пытается выдумать объяснение, которое ее бы утешило. Но объяснение простое: Перун сделал выбор в мою пользу, потому что почуял во мне верную спутницу в боях и победах.

– Эта обида и могла толкнуть ее на преступление, – заговорил Немил. – Она рассчитывала обустроить свою личную жизнь, и тут вдруг трах-бах! – и крушение всех планов. По неволе вскипишь. На свадьбе она была среди почетных гостей, за столом сидела вместе со всеми. Чара прошла и через ее руки – в этот миг она могла вбросить яд. Вы же видели, что творилось. Будь на то моя воля – я бы сам черпал вино и никому не давал бы над ним слова сказать. Но тут не мои порядки, меня лишь осмеяли за эти опасения. А чара с отра-

вой прошла по рукам и дошла до великого князя.

– Но что за яд она использовала? – спросила Звенислава.

– Она же богиня Радужного моста. В любой миг может спуститься к корням Мироствола и набрать там любых трав или листьев. Они падают с Древа миров – я сам в этом убедился.

– Многие богини разбираются в травах, – заметила Кострома. – А если не разбираются, то всегда могут найти того, кто им посоветует.

– Так она и задумала показать всем, что будет с тем, кто отвергает любовь богини, – подвел черту Немил. – Чтобы впредь никто больше не решился на это.

– Звучит убедительно, но и про Вертопраха нельзя забывать, – заметила Кострома.

– Я проверю их всех, но до истины доищусь, – пообещал Немил.

5 день чернеца

Умный Рублик сам вернулся в свое стойло. Владимир прочистил ему крылышки и подвел седокам. Тучный Немил взгромоздился в седло, как мешок с сырой мукой, взваленный на телегу, а вот легкая Звенислава вспорхнула, как бабочка, и уселась у него за спиной так, что конь даже ее не почувствовал. Кострома вышла на крыльцо, чтобы проводить их долгим взглядом.

Усадьба Додолы раскинулась далеко за пределами города, у самого края алмазного небосвода. Добраться до нее оказалось труднее, чем Немил мог представить. Проезжать мимо гридницы с разбушевавшимися вояками у него не было никакого желания. Пришлось пересекать улицу Молонюю с ее чудовищными изваяниями, рискуя при этом попасться на глаза кому-то из грозных божеств, до сих пор питавших к человеку не самые теплые чувства. Под исполинскими Золотыми воротами он вновь почувствовал себя мелким червем, а дальше, за рощами и полями, раскинулся вольный простор, по которому бродили волшебные звери. Звенислава уверенно привела Рублика к Радужному дому, как все называли жилище богини.

По счастью, въезд на территорию, огороженную деревьями и подстриженными кустами, никто не охранял. Сама усадьба походила скорее на парк с дивными садиками и дорожками, вымощенными самоцветами величиной с добрый булыжник. Купы плакучих ив скрывали беседки, в которых беззаботно сновали невинные души додолиц, упорхнувшие из райских куш, чтобы служить хозяйке летних дождей. На лужайках журчали фонтаны, музыку которым заменяли волшебные птицы, поющие чарующие песни. Здесь все дышало умиротворением и тихой радостью, какие мятущийся человек и надеется встретить на небе, не найдя их на земле.

На Немила напали расслабленность и покой, каких он давно не испытывал, и ему пришлось встряхнуться, чтобы на-

помнить себе, по какому серьезному делу он пожаловал в эту журчащую обитель.

Дворец богини встретил их музыкой, ворота распахнулись сами собой.

– Нет ли здесь ловушки? – забеспокоился кудесник, но дева у него за спиной лишь рассмеялась:

– Вот дикарь! Откуда здесь возьмутся ловушки? Это Серебряный город, в который попадают только праведники, да и то лишь после того, как душа отделится от тела.

Одна из девочек взяла Рублика под уздцы и помогла путникам спешиться. На неподвижную руку Немила уселась огромная бабочка, на крыльях которой был нарисован узор в виде двух больших, черных и жгучих глаз.

– Хозяйка нас видит. Она знает, что мы уже здесь, – тихонько шепнула Звенислава.

Их поманила за собой юная девчушка, настолько прозрачная, что Немил усомнился – тут ли она в самом деле, или это лишь видимость. Девчушка ласково улыбнулась, вошла в двери и принялась спускаться по широким ступеням, ведущим куда-то вниз. Немил и Звенислава последовали за ней.

Провожатая привела их в просторный зал со сводчатым потолком, который подпирали массивные колонны. Если бы не роскошное убранство, можно было бы подумать, что они попали в подвал. Девчушка мило улыбнулась и растаяла в воздухе.

– Куда она делась? – забеспокоился кудесник. – У вас что

тут, так принято – пропадать, не начав разговор?

Звенислава не сумела ответить, она сама с недоумением озиралась по сторонам. Подойдя к столику, она попыталась взять с него кувшинчик и наполнить две маленькие чарки, однако они заколыхались в отблесках факелов и исчезли. Немил вытер со лба пот и присел в кресло, устланное мягкими подушечками. Однако вместо того, чтобы усесться, грузный кудесник лишь рассек задом воздух и с грохотом рухнул на каменный пол, неловко подвернув сухую руку.

– Тут все – одна видимость! – рявкнул он, морщась от боли. – Вот, значит, как нас принимают!

Огни факелов на стенах заплясали и погасли. Немил и Звенислава очутились в крошечной тьме. Лестница позади них исчезла – человек попытался ее найти, но нащупал только глухую стену. Любой другой испугался бы, но к Немилу вместо испуга пришел гнев.

– Эй, хозяйка! – яростно заорал он. – А ну, покажись на глаза! Ты не первая, кто хочет меня погубить. Видали мы супротивников и поважнее.

– Ты слишком много о себе возомнил, если думаешь, что богинь может интересоваться судьба такого жалкого насекомого, как ты, – раздался из темноты уже знакомый голос.

Он казался мелодичным, но при этом звенел, как холодная сталь.

– А как же я? – выкрикнула Звенислава. – Меня ты тоже хочешь развеять в прах? Не забывай, что я – служанка Пе-

руна, а он еще жив. И если мой господин в самом деле был тебе дорог, то что ты ответишь ему, когда он очнется?

– Ты переметнулась к изменнице! – шипя от злобы, произнесла Додола. – Как ты можешь служить ей?

– Кострома стала законной хозяйкой всего, что имел Перун, и госпожой его слуг, – возразила небесная дева. – Я служу ей, потому что господин избрал ее своей спутницей жизни.

– Это обман!

Немил вертелся, пытаясь нащупать хоть что-нибудь в темноте. Но тут вспыхнуло радужное сияние, настолько яркое, что ему пришлось зажмурить глаза. Додола стояла посреди зала в своих семислойных одеждах, переливающихся всеми цветами. Красные, оранжевые, зеленые, синие сполохи замелькали на стенах и потолке, как будто сотни огоньков разом принялись водить хоровод.

– Кострома околдовала Перуна!

– Но следов колдовства не нашли, – не сдавалась Звенислава. – Это заключение Лады, а она не могла ошибиться.

– А в том, что вы украли ее яблоко, она тоже не ошиблась? – расхохоталась Додола. – Зачем Кострома подослала вас? Что еще она хочет увести у меня?

– Никто нас не подсылал, – обиделся Немил. – Мы пришли по своей воле. И всем полегчает, если ты перестанешь слепить нас и сразу признаешься, что сама отравила князя.

– Что? Как ты смеешь? – зашлась богиня от гнева.

– Еще как смею! – распалился Немил. – Твоя ревность не знает границ. У тебя из-под носа увели жениха. Едва ты увидела, как он везет новую суженую, как отказалась впускать их на небо. И трав ты могла набрать сколько угодно. Что еще нужно для преступления? Оказаться в нужное время на месте? Ты была там!

– Ах ты, мелкая тварь! Гнусный червь! Негодяй! Ты позоришь богиню в ее собственном доме! Одного этого достаточно для наказания, о котором потомки будут вспоминать тысячу лет спустя.

По коже Немила пробежал холодок – он вспомнил, как боги наказывают людей, но не подал виду, раскрыл пошире глаза, и, глядя прямо в мельтешащие сполохи, заявил:

– Позорить тебя вовсе не было моей целью. Перун оказал мне огромную честь, позвав на свою свадьбу. Я век буду ему благодарен. И если я могу хоть чем-то отблагодарить его, то я это сделаю. Не знаю, кто тут настоящий злодей – ты или этот гадостный Вертопрах. Но кто-то точно виновен, и пока мы его не найдем, мир богов под ударом. Вместо того, чтобы грозить наказаниями, лучше ответь на вопросы, а уж мы сами рассудим, оставить тебя под подозрением или поискать кого-нибудь позлее.

Внезапно беспорядочная пляска сполохов прекратилась, и подземную палату осветил мягкий голубой свет. Богиня встряхнула свои одежды и вытащила наружу накидку небесного цвета, рассеивающую приятное сияние. Немил обнару-

жил, что стоит у глухой стены подвала. Звенислава подплыла к нему и взяла за руку.

Разгневанная богиня успокоилась и велела им присесть на лавку.

– Людям нельзя верить, они все время обманывают, – заговорила она. – Но чистая душа твоей спутницы вряд ли станет лгать. Если вы в самом деле храните верность Перуну, то я вам не враг. Да, Перун был моим суженым. Дело шло к свадьбе. Пусть он и выбрал другую, пусть он уж не дышит, но саму память о нем я люблю до сих пор, так что не причину зла даже таким никудышным слугам, как вы.

Немил раскрыл рот, чтобы перейти к обвинениям, но Звенислава сжала его ладонь так, что он тут же заткнулся.

– Да, я негодовала на Кострому, – продолжала богиня. – Перун встретил ее в Дольнем мире у озера, в заповедном лесу, когда возвращался с охоты на бесов. Они проговорили всего час, и этого хватило, чтобы он потерял голову. А со мной его связывали долгие годы нежной и преданной дружбы. Как тут не поверить в приворот? Но с Ладой не поспоришь, она хозяйка любовных чар и знает, что говорит. Уже на второй день после знакомства Перун и Кострома объявили о помолвке, а на третий назначили свадьбу. Вот уж точно, как гром среди ясного неба. Представьте, как я была сражена. Когда я увидела, как он везет ее к Радужному мосту на своем Громе, я почти потеряла разум. Каюсь, на меня накатило такое затмение, что я не захотела открыть им доро-

гу. Но после смирилась. Ведь для меня главное, чтобы мой любимый был счастлив. Если б он стал счастливым со своей новой любовью, то для меня было бы радостью думать об этом. Хотя я б и печалилась, что это случилось не со мной. Но мстить своему любимому? Ты, человек, совсем не знаешь ни меня, ни мир богов.

– Но если не ты, то кто еще мог его отравить? – спросил Немил.

– Откуда ж мне знать? У Перуна было много недоброжелателей, и если ты начал с меня, то взял неверный след. Еще до меня у князя вышла ссора с Велесом. Он, как и я, не желал пропускать незнакомку на небо.

– Да-да, мы это проходили, – пробурчал кудесник. – Он и мне дал от ворот поворот, к мосту даже близко не подпустил.

– Вряд ли его стоит за это винить, таков его труд, – продолжила Додола. – Однако ссора громовержца и медвежьего царя началась не три дня назад. Она глубже, чем кажется, и намного древнее. После ухода Сварога Перун стал владыкой неба, но власть в Дольнем мире осталась за Велесом. Велес властвует в лесах и полях, ему подчиняются дикие звери, он колдует и ворожит. Оба правителя давно спорили, чья власть главнее – земли или неба. Их соперничество старо, как мироздание. Перун настаивал, что власть неба распространяется и на землю, Велес с этим не соглашался. Более того, он жаждал занять место в совете трех государей, которое досталось Перуну. Громовержец сердился и пытался приструнить

Велеса. Дошло до того, что он пару раз даже бил его молнией. Прийти к согласию им так и не удалось. Думаю, Медвежий царь рад был показать сопернику, что тот не всемогущ. Так что если захочешь найти врагов громовержца – вряд ли стоит грешить на ту, что его любила.

– Видать, и в общине богов нет согласия, – заключил Немил. – Ты открыла мне глаза на то, что тут творится. Твои слова убедительны, но нужны доказательства.

– Так иди и добудь их!

– Этим я и занимаюсь. Прости, если обидел тебя резким словом.

Додола взмахнула широким рукавом, и мрачный подвал снова превратился в роскошно обставленный зал. Ведущая вверх лестница появилась на своем месте. Немил поклонился и поспешил подняться по ступеням вслед за Звениславой.

Едва они выбрались на свежий воздух, как он облегченно вздохнул:

– Фу, мы легко отделались. Богиня рассердилась не на шутку. Я думал, она не выпустит нас из подвала.

– Следи за своим языком, – посоветовала его спутница. – Не дерзи горним владыкам. Они пальчиком пошевелят – и ты будешь жалеть до конца жизни.

Додолицы собрались вдоль дорожки и обрызгали их водой из фонтана.

– Это хороший знак. Нас провожают в добрый путь, – по-

яснила небесная дева.

Одна из девчушек привела Рублика.

– Не могу отделаться от мысли, что кто-то из них стырил яблоко, – сказал Немил, глядя на плещущихся в воде отроковиц.

– Их бы узнали. В Серебряном городе все слуги наперечет, – возразила Звенислава.

– Это не самая главная из забот, – поделился кудесник. – Возник новый подозреваемый – Велес. Я думаю, как к нему подступиться. Вот кому не понравится, если простой человек бросит ему в лицо обвинения!

– Не лезь на рожон, действуй втихомолку, – посоветовала Звенислава.

– Легко сказать! На меня тут все косятся, того и гляди разорвут. Впрочем, что мне терять? На небе или в пекле – где-нибудь враг да подстережет, – лихо сказал Немил и дал пятками по бокам Рублика, который от этого плавно взмахнул крыльями и взлетел.

Глава 8. Леля и Святогор

Близился вечер, когда Немил и Веня выехали из усадьбы Додолы. Колесница Дажбога села за Большое Вечернее море, солнечный государь снял сияющий венец и отдал его своим слугам. Свет померк, и землю начали окутывать сумерки. Путники остановились посреди дубравы, тихо шелестящей листвой. Над их головами раскинулось звездное небо. Месяц выкатился и закружил созвездия в хороводе.

– Давай переночуем здесь, – предложил Немил.

– Ты можешь остаться, а мне нужно ввысь, к сестрам, – ответила Звенислава.

Она сбросила шубку и вознеслась к небу. Всего несколько мгновений – и еще одна звезда засверкала посреди бархатного небосвода. Немил снял седло с Рублика, накрыл его кафтаном и устроился поудобнее. Он смотрел на сияющую звезду и вспоминал ее лицо, ее голос и ее улыбку. Крылатый конек отправился пастись, не боясь диких зверей – тут, в Горнем мире, никто из них не представлял опасности. В конце концов человек задремал, и ему снилась звезда, превращающаяся в ласковую, волшебную деву.

6 день чернеца

Проснулся он от того, что жгучие лучи солнца упали на его щеки. Колесница Дажбога уже начала путь на востоке, за ночь проделав путь по подземному морю от одного края земли до другого. Огнегривые кони тянули повозку по небесной дороге, пролегающей над всей подселенной. Яркие звезды гасли одна за другой, хотя сам небосвод оставался темным – его не трогала синева, к которой привык человек.

Звенислава вышла из дубравы, веселая и посвежевшая.

– Вставай, лежебока! Жизнь проспичь, – засмеялась она.

Рублик вернулся сам, довольный и смирный. Они въехали в Золотые ворота, обращенные к восходу. Низкое солнце светило им в спину, отчего тени стелились под ноги и тянулись по прямой улице, прозванной Солнечной стрелой.

На прозрачной Зенице уже теснились летучие сани. Навьи слуги помогали сойти божествам, собирающимся на завтрак в Палате пиров.

– Может, винцом угостят? Оно у богов такое сладенькое, – облизнулся кудесник.

– Жаль, нас на пир не позвали, – посмеялась дева.

– Зато его позвали! – угрюмо ответил Немил, указав на сани, едущие от Южных ворот.

За спиной возницы горделиво восседал Вертопрах, разодетый, как заморский принц. Поверх черного камзола с узорным шитьем гремела золотая цепь из непомерно тяжелых звеньев. Тощую, как у цапли, шею черт обернул платком из тонкого шелка, а на пальцах его сверкали перстни с самоцве-

тами, которым на земле позавидовал бы любой царь.

– Кого он хочет впечатлить этими цацками? – спросила Звенислава. – У нас драгоценные камни валяются под ногами.

– Это он! Вор! – внезапно заголосил черт, заметив Немила на Рублике. – Хватай его, пока сам в руки идет!

Из вежи выскочили близнецы Мирослав со Славомиром и бросились к крылатому коню. Их ожесточенные лица и порывистые движения не сулили ничего доброго.

– Эй, чего это вы? – опешил кудесник. – Опять что-то случилось?

Звенислава не стала раздумывать. Она саданула сапожками по бокам Рублика и пустила его вскачь.

– Убегает, тать! – не унимаясь, вопил черт. – Видать, знает свою вину!

– Опять ты? – рассерженно выкрикнул Велес, только что вылезший из саней. – Что же тебе нейдет?

Он ловко поддел человека клюкой и выбил его из седла. Немил плюхнулся на прозрачные камни и жалобно застонал:

– С ума сошли, что ли? Со мной так нельзя. Я уже, чай, не мальчик. Один раз так грохнусь – и все, поминай, как звали.

Но Велес не слушал его причитания. Сердитый бог поднял его за шкурку и поставил на ноги. Веню на Рублике оттерли в сторону, чтобы не мешала.

– Не знаю, что тут у вас за беда, но я в ней не виноват, – на всякий случай принялся оправдываться кудесник.

По ступенькам спустился Род, заглянул ему в душу пронзительным взглядом и строго спросил:

– Где ты был ночью?

– В дубраве, рядом с городом.

– Каким ветром тебя туда занесло?

– Тьма застала в дороге, вот я и остановился.

– А Оружейную палату кто грабил?

– Опять двадцать пять! Почему я? Почему со всеми обвинениями – сразу ко мне?

– Отвечай, не юли!

– Никого я не грабил! Спал всю ночь, как младенец.

– Подтверждаю! – выкрикнула из-за чужих спин Звенислава. – Я была с ним. Он ни в чем не виновен.

– Ты с ним спелась! – взвизгнул Вертопрах, тыча кривым пальцем. – Уже весь город знает, что ты с этим мешком костей завела шашни!

Окружающие их гриди грохнули со смеху. Велес аж прослезился – до того забавной показалась ему эта мысль.

– Мы послов уважаем, но тут твое превосходительство сильно загнуло, – сказал лесной царь. – Горние души даже коснуться теплокровых не могут – от этого им одна неприятность. Какие тут могут быть шашни?

– Все равно они снюхались! Девице верить нельзя, – не унимался черт.

У Немила подгибались коленки. Навь Владимир протиснулся сквозь толпу, поддержал его и шепнул на ухо:

– Крепись! Кострома скоро будет, она выручит.

– Что случилось? – тем же шепотом спросил человек.

– Ночью кто-то пытался ограбить Оружейную палату. Злодей ломился в хранилище, где держат тот посох, что черт подарил Перуну. Замка тать не сломал – тот заперт такой волшбой, что, пожалуй, и сам Лиходей не одолеет. Но шуму наделал порядочно.

– А причем тут я?

– Черт тебя винит. Видать, переживает за свой дар.

– Чего вы с ним цацкаетесь, государи? Давно пора выдать злодея нам на суд и расправу, – вышел на середину площади воевода Мстивой.

– Зачем тебе нужен был посох? – настойчиво спросил Род, пронизывая человека взглядом.

– Не трогал я его! – с досадой ответил Немил. – На кой ляд он мне? Все равно я его в дело пустить не смогу.

Толпа почтительно расступилась. Облачный Гром вынес на площадь Кострому, ослепительную и блистательную в белом платье, отделанном песцовым мехом. На груди богини ярко сверкал алый мак, оттененный ожерельем из озерного жемчуга. Золотая коса, уложенная вокруг головы, виднелась за кокошником, усыпанным теми же жемчугами.

– Твой холопчик снова набедокурил, – укоризненно молвил ей Род.

– И снова его вина не доказана, – возразила богиня. – У нас нет ничего, кроме пустых обвинений черта, у которого и

самого рыльце в пушку.

Толпа гридей и навьев рассмеялась, глядя на то, как задергался влажный пятак на физиономии Вертопраха.

– Я верю своей служанке, – ответила Кострома. – Раз она свидетельствует в пользу человека, значит, он не причем.

– Мы вернем его в темницу до полного прояснения дела, – сказал Род.

– Нет! Он мой слуга. Я за него отвечаю.

– Если тебе так угодно, сестрица, – с крайне недовольным видом Род отступил. – Но тебе самой придется следить за тем, чтобы он снова чего-нибудь не натворил.

– Я с этим справлюсь! – заверила Кострома.

Звенислава, не мешкая, усадила Немила на Рублика. Они проехали сквозь толпу гридей, уставившихся на человека, как стая волков на овечку. У кудесника отлегло от души, только когда Зеница осталась далеко позади, и они въехали на просторный двор Перуновой усадьбы.

– Тебя будут искать, – бросила Кострома. – Гриди не признают меня за хозяйку. Они станут караулить у дворца и поджидать, пока ты высунешь нос.

– Может, спрятать его на конюшне? Там полно пустых денников, – предложил Владимир.

– Верно! И запах такой, что живого никто не учует.

Звенислава с Владимиром проводили его к просторной деревянной постройке, служившей конюшней. Гром и Рублик занимали лишь пару широких стойл, остальные пустова-

ли, но выглядели при этом так чисто и ухоженно, что Немил с удовольствием устроился на куче соломы.

Владимир долго ухаживал за Громом и доводил его шерстку до блеска. Лишь когда облачный скакун стал белоснежным до безупречности, навь ушел во дворец и оставил кудесника с девой наедине.

– Вот и еще одно преступление! – возбужденно вскочил Немил. – Что за тать пытался украсть посох? Зачем вообще эта палка с камнями кому-то понадобилась?

– Посох – орудие для колдовства, – ответила Звенислава. – Ты – кудесник, тебе ли не знать?

– Я-то знаю. Но с такими вещами нужно ладить. Слова знать особенные, или приемы. А некоторые вообще только хозяина слушаются. Коснется хозяин такой вещи – она и покажет свою силу. А этот посох – ветхий, как сам белый свет. У него если хозяин и был, то, наверное, давно сгинул в веках.

– Сиди здесь, не высовывайся. Я еды тебе принесу.

– Хорошо бы. И винца захвати. Мне положено подлечиться от таких нервных встрясок.

Звенислава и в самом деле притащила ему целый противень с горячим пирогом, а к нему – кувшин с вином. Немил перестал сдерживаться и устроил праздник живота.

– Пирог с курочкой? То, что надо. Жаль, что чуть-чуть подгорел, – говорил он, не стесняясь набитого рта. – Я тут долго не высижу. Мы узнали, кто мог навредить государю Перуну. Посуди сама. Велес давно с нашим князем не ла-

дил. Они были вечными противниками. Медвежий царь даже жилье себе выбрал не на небе, а в Доле, среди леса, чтобы не встречаться с громовержцем. Утром первого чернеца они сильно поссорились. Перун рассердился, метал громы и молнии. Драчунов помирила Кострома – хорошо, что она сохранила ясный ум. Детинец Велеса стоит рядом с Туманной поляной, где легко набрать ягод для зелья. На свадебном пиру он оказался одним из первых, кто держал в руках чару и что-то в нее подливал. Устранить старого соперника – чем не причина? Если мы хотим узнать правду, мимо Велеса не пройти.

– А история с девочкой и надкушенным яблоком? Он с ней может быть связан?

– Может, это кто-то другой? Пока не расспросим его, не пойдем.

– Как его расспросить? Он же в Доле. Спуститься туда можно лишь по мосту, а тебе выход с конюшни заказан.

– Вот задачка! – вытер капли с бородки Немил. – Нужно использовать любой случай, чтобы вернуться на землю. Сказать просто, а на деле – попробуй, прошмыгни из одного мира в другой.

Так и вышло: сидеть на конюшне ему пришлось еще три дня. Гриди шныряли вокруг и все что-то вынюхивали, но выказывать открытое недоверие Костrome не решались даже они. Владимир нарочно отпугивал чужаков, выводя на прогулку свору для дикой охоты – стаю волков, таких же при-

зрачных, как и все в Горнем мире. Эти волки служили Перуну для налетов на нежить, угнездившуюся в Доле. Несмотря на невесомость, которой наделил их Горний мир, Перуновы волки отличались свирепым и необузданным нравом, так что сладить с ними могли лишь такие опытные служаки, как верный навь.

Почуяв волков, Рублик волновался, всхрапывал и хлопал крыльями в своем деннике. Немил, как мог, успокаивал скакуна, но сам порывался выбраться на волю. Ему так и не терпелось как следует расспросить Велеса. Вот только как подступиться к владыке лесного зверья? Этот вопрос мучал кудесника и не давал спокойно спать по ночам.

Так продолжалось до девятого чернеца, когда Звенислава передала Немилу, что его пожелала увидеть хозяйка.

9 день чернеца

– Мне нужна помощь, – молвила Кострома.

– Государыня, ради тебя – все, что угодно! – с чувством воскликнул Немил.

– После потери моего супруга сила богов пошла на убыль. Враги этим воспользуются. Они уже на пороге. Нам нужен новый союзник, которого они убоятся. Я знаю только одну силу, о которую сломают копья и боги, и бесы – это Святогор. Но он нам не доверяет. Почти все великаны уже уничтожены, остались лишь считанные единицы. Найти с ним об-

щий язык будет ой как непросто. Нужна хитрость, но владыки вселенной слишком горды, чтобы прибегнуть к ней. Они мнят себя безупречными.

– Как же, знаем, – усмехнулся Немил. – У господ – белые ручки, грязная работа им противна. На этот случай они и создали слуг. Хотя что тут словами играть – богам люди не слуги, а просто холопы. Что ж, если надо, мы сделаем дело, которым хозяева брезгуют.

– Сильно пачкаться не придется, – пообещала Кострома. – Наше посольство вернулось от Святогора и сообщило, что он согласен заключить союз на одном условии. Он хочет жениться на самой уважаемой из богинь – Мокоши. Породнившись с небожителями, он сможет им довериться. Но ни Род, ни Дажбог даже слышать не хотят о том, чтобы расстаться с Мокошью. Они ее не отдадут.

– Что же делать?

– Подменить ее кем-то менее важным. Святогор так огромен, что разницы не заметит. Нужен ловкач, который обстряпает дельце, причем так, чтобы небожителей не в чем было упрекнуть.

– Ты обратилась к кому надо, – заверил Немил. – Я надул столько простаков, что ими можно было бы заселить целую улицу. Но я ловчил ради себя, а теперь дело другое. Ради богов я тряхну стариной.

– Мы отправимся на поляну – там состоятся смотрины. Не подведи. Но если что-то пойдет не так, боги открестятся

и скажут, что ничего тебе не поручали.

– Кто б сомневался. Ничего. Раз я взялся за службу, то на половине пути не остановлюсь.

– Я в тебе не сомневалась. Твоя верность не знает границ, – сказала Кострома.

Немил поклонился в пол.

Торжественная процессия небожителей выкатилась за ворота Серебряного града. Навь Владимир взял вожжи и вывел сани Костромы на широкую дорогу. Немил старался лишний раз не высовываться, но все равно оставался на виду. Гриди поглядывали на него волком, но не решались приблизиться, видя, что ему покровительствует госпожа.

Из Радужного дома вышла Додола с платочком в руках. Легкий взмах – и посреди неба раскинулся выгнутый мост, переливающийся семью цветами. Стрибог затрубил в рог Рокотун и первым скатился вниз. Сани остальных божеств понесли следом, налетая друг на друга, сталкиваясь и оглашая поднебесье серебряным звоном.

У подножия моста своих горних собратьев встретил Велес, распахнул им ворота детинца и проводил до Туманной поляны, на удивление безмолвной, как будто все местные обитатели заранее попрятались или разбежались.

С веселым шумом богини и боги высыпали из саней в снег, которого давно уже не видели у себя в Горнем мире, и принялись забавляться снежками.

– Можешь не опасаться. Пока госпожа рядом, никто тебя не тронет, – подлетела к Немилу Звенислава.

Человек повертел головой, убедился, что никто не собирается учинять над ним расправу, по крайней мере, прямо тут, у всех на глазах, и выбрался на заснеженный простор. Внимание его привлекла гора, вздымающаяся над лесом.

– Откуда она тут взялась? – недоверчиво проговорил он. – Как ни напрягаю память, припомнить ее не могу.

– Это же Туманная поляна! Тут всегда чудеса, – успокоила его Звенислава.

Внезапно гора задрожала, стряхнула с себя тучу снега и вздыбилась. Богиня Мокошь сильно разволновалась и отступила к саям вместе с подругами – Живой и Денницей. Стрибог и Ярило схватились за оружие, приготовившись их защищать. Гора между тем распрямилась и поднялась на ноги, превратившись в чудовищного великана – настолько огромного, что даже исполинский Мироствол казался рядом с ним лишь обыкновенным деревцем. Гром, запряженный в сани хозяйки, заржал и встал на дыбы, навь Владимир повис на уздечке, пытаясь его усмирить.

– Успокойтесь! Это наш друг Святогор. Он пришел, чтобы заключить с нами союз, – зазвенел над поляной голос Костромы, сохранившей невозмутимость.

– Никакой он нам не друг, – пробурчал Стрибог. – С этой машиной не сладить. Он не ведает, что творит.

– Он нам нужен, и мы не уйдем, пока не договоримся, –

настаивала Кострома. – Вы видите, какова его сила. Он один способен разогнать целое полчище бесов. Если кто-то и может заменить Перуна, то только он.

Звенислава также не проявляла волнения. Она с любопытством разглядывала восставшую гору, словно это была диковинка на выставке.

– А тебе что, не страшно? – удивился Немил.

– Не особенно, – пожала плечами дева. – Я в любой миг могу вознестись и засиять в небе звездой. А это чудище не поднимется выше гор, в которых оно обитает. Так чего мне бояться?

Немил устыдился: страх играл его чувствами и не давал вздохнуть ровно. «Ни за что не покажу этой деве, как дрожат мои жилки, – решил он. – Буду вести себя молодцом. Пусть верит, будто я храбрец, каких свет не видал».

Святогор приблизился, осторожно перешагивая через заснеженные дебри, и расселся на поляне, отчего вокруг стало тесно. Его грубое рубище из конопляной дерюги напоминало сухую траву, покрывающую горные склоны, а дыры в ткани походили на проплешины, проглядывающие сквозь снега на вершинах. Стрибог, Ярило и Велес вышли навстречу и заговорили с великаном. Тот отвечал трубным голосом, напоминающим завывание бури. С переговоров божества возвратились мрачнее тучи.

– Он хочет в жены Мокушу, – доложил Велес. – Без свадьбы союза не будет. Он нам не доверяет.

Богиня-труженица изменилась в лице.

– А что еще он захочет? Может, луну с солнцем? Передай, что сестрицу мы не отдадим, – решительно заявил Род.

– Если мы откажем, он разъярится и пойдет крушить все вокруг, – заметил Велес.

Кострома наклонилась к уху кудесника и шепнула:

– Действуй!

Немил взял себя в руки, запрятал страх в самый дальний уголок своей души, и выступил вперед.

– Дорогие владыки, не торопитесь рубить с плеча! – с деланной уверенностью пробасил он. – Я все устрою.

– Куда тебе? Не лезь не в свое дело, – оттолкнул его Велес.

– Давайте послушаем, что придумает человечек, – во всеуслышание произнесла Кострома. – Он – ловкач, каких свет не видал, авось, что-нибудь изобретет.

– Перво-наперво, нужно сказать великану, что мы его уважаем и доверяем настолько, что предложим ему самому выбрать любую богиню, какую он пожелает. – Оказавшись в центре внимания, Немил почувствовал себя в родной стихии. Остатки смущения покинули его. – Ради него наши сударины сплетут по чудеснейшему венку. Какая сплетет самый лучший венок – та и хотела понравиться ему больше всего. А уж он пусть глядит, которая из них покажется ему самой нарядной.

– У тебя ум за разум зашел, – недовольно сказал ему Род. – Какие венки в самом конце зимы? Посмотри вокруг –

сплошной снег. Прошлогодние травы пожухли.

– Бросьте, вы же великие божества, – разошелся Немил. – Разве вам трудно вернуть к жизни какой-то цветочек?

Состязание приняло форму игры. Богини разбрелись по поляне, выкапывая из-под снега увядшие растения.

– Победительнице соревнования – честь и хвала, – с важным видом расхаживал среди них Немил.

Вновь послышался смех. Небожительницы забыли о великане и принялись забавляться, показывая свое искусство. Молодое поколение разошлось не на шутку – юные девы взялись за дело всерьез. Их соперничество разгорелось до того, что каждая старалась прибегнуть к особым приемам, ведомым только ей. Леля, юная дочь Лады, так загорелась стремлением доказать свое первенство, что слетала в южные края, набрала там самых свежих, едва распустившихся цветочков, и сплела из них не просто венок, а настоящую цветочную корону, пышную, как королевская шапка.

На это занятие у богинь ушел целый час. Когда он истек, их усадили за ширму, оставив торчать над ней лишь макушки, увенчанные их творениями.

– А теперь пусть жених сам выбирает невесту себе по душе! – провозгласил кудесник.

Великан тяжело вздохнул, лег на поляну и принялся разглядывать ряд венков, обладательницы которых прятались от него за завесой. Боги замерли, Род прикрыл ладонью свои алые губы, чтобы не выдать чувств.

– Не стесняйся, гляди во все глаза, – внушал Немил, прогуливаясь вдоль занавески. – Это ради тебя наши богини так расстарались. Видишь? Они только и мечтают, чтоб за тебя выйти.

Великан не обращал внимания на этот голос, похожий на писк комара. Он с интересом рассматривал венки, большинство из которых оказались просто ворохом прошлогодней соломы. На головной убор Мокоши, сделанный из жухлых дубовых листьев, он даже не взглянул, а вот над цветущим, сочно-зеленым венком Лели его взгляд задержался надолго.

– Хочу эту! – наконец, выдохнул он, указав на нее пальцем.

Боги заволновались, по их рядам пробежал шумок.

– Подумай еще раз! Выбор невесты – дело ответственное. Ошибешься – всю жизнь жалеть будешь, – провозгласил Немил.

– Эту! Других не надо, – прогрохотал великан, распрямляясь.

Лада всплеснула руками и заголосила:

– Нет! Не отдам свою дочь этому чудищу!

Великан сверкнул на нее глазом и рассерженно рыкнул.

– Сестрица, таков был наш уговор, – сказала Кострома, беря в свои руки ладони Лады.

– Ни за что!

– Мы все должны чем-то пожертвовать ради победы.

– Ты это нарочно подстроила! – Лада вырвала свои ладони

и оттолкнула Кострому.

Немил поторопился вмешаться, чтобы утихомирить разгорающийся конфликт.

– Государыня, – низко склонился он перед Ладой, – клянись тебе: я сам все придумал. Это мой трюк, никто его мне не внушал.

– Ты – болван! – рассерженно выкрикнула хозяйка любовных чар.

– Выбор сделан, – сурово вымолвил Род. – Святогор указал на Лелю. Ей придется отправиться в Святые горы, чтобы разделить с великаном его судьбу.

Ширму сбросили, и Святогор увидел перед собой свою избранницу.

– Погодите! – прогремел он. – Это не та, которую я хотел.

– Но ты на нее указал! – возразил Род. – Уговор есть уговор.

– Вы меня провели! – заревел Святогор, вставая на ноги.

В этот миг он казался таким свирепым и несокрушимым, что Немил счел за благо улизнуть и спрятаться под дубовым корнем, вывороченным из-под земли. Леля стояла, как в воду опущенная – она еще не осознала, что происходит. Святогор топнул ногой – земля заходила ходуном, тучи снега взметнулись в воздух и обдали лица божеств.

– Мне что, идти за него замуж? – растерянно пролепетала юная богиня.

– Хочу Мокушу! – взревел великан.

– Ну уж нет! Все будет, как договорились. – Род махнул рукой. Навьи слуги мигом усадили Мокошь в сани, взлетели и унесли ее ввысь по Радужному мосту.

Лада обняла свою дочь и расплакалась. Немил почувствовал угрызения совести: ему вдруг стало ужасно неловко от того, что он всех обманул. Он поискал глазами Звениславу, надеясь, что подруга утешит его. Но вместо Звениславы к нему подошла Кострома, заглянула в душу своими ясными голубыми глазами и твердо промолвила:

– Ты все сделал правильно. Ты – молодец. Если бесы одержат верх, то все потеряет смысл. Прав окажется тот, кто победит в войне.

– Вот истинная наследница Перуна! – с восхищением сказала Звенислава, глядя ей вслед. – Горный князь знал, кого взять себе в пару. С такой госпожой мы не пропадем.

Великан посадил Лелю на плечо и зашагал с ней к горам, тянувшись к небесам вдаль, за бескрайним лесом. Вереница саней с небожителями потянулась обратно к Радужному мосту, но Немил не торопился возвращаться в Горный мир.

– Погоди-ка, – потянул он за рукав Звениславу. – У нас тут как раз дельце. Его и обстряпаем, раз уж выдался случай.

Человек и звездная дева оказались не единственными, кто задержался в Доле. Велес прошел через заснеженную чащу и заперся в бревенчатом детинце, охраняющем подступы к радуге.

– Медвежий царь совсем одичал среди лесного зверья, – поделился опасениями кудесник. – Расколоть его будет непросто, тем более что он давно точит на меня зуб.

Чтобы попасть в Велесов детинец, пришлось пройти через лесную чащу и выбраться на Медовый луг. Ворота крепости могли бы впустить целое войско, но Немил уже по привычке к тому, что боги меняют свои размеры, как им заблагорассудится, и больше не чувствовал себя маленькой мошкой.

– Вот и ты! Сам пришел! – обрадовался Велес, впустив кудесника со спутницей. – Опять опоить меня хочешь?

– Как ты мог такое подумать? – Немил сделал честное лицо и показал пустые ладошки.

– Зря ты связалась с ним, девонька, – обратился Медвежий царь к Звениславе. – У этого пустобреха в голове ветер гуляет. Только бед себе наживешь.

– Я выполняю волю моей госпожи, – потупилась дева.

– Выполнять волю богов нужно в раю, там тепло и уютно. А на земле – холод, грязь и морока.

– Что ж ты сам здесь живешь? – уел бога кудесник.

– Я поставлен леса сторожить. Без меня живность в них пропадет. Оскудеет природа. Если б ты, остолоп, это знал, из тебя был бы толк. И зачем ты назвался кудесником? Ты хоть одно чудо сотворить можешь?

– То, что я до сих пор жив – уже чудо, – нашелся Немил. – А еще будет чудо, если ты, милостивый государь, развеешь кое-какие подозрения. Кроме тебя, с Перуном никто больше

не враждовал. Никто не выводил его из себя до такой степени, чтоб он сыпал молниями – разумеется, кроме Великого Лиходея. Зато какую-то мутную жижу ты лил в его чару не хуже других. После этого горний князь и окочурился. Признавайся, Медвежий царь – ты прикончил Перуна? Говори, правда наружу все равно выйдет!

И кудесник насел на божество со всей решительностью, на какую был способен. На самом деле внутри у него все тряслось и дрожало. «Главное – не давать ему опомниться, – думал он. – Либо сознается, либо размажет по кочкам. Только бы красотуля не догадалась, как меня лихорадит!»

Уже через миг стало ясно, что вышла промашка. Карие глаза бога выпучились, волосы встали дыбом, он раздулся и превратился в медведя, такого тяжелого, что сладить с ним не смог бы и опытейший из охотников. С неожиданной ловкостью зверь бросился на человека. Звенислава подскочила, взмыла в воздух и зависла на высоте в три сажени, но кудесник не мог повторить ее трюк. Он пустился вприпрыжку по двору, пытаясь найти щель между амбарами и хлевами.

С утробным ревом медведь ринулся следом. Забыв про выпирающее брюшко и едва шевелящуюся руку, кудесник вскарабкался на прясло и побежал по крепостной стене. Медведь втиснулся в узкий проход под двускатной крышей и понесся за ним.

Немил добежал до башенки и влез в узкий проход, рассчитанный разве что на легкого горнего духа. Медведь лома-

нулся за ним, просунул в проход голову и застрял между стенок. Яростный рык огласил башню, бревна жалобно заскрипели. Увидев, что зверь не может двинуться ни туда, ни сюда, человек осмелел, подобрал с пола пучок колкой соломы и начал тыкать медведю в морду, приговаривая:

– Что, мохнатый, плохо быть толстым? Придется терпеть. На вот, соломки покушай, как лось, или как лошадка. Лошадки любят соломку, ням-ням.

Медведь взревел от такой неслыханной наглости, но деться ему было некуда.

– Колись, ты отравил Перуна? – Немил подошел так близко к его морде, что почувствовал горячее дыхание. – Запираться нет смысла, правда все равно выплывет. Да-да, подержайся тут у меня, порычи. Силушку тратить некуда, от большого ума. Вот зверюга, совсем одичала в лесу. Чем быстрее сознаешься, тем раньше освободишься!

И кудесник принялся хлестать пучком соломы по морде медведя. Зверь перестал биться и присмирел.

– Что затих? – с подозрением спросил человек. – Готовишь признание?

Бурая шкура начала менять очертания и превратилась в медвежью шубу, вывернутую мехом наружу. Под шубой, перегнувшись через порог, елозил царь Велес. Не успел Немил сообразить, что происходит, как тот вскочил, втиснулся в дверной проем и мощным ударом сбил человека с ног.

– Ой, прости, это я не со зла! – заголосил кудесник.

Не обращая внимания на его причитания, Велес схватил толстую жердь и принялся дубасить его, норовя попасть по голове и хребту.

– Щас я мигом дурь из твоей башки выбью, все равно она у тебя не варит! – приговаривал лесной царь.

Немил спрыгнул с мостка в темный провал, ведущий на нижний уровень, и оказался в глухой клетке без окон и без дверей. Велес спустился следом и прижал его к стенке. Шуба из бурого меха закрыла Немилу лицу, он почувствовал, что задыхается.

– погоди! – давясь и отплеывая ворсинки, прохрипел он. – Я все понял. Давай просто поговорим.

– Что ты понял? – яростно рыкнуло божество.

– Я веду себя не как гость. И не как верный служка богов. Раз уж я решил служить, то не нужно кривить душой. Прости за то, что пытался тебя опоить. И за то, что тыкал соломой в морду. Я не хотел тебя оскорбить. Просто мне нужно доискаться до правды. Она всем нужна – и богам, и холопам.

– Думаешь, я не хочу узнать правду? – сказал Велес, приходя в себя.

– Расскажи все, что знаешь, на том и расстанемся.

– С какой стати я буду перед тобой отчитываться? Это ты у нас под подозрением за связь с Лиходеем. Ты продал душу бесам, ты чертей вызывал из черной книги, ты мечтаешь заслужить привилегии в Лиходеевом царстве. Так кто из нас виноват?

– Что за выдумки? Никому я душу не продавал. Я для рая ее берегу, да только вижу, что при таком раскладе мне его не видать. Моя книга – не черная, а зеленая. Я давно ее потерял, в чем раскаиваюсь. А заклинания в ней срабатывали наперекосьяк от того, что я писал их по памяти, как запомнил. Что до связи с царем бесов – то не нужна мне такая связь. Хочешь, я все привилегии пекла тебе подарю? Забирай и пользуйся на здоровье, только не говори, что их от меня получил.

– Нет уж, уволь, – сказал царь, окончательно успокаиваясь.

Он помог человеку выбраться из глухой клетки. Звенислава носилась в волнении по двору, выискивая своего приятеля. Увидев Немила, она кинулась ему на грудь. Он почувствовал, как ее невесомое тело колыхнулось под шубкой.

Велес провел гостей в просторные деревянные хоромы, выстроенные посреди двора. В горнице Немил снял сапоги, чтобы не натоптать, и позавидовал Вене, которая вовсе не оставляла следов. Хозяин усадил их за стол и расстелил скатерть, на которой сами собой появились блюда с горячими угощениями и чаши с пахучими отварами. Зеленые обои с золотыми узорами в виде вьющихся трав и расписные потолки с живописными сценами лесной жизни были не хуже, чем в царском дворце, и Немил разомлел, наконец ощутив тишину и покой.

Вместе с шубой и шлемом Велес сбросил и грозный вид, превратившись в доброго деда, потчующего гостей. Завяза-

лась беседа, слова в которой текли плавно, как воды Шерны.

– Да, я пью вино и готовлю отвары на травах, – говорил Велес, продолжая начатый разговор. – Люблю заварить малиновый лист, добавить ягод и сушеных кореньев. Но мое вино чистое, не отравленное. Хочешь в этом убедиться? Попробуй!

И он налил полную чарку из бочонка, пахнувшего так приятно, что Немил облизнулся.

– От доброй чарочки отказываться – грех, – согласился кудесник.

– Не пей! Вдруг он и тебя отравит? – предостерегла Звенислава.

Велес хитренько улыбнулся. Немил недоверчиво понюхал темно-красную жидкость, повертел чарку в руках, разогнав в ней волну.

– Не хочешь – не пей. Я же не заставляю, – вымолвил лесной царь.

– Да ладно вам, это же просто вино. Что в нем плохого? – не удержался кудесник, и одним духом опорожнил чарку. Крякнул от удовольствия, вытер ладонью подбородок, лихо подкрутил ус и заверил:

– Хорошее винцо! Тепло пробирает аж до самых костей. И в голову идет такой легкий туманец. Чуть-чуть кружит, так и тянет пуститься в пляс.

Звенислава придвинулась и тревожно взгляделась в его глаза.

– Как себя чувствуешь? Нигде не болит? – спросила она.

– Превосходно я себя чувствую. Если что и болит – то не в такие минуты, это уж точно.

– Не отравился? – лукаво спросил царь.

– Покуда не разобрал. Еще наливай! – потребовал человек.

– Хватит с тебя. Не то пристрастишься, – отодвинул бо-
чонок Велес.

– Он давно уже пристрастился, – со вздохом заметила Звенислава.

– А ты не хочешь попробовать, девонька?

– Меня-то не соблазней! Звезды вином не питаются, – с достоинством ответила подруга Немила.

– Ох, какая ты строгая? Чем бы тебя задобрить? Может быть, этим перышком?

И хозяин пощекотал ее пушистым пером черной птицы, которое вынул из вазы на полочке.

– Воткни его в шубку – сама станешь, как птица, – посоветовал он.

– Ну, подумаешь, перышко. Что в нем такого? – приревновав, небрежно бросил кудесник.

– Действительно, перышко вроде обычное. Необычно место, где я его раскопал. В самую первую ночь чернеца поднялась снежная выюга. Всего за несколько минут намело сугробов, как за целый месяц зимы. Не прошло и часа, как в небеса взвился огненный змей, и пошла свистопляска. Когда все

улеглось, я выглянул посмотреть, что случилось. Нашел множество разных следов – чертей, бесов, Перунова Грома. Это перо я вытащил из сугроба перед дырой, что ведет в преисподнюю. Сначала я думал, что его потерял мой давний знакомый, ворон Хорохор, что живет на ветвях Миროстола. Но, приглядевшись, я понял, что его перья будут поменьше. Это перышко оставила большая птица – размером с лебеда или гуся.

– Бесы что там, гуся ощипали? – ухмыльнулся Немил. – До весны еще две с половиной недели, не рано ли они новый год начали праздновать?

– Если бы птицу ощипали, то были бы и другие перья. Нет, эта летунья побывала в гостях у Лиходея и его братии.

– В Светлом озере черных лебедей раньше не водилось, – заметила Звенислава.

– Вокруг Светлого озера всегда чудеса. Раньше в нем жили озерные девы. Помню, вышло у меня приключение с одной, звали ее Водолея. Ох, и взяла же она меня за живое! Я уговорил ее уйти со мной и подарил остров в Варяжском море, она до сих пор там резвится и царствует в свое удовольствие. Жаль, ничего похожего с тех пор не повторялось, а ведь прошел уж десяток лет. А теперь в этом озере один Колоброд мутит воду. Вот нашел себе чистенькое местечко, старый хрыч.

Велес отхлебнул пахучего травяного настоя и продолжил:
– Чернец – месяц недобрый, только и жди беды. Не успел

он начаться, как перед моими воротами объявилась какая-то старая карга, и ну давай молотить кулаками – мол, пропусти меня на небеса, очень мне туда надо.

– Ты ее пропустил? – спросил Немил.

– Вот еще! Я поставлен сторожить мост, чтоб к нему посторонние не совались. Второго дня ты прибежал с провожатыми. Чем все кончилось – сам помнишь. После явился черт Вертопрах с посохом, это было как раз перед свадьбой. Ну, думаю, началась ходьба туда-сюда. Прямо не крепость у меня, а проходной двор. Но самым хлопотным выдался первый денек. Еще с ночи началась буря, потом вылетал огнезмей, палил лес, а Перун сек его молниями. С утра вижу: едет наш громовержец с охоты, а в седле у него за спиной – расписная красавица, каких свет не видывал. Незнакомцев пропускать в Горний мир не положено, я устав знаю твердо. Говорю Перуну: мол, ты, князь, проезжай, возвращайся домой. А твою спутницу я не пропущу, хоть что со мной делай. Князь до того рассердился, что начал пускать громы и молнии.

Я ему говорю: ты, мол, меня не запугивай, я не твой дружок Симаргл. Перун как это имя услышал, так совсем из себя вышел. Были они с Симом приятели не разлей вода, да после дружок его переметнулся, теперь все зовут его Лиходеем. Никто не любит об этом вспоминать, а Перун – больше всех. Наговорил он мне с три короба, будто я строю козни из неприязни, будто мщу ему за ту молнию, которой он в меня кинул, когда по ошибке принял за змея. Сильно гневался,

требовал и напирал, но я стоял на своем. И кто же выручил нас? Кострома. Она показала себя не только красоткой, но и умницей. Обожателя своего успокоила и укоротила. Мне сказала любезное слово, чем сразу к себе расположила. А спор предложила решить владыкам небес. Я послал весточку Роду, Мокуше и Дажбогу, а уж они мне велели пустить сладкую парочку и препятствий ей не чинить. Я, разумеется, покорился. Даже подумал, что может, оно и к лучшему, если рядом с буяном будет эдакая миротворица. Перуну угомон не помешает.

– После этого они сразу попали на Радужный мост?

– Нет, еще вышла осечка с Додолой. Она не захотела махнуть им платочком, чтобы открыть мостик. Но у нее были свои причины, она их со мной не обсуждала. Перун привез Кострому к себе, а еще день спустя они поженились. Ты и сам это видел.

– Мне рассказывали, будто ты князю давний соперник. Что у тебя с ним вражда, и ты мог ему навредить, – осторожно заметил Немил.

– Доля правды в этих словах, может быть, и найдется. Перун – бог небу, я – долу. Мы не можем сойтись, как небо с землей. Громовержец-князь как разгуляется, как поскачет по поднебесью со всей сворой гридей и лютых волков, так хоть под корягой прячься. Один раз даже метнул в меня молоньей, будто я ему злыдень какой-то. Обидно, конечно. Разумеется, были с Перуном и ссоры, и выяснение отношений.

Но это не делает нас врагами. Мы – соседи по горней общине, мы – племя потомков Белобога. А у родни в отношениях чего не случится? Но чтоб нарочно вредить друг другу? У нашей братии это не принято.

– Ты живешь рядом с Туманной поляной. Ты легко можешь собрать травы и сварить из них зелье.

– Ох, и чья бы корова мычала! – расхохотался Велес. – Как будто это я пытался тебя опоить, а не наоборот.

10 чернеца

Хозяин отвел гостям по уютной ложнице, где они и переночевали, а наутро сам проводил их к Радужному мосту. Додола, не мешкая, открыла им путь, а Рублик вознес вверх по крутой горке, сияющей ярким разноцветьем. Звенислава вновь спрятала человека подальше от посторонних глаз, но Немил не находил себе места. То и дело он порывался продолжить дознание. Догадки появлялись одна за другой, он перебирал в уме всех, кто был на пиру, и припоминал перемены о ссорах Перуна с Ярилой, Стрибогом, Мокошью, Переплутом и даже с владыкой Родом. Сплетен набиралось – хоть отбавляй, но ни одна из них не подкреплялась уликой или доказательством.

Глава 9. Любовные чары

Жизнь в Вышеграде была ключом, но Немила это не радовало. Вертопрах не унимался: с началом третьей недели он совсем распоясался и начал требовать, чтобы кудесника тотчас же сбросили с неба на землю, а еще лучше казнили, а душу отдали Лиходею. Лада, поссорившись с Костромой, продолжала упорно твердить, что это человек сорвал яблоко в ее саду, и никакие свидетельства не могли ее в этом разубедить. Гриди не оставляли попыток схватить чужака и подвергнуть его изощренным пыткам, чтобы он «во всем сознался». Все это заставляло Немила сидеть на конюшне и не высовывать носа.

– Я попал в Горний мир! – жаловался он Звениславе. – Это такая удача, о какой люди только мечтают. И вот, вместо того, чтобы наслаждаться в райских садах, я заперся в деннике и провожу время с конями.

А вести тем временем становились все тревожней. Бесы все чаще появлялись у подножия Мироствола – они явно что-то затевали, но теперь некому было загнать их обратно громом и молнией, как прежде делал Перун. Леля пропала в Святых горах, будто сгинула, да и ее муж-великан не давал о себе знать. Последние жители покинули деревеньку Грязная Хмарь за опушкой Дикого леса, и даже мелкая нечисть,

что жила на Туманной поляне, разбежалась, словно предчувствуя большую беду.

Звенислава тайком вывела своего друга на прогулку по окрестностям Серебряного города, но и тут им не повезло. Ни с того ни с сего налетел белый лебедь и принялся отгонять их от моста, по которому поднималась таинственная незнакомка, завернутая в парчовое покрывало.

– Они что тут, совсем ошалели? – воскликнул Немил, прячась в густой дубраве. – Не хватало еще, чтобы звери и птицы начали на меня набрасываться. Мало мне гридей, мало чертей с их дурацкими обвинениями – так теперь и зверье на меня ополчилось. Что же дальше?

Вернувшись в конюшню, он долго не мог успокоиться и расхаживал из угла в угол. В соседнем деннике беспокойно всхрапывал Рублик – волнение человека передавалось и ему.

– Я уже десять дней тут просидел, – сказал Немил Звениславе. – Я больше так не могу. Надо действовать! Конец месяца все ближе и ближе. Что-то должно случиться. Не к добру все эти приготовления, ох, не к добру!

21 день чернеца

В заботах и волнениях прошли еще три дня.

– Что ты так убиваешься? – попыталась успокоить его Звенислава.

– А что делать? Мы залезли в тупик. У нас три подозре-

ваемых, и ни у кого вина не доказана. Знал бы наш государь, как усердствует его новый слуга. Ведь он доверился мне без оглядки, а я его так подвожу! А ведь я хотел выслужиться, заработать прощение, а в придачу – спасти душу и достать с неба звезду. Раскатал губу, нечего и говорить. Неужели все наши старания были напрасны?

– Не напрасны. Мы столько всего разузнали!

– самого главного мы не узнали – кто отравитель.

– Велес дал нам подсказку.

– Какую?

– Вот эту!

Звенислава вытащила перо, воткнутое в воротник ее шубки, и пощекотала Немилу нос. Тот поморщился и чихнул.

– И о чем она говорит?

– Это перышко брошено птицей, летавшей к Великому Лиходею.

– А кто из богов обращается в лебедя? – заинтересовался кудесник.

– Из богов, может быть, и никто. Зато есть такая среди богинь. Лада в облике лебедя летает по Дольнему миру и сеет любовь. Увидишь лебедя – значит, чаровница поблизости.

– Ты права! – возбужденно вскочил он и снова начал расхаживать из угла в угол. – Гибель Перуна была выгодна не только бесам. Лада заняла его место в совете трех государей. Она всегда мечтала о том, чтобы войти в число владык. И вот ее мечта сбылась.

– Ты думаешь, она могла отравить родича?

– Я уже и не знаю, что думать. Могу только собрать сведения и попытаться их осмыслить. Лада – хозяйка любовных чар. С их помощью она подчиняет себе все живые существа на земле. Она всегда полагала, что любовной волшебной силой можно добиться большего, чем грозой и молнией. Она хитрее и даже коварнее многих богов.

Звенислава отвела взгляд и приснула в кулачок:

– Новоиспеченная государыня кое-кого прячет на заднем дворе своей усадьбы. По городу ходит слухок, что она завела любовника, но не решается показать его родне. Ни за что не поверила бы, будто богиня любви сама может попасться на любовную удочку, да еще вести себя, как несмышленная глупышка. Вот будет смеху, когда это откроется!

– Ты уверена, что у нее там любовник? – спросил Немил.

– А кто же еще? В Белой Веже небожители наперечет, незнакомцев у нас не водится. Если б она завела шуры-муры с кем-то из тутошних, то прятать его не было бы нужды. А этого она, видать, приискала в ином мире: может быть, на земле, а может, и в преисподней.

– У богини любви могут быть шашни с бесами?

– Что там с бесами! Бери выше: она и Великого Лиходея могла подцепить, с нее станется.

– Стоило дочке покинуть родной дом, как мать пустилась во все тяжкие. Кто б мог подумать! – Немил в задумчивости принялся гладить едва отросшую бородку. – Под-

ведем-ка итоги. Есть все основания считать Ладу виновной. После успения Перуна она заняла место в совете владык. Ее начали величать государыней, и она обрела власть, какой не знала прежде. Что это, если не повод для устранения соперника? Слух о любовнике – еще один повод. Им может оказаться враг из преисподней. Соображения тянут на полноценное обвинение.

– А помнишь, когда мы обыскивали спальню Вертопраха, то видели вещи его сударушки? – напомнила Звенислава. – Мы еще гадали: что за любовницу завел себе его превосходительство посол?

– Думаешь, это он может оказаться тем самым воздыхателем? – удивился Немил.

– А кто же еще?

– Пока мы не знаем. Но совпадение – налицо. Усадьба Лады находится через улицу от жилища Перуна. Князь мог что-то узнать о ее приключениях. Если она завела шашни с врагами, он мог ее разоблачить, а это грозит самыми серьезными последствиями. Она могла отравить его, чтобы избавиться себя от опасности. Это только предположения, но их нужно проверить.

– Я всегда думала, что у Перуна и Лады – отличные отношения. Так казалось со стороны, – заметила Звенислава. – Лада все порывалась женить князя на Додоле. Очень старалась устроить их личную жизнь.

– Лучше б свою устроила, – возразил Немил. – Ясно толь-

ко, что их связывало знакомство, а какие у них были отношения на самом деле – не разберешь. Небожители свои истинные чувства скрывают. Держать за пазухой камень на соседа – обычное дело среди стародворцев. Никто не поручится, что между этими двумя не пробежала черная кошка. Итак, причины у Лады нашлось сразу две. А возможность и место? Она была на пиру. Заздравная чара прошла через ее руки. Я сам видел, как она выплеснула в нее какую-то подозрительную жидкость. По части различных напитков Лада – большая ведунья. Раз она приворотные зелья готовит, то и отраву сумеет изобрести.

– Еще Лада рассержена на Кострому за то, что та сосватала ее дочь великану. И на тебя она за то же самое точит зуб.

– Это случилось уже после отравления князя, но ты права – упускать нельзя ни одну мелочь. Выходит, Лада имела причину, возможность и средство для совершения преступления. Все сходится. Нужно лишь доказать.

22 день чернеца

В самом начале последней, четвертой недели месяца чернеца Немил устроился через улицу от усадьбы Лады и затеял наружное наблюдение. Молонья, ровной дорожкой пересекающая Вышеград от одной стены до другой, утопала в зеленых зарослях, за которыми прятались статуи окаменелых чудовищ. Но кудесник нашел способ заглянуть через изгородь:

забрался в узенький теремок смотровой башенки, и увидел, что двор хозяйки любовных чар открывается перед ним, как на ладони.

Свой пост он отказывался покидать даже ночью. Звенислава носила ему еду и питье. Он уплетал за обе щеки, но из терема не вылезал. Вот только еда почему-то всегда оказывалась подгоревшей: приходилось счищать с нее черную корочку, для чего понадобился острый ножик.

– Что за повара у вас? – принялся выговаривать кудесник, когда подруга в очередной раз угостила его горелым караваем. – Они что, печью пользоваться не умеют?

– Где ты видел у нас поваров? – удивилась небесная дева.

– А откуда ж еда? Ты приносишь все теплым, как будто с пылу, с жару.

Подруга только расхохоталась.

– Какой ты наивный! Небожители сами себе не готовят. За нас это делают люди. Ты же был волхвом. Неужто требы ни разу не клал?

– Требы? Клал, еще как. Ставил жертвы богам – калачами, вином, молоком, медом, жиром. Запалишь костерок, и давай переводить все, что вкусно, полезно, питательно. Разумеется, и себя не забудешь.

– Именно! Боги едят только то, что им жертвуют люди. А волхвы-неумехи вроде тебя даже отправить угощение правильно не сподобятся. Вот и доходит до нас все горелым, подмоченным, да еще и с золой.

– Это что же, выходят, я трескаю то, что сожгли на земле?

– А ты как думал? Ведь прежде ты сам этим и занимался.

У Немила кусок застрял в горле. Целый день он не ел ничегошеньки, но на следующее утро сдался и принялся уписывать угощения за обе щеки. А чего стесняться? Люди жертвуют от души – сами видели, знаем.

Три дня он смотрел на то, как слуги снуют по двору, занимаясь обычными хозяйственными делами. Владелица усадьбы лишь изредка появлялась на пороге дворца: она была наряжена в светлое платье с красной каймой, перетянутое тоненьким пояском.

Звенислава присела рядом с Немилом на лавочку у окна.

– Не заметил ничего необычного? – спросила она.

– Что тут может быть необычного? Дворовая челядь суетится, хозяйка распоряжается. Все идет своим чередом. Скучотища!

– Вон идет навья женка по имени Добромира. Я ее знаю. Как ты думаешь, кому она несет корзинку с овощами и кувшинчик с квасом?

Немил проследил взглядом за служанкой в пестреньком сарафанчике. Она зашла в житницу, притулившись в укромном уголке, и вскоре вышла с пустой корзиной.

– Мало ли, – нехотя ответил кудесник.

– Она носит еду так же, как я носила тебе.

– Думаешь, там кто-то есть?

– Это житница! Она для припасов, а не для гостей.

– Выходит, там кто-то прячется? Кто бы это мог быть?

Еще три дня он вглядывался в дальний угол двора. Но тайный гость, кем бы он ни был, не появлялся. Одна и та же служанка доставляла туда еду и уносила обратно пустые горшки. Время от времени Лада сама забегала в житницу, воровато озираясь по сторонам. В другое время Немил не обратил бы внимания на барыню, заглядывающую в зерновую проверить припасы. Но теперь он смотрел во все глаза. Иногда Лада задерживалась и проводила в деревянной клетушке час, а то и два.

– Что она возится? – бормотал человек. – Чем можно заниматься в амбаре столько времени?

28 день чернеца

Когда до конца месяца осталось всего двое суток, он решил действовать. Звенислава напомнила, что Кострома лишь недавно примирилась с Ладой после ссоры, вызванной замужеством Лели, и решила на этот раз остаться в стороне, чтобы не бросать тень на хозяйку. Немил тщательно вычистил свой кафтан, дважды обернул его широким поясом с золотой бахромой, и с замиранием сердца перешел через улицу – как будто переходил через границу дозволенного.

Вопреки опасениям, богиня любовных чар приняла посетителя милостиво.

– Вот и ты, человечек, – ласково проговорила она. – А я гадала: когда ты пожалуешь?

Госпожа самолично проводила гостя в широкую дворцовую палату со стенами, отделанными красной материей, по которой вились узоры из золотистых трав. Немил подивился тому, насколько живыми выглядели чудесные птицы и звери, вытканые на полотняных обоях.

– Присядь и отведай вина, – ворковала хозяйка, усаживая кудесника на мягкую лавочку у окна, цветные витражи в котором изображали беззаботную жизнь влюбленных в райских садах.

В зал вплыла, как облачко, незнакомая служанка с рожком, наполненным пахучей жидкостью. Взгляд Немила невольно задержался на чудесных белокурых кудрях небесной девы, на ее светлых глазах и безусловно гладкой коже.

Лада взяла у нее рог с вином и сама протянула Немилу, выказывая таким образом уважение и почесть. Кудесник чинно поднялся, взялся за золотую оковку рога, ладошкой оправил бороду и для приличия крикнул. Чудесный аромат вина защекотал его ноздри.

– Мое почтение этому дому и его благородной хозяйке, – важно проговорил Немил и поднес рог ко рту.

Служанка приблизилась и заглянула ему в глаза. Ее черты были обаятельными, хотя взгляд почему-то казался пустым.

Пить вино на пиру у богов! Разве не об этом мечтает каждый житель земли? Да еще чтоб сама богиня любви чество-

вала тебя из знаменитого рога, дарящего упоительное обольщение.

«Знаменитый рог Лады, – пронеслось в голове у Немила. – Кто из него отопьет, тот узнает божественную любовь, и уже не захочет вернуться назад, к прежней жизни... Эх, сколько вина я испортил легковверным бабам, выдавая его за любовный напиток, а теперь вот сам пью, да не выдуманный, а настоящий!»

Эта мысль переполнила его гордостью.

– Стой! – неожиданно сказал он и отдернул руку с рожком. – Ты чем меня поишь? Любовным зельем? Хочешь, чтоб я влюбился в первую, на кого взгляд упадет?

Улыбка на лице Лады застыла, как неподвижная маска. Служанка схватила его за рукав и вернула рожок ко рту, настойчиво предлагая отпить.

– Э, нет, меня так просто не проведешь! – отшатываясь, гаркнул кудесник.

– Отвергать почесть богини нельзя. Это неслыханное оскорбление! – Лицо Лады переменилось. Ласковые голубые глаза потемнели, в них заиграли жгучие искры.

– Это любовные чары! – воскликнул кудесник. – Кто на них купится, над тем ты возьмешь полную власть. Обворожить меня вздумала? Вот в эту служанку влюбить?

Страх перед настоящим колдовством оказался таким сильным, что кудесник забыл о приличиях. Ему захотелось отогнать подальше эту безропотную девицу, столь покорно

пытающуюся угадать любое его желание, и он плеснул вином на ее белокурые волосы. Едва вино коснулось ее кожи, как небесная дева, так и не проронившая ни слова, хлопнулась оземь и превратилась в овцу, покрытую белой шерстью.

– Так вот в кого ты хотела меня влюбить! – выходя из себя, крикнул Немил. – В тупое животное! Это тебя забавляет?

– Мне не до забав, – ответила богиня. – Ради любви ты был бы готов на все. И рассказал бы мне, для чего целую неделю следил за моей усадьбой. Думаешь, я не заметила?

– Вот, значит, как ты собиралась меня приручить? Так знай же: я не ручной!

– Тогда отвечай прямо: что тебе от меня нужно?

– Изволь, ты сама напросилась, – с угрозой сказал Немил. – Ты только что показала, что колдовские зелья – твоя страсть. Таким же зельем был отравлен Перун. Ты давно его знала, была на свадьбе среди гостей, и чара с отравой прошла через твои руки. Я сам видел, как ты над ней что-то шептала, а после плеснула туда чего-то волшебного. Не отпирайся – у этого события куча свидетелей.

– Ты думаешь, что я отравила великого князя? Какая неслыханная дерзость! – возмутилась богиня. – Ты хоть подумал, на кой мне это сдалось?

– Еще как подумал! У тебя был зуб и на самого князя, и на его супругу. Да, я следил за тобой, и кое-что вызнал. Ты кого-то прячешь в житнице на заднем дворе. В городе шепчутся, что у тебя там любовник. И этот любовник не тутош-

ний. Он не из Горнего мира. Он – нечистый из пекла, который пролез сюда вопреки всем заслонам. Усадьба Перуна от тебя через улицу. Князь мог прознать о твоих похождениях. Кто этот любовник? Может, черт Вертопрах? А может, и сам Лиходей? Кто бы ни был, Перун бы его уничтожил. Вот ведь шутка: хозяйка любовных чар сама потеряла голову от любви. Ты хотела избавиться от Перуна, чтобы спасти любовника, и использовала средство, в котором лучше всего разбираешься – ворожбу!

– Как ты мог такое подумать? – Лада вскипела от гнева. – Покушаться на члена горней общины – святотатство. Ни один из потомков Белобога не решился бы на такое. Но главное: как ты можешь обвинять меня в прелюбодействе? Чтобы я, да держала любовника из преисподней? Ты порочишь мою честь!

– Было бы что порочить! Лучше сразу сознайся! Облегчи душу! – наступал Немил.

– Какой-то маленький человечек из Дола позорит меня! – Богиня схватилась за голову. – Сует нос в мою жизнь! Боги этого не позволяют!

Овца подскочила к Немилу сзади и так боднула его, что он кубарем покатился по ковру, похожему на цветочную поляну. Не успел он подняться, как Лада раздулась и выросла до потолка. По искусно вышитым на ковре цветам прошелся порыв бурного ветра. Вихрь закружил Немила, поднял в воздух и со всей силы швырнул в угол. Кудесник ударился о

край белой печи, его сухая рука отнялась и повисла.

– Глупая тварь! – гремела над ним богиня. – Твои обвинения – нелепая выдумка. У меня никогда не было распрей с Перуном. Что до Костромы, то черная кошка пробежала между нами тогда, когда она силком выдала замуж мою дочь, но это случилось уже после того, как громовержец усоп. Как все перемешалось в твоей дрянной голове! И эти фантазии ты решил высказать мне в лицо? Что ж, если ты хотел разозлить божество – у тебя получилось!

– Признайся, кого ты прячешь, – прохрипел Немил. – Докажи, что это не Лиходей. Иначе я всем растрезвоню, что ты – любовница царя бесов!

– Только попробуй заикнуться об этом! – зашипела богиня. – Я тебе язык вырву!

Дикие звери на стенных росписях стали выпуклыми, отделились от изображений и с ревом посыпались на пол. Немил глазом моргнуть не успел, как оказался в окружении лосей, вепрей, рысей, росомах и тигриц. Лось поддел его на рога и кинул оземь. Вепрь и тигр обернулись людьми и накинулись на него так, будто собирались разодрать на части.

– Вырвать ему язык! – распорядилась богиня.

– Вот оно, благородство богов! – выкрикнул человек. – Люди верят, что вы – само совершенство. Что у вас полно истины, красоты и любви. Видели бы они, какие любовь и красота тут творятся.

– Не тебе нас судить, жалкий червь! – гневно сказала Лада.

Немил выскочил из усадьбы и бросился по Молонье. Каменные чудища выглядывали из кустов и с осуждением провожали его давно застывшими глазами. Первым делом ему пришла мысль спрятаться у Костромы, но он вспомнил, что хозяйку нельзя подводить, и метнулся в противоположную сторону.

Серебряное кольцо тянулось вдоль стен, опоясывая город. По этой круглой улице можно было обогнуть город, но человек запыхался, а богиня и ожившие оборотни передвигались легко. Лада преследовала его неотступно, как будто задалась целью во что бы то ни стало наказать дерзкого человека.

– И чего она так взъелась? – пыхтя, думал Немил. – Наверное, в самом деле прячет кого-то, кто очень ей дорог. Ох уж эти мне тайны!

Кольцевая улица привела его к Северным воротам, выходящим к берегу Звездной реки. Его потянуло на вольный простор, где можно драпануть во всю прыть и затеряться в бескрайних рощах, но как только он представил, что окажется в длинном и гулком туннеле под башней, похожем на ловушку, это желание мигом пропало. Улица привела его ко двору Судимира с его родней.

– Помогайте мне, братья! Ловите изменника! – закричала Лада таким зычным голосом, что зазвенели зубцы на вершине серебряных стен.

Из усадеб начали выскакивать богини и боги в окружении призрачной челяди. Следующими оказались владения Рода

и Хорса. Старейшина горней общины выбежал с резвостью, удивительной для его возраста, и запустил в беглеца булавой. Она просвистела над ухом Немила и угодила в белокаменные палаты Переплута, лишь увеличив переполох. Оглянувшись, кудесник увидел, что за ним гонится уже целая толпа.

– Что он сделал, сестрица? Чем провинился? – кричали все новые и новые обитатели города, которых тревога застигала за повседневными делами.

– Перевет! Святотатство! Кошунство! – голосила Лада, летя вслед за человеком, как призрак Неминуемой Расплаты.

Немил добежал до Солнечной стрелы – широкого проспекта, пронизывающего город с востока на запад. Само солнце уже перевалило за полдень. Колесница Дажбога остановилась на Окольной горе, виднеющейся за западными воротами. Ее сияние слепило глаза и отбрасывало тени на мостовую. Немил развернулся к сиянию спиной и бросился к центру, по пути всполошив Живу с Ярилой. Тень понеслась впереди, как будто стремясь первой достичь Белой вежи.

Мелькнула аллея с золотыми дорожками, усаженная тонкими липами. За ней простиралась Зеница с ее просвечивающими насквозь кристаллами. Немил понял, что на ней не укрыться, и снова бросился вкруговую. Золотое кольцо было меньше Серебряного – эти улицы были похожи лишь тем, что представляли собой закругленные восьмиугольники. Но эта, центральная, аллея выглядела намного веселее. Громада Белой вежи высилась по левую от беглеца руку, а по пра-

вую громоздились дворцы и служебные здания – Гостиный двор, Оружейная палата, Дворец трех государей и кладовая Ярилы. У Немила темнело в глазах от блеска позолоченных крыш и алмазов, сверкающих под ногами. Он заметил, что снова оказался на Молонье с ее чудищами, но на этот раз – выше по улице. От усадьбы Перуна к нему уже мчалась толпа гридей с воеводой Мстивоем и близнецами. Они прижали его к каменной веже и обступили со всех сторон.

– Какая наглость! Убегать от богов в их собственной крепости! – возмутилась Лада, настигая его. – Землянин, на этот раз ты доигрался.

– Раскрой свою тайну! Пусть все услышат, кого ты прячешь! – пропыхтел Немил.

– Лжец! Предатель! – взвизгнула богиня. – Мстивоюшка, вырви его ядовитое жало!

Воевода с готовностью подскочил к человеку и на миг задержался, чтобы получить одобрение Рода. Старый владыка подлетел вместе с толпой преследователей, распахнув рдяной мятль.

– Наше терпение лопнуло, – сказал он. – На небесах тебе больше не место.

Мирослав со Славомиром распластали Немила по каменной стенке вежи. Мстивой вынул нож и потянулся за его языком.

– Лиходей меня так же наказывал! – промычал человек, пряча язык за зубами.

– Он сравнил нас с врагом! Хватит терпеть оскорбления! – наседала Лада.

– Высунь язык, иначе с губами отрежу! – перчатка безжалостного воеводы хлестко ударила его по лицу, звякнув нашитыми металлическими чешуйками.

Немил окинул беспомощным взглядом площадь. Вокруг виднелись лишь враждебно настроенные небожители. Горящие взгляды гридей не сулили пощады. Ни Звениславы, ни Костромы, как назло, рядом не оказалось. Спасения не было.

В этот миг алмазная твердь под ногами дрогнула, как будто что-то ее сотрясло. Мелкая дрожь переросла в колебания, от которых богини и боги свалились с ног. Небосвод заходил ходуном сильнее, чем бывает при землетрясениях.

– Что случилось? – воскликнул Род, обводя взглядом собравшихся.

Но ответа никто не находил. Немилу почудилось, будто его опрокинули. Небеса накренились так сильно, что навьи и гриди покатались по площади, как по горке. От кудесника отцепились. Не удержавшись, он скатился следом. Его понесло по гладким алмазам. Ухватиться ему было не за что, и он полетел кувырком, ударяясь обо все, что попадалось на пути.

Промелькнули аллеи и зеленые изгороди. Высокие стены города казались надежной преградой, но твердь ухнула куда-то вниз, человека подбросило и перенесло через прясла, как будто он был невесомой соринкой.

Рядом в полной неразберихе сыпались боги и гриди. Рядной мятль Рода мелькал рядом с черным кафтаном Хорса. Навьев разметало по сторонам и понесло к краю небесной тверди. Кудесник опомниться не успел, как его подхватило и бросило вниз, за край неба.

Он увидел лишь облака, закружившие вокруг него хоро-вод. Земля показалась Немилу с овчинку. Воздушный поток перевернул его вверх тормашками, свист в ушах не давал со-браться с мыслями. Ясно было одно: его ждет столкновение, после которого от кудесника Немила Милорадовича, знато-ка ведовских книг и сокровенных тайн бытия, не останется мокрого места.

С высоты хорошо было видно, как вдали, за северной опушкой леса, Святогор ухватился за край небосвода и тря-сет его, не жалея сил. Великан будто собрался своротить небеса набок или обрушить их на дольний мир. Что его так разозлило? За что он ополчился на небожителей? Размыш-лять над этими вопросами стремительно падающему Немилу было недосуг.

Его нещадно вертело в вихре, и он лишь краем глаза вы-хватывал отдельные картинки того, как исполин пытается вскарабкаться на алмазную твердь, и без того перекошен-ную. Великану удалось оторваться от почвы и повиснуть на краешке небосвода, но твердь обломилась, и он рухнул вниз, подняв такой грохот, что содрогнулась земля. Ударившись оземь, Святогор превратился в скалу, острая верхушка ко-

торой осталась торчать над лесом, как копьё, нацеленное в небеса.

Мелькнула бурая проплешина Дикого леса с толстым дубом, тянущимся к облакам. Угрюмые чащобы теснились вокруг поляны, затянутой, как обычно, туманной дымкой. Немила понесло прямо к корням Мироствола. Единственное, что его утешало – то, что слияние с природой произойдет в таком дивном месте. Но какая судьба ждет после этого его душу?

Сквозь слезы, навернувшиеся на глаза то ли от ветра, то ли от сожалений, он заметил, что поляну заполонили целые полчища бесов и чертей, закованных в железные брони. Одно дело отдать душу на чистом просторе, другое – вляпаться в середину врагов рода людского, которые эту самую душу так и норовят отобрать.

Немил принялся извиваться и завопил:

– Нет, к чертям не хочу!

Тут он заметил, что падает не один. Вокруг него с перекошенной алмазной тверди сыпались небожители: боги, богини, волшебные животные, навьи и гриди. Навьим духам и гридям, не говоря уже о божествах, нечего было опасаться: они плавно парили, выбирая место посадки, и не беспокоились о столкновении.

Туман над поляной развеивался, бесы топтали снег, собирая полки и строя чертей в ряды, настолько прямые, что им позавидовало бы самое искусное войско. Они готовились к

нападению свыше. Командиры вглядывались в небеса сквозь узкие прорезы в шлемах и возбужденно хлестали о землю хвостами.

Перед глазами Немила мелькнул нижний сук Мироствола. До земли оставалось всего ничего. Воевода-бес хищно взглянул на него, ухмыльнулся и велел подчиненным расчистить площадку, чтобы превратившийся в снаряд человек никого не задел.

В этот миг из туч вынырнул серый Рублик с всадницей в красно-золотой шубке. Звенислава направила скакуна вниз. Крылатый конь соколом устремился к земле и догнал человека. Звенислава ухватила Немила за пояс и подтянула к седлу. Он вцепился в седельную излучину и повис на ней, болтая ногами. Оставшиеся ни с чем черти разочарованно взвыли, желая ему вдогонку всех бед, какие могло придумать их извращенное воображение.

Последние силы Рублика ушли на головокружительный вираж. С трудом взмахнув крыльями, он опустился подальше от адского воинства, у подножия Мироствола, где легко было спрятаться среди вывороченных корней. Но стоило его копытам коснуться земли, как из темного зева пещеры, ведущей в подземный мир, выскочил трехголовый Полкан, втянул воздух тремя парами влажных ноздрей и залился лаем в три глотки.

Конь скакнул прочь, но чудовищный пес бросился за ним, норовя ухватить за хвост то одной, то другой пастью. Неми-

ла тряхнуло так, что он едва удержался в седле. Горящие зеленым пламенем глаза пса мелькнули у него над головой, на лицо ему упали брызги липкой слюны.

Вслед за Полканом из жерла пещеры полезли бесы, которых перепончатые крылья за спинами делали похожими на огромных нетопырей. За ними вырвался огненный змей – он мгновенно взмыл ввысь и начал нарезать над поляной круги, преследуя плавно приземляющихся богов и Перуновых витязей.

Скатившийся с небес золотой щит с грохотом воткнулся в землю. Ярило поспешил вытащить его и подставил под струи пламени, которыми огнезмей обдал ошеломленное небесное войско. Зеркальная гладь щита отразила огонь, но змей ушел на новый круг, чтобы атаковать богов с тыла.

Едва придя в себя после падения, Стрибог затрубил в Рокотун. Услышав сигнал рога, Полкан взвизгнул и отпрянул. Немил вытер его слюну и ударил по крупу коня, голоса:

– Рублик, миленький, выноси из беды, иначе ты зря нас спасал!

Звенислава дернула уздечку и направила скакуна к воинам, поднимающимся после падения.

– Что случилось? Что тут происходит? – заголосил человек. – Отчего небо перекосилось, почему все пошло кувырком?

– Святогор предал богов и переметнулся к врагу, – отрывисто бросила Звенислава. – Брак с богиней ничего для него

не значит. Он как был дикарем, так и остался. Ты сам видел, как он тряс небеса.

– А с какой стати бесы так разлютовались?

– Кто же их разберет? Может, они ждали нашего нападения, а может, и сами давно собирались в атаку. Вот и настал их час, теперь только держись!

Внезапно Рублик заржал и встал на дыбы. Немил почувствовал, что чья-то грубая лапа схватила его за шкуру и вырвала из седла. Свалившись на снег, он разглядел перед собой заросшие козлиной шерстью ноги и копыта со стальными подковами.

– Враг! Спасайся! – крикнула Звенислава.

Немил поднял глаза. Расправив перепончатые крылья, над ним возвышался бес Лютобор, облаченный в кожаные доспехи с нашитыми металлическими чешуйками. Демон потянулся к нему влажным рылом, обнюхал и удовлетворенно рыкнул:

– Моя добыча! Я тебя за версту чую.

– А как дырка в твоей груди? Ветерок в нее не задувает? – спросил Немил.

– Дырка уже заросла, – ответил бес. – Побеспокойся о собственной душе. Мы ее заждались, а господарь ждать не любит.

Рублик налетел на демона и попытался ударить его копытами, но враг одним движением корявой руки опрокинул коня вместе с наездницей.

– Веня, тебе его не одолеть! – прохрипел Немил. – Скачи за подмогой! Пусть меня выручит кто-нибудь посильнее.

Конь поднялся, взмахнул крыльями и полетел к краю леса, куда адское войско теснило гридей. Бес поволок кудесника на середину поляны, где Огнезмей, вернувший себе человеческий облик, стоял в окружении воевод, похожих на знатных иноземных господ в пышных придворных одеждах.

– Хозяин, я к тебе не с пустыми руками, – осклабился Лютобор. – Погляди, какой у меня подарочек!

И он швырнул Немила под ноги князю тьмы. Лиходей пнул человека сапогом и произнес:

– На кой ляд он мне сдался? Скорми его упырям. Им нужна кровь, чтобы нарастить плоть.

Бес заржал, схватил человека за шкурку, и, как щенка, потащил через поляну на то место, где месяц назад стоял храм Трояна. Немил извернулся, но вырваться из цепких когтей демона не получилось.

Лютобор дотащил его до огромных корней Мироствола, вывороченных из-под земли. Отростки корневищ вились, как толстые змеи, создавая преграды всех мыслимых форм, из-за чего подножие Древа превращалось в лабиринт. Но бес ориентировался в этом скоплении, как дома.

Немил оказался на берегу двух ручейков, журчащих из-под кряжа. Бес наконец отпустил его, кудесник плюхнулся оземь, но тут же подскочил, как ужаленный. Прямо под ним из-под снега торчали старые человеческие кости, набросан-

ные, как попало. Желтый череп откатился в сторону и таранил пустые глазницы в небеса.

– Знаешь, кто это? – спросил Лютобор.

– Не хочу знать, – пролепетал пленник.

– И правильно. Ты превратишься в такого же упыря, и будешь мечтать о том, чтоб на тебя плеснули водицей из этих ручьев. И господарь окажет тебе эту милость, но только, если ты будешь служить ему верой и правдой. Смотри!

Бес схватил старый ковшик Немила, валяющийся в куче хлама, зачерпнул из левого ручейка и полил кости. Снег зашипел, как от пламени, земля под ним обуглилась дочерна, но кости, наоборот, помолодели – с них слезла болезненная желтизна, они стали белыми и сложились в скелет. Даже череп сам собой подкатился и сел на позвоночник, довершив картину.

– Хочешь потрогать? Не бойся, – коварно предложил Лютобор.

Вместо ответа Немил отполз подальше. Демон зачерпнул из второго ручья и опять полил кости. На этот раз ничего не случилось, и у кудесника отлегло от души.

– Что, фокус не удался? – спросил он, радуясь, что хоть чем-то может уесть злыдня.

– Ой-ей-ей, как я мог так осрамиться? – взвыл бес, и так хищно осклабился, что Немилу стало нехорошо.

Скелет шевельнулся, оторвался от земли и привстал.

– Где-то я это уже видел, – бледнея, проговорил кудесник.

– Еще бы! – подтвердил бес. – Души мучеников страдают в пекле до тех пор, пока их не выпустят на волю. Стоит полить обглоданные кости мертвой водой – и они соединятся. Стоит плеснуть живой – и душа страдальца восстанет из небытия. Вот только к настоящей жизни она не вернется. Ей до боли захочется снова почувствовать вкус настоящего существования, снова захочется ощутить свое тело с горячей кровью. Вот только крови после сорока дней мытарств уже нет, и она не вернется. И тогда душа кинется высасывать жизнь из каждого, кого встретит. Вот как этот упырь. А теперь угадай: в ком из нас двоих течет горячая кровь?

Скелет потянулся к Немилу костлявыми пальцами.

– Сгинь! Отстань! – завопил человек, на карачках отползая к ручью.

На дубовый сук приземлился хорохористый ворон. Он сбил с Древа листочек, зеленый и свежий, как и все, что росло на дубу. Лист упал в ручей, почернел и свернулся в сухую трубку.

– Хочешь попить? – предложил бес.

– Нет! – рванулся Немил.

Скелет вцепился ему в шею, череп лязгнул зубами.

– Добро пожаловать в Лиходеево царство! – злорадно расхохотался демон. – Скоро твоя душа попадет в вечное рабство, и ты превратишься в такого же упыря, мечтающего глотнуть хоть капельку чужой крови. Ради нее, этой капли, ты будешь готов на любую гадость. Ты станешь прислужи-

вать Лиходею и исполнять его прихоти. Ты будешь рваться на волю и грызть жилы детям, женщинам и старикам. Ты станешь способен на зверские преступления, каких твой разум даже не может вообразить. А все потому, что не захотел поступить к нам на службу, когда тебе давали такую возможность. Вместо этого ты сбежал к богам. На что ты надеялся? На то, что тебя укроют? Защитят? Ну и как, защитили?

Немил нащупал ковш и ударил им по рукам, сдавившим его горло. Костяшки рассыпались, но тут же принялись собираться обратно. Морозный воздух прорезал рев Рокотуна – это Стрибог подавал знак к атаке.

– Да, защитят! – тяжело дыша, проговорил человек.

Он распрямылся, размахнулся пошире, и заехал длинным ковшиком по черепу, отчего тот слетел с позвоночника и покатился по полю.

– Слышишь зов Рокотуна? Это небесное воинство пошло в нападение. И не важно, что с ним нет князя. Даже оставшись в меньшинстве, они способны раскидать чертей по кочкам, бесов стереть в порошок, а Лиходею развеять по ветру!

Лютобор изменился в лице. Влажное рыло втянуло воздух, пробуя его запах. Витые рога над головой дрогнули, а хвост взметнул снег, показывая неуверенность.

– Не надейся, – сказал бес. – Наши полчища встретят гостей хлебом-солью. А с тобой я успею расправиться, и никакие завывания мне не помешают.

Лютобор поднялся во весь рост и навис над Немилом. Из

крючковатых пальцев выскочили длинные когти, похожие на ножи. Демон оскалил неровные зубы и потянулся к человеку, приговаривая:

– Не получилось скормить упырю? Не беда. Утоплю тебя в мертвой воде!

– Держись, Немилушка! – послышался голос сверху.

Звенислава на Рублике подлетала, сжимая в ладони секиру с серебряным лезвием. Ее появление рассмешило демона до того, что тот приостановился.

– Это твоя подружка? – трясаясь от хохота, спросил он. – Вот она, твоя выручка! Силы небесные! Какова мощь! Каков напор! Лети сюда, моя девочка, я вас вместе угроблю!

– Получи же и ты мой подарок! – проскрежетала сквозь зубы небесная дева и выпустила секиру.

Вместо того, чтобы упасть, серебряное лезвие взвилось ввысь, нацелилось на беса, и ловким движением отсекло ему один рог.

– Это еще что за шуточки? – недоуменно воскликнул он, щупая обрубок.

– Секира Перуна! – выкрикнула Звенислава. – Ей не надо указывать, кого бить – сама ищет врагов!

Сзади грянули кости – восставший скелет накинудся Немилу на плечи и попытался прорвать его кафтан. Секира мгновенно отреагировала, заложила крутой вираж и рассекла череп на ровные половинки. Скелет обрушился, позвонки рассыпались, кости воткнулись в снег и застыли, не ше-

велясь.

Бес попытался схватить оружие за рукоять, но секира вывернулась и отсекла ему второй рог. Лютобор развернулся и бросился наутек, поджимая хвост. Сверкающее лезвие понеслось за ним, норовя отсечь кончик хвоста с острым шипом. Звенислава расхохоталась, Рублик поднял крыльями тучу снега и плюхнулся рядом с Немилом.

– Цел? Садись быстрее, и полетели! – крикнула дева.

Немил полез в стремя, но вдруг оглянулся и вымолвил:

– Погоди! Я узнал кое-что важное.

– Нет времени! Кострома велела передать тебе секиру своего супруга, но рать богов может не устоять. Сеча уже закипела!

– Погляди только, что я нашел. Мертвая и живая вода.

Текут себе ручейками, пройдешь мимо и не догадаешься.

– Не до них теперь.

– Надо набрать, – упорствовал кудесник.

Он раскидал снег и нашел в куче хлама метлу и огромную ступу, в которой могла бы поместиться ведьма, если бы ей вздумалось полетать. Затем под руку попался его старый котел, в котором он варил сонное зелье.

– Не то, все не то, – бормотал человек.

– Ты не их ищешь? – Звенислава подобрала пару фляг, сделанных из высушенных тыкв.

– Какая ты умница! Как раз то, что нужно! – обрадовался кудесник.

Осторожно, стараясь не коснуться журчащих струек, он набрал воды сначала из одного ручья, а потом из другого. Звенислава спрятала их в суму, перекинутую через седло.

– Летим к нашим! – лихо выкрикнула она.

– Снова нет, – охладил он ее пыл. – Возвращайся к своим, а я разыщу Лиходея.

– Ты с ума сошел! Он тебя тут же прикончит!

– До сих пор не прикончил, а там будь что будет.

– Неужели ты не боишься? – восхитилась его подруга.

– Сказать по правде – дрожат жилки, – признался он. – Только куда деваться?

– Берегись князя тьмы! – предупредила дева.

– Поздно беречься. Раз взялся за дело – придется довести его до конца, – ответил Немил. – Лети к нашим, проси подмоги, а я постараюсь вызнать, что надо, и не убиться.

– Держись! – крикнула Звенислава, разворачивая Рублика.

Конь взмахнул крыльями и понес ее к Радужному мосту, сияющему вдалеке.

Немил перелез через корень и оказался на поле брани. Поляна оглушила его бряцанием оружия и суматошным мельтешением бойцов. Сражение закипело неожиданно, свалившиеся с неба боги, навьи и гриди едва успели вооружиться и теперь бились всем, что под руку подвернулось.

Стрибог продолжал выдувать рев из Рокотуна, собирая соратников и призывая их строиться в боевые порядки. Ве-

лес с медвежьей рогатиной отгонял незнакомого беса, за спиной которого угрюмо надвигался ряд закованных в броню чертей. Хорс крушил вражеские шлемы кистенем с шипастой гирькой на цепи, но ему приходилось несладко в окружении демонов, насевших со всех сторон. Переплут и Судимир отбивались, чем попало, и, судя по их растерянным лицам, держаться им оставалось недолго. Даже старейшина Род, и тот носился по полю, как молодой, и размахивал булавой, но его зычного и повелительного голоса не хватало для наведения порядка. В этот миг всем было не до человека. Над этим переполохом нарезал круги огненный змей, время от времени выплевывая струи пламени. Ярило прикрывал соратников огромным щитом, но его на всех не хватало.

Змей опустился позади полка демонов, принял облик Великого Лиходея и взгромоздился на спину трехголового пса. Увидев царя бесов, облаченного в роскошный заморский кафтан, Немил испытал такой ужас, что его затрясло. Он мгновенно припомнил и первую встречу с этим владыкой, и посмертную судьбу, к которой тот приговорил его душу, и беса, преследующего его по пятам. Картинки пережитого замелькали перед глазами. Одно воспоминание о них вгоняло кудесника в ступор и вызывало прилив жара, от которого пот катился по лбу, несмотря на морозец.

Полкан встал на дыбы и разразился таким оглушительным рычанием, что с ветвей Мироствола посыпался снег. Воеводы адского воинства выстроили полки и ровными рядами на-

чали наступать на богов. Секира Перуна налетела на крайний полк, черти бросились врассыпную, но остальные ряды не поддались панике и сохранили выдержку.

Немил протянул руку – секира почуяла его и послушно легла в ладонь. Он вклинился между задним рядом ушедшего в наступление полка и перерезал путь Лиходею. Горящие глаза Полкана оказались прямо напротив. Пес разинул три пасти и обдал его липкой слюной.

– Стой, князь тьмы! – заорал человек, размахивая секирой. – У меня оружие Перуна. Сейчас как спущу его – оно мигом твоим слугам рога посшибает!

– Что у тебя за привычка – лезть под ноги в самый неподходящий момент? – скривился Лиходей. – Почему ты не в пекле?

– В пекло мне еще рано, – дерзко ответил Немил. – Останови сечу, иначе тебе будет худо!

– Не я ее начал, не мне ее и останавливать.

– Как это: не ты ее начал? А кто вывел войско из преисподней? Кто заполонил Дольний мир? Кто полез на богов в миг, которого они вовсе не ждали?

– Так ты думаешь, что это я? – расвирепел Лиходей.

Его голубые глаза налились кровью и начали метать искры.

– Гляди – это мой дом! – он указал на пещеру, зияющую темнотой. – Я в своей вотчине. И что, боги оставили нас в покое? Как бы не так! Они высыпались нам на головы, наде-

ьясь застать врасплох. Но бесы не так просты. Мы ждали, что твои господа подстроят какую-то пакость, и вот она произошла. Мы готовы к ней. Мы будем сражаться, и на этот раз пойдем до конца!

Рублик вернулся, оставив наездницу за лесной чащей. Он порхнул к человеку, заставив отшатнуться чудовищного Полкана. Немил забрался в седло и почувствовал себя в ударе. Секира в ладони придавала ему уверенности, а конь нес так ровно, что не нужно было держаться. Он взмыл ввысь и налетел на князя тьмы, угрожая наточенным лезвием.

– Не ври! Отбрехаться тебе не удастся! – напористо закричал он. – Ты подослал Вертопраха, чтобы он отравил Перуна, а после шпионил бы за богами и выведывал, что творится в небесной крепости. Лишив жизни великого князя, ты развязал войну, которая приведет к концу света – об этом говорит прорицание Трояна. Однако тебе и этого не достало. Ты опозорил богов, вступив в любовные сношения с Ладой. Мало тебе оказалось войны – ты еще и унизил тех, кто выше тебя!

Лиходей искал глазами оруженосца, но, услышав последние слова человека, вдруг зашелся таким гомерическим хохотом, что Немил смутился.

– Что-что? – протирая навернувшиеся от смеха слезы, переспросил царь демонов. – В какие сношения я вступил с Ладой? В любовные? Вот умора! Жаль, что войско меня не слышит – вон куда оно убежало, сейчас прижмет твоих покровителей к лесу и доконает. Нет, не скрою, завести любовь

с Ладой мечтает каждое существо, которое хоть раз испытывало хоть какое-то влечение. Но чтоб Лада дала мне? Эй, Лютоша, ты где! Послушай, что городит этот несмышленьш!

Затерявшийся Лютобор не откликнулся, но его участие царю и не требовалось. Он так ржал, уткнувшись в псиную шерсть, что с Немила слетел весь его боевой пыл.

– И потом – что ты плел насчет этого праха, или как там его? Это кто такой? С чего ты взял, будто я его знаю?

– Не притворяйся, – упавшим голосом произнес Немил. – Это твой посол. Он прошел в Горний мир и свидетельствовал твое почтение на свадьбе Перуна.

– Никаких послов от меня к богам не было уже десять веков. Да и на свадьбу Перун не приглашал ни меня, ни моих подданных, даром, что когда-то мы дружбу водили.

– Ты не посылаешь послов? – изумился Немил.

– С какой стати?

– Но кто же тогда этот черт?

– Все черти здесь, воюют с твоими небесными хозяевами.

– Ага, значит, войну все-таки ты замышлял! – воскликнул Немил, уличив во лжи супостата.

– Вовсе нет. Она свалилась на нас, как снег на голову. Хоть мы и ждали чего-то подобного, но начинать сами не собирались.

– Бесы выскочили из преисподней и начали шнырять по Долу. Это нарушение договора. Вы должны сидеть под землей и не высовываться.

– У нас приключилась беда. Она началась у тебя перед носом, только ты ее не заметил, или просто не понял, что происходит. Помнишь, в палате у Всеволода я велел отнять твою душу?

– Как же не помнить? У меня из-за этого вся жизнь пошла наперекосяк.

– И что помешало тогда это сделать?

– Откуда я знаю? У вас, лиходеев великих, свои нравы. Не моего ума это дело.

– Ледяное ожерелье растаяло и сорвалось с моей шеи. Его скрепляли чары древнего посоха, принадлежавшего Мару. Мы держали богиню в плену в морозном дворце, но кто-то стащил посох и помог ей сбежать. Темница растаяла, а злодейка черным лебедем пролетела над Железным лесом, вырвалась в Дол и скрылась неизвестно куда. Я послал своих слуг разыскать ее, и сам вылетел в облике змея, чтобы найти ее след. Но как я ни реял над зачарованным лесом, как ни рассматривал снег – не нашел ничего, чтобы напомнило бы о ней. А Перун, этот пень, только мне помешал. Прилетел и давай драться молниями. Нет бы, спросить, что да как – может, тогда он и сам бы ко мне присоединился, как в старые добрые времена.

– Чем эта Мара тебе так навредила?

– Она царица древнего царства, что было сковано льдом и морозом. Ей одинаково ненавистны и боги, и бесы. Мое пекло – горячий ад, но ее ад был ледяным, оттого мы друг

друга не переносим.

– Но причем здесь война?

– Война выгодна Маре, потому что обрушит все мироздание. После наступит хаос – такой, какой был до сотворения миров. Это как раз то, что ей хочется. Пустая земля, покрытая снегом, и ни души вокруг – вот, что ей нужно. Это ее царство, и она будет властвовать в нем безраздельно.

– Значит, вы не собирались нападать на небеса? – спросил удивленный Немил.

– Я тебе уже четверть часа это твержу, безмозглый человечишко, а до тебя все никак не доходит, – вышел из себя Лиходей.

– Мне нужно передать это своим. – Немил решительно развернул Рублика к дальней опушке, у которой кипело сражение.

– Как бы не так! – передразнил его Лиходей. – Твое место – в пекле, туда ты и отправишься!

И он саданул сапогами по бокам пса. Полкан зарычал, оскалил все три пасти и прыгнул к Немилу, пытаясь подцепить его клыками. Рублик взмыл и не дал противнику ухватить себя.

– Ах, ты так? Отведай секиры Перуна! – вышел из себя кудесник.

Он выпустил рукоять из ладони. Лезвие обрушилось на пса и одним махом отсекло ему левую голову.

– Что, съел? Берегись силы небесной! – вскричал человек.

Лиходей соскочил с пса и укрывся за его жесткой шкурой. Разгулявшись, секира принялась сыпать удары один за другим. Полкан взвыл и встал на задние лапы, но как он ни рычал, как ни злобствовал и не бесился, обе оставшиеся головы вскоре упали на снег, обагрив его кровью.

– Я и тебя возьму в плен! Сдавайся, не то посеку! – воинственно голосил Немил, облетая вокруг Лиходея.

Но князь тьмы не проявлял признаков беспокойства. Из обрубков на теле Полкана хлестала кровь, его туша осела на снег, но продолжала судорожно шевелиться. Из левой раны вылезло три новых шеи, на их концах взвились свежие головы, которые тут же раскрыли пасти и залились злобным лаем. То же самое повторилось и справа – на месте отрубленной головы появилось три новых, а затем и в середине возникло три новых пасти, которые оказались еще больше и ужасней, чем прежние.

Пес воспрянул, подпрыгнул, поймал вертящуюся секиру зубами и перекусил ее рукоять. Древко с хрустом переломилось, лезвие безвольно упало на снег и замерло без движения. Полкан выплюнул остатки измочаленного дерева, спружинил задними лапами, и внезапно подпрыгнул так высоко, что дотянулся до Рублика и опрокинул его.

Немил вывалился из седла и плюхнулся в снег. Конь принялся отбиваться, судорожно хлопая крыльями, но сопротивляться девяти пастям сразу он не мог.

– Брось это мясо, пусть летит, куда хочет. Подбери чело-

века! – приказал Лиходей.

Полкан прекратил терзать коня и наступил на грудь Немилу, распростертому на земле. Человека сдавило, ему стало трудно дышать.

– Рублик, лети к Звениславе! За подмогой! – через силу прохрипел он.

– Хватит с ним церемониться. Рви его! – велел хозяин.

Пес оскалился, будто радуясь такому приказу. Все девять голов потянулись к Немилу с разных сторон. Девять пар зеленых глаз прожгли его ненавистью, девять пастей обдали смрадным дыханием. Кудесник зажмурился, решив, что наступают последние мгновенья его жизни.

В этот миг над поляной вновь поплыл раскатистый зов Рокотуна. Рог звучал с новой силой, разнося весть о том, что в сражении наступил перелом.

Бесовские полчища потекли вспять. Воеводы обратились в бегство, ряды воинов рассыпались, уступая дорогу атакующей небесной рати.

– Что там еще? – раздраженно бросил Лиходей, забыв про Немила.

Полкан снял лапу с груди человека, втянул воздух девятью парами ноздрей и глухо заворчал.

– Это Перун атакует! Что, не ждал? – мстительно крикнул Немил.

Он не верил своим глазам. Дружина заоблачных гридей растеклась по поляне, от края до края перегородив ее черв-

леными щитами. Над кольчугами и шлемами реяли разноцветные знамена, наконечники рогатин и копий жалили чертей, не успевших убраться с пути. Но самым удивительным было то, что впереди этого горного воинства скакал властный витязь в лазурном корзне, прикрывающем блестящие сталью доспехи. Белоснежный Гром расправлял крылья, легко переноса всадника с края на край, а тот лишь сжимал в руках древко стяга, сшитого из трех полосок – алой, лазурной, и тоненькой белой посередине.

– Знамя великого князя! Перун ожил! Сейчас всю нежить разом и передавит! – заливался Немил, торопясь как можно сильнее испугнуть врага, лишь бы тот поскорее убрался.

Однако сам он не понимал, что происходит. Всадник в шлеме с опущенным забралом не отличался от громовержца. Перуну принадлежали и корзно, и стяг, и даже конь, единственный в своем роде. Но чтоб Перун, и очнулся? Как это могло произойти?

– Стоять! Куда вас несет? – гневно воскликнул Лиходей, пытаясь замедлить повальное бегство.

Но его воины разбегались, не слушая властелина. Приблизился Лютобор, опасливо обойдя стороной секиру с измочаленной рукоятью.

– Господарь, все отступают. Позволь доставить тебя в безопасное место, – робко произнес демон.

– Что случилось? – Лиходей вцепился в шерсть своего пса и привстал, чтобы получше разглядеть происходящее.

– Появился Перун, всех громит.

– Не может такого быть! Это какое-то наваждение!

– Не испытывай его гнев на себе, лучше поберегись, куда не поздно, – настаивал бес.

Полкан залился злобным лаем из всех девяти глоток, и понес седока к темному жерлу пещеры. Лютобор поспешил следом. За ними втянулись воеводы и рядовые, в панике бросающие щиты, копья и палицы. Возникла давка, бесы полезли по головам чертей, давя и сминая собственных подчиненных.

Мимо Немила пронесся Мстивой, не желающий упускать добычу. Плотный ряд гридей окружил вход в пещеру. Горние воины принялись колоть копьями зады чертей, визжащих от давки и сутолоки. Близнецы Мирослав и Славомир сомкнули щиты и так налегли на противников, что те попадали с ног.

В считанные минуты поляна очистилась от врагов. Облачный Гром подскакал к Немилу, все еще не пришедшему в себя после схватки с Полканом. Стрибог раздул ветер, подхвативший остатки чертей и поднявший их в воздух. Порыв взметнул лазурное корзно на плечах всадника и расправил полотнище знамени, знакомого всем трем мирам.

Немил хотел что-то сказать, поприветствовать внезапно ожившего горнего князя, но язык одеревенел, и ему не удалось выдать из себя ни слова. Всадник звонко расхохотался и снял шлем с забралом. Изумленный кудесник уви-

дел оживленное лицо с румянцем на щеках, пронзительный взгляд светло-голубых глаз и женскую косу, уложенную по-верх головы.

– Кострома! – выдохнул он.

– Ты на каком свете, на этом или на том? – сверкая очами, спросила богиня.

– Сам не знаю. Поди, разберись, когда вокруг такая ку-терьма.

– Вижу, ты говорлив, как и прежде. Значит, за тебя можно не переживать.

– Госпожа, – обратился Мстивой к Костроме, – черти загнаны в подземелье. Прикажешь преследовать их?

– Разумеется! Все вперед! – воскликнула Кострома, и ударила пятками Грома.

– погоди! – испугался Немил.

Он едва успел схватить облачного скакуна за уздечку.

– Там, во тьме – Железный лес. Сквозь него не пройти, наши воины перережуются.

– Ах, как же я не подумала! – Кострома закусила губу. – Может, все же удастся схватить Лиходея?

– Бесы уже унесли его. Они мешкать не станут.

– Какая досада! Логово супостатов нужно брать с ходу, пока они не опомнились.

Отставшие божества собирались вокруг, с обожанием глядя на свою предводительницу.

– Ты заменила Перуна, – сказал Ярило, поднося свой золо-

той щит, почерневший от драконьего пламени. – Вижу, наш государь не ошибся, когда выбрал тебя в жены.

– Без тебя мы бы пропали, – подтвердил Хорс, счищая с гири на кистене остатки чертовой шерсти.

Старец Род подбежал, запыхавшись, и принялся распоряжаться:

– В пекло не лезть. Мы там пропадем.

В ответ на этот запоздавший приказ воины разразились дружным хохотом. Гром поднес Кострому к входу в пещеру. Она заглянула во тьму, лихо гаркнула, послушала эхо, и, обернувшись к соратникам, произнесла:

– Стоит чуть-чуть приналечь, и мы их дождем.

– Не сейчас, сестрица, – настаивал Род. – Дай войску передохнуть. Видишь, как все измотались?

– Мне нужно время, чтобы во всем разобраться, – пропыхтел кудесник. – Я узнал кое-что важное. Может, из этого выйдет прок.

– Если продолжим, то довершим разгром бесов, – упорствовала Кострома.

– Сестрица, ты только что одержала поле, – умоляющим тоном обратился к ней старый владыка. – Погляди: вечер близится, скоро ночь. Тьма – бесовское время, они сильны в темноте, а мы нет. наших сил недостаточно. Решительный натиск нужно отложить до утра.

– Ну, как знаете, – нехотя бросила Кострома.

Ее конь взмыл и принялся облетать поле, на котором в

полном беспорядке валялось брошенное оружие и доспехи.

Вечер в самом деле уже наступал. Солнце закатилось за край леса, и поляну объяли сумерки. Звенислава нашла Немилу и обняла его, стараясь не касаться открытой кожи.

– Как я за тебя волновалась! – призналась она.

– А уж я как признателен тебе, моя душенька, за то, что ты меня выручала! – с чувством ответил Немил.

Воеводы выставили у входа в пещеру дозорных, и горнее войско расположилось на ночлег. Запыхали костры, разложенные не столько ради тепла, сколько ради света.

– Еще чуть-чуть, и Лиходей бы тебя прибрал, – дрожа, произнесла Звенислава. – Больше так не рискуй. Ты давно не малыш, а ведешь себя, как сорви-голова.

– Оно того стоило, – заговорщицки подмигнул ей Немил. – Лиходей, сам не ведая, навел меня на догадку. Боюсь, нам отдохнуть не удастся. Захвати тыквы с живой и мертвой водой, они пригодятся. Нас ждет хитрое дельце. Медлить нельзя!

Превратившийся в гору великан больше не шевелился. Небосвод никто не сотрясал, и он выровнялся. Богини вернулись в свои чертоги, и лишь небесные воины с гридями и вооруженными навьями оставались на Туманной поляне и готовились к возобновлению битвы, которую собирались начать с первыми утренними лучами.

Додола открыла Немилу и Вене Радужный мост, и Рублик унес их на небеса. Дева ждала, что кудесник остановится у

Костромы, несмотря на то, что хозяйка усадьбы осталась с воинами на поле брани. Но Немил даже не заглянул в город. Не долетая до Золотых ворот, он повернул коня влево, к южной окраине Вышеграда, где за кедровыми борами и дубравами прятался замок Вертопраха.

– Может, передохнем? – робко спросила дева. – Ты за прошедший день так натерпелся.

– Потерпим еще чуть-чуть, и все будет кончено, – оглянувшись, ответил кудесник. – Я чувствую: ждать развязки осталось недолго.

Он посадил коня перед замком, помог деве спуститься и спросил:

– Помнишь, как ты гадала, каким растением отравили Перуна? Ты говорила, что ни волчья ягода, ни живокость не причинят вреда божеству.

– Я ошибалась.

– Вовсе нет! Ты была совершенно права. От волчьей ягоды и живокости Перуну была одна польза. Его сбила с ног мертвая вода, которая по виду и запаху ничем не отличается от обыкновенной. Ты так и сказала: больше всего в чаре вина и воды, вот только что это за вода – этого ты не могла учуять.

– Вот оно что! – ужаснулась Звенислава. – Мертвая вода – безупречный яд без цвета и запаха. Он был в ледяном пузырьке, что мы нашли в горнице Вертопраха.

– А я еще ломал голову – что за водицу он держит на видном месте? Мертвая вода сращивает кости и телесные ткани.

Но она действует лишь на покойников. Если ее глотнет живой – она вышибет из него дух. И только горнее божество не умрет окончательно, а лишь впадет в смертный сон.

Звенислава со страхом нащупала фляги, наполненные у двух ручьев.

– Я слыхала, будто живой водой умываются, чтобы вернуть себе молодость, – сообщила она. – Но так делают только богини. Служанкам этого не позволяют.

– Испытывать ее на себе мы не станем. Но ничего, сейчас нам представится случай получше.

Ворота замка оказались не заперты, высокие створки скрипели, раскачиваясь на ветру. Немил и Звенислава миновали знакомый дворик и поднялись по ступеням в палату, на верхнем этаже которой располагалась спальня. Ни охраны, ни слуг – ни единой души не встретилось им по дороге.

Вертопрах лежал на широкой кровати под балдахином и скорбно стонал. Его вид внушал жалость: он выглядел одряхлевшим и постаревшим, к тому же, он зачем-то нацепил на себя женские шмотки: простонародный сарафанчик с поневой и рогатую кичу. Увидев вошедших, он издал громкий стон и отвернулся, будто не хотел никого видеть.

– Взгляни на него, – не обращая внимания на дряхлого черта, сказал Немил. – Мы думали, что этот нечестивец завел любовницу, для которой и держит одежду. Но мы ошибались. Любовницы не было. Одежда – его собственная. Он

сам ее носит.

Черт сверкнул на него глазами.

– Вставай! – велел Немил. – Мы пришли по твою душу.

Вертопрах сжал почерневшие зубы.

– Я все разузнал, – заявил Немил, глядя на то, как корчится в муках деревенеющий демон. – С самого начала было ясно, что с тобой дело нечисто. Ты строил мне пакости, хотя раньше мы не встречались. Ты наполнил заздравную чару, от которой вышибло дух у Перуна. Легко было подумать, будто тебя подослал Лиходей, чтобы устранить главного противника. После этого бесы получили перевес в силах. Но вот что я выяснил. Оказывается, Лиходей вовсе не замышлял войны. Бесы вели себя подозрительно: они выскочили из преисподней и рассыпались по Дольнему миру, словно готовили нападение. И хотя возвращение богов их тревожило, они не собирались рушить само мироздание. Отчего же они всполошились? Хочешь знать?

Путь к концу света начался с того, что сбежала царица Мара, которую Лиходей запер в ледяной темнице. Колдовской посох замыкал вход и выход, но посох пропал, темница растаяла, и злодейка сбежала. Бесы с ног сбились, пытаясь ее разыскать, но остались ни с чем. А на третий день после этого появился никому доселе не известный черт Вертопрах, предъявил посох Велесу, назваля послom и потребовал пропустить его на небеса, где бесы ни за что бы его не достали. Вот только никаких послom Лиходей к богам не посылал. А

посох ты подарил Перуну – я прекрасно его рассмотрел, когда мы играли свадьбу.

Черт застонал и привстал с ложа.

– Ты хитро обвел всех вокруг пальца, – продолжил Немил. – Или вернее сказать, обвела? В первый раз, когда мы с Веней обыскивали твою конуру, мы обнаружили множество бабских вещей. Я, грешным делом, подумал, будто чертик питает слабость к женскому полу. Никто не видел твоей любовницы, да и кому она была нужна? И только узнав о бегстве Мары, я понял: нет, не любовнице принадлежала эта одежда. Она – твоя собственная. Потому что никакой ты не черт Вертопрах. Ты – Мара, принявшая чужой облик, чтобы скрыться от розыска. Что, не так?

Черт собрал последние силы, вскочил с постели, и, стуча копытами по полу, двинулся на Немила.

– Берегись! Против богини нам не устоять! – крикнула Звенислава.

– А у нас на этот случай кое-что припасено! – отозвался Немил. – Давай фляжку!

Подруга вытащила из сумы флягу с мертвой водой, но не успела она вытащить пробку, как кудесник почувствовал тяжелое удушье. Шею его сдавил каменный обруч. Заломило затылок, боль пронзила голову до самого темени. Вертопрах выкинул вперед руку и направил на него кривой палец с изогнутым когтем.

– Ве...Веня... помогай! – через силу прохрипел человек.

Дева выкрутила пробку и плеснула водой в лицо черту. Тот взвыл, как от резкой боли. Струйки растеклись по его лбу, щекам и подбородку. Там, где они пробегали, кожа с короткой шерсткой пошла струпьями и начала отслаиваться. Свиное рыльце отпало, обнажив длинный, горбатый старческий нос. Черт принялся срывать с себя остатки козлиной шерсти, и вскоре под его маской обнаружилось другое лицо, принадлежавшее ветхой, морщинистой старухе.

Немил почувствовал облегчение и вдохнул полной грудью.

– Вот ты какая, царица Мара! – надвигаясь, произнес он. – Я думал, ты будешь краше. Но ничего, так даже лучше. Не жалко будет с тобой распрощаться!

Он поймал флягу, брошенную Звениславой, сорвал со старой бестии кикю и вылил остатки жидкости ей на макушку. Колдовская вода хлынула по ее голове и плечам. Чертовка сделала последнее усилие, чтобы напасть, но в это мгновение ее фигура начала расплываться, таять в воздухе и на глазах истончаться.

– Она исчезает! – изумленно заметила Звенислава.

– Пропади пропадом, лихоманка! – напутствовал нечистую силу кудесник.

Сарафан, кика, понева упали в пролитую лужицу. Немил пнул их сапогом и убедился, что от противницы ничего не осталось.

– Вот она, сила мертвой воды! – мстительно произнес он. –

Хоть ты черт, хоть царица-владычица, а расплата тебя не минует!

– Теперь все закончится? – дрожащим голосом спросила Звенислава.

– Я на это надеюсь, – ответил Немил. – Вот только дождем бесов, и все станет по-нашему.

Глава 10. Последний день чернеца

29 день месяца чернеца

Последний, 29-ый день месяца чернеца выдался хмурым и облачным. Землю накрыла плотная пелена туч, сквозь которые с трудом проникал солнечный свет. Дажбог, покотивший по небесной дороге в своей колеснице, не мог разглядеть, что происходит внизу. Тройка его огнегривых коней показалась над краешком небосвода и взяла путь к Окольной горе, возвышающейся над Горним миром.

– Осыпь врагов стрелами, помоги нашим братьям! – взмолилась богиня Мокошь, вышедшая на посеребренные стены, чтобы встретить восход.

– Не могу! – печально откликнулся Дажбог. – Они собрались лезть в подземелье, мои лучи туда не проникают. Придется им обходиться без моей помощи.

– Я в тревоге, – призналась Мокошь. – Сначала Сварог запропастился невесть куда. Бесы боялись его молота, а теперь совсем страх потеряли. Потом мы остались без Перуна с его молниями. Вот и ты не можешь сойти с небесной тропы, чтобы присоединиться к битве и засыпать врага тучей стрел. Как же сражаться, когда злодеев – несметные полчища?

Первые лучи солнца застали небесное войско у входа в пещеру, ведущую в подземелье. Гриди выстроились и сомкнули ряды, готовые ринуться в атаку по первому зову своей предводительницы. Кострома лихо скакала перед ними на Громе, которого тонкие лучики восходящего светила красили в розовый цвет. В руках богиня сжимала древко Перунова знамени, а за плечами ее все так же развевалось небесно-лазурное корзно.

Стрибог затрубил в Рокотун, объявляя начало сражения. Ярило полез в темноту со щитом, готовясь принять первый удар противника. Велес, Хорс, Переплут, Судимир двинулись за рядами бойцов.

Навстречу им из глубокого зева пещеры выбралось что-то черное и лохматое, похожее на сгустившуюся темноту. Десять пар ярко-зеленых глаз полыхнули на гридей, заставив их остановиться. Лиходей, восседающий на Полкане, выехал в полосу света и встал, не переступая через порог.

– Когда-то вы были моими братьями и сестрами, – вымолвил он. – Вы были моим племенем. С тех пор прошло много времени, но старого не сотрешь. Еще не поздно остановиться. Я предлагаю заключить мир.

Сняв шлем, Кострома оглядела его и презрительно бросила:

– Князь тьмы притворяется и обманывает. По-другому он не умеет.

– Не знаю, что за оголтелая девка командует вами. Она,

видно, выжила из ума. Раньше всеми делами заправляли три государя. Старик, ты остался один. Ты ведь понимаешь, что станет со всеми, когда вы залезете в пекло?

– Не смей оскорблять Кострому, – гневно ответил Род, к которому были обращены последние слова. – Она – наша сестра, а ты нам давно не брат, с тех самых пор, как переметнулся и стал царем бесов.

– Мы все знаем, к чему ведет эта война. Если хотите, чтоб все три мира вселенной превратились в сплошное пекло – тогда входите смелее, и не сомневайтесь.

– Какой добрый знак! – расхохоталась Кострома. Светлая коса, уложенная поверх ее головы, сверкнула в лучах солнца, как золото. – Царь преисподней боится и отговаривает нас от атаки. Потеряв силу, он смущает наш дух. Его язык – как змеиное жало, каждое слово его – это яд. Разве не так должен вести себя настоящий князь тьмы? Но он заблуждается. Нас не запугать. Мы довершим то, что начали наши предки – возьмем преисподнюю на копье, разорим гнездо бесов и установим свою власть над всеми мирами вселенной!

Боги и гриди воодушевленно загомонили, поддерживая ее.

– Разум покинул вас. Тогда угоститесь смородиной. Она вам придется по вкусу, – прошипел Лиходей.

– Сразись со мной! – Кострома выехала ему навстречу и выставила наконечник копья.

Не отвечая, Лиходей развернулся и исчез в темноте.

– За ним! – скомандовала богиня, и рванулась вперед.

Облачный Гром легко перелетел через порог и понес всадицу по подземелью, очертания которого терялись в крошечной тьме.

– Не отстанем от нашей сестры, иначе скажут, что небесные женки храбрее мужей! – выкрикнул Род.

Гремя оружием, боги устремились следом. Неожиданно в дальнем конце пещеры полыхнуло зарево. Лиходей, превратившись в огненного змея, налетел на ряды гридей и обдал их пламенем. Ярило закрылся щитом, оберегая соратников. Кострома метнула копье, но женских сил не хватило, чтобы добросить его, и острый наконечник лишь оцарапал змеиное брюхо. Жесткая чешуя зазвенела, змей развернулся и метнулся вдаль. Гриди разразились оглушительным ревом, приветствуя первую удачу.

– Супостат обращен в бегство! – воскликнула Кострома. – За ним! Ворвемся в пекло на его хвосте!

Тяжелые ворота меж двух скал захлопнулись сразу за змеем. Велес натужился и высадил их так, что створки повисли на петлях. За воротами гридей встретил лес из железных деревьев, на кривых сучьях которых росли острые ножи. Просочиться сквозь них нечего было и думать, но Стрибог набрал воздуха и пустил такой вихрь, что их вырвало с корнем и побросало на землю. Ярило топнул ногой, и из бесплодной почвы проросли сочные травы. Они покрыли разбросанное железо так, что по нему можно было ступать, не опасаясь

порезаться.

– Нас не остановить! – обрадовалась Кострома, выезжая вперед.

В глубине подземелья раздался глухой рокот. Огненная река пересекала пещеру от одной стены до другой. Каменные своды озарялись багровым заревом. Волны, состоящие из жидкого пламени, накатывались одна на другую. От них исходил такой смрад, что лишь бестелесные воины могли его выдержать.

– А вот и Смородина, – сказал Род, догоняя наездницу. – Не ей ли собирался угостить нас Лиходей?

На берегу чернел опаленный фундамент рухнувшего замка, стены которого рассыпались и исчезли. Из-за обугленных валунов боязливо выглядывал вурдалак Вострозуб. Серая шерсть на его загривке стояла дыбом, а глаза испуганно блестели и бегали по сторонам.

– Вот и сторож этого замка! – с удовлетворением произнес Мстивой, хватая оборотня за шкуру.

– Я не сторож! – жалко заскулил тот. – Меня бросили на произвол. И это вовсе не замок – здесь стояла темница, в которой держали Мару, но ледяные стены растаяли и испарились, как только воровка умыкнула посох, запиравший ворота.

– Позвольте нам снять с этого чудища шкуру! – оживились Мирослав со Славомиром.

– Не время задерживаться! За мной! – крикнула Кострома

и подняла Грома в воздух.

Облачный конь воспарил над рекой, но жар сгустился и отогнал его обратно к берегу.

– Почему нас не встречают? – с подозрением проговорил Ярило, прикрываясь щитом. – Войско бесов должно было выйти навстречу, чтобы дать бой.

– Чего они ждут? – присоединился Стрибог к его голосу.

– Вот чего! – ответил Род, указывая булавой на вздувшуюся реку.

Огненные волны вздыбились, поток забурился, и начал напоздать на берег. Рокот усилился, от стен пещеры начали откалываться целые скалы. Они рушились в волны, поток подхватывал их и швырял на сушу, загроможда проход. Гром понес Кострому прочь от мешанины, которая громоздилась все выше и выше.

– Нет! Мы наступаем! – сопротивлялась всадница, пытаюсь развернуть коня.

Река бушевала все больше и больше. Раз за разом она выплевывала из своего нутра волны, гребни которых доставали до каменного потолка. Очередная волна подхватила каменное крошево и понесла его на небожителей.

– Отступаем! Немедля! – выкрикнул Род.

Но убраться они не успели. Огненный шквал подхватил их и выплеснул за пределы пещеры. Снег на Туманной поляне зашипел, ощутив жар подземной реки. Богов, гридей и навьев разметало по полю, один Гром продолжал парить,

спасая свою хозяйку.

– Берегитесь! Сейчас всех захлестнет! – воскликнул Ярило, едва поднявшись.

Из разверстой пасти пещеры одна за другой начали выплескиваться огненные струи. Они растеклись по поляне и понеслись через лес, сжигая деревья, затопляя дебри и снося холмы. Чтобы спастись, гридям пришлось сбросить тяжелые доспехи – лишь после этого они смогли взмыть и вознестись над огнем. Оранжевая лава поглотила стальные кольца, шлемы и щиты, и переварила их с утробным чавканьем.

Из глубины пещеры выплыл корабль под черными парусами. Место фигуры на его носу занял огненный змей, раскинувший крылья. С бортов свисали щиты, покрытые расплавленным железом. Попав на воздух, сплав застывал и превращался в прочнейший слой, пробить который не смогли бы и боги с их необузданной силой. На корме бесновались адские воеводы, а мертвецы, со скелетов которых слезали остатки кожи и плоти, налегали на весла.

Старец Род едва успел убраться в сторону от потока, пронзившего лес и хлынувшего на просторный Медовый луг. Непроглядное марево заволокло Туманную поляну и скрыло из виду Мироствол. Из мглы выкатился раскаленный железный мост и перебросился через реку. Его край вонзился в землю перед детинцем Велеса, на время оставленного богами.

– А вот и Калинов мост, – произнес Род отстраненно, как будто дело его не касалось.

– Все в детинец! Запремся, и будем держаться! – скомандовал Велес.

Боги и гриди начали собираться на Медовом лугу и отступать к его крепости. Кострома на Громе спустилась пониже и начала выуживать из снега бойцов, растерянных и ошеломленных.

– Как же так? – кусая губы, процедила она. – Ведь мы были почти у цели!

У крыльца Белой вежи Звенислава схватила Немила за пояс и потянула его на Зеницу. Кудесник встал на колени и прижался к алмазам, сквозь которые можно было разглядеть каждую мелочь на Туманной поляне.

– Что случилось? – не понимая, спросил он.

– Все пошло не так, как мы надеялись, – ответила Звенислава.

– Что могло пойти не так? Оставалось лишь взять пекло.

– Враги оказались сильнее, чем мы предполагали.

– Не должно быть такого. Не может такого быть. Не хочу в это верить! – Немил хватанул кулаком по алмазам, но лишь отбил пальцы.

– Веришь ты или нет, а все происходит на наших глазах, – хмуро выговорила Звенислава.

Немил увидел, как по Калинову мосту марширует це-

лое войско, состоящее из вооруженных чертей, погоняющих мертвецов. Ободранные скелеты шагали, сжимая ржавые ножи, сабли и ятаганы. Черти кололи их похожими на вилы трезубцами, не позволяя останавливаться.

– Сколько их там? – спросила небесная дева.

– Тьма-тьмущая. Больше, чем гридей и навьев. Как море рядом с ведерком.

– И что нам теперь делать?

– А от нас еще что-то зависит? – с досадой ответил кудесник. – Я чувствую себя муравьем, на которого наступил слон. Как только мог я подумать, что человек способен сладить с небесными силами? Это так самонадеянно. Видно, не все зависит от нашей воли. В этом мире события текут, даже не спрашивая нашего мнения. Можем ли мы их остановить? Так муравей думает, что может остановить наводнение. А потом его смоем, и никто даже не вспомнит, что он стоял на пути воды.

Сквозь прозрачную площадь хорошо было видно, как безоружные гриди и растерявшие боевой пыл боги потянулись к распахнутым воротам детинца. Неожиданно гора, прикорнувшая за лесом, вздыбилась и превратилась в исполинского Святогора.

– Только его не хватало! – скрипнул зубами Немил.

Святогор зашагал через лес, сминая деревья и оставляя глубокие вмятины в почве. В руках он сжимал палицу, сделанную из огромного сука, отломанного от Мироствола.

Нескольких шагов великану хватило, чтобы достичь детинца. Он набросился на деревянные башни и принялся крушить их палицей. Щепы брызнули в разные стороны, стенные прясла рассыпались, бревна вырвались и покатались под горку, ударяя по гридям и божествам.

– Я должен присоединиться к богам и разделить их судьбу, – сказал Немил.

– Куда тебе с твоей шальной головой? – образумила его Звенислава. – Не суйся между молотом и наковальней – расплющит.

– Прорицание Трояна гласит: в бою боги и бесы уничтожат друг друга. Миры будут разрушены, наступит конец света. Веня, боюсь, что мы видимся в последний раз. Настала пора попрощаться.

Звенислава расплакалась, бросилась ему на шею и обняла, стараясь не причинять боль.

– Я люблю тебя! – дрожа, проговорила она. – Сама не знаю, как это случилось. Ты – всего лишь земной человек, а я так давно живу на небесах, что забыла, когда было иначе. Но я чувствую, что привязалась к тебе. Рвать эту связь – все равно, что по живому резать.

– Я тоже люблю тебя, Веня. Но в последней битве каждый должен исполнить свой долг.

– Нет у тебя никаких долгов! В прорицании Трояна о тебе ничего не сказано. Ты слишком мелкая сошка, чтобы решать судьбы миров. Сиди себе тихо и не высывайся.

– Ты же знаешь, что так не получится, – Немил ласково погладил ее по пушистой шубке.

Радужный мост уже серебрился среди легких снежинок, крутой горкой уходя к берегу Шерны. Додолу Немил застал на краю небосвода, она остановившимся взглядом наблюдала за тем, что происходит внизу. Боги пытались пробиться к подножию радуги, однако путь им преграждал разошедшийся великан, всюю орудующий своей палицей.

– Госпожа, я решил сойти в Дол. Ты откроешь мне путь? – спросил человек.

– Я уже ничего не решаю, – печально ответила богиня. – Святогор сорвал с радуги полог. Мост свободен, но беззащитен. Страшно даже подумать, что будет, если великан попробует забраться по нему. Мост не выдержит его веса и рухнет. Небеса накрелятся и треснут. Нельзя этого допустить. Если моста не станет, наши братья пропадут в окружении. Нужно передать, чтоб они возвращались. У нас осталось последнее убежище – Белая вежа. Но нужно спешить, иначе путь будет потерян.

– Я передам, – вызвался Немил.

– Куда ты лезешь? Никто тебя не зовет, – удержала его богиня.

– Меня звать не нужно, я иду по своей воле.

Внизу Святогор довершил разрушение детинца и принялся топтать его остатки. Даже с небес было слышно, как содрогается земля под его сапогами.

– Нельзя ли как-нибудь образумить этого дуболома? – спросил кудесник.

– Святогор – это дикая сила, – ответила Додола. – Никто не знает, отчего он ярится, а отчего утихает. Мы надеялись, что его уймет Леля, но этого не случилось. Видно, она на него не повлияла.

Немила охватили горячие чувства.

– Отчего боги гибнут? – воскликнул он. – Я разоблачил злодейку. Ее заговору конец. Жестокая сила не должна больше действовать, но почему тогда мир катится к светопреставлению? Ведь никто его уже не толкает!

– Наверное, такая у этого мира судьба, – вздохнула Додола. – Раз его подтолкни – и он покатится, куда ему предназначено.

– Нет никакой судьбы! – взбунтовался кудесник. – Есть только наши решения. Что мы сделаем – то и случится. Всем нужно остановиться. Все должны перестать истреблять друг друга.

– Кто остановится – тот погибнет, – возразила богиня. – Сейчас каждый делает то, что обязан.

– Что за глупое обязательство – рушить мир?

Сорванный полог свалился на поле между мостом и детинцем, от которого оставались руины.

Звенислава сама подвела ему Рублика. Кряхтя, Немил забрался в седло и вцепился здоровой рукой в гриву, предчувствуя, каким выйдет спуск. Конек взмахнул крыльями и по-

нес его по мосту. Сердце ухнуло и заколотилось, пальцы задрожали, а на глаза навернулись слезы – Веня стояла у края алмазной тверди и провожала его долгим взглядом.

Конь пронес его над ровной гладью Шерны, уже изготовившейся сбросить ледовую корку, и направился к лесной опушке, из которой выпрыгивали растерявшие оружие гриди. В тот же миг над ухом Немила просвистела палица, настолько огромная, что ей можно было запросто перегородить реку. Всадник вжал голову в плечи и разглядел разбушевавшегося великана, который пытался прихлопнуть его, как комара.

Рублик ловко порхнул Святогору под руку, проскочил у него под мышкой и вырвался на вольный простор. Первым, кого Немил встретил, оказался Ярило. Его почерневший щит против великана был бесполезен, и бог устало брел через поле, оставляя в снегу глубокие следы. Род по-начальски орудовал булавой и сыпал командами, но их мало кто выполнял. Человек подлетел к нему и прокричал:

– Додола зовет всех скорее на мост. Возвращайтесь на небо!

– Отступить – самое время, – откликнулся старый владыка. – Но у нас на пути Святогор, мимо него не пройти. И чего он так разошелся? Как будто кто-то его разозлил.

– За стенами Серебряного города мы выдержим любую осаду. Белую вежу ни один враг не брал, – сказал, подходя, Стрибог.

– Как мы можем отступить? – громыхнул Ярило. – Корабль мертвецов вот-вот коснется берега. Как только это случится, упыри разбегутся по долу. Если они выберутся из Дикого леса, то перережут всех, в ком течет теплая кровь.

– Где Кострома? – спросил Немил.

Боги и гриди смущенно спрятали взгляды.

– Никто не видел ее после того, как нас выбросило из подземелья, – ответил Род. – Боюсь, что она так и осталась в нем.

– Я ее разыщу! – встрепенулся кудесник и направил коня во мглу, сгустившуюся над Туманной поляной.

Корни Мироствола едва проступали сквозь пелену, а жар от растекшейся Смородины стоял такой, что человек вопрекл. Из тумана выплыли черные паруса. Корабль мертвецов скользил по кипящей лаве, как по озерной глади. Его снасти скрипели, как зубы страдальцев, а весла гребцов окунались в огонь и толкали его к берегу.

Немил спрыгнул с коня и едва не угодил в ручей с мертвой водой.

– Ах ты, какая оказия! – выругался он, но ему в голову тут же пришла мысль.

Он снял с седла переметную суму, вытащил из нее тыквы и принялся пополнять запасы колдовских вод. По мачте, торчащей над корабельным носом, прополз огненный змей, оторвался и взмыл ввысь, рассыпая вокруг снопы искр. Немила обдало жаром, Рублик вырвался и понесся ввысь, чтобы

плотнень свежего воздуха.

– Как я тебя понимаю! – проводил его взглядом кудесник. – Тут как в пекле – не продохнуть.

Огненный змей пролетел над лесом так низко, что верушки сосен задели его чешую. Хвоя вспыхнула, пламя пробежало по раскидистым лапам и перекинулось на березы, дубы и голые липки. Дракон продолжал нарезать круги, и вскоре весь лес запылах. Из дупла в Миростволе выскочила верица, возмущенно застрекотала и бросилась по коре вверх, к облакам, под которыми гуляли холодные поднебесные ветра.

Корабль наткнулся на мель и застрял. В смрадном дыму Немил разглядел Лютобора, над головой которого вместо рогов покачивались два жалких обрубка. Безрогий демон выглядел еще отвратительней, чем раньше. Он сжимал в когтях острый трезубец и орал на гребцов, заставляя их громыхать костями. Но усилия скелетов были напрасны – им не удавалось сдвинуть корабль с мели.

Бес хлопнул крыльями, спрыгнул с палубы и перенесся через огненный поток. Немил спрятался за вывороченный корень, но демон почуял его и в три прыжка оказался рядом. Под ногой что-то хрустнуло: пятясь, кудесник наступил на черпак, брошенный тут день назад. Схватив его, он замахнулся на беса и крикнул:

– Изыди, нечистый!

– Надеешься прогнать меня этим пустым заклинанием? –

насмешливо прохрипел бес. – Оно не сработало в прошлый раз. Может, теперь вдруг начнет действовать?

– Я найду на тебя управу! Я – кудесник, а это не пустой звук.

– В пекле души кудесников ценятся, особенно тех, кто грешил и водился с чертями.

Демон настиг его и прижал к ручейку, струящемуся из-под корней.

– А вот попробуй-ка мертвой водички! – выкрикнул Немил, и, зачерпнув из ручья, плеснул бесу в лицо.

По-собачьи длинный язык Лютобора слизнул несколько капель. Демон причмокнул, и неожиданно попросил:

– Подбавь еще этого дивного питья!

– Изволь! Для тебя ничего не жалко!

И Немил вылил ему на макушку новую порцию зелья. Шрамы на лице демона задымились и начали зарастать. Дырявая рана, проделанная стрелой Перуна, окончательно затянулась. На ее месте выступила новая шерсть, гладкая и лоснящаяся. Наконец, из рогов, отсеченных секирой, вытянулись ростки, которые тут же окрепли, расширились и затвердели. Не прошло и нескольких мгновений, как помолодевший и приободрившийся демон затряс новыми рогами, еще более длинными и острыми, чем прежде.

– Как же так? – растерянно прошептал Немил. – Ведь этого было достаточно, чтобы избавиться от Вертопраха.

– Дурень! Ты хотел меня этим сгубить? – расхохотался

бес. – Ты не знал, что мертвая вода заживляет раны?

– Она заживляет лишь мертвецов. Живые от нее мрут. Я думал, ты отбросишь копыта.

– Каким ты был недоумком, таким и остался. Бесы, черти, упыри – нежить. Нас мертвая вода делает только сильнее. Чему ты учился у своих колдунов?

– А что ты на это скажешь? – нашелся Немил.

Он зачерпнул воды из второго ручья и плеснул на свиной пятак. Лютобор взвыл, как от нестерпимой боли, и отшатнулся.

– Вот и живая водичка! Она тебе тоже по вкусу? – крикнул кудесник, поливая его грудь и плечи.

Бурая шкура демона зашипела, как будто ее прожигала кислота. Он развернулся и бросился наутек, но сделал неверный шаг и попал копытом в ручей. Нога его подвернулась, и он плюхнулся в живую воду задом. Вопль боли перешел в дикий рев. Хвост его отвалился, шкура начала сползать.

– Угостись-ка еще! – добавил Немил, поливая его спину.

Перепончатые крылья демона поникли и скукожились. Он кое-как выбрался из ручья, но сил у него больше не оставалось. Шкура сползла с беса окончательно, из нее выскочила тоненькая змея со склизкой кожей и начала извиваться на земле. Немил принялся топтать ее сапогами. Змея зашипела от злости, вывернулась и заструилась под корень, торопясь скрыться в подземной норе.

– Катись прочь! – проводил ее человек.

Осторожно, стараясь случайно не смахнуть даже капельки, он наполнил вторую флягу. Корабль под черными парусами меж тем снялся с мели и ткнулся в берег. С его палубы взлетела туча нетопырей, шумной стаей перенеслась на сушу и хлопнулась оземь, превращаясь в толпу костлявых скелетов, бряцающих позвонками и скрежещущих проржавевшими лезвиями.

– Сколько ж вас тут? – прошептал Немил, глядя, как ряды нежити выползают к нему из тумана.

Мертвяки продолжали заполнять берег, как будто корабль был безразмерным. Все новые стаи летучих мышей вырывались из его трюма и разлетались над лесом. Немилу пришло в голову сбрызнуть живой водой тех, что поближе, но ее хватило бы лишь на несколько тварей, а они все прибывали и прибывали.

– Род приказал отступить. Кто я такой, чтобы не повиноваться владыке? – напомнил себе кудесник.

Он перекинул суму через плечо, перемахнул через корень и дал деру. Гремящие костями мертвяки затерялись в тумане. Немил смог отдышаться только после того, как они пропали из виду.

На Медовый луг он выбрался в шоковом состоянии. Оранжевые волны Смородины накатывали на берега, затопляя новые участки равнины. Воеводы-бесы и погонщики-черти строили полки упырей, подгоняя их трехзубыми вилами.

Святогор с наслаждением топтал руины детинца и ревел так, что с вершин дальних гор скатывались лавины. Все эти картины мелькали перед глазами Немила, замершего на опушке горящего леса.

– Как это могло случиться? – прошептал он. – Почему все идет вкривь и вкось? Не должно так быть!

Гриди сгрудились вокруг богов и пытались пробиться к Радужному мосту. Великан преграждал путь и не подпускал близко, размахивая палицей, сметающей все подчистую. Рублик вернулся к хозяину и ткнулся мордой в грудь, выведя того из задумчивости. Немил влез в седло и соединился с небесным воинством, стараясь не попадаться врагам.

– Человечек, тебе здесь не место, – хмуро сказал Род, увидев его.

– От тебя никакой пользы. Ты только напоишь своей кровью упырей, и они станут сильнее, – поддержал его Хорс.

– Кажется, я догадался, что происходит, – не обращая внимания на их слова, ответил Немил. – Мне нужно время, чтобы во всем разобраться.

– Времени не осталось. Разве не видишь, к чему все идет? – бросил Ярило, прикрывая поредевшее войско щитом.

– Мне нужно на небо. Если мои догадки верны, то потеряно еще не все.

– Нам всем нужно на небо. Жаль, нас туда не пускают, – ответил Род.

Мертвецы со ржавыми ножами двинулись в наступление. Черти сомкнули ряды и взяли вилы наперевес. Бесы погнали полки вперед, распалая в них злобу и жажду убийства. Огненный змей сделал круг над Медовым лугом, растопив снег.

– Все к мосту! Будь, что будет, – скомандовал Род.

Адские полчища начали теснить небесное воинство. Бесы-воеводы использовали хитрость: погнали противников под удары чудовищной палицы великана, который свирепствовал, не различая, где свои, где чужие.

– Сейчас все поляжем, – сказал Мстивой, выстраивая растерявших оружие гридей.

Ряды упырей надвинулись, пытаясь взять витязей на испуг. В этот миг из мглы, окутавшей горящий лес, выскочила Кострома верхом на Громе, и принялась носиться между рядами, высоко воздевая Перуново знамя. Уже изготовившиеся к столкновению шеренги расступились. Лазурно-алое знамя зареяло, как оберег, отгоняющий нечистую силу. Бесы занервничали и завопили, подгоняя подчиненных. Огненный змей спикировал с высоты и обдал всадницу пламенем, но Ярило подставил щит и прикрыл ее.

Святогор подступил ближе и саданул палицей по земле, пытаясь размозжить богиню-воительницу. Гром взмыл ввысь и вынес хозяйку из-под удара, от которого поле дрогнуло под ногами. По мосту за спиной великана скатились сани. Навь Владимир вывалился в снег и проскочил мимо чудовища с охапкой оружия, которое он принес для своей

госпожи. Кострома подлетела к нему и приторочила к седлу связку сулиц, закинула за спину тул со стрелами и взяла в руки тяжелую рогатину, с острого наконечника которой срывались молнии.

Огнезмей развернулся и сделал второй заход. Гром поднял Кострому ввысь. Богиня натянула лук и спустила тетиву. Сверкнула извилина молнии, змея пронзило вспышкой и отшвырнуло на целую версту. Боги и гриди загомонили, приветствуя успех, но в этот миг Святогор достал-таки палицей летучую всадницу. Гром от удара невиданной силы перевернулся и опрокинул наездницу. Кострома вылетела из седла и упала на землю, стрелы и сулицы в беспорядке рассыпались. Гриди бросились ворошить снег, собирая их, и тут великан снова ударил, вызвав такое землетрясение, что Немил не устоял на ногах.

Ярило и Стрибог подняли Кострому, которая едва шевелилась в тяжелых доспехах, слишком просторных для ее стройной фигуры. Шлем упал с ее головы, открыв бледное, слегка порозовевшее лицо. Золотистая коса выпросталась из-под панциря и болталась сзади, как хвостик.

Святогор заревел и занес над ней палицу. Немил зажмурился, не желая смотреть на то, как новый удар вгонит в землю сразу трех божеств. В этот миг по поднебесью разнесся сладкий, чарующий голос. Он звал великана и уговаривал его остановиться.

Немил в изумлении уставился на вершину Радужного мо-

ста, где появился силуэт незнакомки, с ног до головы закутанной в непроницаемое покрывало из светло-зеленой парчи. Трогательная, печальная интонация ее голоса остановила Святогора. Великан так и не довел свой удар до конца. Забыв о противниках, он обернулся к мосту и прислушался к голосу, который как будто его зачаровывал.

– Что там? Кто это? – спросил Ярило, оттаскивая Кострому в середину круга, образованного богами и воинами.

– Не пойму. Отсюда не разглядеть, – ответил Род.

Неизвестная богиня прошла по мосту полпути, но спуститься на снег не решилась. Как ни вглядывался в ее очертания Немил, он не мог рассмотреть ничего, кроме зеленого Древа миров, вышитого на белой ткани парчового покрывала.

Святогор позабыл про сражение. Он упал на колени, обнял Радужный мост, и совсем не воинственным тоном прогрохотал:

– Любовь моя, ты ли это?

Незнакомка повернулась спиной и заспешила обратно.

– погоди! – умоляющим тоном воззвал к ней великан. – Не бросай меня! Я ни за что тебя не обижу!

Род наблюдал эту сцену с раскрытым от удивления ртом. Великан затряс мост и взревел:

– Вернись ко мне! Слышишь? Я не позволю себя обмануть!

Мост зашатался под ногами богини в парчовой накид-

ке. Она испугалась и быстро взлетела к его вершине. Вопли бесов возобновились, полки упырей выстроились подковой, прижимая богов к подножию моста. Бежать было некуда, мост оставался последним местом, к которому еще можно было отступить, однако свирепый дух снова взыграл в великане после короткого затишья.

– Не беда! Мы еще можем сражаться, – звонко выкрикнула Кострома. – Перуновы стрелы угомонят эту нежить. Ко мне, Гром!

– Угомонись, сестра. Бой проигран, – вразумил ее Род. – Нам осталось только закрыться в крепости и обороняться.

– Как скажешь, владыка, – согласилась воительница. – Но без боя мы не прорвемся.

Она выудила из снега сулицу, взлетела в седло и ударила пятками Грома, намереваясь вонзить копьё в зад великана. Род схватил коня под уздцы и задержал ее, сказав:

– Так ты только его раззадоришь. Он и без того в бешенстве.

Немил радовался любой возможности помочь Костrome, но место рядом с хозяйкой занял Владимир, и человек понял, что лучшее, что он может сделать – это не путаться под ногами. Вместо этого он поднял и встряхнул широкое полотно небесно-голубого цвета, небрежно брошенное неподалеку. Это был полог Додолы – тот самый, которым радужная богиня скрывала мост от посторонних глаз. Теперь он валялся, затоптанный и забросанный грязным снегом, так что

смотреть на него было жалко.

Стоило отряхнуть его и поднять, как происходило что-то необыкновенное. Прикрытый пологом участок неба сливался с фоном. Все, что происходило за ним, становилось невидимым, хотя глазу казалось, что он по-прежнему видит небо, затянутое угрюмыми тучками, и едва проглядывающий сквозь них пятачок солнца, похожий на тускло сияющую копейку. Немил обмотался полотнищем, и обнаружил, что его тело слилось с природой и потерялось на фоне лежащего снега.

– Ко мне! Живо! – подозвал он Владимира.

Навь, снабдив госпожу полным комплектом оружия, присоединился к нему. Спрятать под пологом навья оказалось проще простого – сам похожий на облачко и невесомый, он едва выделялся. Если бы не одежда, роскошно украшенная золотым и серебряным шитьем, то пожалуй, навь и вовсе казался бы невидимкой в дневном свете.

Кострома поливала чертей фиолетовыми спицами молний, поэтому следующим подопытным стал Ярило. Бог укрылся за пологом вместе с огромным щитом, превышающим два человеческих роста и почерневшим от пламени. Как только щит пропал из виду, Немил понял, что нашел способ спастись.

Тихонечко, стараясь не отвлекать великана, боги закутались в полог и стали невидимыми. Под просторным полотнищем хватило место и гридям, и навьим слугам. Кострому

пришлось оттаскивать с переднего края, где она бушевала круче любого вояки. Ее окутали пологом вместе с Громом и кое-как успокоили – до того трудно было унять ее пыл. Бесы протерли глаза и принялись голосить, вопрошая подчиненных, куда делись противники. Но черти лишь бестолково тарасили свои безобразные зенки, а упыри – те и вовсе лишь щелкали челюстями и вертели облезлыми черепами.

Святогор рыдал, как младенец, расплескивая слезы размером с ведро. Он громко жаловался на судьбу, на обман вероломных богов и на любимую, что к нему так равнодушна.

Завернутые в полог небожители прошмыгнули у него под носом, забрались на мост и начали подниматься, стараясь не шуметь. Двигаться тесной толпой было неудобно, но у легких навьев и витязей это получалось отлично, а вот Немилу пришлось попыхтеть и попотеть. Заметив, как выбивается из сил беспомощный человечек, Кострома усадила его на круп своего коня. Кудеснику полегчало, Гром взлетал вверх, как пушинка, и отряд принялся возноситься намного быстрее.

Накидка с вышитым Древом миров мелькнула на вершине моста и пропала. Святогор забеспокоился, завопил и принялся колыхать радугу так, словно надеялся вытрясти из нее всю правду. Немил едва не свалился с Грома, Кострома оглянулась и придержала его.

– Это она! – возбужденно зашептал человек. – Тайная злыдня, из-за которой все беды. Она соблазнила великана и заставила его взбунтоваться. Ее нужно поймать!

Отряд двигался медленнее, чем хотелось, и кудесник стограл от нетерпения. Он так и порывался спрыгнуть с конского крупа и пуститься в погоню за незнакомкой.

– Веди себя тише, иначе всех выдашь! – шикнул на него Род.

Но Немилу не сиделось. Он посмотрел на Кострому. Их взгляды встретились, и взгляд богини сказал: «действуй!» Забыв о сомнениях, кудесник соскочил с Грома и вылез из-под полога.

Они забрались уже высоко. По поднебесью гуляли ветра, от которых холодило кровь. До вершины оставалось всего ничего. Немил устремился ввысь, но обнаружил, что взбираться по крутой горке на своих двоих – задача непосильная. Не удержавшись, он сорвался и покатился вниз. «Упаду – расшибусь», – мелькнула мысль.

В этот миг из-под полога выскользнула Кострома верхом на Громе. Она подхватила человека и усадила его за собой.

– Ты откуда взялась? – проревел великан, заметив внезапно появившуюся всадницу.

Он обернулся, и увидел, что ни витязей, ни богов не осталось на поле.

– Обмануть меня вздумали? Еще раз? – заревел Святогор.

И он принялся так яростно качать радугу, что боги попадали с ног. Полог откинулся в сторону и распахнулся. Небожители возникли словно из ниоткуда. Поняв, что их обнаружили, они устремились ввысь, обгоняя друг друга.

– Ах, вот вы как? – ревел великан. – Ну, держитесь!

Он забрался на мост и полез наверх, цепляясь за перебивающиеся разными цветами дорожки. Радуга зашаталась и жалобно зазвенела. Гром коснулся копытами края небесной тверди. Кострома ссадила Немила и принялась помогать собратьям. Один за другим, с вершины моста на небосвод прыгнули Род, Ярило и Хорс. За ними последовали оставшиеся витязи и божества.

– Снова надули меня? Не потерплю! – ревел великан, упорно карабкаясь к небу.

– Мост не выдержит. Но прятать его уже поздно, – сказал Род.

У подножия радуги собрались черти. Они изъявляли готовность ринуться ввысь сразу за великаном.

– Враги взберутся на небеса и нападут, если Святогор проложит им путь, – тревожно проговорил владыка. – Все в крепость! Затворимся, и выдержим натиск.

Богини высыпали из города, чтобы встретить соратников и братьев. Додола плакала от бессилия: она винила себя за то, что больше не может управлять радугой. Усталые боги потянулись к Белой веже, гриди рассыпались по городу, чтобы собрать оружие и подготовиться к осаде.

Гром перелетел через Золотое кольцо, цокнул копытами по Зенице и остановился перед крыльцом. Немил грузно слез с его крупа – как будто тяжелый мешок свалился с теле-

ги. Кострома закрепила косу на голове и поднялась по ступеням. Среди изнуренных витязей она единственная оставалась неунывающей: румянец играл на ее щеках, а светло-голубые очи сверкали, как будто предстоящие битвы возбуждали ее еще больше.

– Звенислава! – громко позвала она. – У меня важное поручение.

Небесная дева выскользнула на крыльцо, увидела Немилу, вспыхнула и бросилась к нему, раскинув руки для объятий. Кудесник потянулся к ней, предвкушая, как тронет ее невесомые плечи. В этот миг за Золотым кольцом, на улице Молонье, что вела к дому Перуна, мелькнула белая парчовая накидка с зеленым Древом миров. От удивления кудесник разинул рот, но тут же собрался, и, не успев коснуться подруги, рванулся за ней.

– Немилушка, ты куда? – крикнула Звенислава вдогонку.

Но у кудесника не нашлось ни мгновенья, чтобы ответить. Его заботило только одно – не потерять из виду эту накидку, которая поплыла по Молонье мимо окаменелых чудовищ, побитых громовержцем в стародавние времена.

Незнакомка двигалась легко и плавно, как все небожители. Человек запыхался, но не смог догнать ее. Парчовое Древо миров нырнуло в арку, образованную сплетенными ветвями, и пропало за живой изгородью.

– Ах ты, тварь! Перехитрить меня вздумала? – взъялся Немил.

Его взбесило, что злоумышленница решила спрятаться не где-нибудь, а в самом неподходящем для этого месте – в усадьбе Перуна и Костромы.

– А ну, вылезай! Тебе здесь не место! – надрывался он, пытаясь разыскать незнакомку.

Ни прислуги, ни гридей в усадьбе не осталось. Тут царил мрачная тишина, к которой Немил не привык. Дубравы облетели от вчерашней встряски и едва шевелили ветвями. Незнакомка не появлялась – лишь хлопнули двери дворца, внушающего человеку благоговейный трепет.

Преодолев смущение, он взлетел по ступеням и ворвался в палату. Незнакомка стремительно уходила через анфиладу просторных залов, соединенных дверными проемами.

– Нет, ты от меня не уйдешь! – ожесточенно прошептал человек и, добежав до конца, затер притворщицу в угол.

Она по-прежнему не показывала лица, кутаясь в парчу. Немил рванул за накидку и сдернул ее. Под бело-зеленой тканью он увидел стройную женскую фигурку в свободном охотничьем одеянии. На тонких пальцах – перстни с бледно-розовыми камнями. Юное лицо с правильными чертами, и испуганный, и ненавидящий одновременно взгляд светло-синих, таких же, как у матери, глаз.

– Леля! – выдохнул Немил, отступая. – Вот уж кого не ожидал встретить.

– Опять ты, мерзкий змееныш! – прошипела молодая богиня. – Мало тебе того, что ты сослал меня с неба на землю,

так еще и шагу ступить не даешь!

– Погоди, дай во всем разобраться, – пробормотал человек. – Ты должна сейчас быть в Святых горах, со своим мужем. А твой муж, вместо этого, ломает мост и грозит небесам. Это из-за тебя он так разъярился? Из-за того, что ты от него сбежала?

– Не твое дело судить о поступках богов, – рассерженно ответила Леля. – Моя матушка не зря велела вырвать тебе язык. Жаль, она не успела. Но меня-то никто не остановит. Я тебя не звала, ты сам напросился. Вот теперь и ответишь за все!

И богиня шагнула к нему, раскрывая ладони.

– Не суди слишком быстро! – взвизгнул Немил, бросаясь, как заяц, петлять по широкому залу. – Давай просто поговорим!

– Рабам незачем говорить. Им нужно слушать и повиноваться!

Богиня настигла его в два прыжка, схватила за горло и подняла в воздух. Немил почувствовал себя дичью, пойманной хищником. Шея хрустнула, и он в отчаянии задрогал ногами.

– Я и не думал тягаться с богиней, – прохрипел он из последних сил. – Я всего лишь хотел разузнать все получше.

– Сестрица, не придуши его, – раздался за спиной мелодичный голос.

Лицо юной богини переменилось, из яростного оно стало

послушным.

– В твоём доме я не стану перечить тебе, Кострома, – ответила она.

Леля отшвырнула Немила, как ненужную соринку. Человек отлетел к резному столу и опрокинул деревянное кресло. Его госпожа вошла в зал через высокие двери и встала, рассматривая их невозмутимым взглядом. Немил поднялся и рванул ворот рубахи, чтобы как следует отдышаться.

– Я загнал ее, – прохрипел он. – Она пряталась в твоём доме. Это она звала великана с вершины моста. Это из-за нее Святогор так взбесился.

– Я знаю, – молвила Кострома.

– Знаешь?

– Конечно. Она здесь уже десять дней. Лада гневалась на нас обоих – на тебя, но еще больше – на меня, за то, что мы выдали Лелю замуж. Ее враждебность дошла до предела. Тогда я решила, что отношения нужно исправить, и посоветовала Леле бежать. Она тайно вернулась к матери и спряталась у нее на дворе.

– Так вот кого Лада скрывала в своей житнице! – воскликнул Немил. – А я грешным делом решил, что у нее там любовник. Надо же, как все повернулось. Если б я это знал, то не попал бы впросак.

– Отдай Леле ее покрывало, и забудем о ссорах.

Кудесник поднял с пола смятую накидку из парчи и с вежливым, деланно низким поклоном подал его юной богине.

Леля приняла ее с ничего не значащим выражением лица.

– У нас есть дела поважнее, чем личные свары, – сказала Кострома, и ее голос звенел, как сталь. – Бесы будут здесь с часу на час. Все должны быть в строю.

– Я на службе! – встрепнулся Немил. – Никуда не отлучаюсь. Что повелишь – то и исполню.

– Ступай к Звениславе и помогай ей во всем, что она скажет.

– Будет сделано! – лихо гаркнул Немил и выкатился из палаты.

Он не хотел вновь остаться один на один с сердитой Лелей.

Богини и боги покинули Белую вежу – они разошлись по стенам города и по башням, чтобы не пропустить появление врага. Немил вбежал в Палату пиров. Ее каменные своды встретили его гулким эхом. Взгляд выхватил из полутьмы красный с золотом полушубок небесной девы, склонившейся над погребальным костром. Она оглянулась. Немил приблизился и бережно обнял ее. Перед ними, прямо посреди зала возвышалась деревянная ладья с мачтой под белым парусом. Бездыханное тело Перуна покоилось на скамье, в посиневших щеках не было ни кровинки.

– Что за невидаль? Кто положил государя на краду? – изумленно спросил человек.

Звенислава смахнула слезу и ответила:

– Такова воля его супруги. Кострома лично возглавит вой-

ско богов. Перед уходом на бой она поклялась, что тело ее мужа не достанется супостатам. Если боги погибнут, если никто из них не вернется с битвы – тогда краду придется разжечь. Госпожа взяла с меня слово, что я это сделаю. Мы не позволим бесам глумиться над телом великого князя. Враг его не получит.

– Но Перун еще жив! – сказал человек.

– Он не жив и не мертв, – возразила небесная дева. – Стоит Лиходею протянуть к нему свои когти, как издевательств и поругания не избежать. Кострома не отступит. Она готова погибнуть сама и пожертвовать всем, что ей дорого. Я обещала выполнить ее волю, если она окажется последней.

Немил онемел, сила небожительниц поразила его. Слезы на щеках Звениславы он видел впервые за все время знакомства. Он ласково тронул ее плечо, покрытое плотной тканью, и произнес:

– Прости, что не сразу пришел к тебе. Меня отвлекли. Но теперь я понимаю, что важно, а что – нет.

– Зачем куда-то идти, если все это напрасно? – вскинула она на него заплаканные глаза. – Зачем что-то делать? Мироздание рушится, этого не остановить. Таково предначертание. Это судьба.

– Еще ничего не решилось, – постарался утешить он девушку. – Мы не знаем своей судьбы.

– Посмотри, наш час пробил. Все говорит об этом.

– Может, час пробил, а может, он пробьет через тысячу

лет. Когда-нибудь Древо жизни рухнет. Миры вселенной перемешаются, и наступит большая разруха. Но сегодня Мироствол еще цел. Погляди – он стоит, как и прежде. Ничего не случилось.

– Я боюсь, – прошептала Звенислава. – Что, если вся наша жизнь от начала времен окажется бессмысленной? Вот представь: и все люди, и все, во что они верили, существует уже тьму веков. Мы живем, мы надеемся, строим дома и растим детей. А потом вдруг все раз! – и разрушилось. Ничего не осталось. И зачем все это было? Зачем мы все были на этой земле?

– Раз вселенная нас породила – значит, она так хотела. Мы не знаем, зачем это нужно. Наш долг – просто жить, пока живется. И сейчас мы не можем позволить себе опустить руки. Мы обязаны бороться за наш мир.

Немил взял девушку за перчатку и помог ей подняться.

– Я верю, что у этого мира еще есть шанс, – сказал он. – Пойдем, и сделаем то, что в наших силах.

– Что ты узнал? – задержалась она.

– Слишком много всего. Лада не виновата – в житнице она прятала дочь. Я угрожал выдать тайну, от этого чаровница так разволновалась. Но теперь думать об этом поздно. Другое заботит меня. Раз все катится в тартарары – значит, злодейский заговор еще в силе. Мы думали, что Вертопрах – это Мара. Нет Вертопраха – нет зла, что толкает мир к пропасти. Но с чертом все вышло на удивление гладко. Мы плеснули на

него мертвой водой, он и сгинул. Плюх – и нет стервеца. Вот бы со всеми так! Я и попробовал повторить этот трюк с Лютобором. И знаешь, что из этого получилось? Бес набрался сил и поздоровел. Потому что нежити от мертвой воды только польза. Как же вышло, что Вертопрах от нее испарился?

– Он что, не был нежитью?

– Еще как был! Пораскинем мозгами. Любимым оружием Мары был ее посох, способный заморозить всю землю. Вертопрах подарил этот посох Перуну на свадьбу. Если бы это была Мара, отдала бы она добровольно самое дорогое? Как ты думаешь? По всей видимости, Вертопрах даже не знал цену посоху, поэтому так легко с ним расстался. Вертопрах – это не Мара, вот что из этого вытекает. Черт, что гонялся за мной целый месяц, обвинял во всех смертных грехах и не давал покоя, вдруг сдался, как немощный. Но перед этим он попытался меня задушить. И душил он меня в точности так же, как это делала кикимора Вертлюжка в палате у князя Всеволода. Сначала я не придавал этому значения, а после задумался: у них что, одинаковые приемы? Откуда они их берут? Всю нежить им где-то учат? Нет, не слыхал я об училищах для нечистой силы. Нет таких заведений, в которых обучали бы на кикимору или на черта.

– Ты думаешь, что у кикиморы и Вертопраха было что-то общее?

– Противная рожа – вот что у них общего. Вся нежить на одну харю. Однако больше никто меня не душил: ни упырь в

городском рву, ни бес Лютобор, ни тем более Лиходей. Вертопрах слишком настойчиво пытался свалить на меня все беды на свете. В чем только он меня не обвинял! И в том, будто я собственноручно отравил господина, и в том, что я украл яблоко из сада Лады, и в том, что я вломился в Оружейную палату и пытался умыкнуть посох. Из-за чего он на меня так взъелся? Раньше я думал, что он просто пытается отвести от себя подозрения. На месте преступника я так бы себя и вел. Нужен чужой, бесполезный козел отпущения, которого принесут в жертву. Все успокоятся, перестанут искать настоящего злодея, и все будет шито-крыто. Но с обвинениями в воровстве черт явно переборщил. Я почувствовал в его отношении что-то личное. Затаенную неприязнь. Откуда она взялась? Ведь раньше мы не встречались. Вот загадка, над которой пришлось поломать голову.

Тут кстати мне вспомнилось, как княгиня Верхуслава и нянька Русана рассказывали про кикимору. Будто она нарождается вместе с месяцем, а в новолуние пропадает. Я тогда их не слушал, думал, что это бабские суеверия. А тут вдруг пришло в голову эти сведения сопоставить. Я выгнал кикимору из палаты в последнюю ночь лютого месяца. Когда бес нес меня под облаками, я сам видел, что луна скрылась с неба. Новолуние наступило, и про Вертлюжку никто больше не слышал. Двое суток спустя я ночевал на Туманной поляне и видел, как месяц впервые взошел после темных ночей. Ох, и пришлось же мне из-за этого месяца претерпеть! Он

подцепил меня за воротник и поволок на небеса, и приятно-го в этом было мало. Но перед этим я сам наблюдал, как в его лучах из дупла в Миростволе выбралась какая-то нежить, похожая на дите, и отправилась шастать по лесу, полному злобных духов, так, будто это ее родной двор. Узнать в ней Вертлюжку я не мог: во-первых, было темно, во-вторых, когда я видел чертовку, она была старой каргой. А что Вертопрах? Он показал истинное лицо. Под маской черта скрывалась безобразная старуха, к тому же в конце чернеца она оказалась на последнем издыхании. Вот и сошлось все один к одному. Велес припоминал, что старуха стучалась в его детинец и требовала пропустить в Горний мир. Он ей дал от ворот поворот. Двое суток спустя уже черт Вертопрах прошел на мост, предъявив колдовской посох и выдав себя за посла. Вертлюжка пропала, вместо нее появился черт Вертопрах.

– Если Вертопрах – это прикинувшаяся Вертлюжка, то как она смогла так изменить свою внешность? – спросила Звенислава.

– Раньше Вертлюжка жила на Туманной поляне. Она знала, что по ней текут ручьи живой и мертвой воды. Она устала от бесконечных перерождений и хотела остаться навечно в облике молодой девки или зрелой бабы, но живая вода в этом не помогала. Зато изменить внешность она помогла. Так Вертлюжка и обернулась, чтобы пролезть в Горний мир и стащить молодильное яблоко.

Помнишь ту семилетнюю девочку, что всех так озадачила? Мы побывали в саду Лады утром четвертого чернеца. Это первая неделя месяца, когда кикимора выглядит, как ребенок. Святослав и Мстивой говорили, что на ней была рогатая кика – как раз такая, какую мы видели на Вертопрахе. Как и мне, на небесах старой чертовке все было в новинку, вот она и попала впросак – сорвала кислое яблоко, надкусила и выплюнула. А пару часов спустя этот огрызок попался мне вместе с обвинениями в святотатстве. Все шишки на мою голову, как всегда. А выдать себя за кого-нибудь поприличней, хотя бы за беса, у кикиморы не хватило силенок. Как родилась мелкой нечистью, так и осталась. И сгинула она вовсе не от мертвой воды, которой мы ее облили, а потому, что подошел к концу месяц и настал ее срок. От этого она и выглядела такой дряхлой.

– Но это же значит, что Мара до сих пор не раскрыта! – ужаснулась звезда.

– Да, именно это и значит. Злодейка все еще среди нас. И она действует. Вот почему этот мир летит в бездну! – подвел итоги кудесник.

Звенислава сосредоточилась и сжалась в пружину.

– Если так, то выведем ее на чистую воду! – решительно заявила она.

– Умничка! Как раз о воде и побеспокойся. Не выпускай из рук тыквы, они понадобятся в любой миг. Кроме тебя, мне довериться некому. Будь поблизости! Я на тебя полагаюсь!

Небосвод под ногами дрогнул, вдали что-то загрохотало. Звенислава взлетела по винтовой лестнице, вьющейся вдоль стены. Немил поспешил за ней, но ступеней оказалось так много, что он запыхался и выбился из сил. Только изрядно взопрев и намучавшись, он добрался до верхней площадки, на которой круглое основание башни заканчивалось, и началась еще более высокая восьмиугольная надстройка, тянущаяся к звездам.

Звенислава поджидала его, облокотившись на гранитное забороло с зубцами. Изможденный человек упал рядом с ней и тяжело отдышался.

– Высотища! – с восхищением проговорил он. – Нет, эту вежу враги не возьмут.

– До верхней звонницы еще далеко, но ты туда не доберешься, – ответила дева. – Да и дышать там уже нечем. Не для живых эта крепость.

– Я уже догадался. А что это там гроыхает у края небес?

Вдвоем они принялись наблюдать за тем, как вконец озверевший великан перелезает с моста на небосвод. Святогор вцепился в край алмазной тверди, но ее кусок обломился и рухнул на землю. Раздался чудовищный грохот, кусок небосвода разбился, и тысячи драгоценных кристаллов брызнули в разные стороны, усеивая Святые горы.

– Кладоискатели могли бы обогатиться. Жаль, после гибели мира собирать будет некому, – с сожалением заметил Немил.

Он размечтался, представив, как набивает алмазами мешок и тащит продавать его за серебро.

– Поздно жалеть. Снявши голову, по волосам не плачут, – с горечью добавил он.

Мост не выдержал тяжести исполина и развалился. Но Святогор проявил ловкость, неожиданную для его туши. Он ухватился за сук Мироствола, нависающий над Горним миром, и принялся качаться на нем, как обезьяна на ветке. Сук закрипел так, что слух резануло, дуб наклонился и зашумел, словно жалуясь на судьбу.

– Так нельзя! Если дуб опрокинется – миры рухнут! – всплеснула ладонями Звенислава.

Мироствол затрещал так, что у Немила сердце ушло в пятки. Сук обломился, но исполин оказался над твердью и рухнул на нее всей своей тяжестью.

Белую вежу трянуло, кудесник почувствовал, что его понесло вниз, и ухватился за зубец, чтобы не вывалиться за ограждение. Небеса накренились и застонали. Святогор оборвал лишние ветви и превратил сук в новую палицу, еще более чудовищную, чем прежняя. Поднявшись во весь рост, он принялся разносить усадьбу Додолы, которая первой попала ему на пути. Немил с содроганием смотрел на то, как разлетаются в разные стороны обломки дворцов и фонтанов, и как зеленые изгороди превращаются в рваные ошметки.

За наклонившимся краем небес стало видно, как последние обломки радуги осыпают головы бесов, столпившихся

у основания моста. Зеленые, красные, синие полосы усеяли снег и начали медленно гаснуть. Ошалело завизжал незнакомый Немилу демон, голову которого рассекла надвое острая фиолетовая дорожка. Но Лиходей ликовал, не считаясь с потерями. Ему удалось выдавить богов из Дола, лишить их земной власти, а значит, весь круг земной был теперь в его полном распоряжении.

Слабый, разреженный ветер охлаждал щеки кудесника – если б не его свежесть, то человек и вовсе потерял бы сознание. Звенислава взяла его за руку, чтобы поддержать. Ее легкое прикосновение едва ощущалось сквозь перчатку, но Немил вспомнил, что в глазах девы он должен выглядеть храбрым, и это его взбодрило.

Бесноватые воеводы требовали штурмовать небеса, но последний путь к ним был разрушен, и черти без толку суетились и прыгали вокруг затухающих обломков, тыкали в них трезубцами и делали вид, что выполняют команды, хотя поделать ничего не могли.

Лиходей приказал срезать горы и взгромоздить их одну на другую. Бесы мигом взялись за работу: далекие скалы заходили ходуном, начали отрываться от земли и поплыли к Медовому лугу, обнажая глубокие недра с бушующим подземным огнем. Столбы пламени принялись извергаться и забили фонтанами, добавляя расплавленной лавы к той, что уже наполняла Смородину. Огненная река вышла из берегов и начала затапливать все на своем пути. Загорелась забро-

шенная деревенька Грязная Хмарь, избушки которой раскинулись неподалеку от Дикого леса. Вспыхнули соломенные крыши, затрещали прогнившие овины. Отощавший медведь прежде срока выскочил из берлоги, встал на задние лапы, завертел головой, заревел с недосыпу, и бросился наутек – лишь бы подальше от наступающего огня.

– Огненное наводнение, – заворуженно прошептала Звенислава.

– Не иначе как светопреставление началось. А я надеялся, что его не случится, – отозвался Немил.

Замысел Лиходея стал ясен: из набросанных в кучу холмов вырастала гигантская гора, по которой князь тьмы надеялся добраться до небес. Бесы старались вовсю: наконец-то их злобная сила нашла применение. Из обнажившихся подземных нор полезли растревоженные огнезмеи. Они разлетелись по Дольнему миру и принялись поливать города и веси пламенем из своих луженых глоток, вымещая на людях ярость, накопленную за века. Великий Миргород затаился, горожане попрятались, князь в каменном Кремнике приказал запереть ворота, но чем могли помочь стены против налета драконов?

Немил вспомнил худенькую Ярогневу и горько вздохнул: – Зачем я их всех спасал? Только затем, чтоб они погибли еще более ужасной смертью?

С Белой вежи весь Дольний мир просматривался, как на ладони, и даже его теряющее силу зрение выхватывало каж-

дый кусочек, как будто он был перед глазами.

– Упыри! – тихо молвила Звенислава.

Немил заметил, что сонмища скелетов, прыгнувших с корабля под черными парусами, заполонили весь зачарованный лес и принялись шнырять по горящим избушкам деревни, вынюхивая, не осталось ли в них кого с теплой кровью.

– Их алчность не знает предела, – добавила дева. – Они порвут всех, кого встретят. Нет, не могу я на это смотреть. Нужно найти госпожу. Пусть она скажет, что делать.

– Госпожа нам не поможет, – ответил Немил. – Нам самим нужно решать. Настал последний час этого мира. Время думать своей головой, другого времени уже не будет.

Спускаться по винтовой лестнице было намного приятнее, чем подниматься. Немил почувствовал себя молодым и даже попробовал нести Веню на руках, что оказалось проще простого – небесная дева почти ничего не весила. Однако в Палате пиров их застала новая неожиданность.

Богини и боги собрались в молчаливый кружок рядом с крадой, на которой покоилось тело Перуна. На цыпочках, стараясь не шуметь, Немил прошел мимо угрюмого Велеса, медвежий череп которого казался особенно свирепым в полутьме, мимо Додолы, затянутой в переливающееся платье, мимо Рода и не отходящей от него Мокоши, Стрибога в рогатом шлеме, Лады, Ярилы, Хорса, Денницы, Живы и Переплута. Кострома с горящим факелом в руках стояла над связками хвороста. Божества слушали ее с таким хмурым видом,

что человек съезжился.

– Я не отдам тело супруга врагу! – твердо сказала богиня. – Он должен отправиться к звездам с дымом костра, как велит древний обычай. Эта ладья унесет его в край, откуда нет возвращения. Наш долг – проводить его со всеми почестями, пока еще не поздно.

– Как мы можем собственноручно расправиться с нашим князем? Ведь это же будет убийство, – возразила Додола.

– Тогда с ним расправятся бесы, и будь уверена – они обойдутся без почестей, – ответила Кострома.

– Кострома – законная супруга Перуна. Только она решает, как поступить с мужем, – сказал Род. – Но прошу тебя, сестра: не торопись! Пусть крада вспыхнет, когда все будет кончено.

– Это я тороплюсь? Погляди вокруг, владыка. Великан подбирается к городу. Бесы громоздят гору на гору, чтобы забраться на небеса. Когда раньше бывало такое? Последние времена наступили. Только слепой может этого не признавать.

– Ты права – мы у последней черты... – начал Род.

– Мы давно уже за чертой, – перебила богиня.

– И все же я прошу тебя отложить сожжение. Хотя бы до тех пор, пока все, кроме этой вежи, не будет захвачено супостатами.

– Как тебе будет угодно, владыка! – покорно ответила Кострома. – Но как только крепость падет, пусть последний,

кто уцелеет, исполнит свой долг.

Она затушила факел и с достоинством удалилась.

– Я побуду с господином, – вымолвила Звенислава и присела на скамеечку рядом с поленницей. – Обещаю, что не отойду от него. Он в надежных руках.

Немил погладил ее плечо, выражая поддержку. Не говоря лишних слов, боги начали выходить. Человек и небесная дева остались одни.

– Когда все пошло прахом? Где можно было свернуть, чтобы не докатиться до края? – спросила она.

– Когда мы проглядели злодейку. Она все еще здесь, – ответил Немил. – Это она довела всех до такого конца. Мара хочет всех нас угробить, чтобы вернуть свое царство. Ей не нужны ни люди, ни звери с птицами, ни даже боги и бесы, ей нужен только мороз, лед и снег.

– Но мы всех перебрали. Разве кто-то остался?

– У меня есть догадка, но страшно сказать о ней вслух. Я уже ошибался, не хочу ошибиться опять. Оказаться преступником может любой. Вдруг и он носит маску, как Вертопрах? Но я придумал ловушку. Пусть злодей, кем бы он ни был, сам себя раскроет. Тогда и посмотрим, за кого он себя выдает.

Глава 11. Ловушка

Боги разбрелись по Зенице. Даже солнечный Дажбог выбрал время, чтобы остановить колесницу и спуститься с Окольной горы, где он обычно проводил час после обеда. В черном небе Горнего мира светило замерло и застряло на месте, показывая, что происходит нечто из ряда вон выходящее. В Великом Миргороде люди обеспокоенно вглядывались ввысь и гадали, чего им ждать от такого недоброго знака. Грамотей Любомысл метался по площади перед Кремником, разгоняя толпу зевак, и ругался:

– Нечего тут смотреть! Расходитесь! Не бывает такого. Остановка солнца среди бела дня противоречит науке.

Немил преградил путь старосте Роду и решительно произнес:

– Государь, отдай посох усопшего князя. Тот, что заперт в Оружейной палате.

– С ума сошел! – охнул старец. – Это оружие. Ты с ним не совладаешь.

– Я не собираюсь им пользоваться. Но если найдется его хозяин, то это многое прояснит.

– Его хозяин – Перун.

– Перуну его подарили.

– Ты сам облил мертвой водой Вертопраха, который его

приташил. Теперь черта нет, и никто не знает, как им орудовать.

– А чего нам терять? – вступил в разговор Дажбог. – Скоро орудовать им будет некому. Настало время открыть двери Оружейной палаты и раздать все, что в ней хранится. Может, хоть в последний час эта железная рухлядь принесет пользу.

– Я согласен, – сказал Стрибог, услышав их разговор. – Вдарим в последний раз всем, что имеем.

Род развернулся и махнул человеку, веля следовать за собой. Немил побежал за его развевающимся рдяным мятлем. Упругим шагом старец пересек площадь, прозвенел по Золотому кольцу и вошел в просторное здание, напоминающее внушительный замок. Толпа гридей хлынула в распахнутые ворота и начала выносить все, что попадалось под руку: кистени, сулицы, тяжелые двуручные мечи и шлемы причудливой формы, рогатины, копья, боевые цепи с шипастыми билами и самострелы замысловатой конструкции.

Род снял с груди ключ на цепочке и отпер замок самого дальнего хранилища. Украшенный самоцветами посох с костяной ручкой в виде совы лежал в длинном ящике на мягкой подкладке.

– Забирай. Делай, что хочешь. Теперь уже все равно, – безнадежным тоном велел владыка.

Немил осторожно снял посох с бархата и повертел его в руках. Драгоценные камни зловеще блеснули, словно радуясь сумраку, стоящему в кладовой.

– Знаешь, как с ним обращаться? – спросил Род.

– Откуда? Вертопрах, и тот не знал. Но если мои догадки верны, то настоящий владелец почует его. Вещица эта необычная, древняя. Она притянет хозяина, как замороженного.

– Не знаю, о ком ты говоришь. Гадать нет желания. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. А мне нужно спешить. Грядет наша последняя битва.

Немил вышел за Родом из Оружейной палаты.

– Братья, вооружайтесь всем, что придется вам по руке, – обратился старец к богам, снующим по прозрачной площади. – Беречь старые побрякушки нет смысла. Пустим их в ход!

Боги расхватили шлемы, щиты и доспехи, и разразились воинственным ревом. Мечи застучали о поверхность щитов. Железо забряцало и зазвенело, волна громогласной бури прокатилась по Долу, заставив попрятаться и замереть перепуганных людей.

Немил вошел в Палату пиров и поразился тому, насколько огромной она ему показалась. Это помещение на нижнем этаже вежи и раньше производило на него ошеломляющее впечатление, но сейчас столы, кресла, лавки и бочки с вином были убраны, и пустого пространства стало больше.

Звенислава и двое владык – Род и Дажбог – вошли следом. Немил остановился перед погребальной крадой. Деревянная

ладья покоилась на заваленной хворостом поленнице. С мачты свисал парус, траурно-белый цвет которого нарушал вытканый всадник, скачущий по небу. Бездыханное тело Перуна лежало головой к мачте, на широкой скамье. Бархатное покрывало окутывало широкие плечи князя, но оставляло открытым его лицо. Вокруг костра мелькали огоньки масляных светильников, каждым из которых можно было в любой миг запалить хворост.

– Все готово к сожжению, – заметил Дажбог. – Я надеялся, что до этого не дойдет.

– Мы все верили, что светопреставление – это сказка, которой пугают детей, – отозвался Род. – Однако же вот оно, на пороге. Похоже, что это последний час и богов, и людей.

Гриди втащили в зал ворох бряцающего железа из Оружейной палаты.

– Сюда! Раскладывайте на самом видном месте, чтобы сразу бросалось в глаза! – принялся распоряжаться Немил.

Воины расположили оружие на широком столе, предназначенном для посмертных даров божеству. Отблески факелов заплясали на круглом щите, за которым человек, не сгибаясь, мог укрыться с головой. Рядом легло излюбленное вооружение Перуна – кольчуга со стальными пластинами, железные брони с поножами и наручами, топор с двумя лезвиями, сулица, молнии-стрелы и длинная рогатина, с наконечника которой срывались синие искорки. К ним слуги добавили и другие богатства: сорванный полог Додолы, скатерть-са-

мобранку и рог изобилия. За любое из них самый великий из древних царей отдал бы все свое царство. И в середину этого великолепия Немил положил украшенный самоцветами посох с рукояткой в виде белой совы.

– Теперь нужно оповестить всех, чтобы пришли и забрали дары. Мертвому они без надобности, – сказал Немил.

Род мановением руки отослал слуг – те безмолвно вышли и разлетелись, чтобы созвать небожителей.

– Не понимаю, что ты задумал, – недовольно проговорил старец.

Немил испугался, что владыка отменит затею, и заторопился с ответом:

– Если среди богов прячется Мара, то она непременно себя выдаст. Посох притянет ее. Остальные на него не польстятся – они увидят лишь палку, украшенную самоцветами, которые в Горнем мире валяются под ногами. Этими блестящими тут никого не удивишь. И только Мара потянется за оружием, без которого она – как без рук.

– Мало ли, кому придет в голову взяться за посох, – с сомнением заметил Дажбог.

– Злодейка мимо него не пройдет, вот увидите, – уверил Немил.

Звенислава прикрепила полог Додолы к стене и предложила:

– Давайте спрячемся и посмотрим, кто явится первым.

Владыки укрылись за тканью и стали невидимыми. Немил

влез за ними и убедился, что вся палата просматривается сквозь ткань, которая с их стороны оставалась прозрачной.

– Она придет! Вот увидите, непременно придет! – зашептал кудесник, стараясь убедить не столько других, сколько себя самого.

В полутьме зала мелькнуло длинное белое платье с красной каймой. Взметнулись золотистые волосы, раскиданные по плечам. Прошуршал кончик алого пояса, стянувшего тонкую талию.

– Что? Не может быть! – пробормотал Немил. – Глазам не верю!

Крадучись, Лада обошла вокруг поленницы и остановилась у стола с разложенными дарами. Ее ладонь протянулась и ошупала рог изобилия, погладила сложенную скатерть, дотронулась до лука со стрелами. Воровато оглянувшись по сторонам, богиня схватилась за посох, стащила его со стола и побежала к выходу. Но не успела она проскользнуть в двери, как навстречу ей высыпала толпа возбужденных обитателей Вышеграда. Первым ввалился в зал грузный Велес, облаченный в медвежью шкуру, за ним вошли Хорс, Стрибог и Ярило, а дальше в глазах запестрело от ярких нарядов богинь – Мокоши, Денницы, Додолы и Живы. На их фоне белое платье Костромы с пушистым песцовым мехом выделялось незапятнанной чистотой.

Шумя, божества окружили стол и принялись разбирать драгоценности. Ярило легко поднял золотой щит, который

человеку не удалось бы и с места сдвинуть. Мокошь взяла самобранку, Жива – рог изобилия. Боги-воины принялись примеряться к доспехам, споря, кому они больше подходят. И лишь Додола, не найдя своего полога, разочарованно от-вернулась.

Пользуясь тем, что внимание вошедших сосредоточилось на дарах, Лада постаралась выскользнуть. Но Кострома пой-мала ее перед дверью, схватила за локоток и пропела:

– Куда ты спешишь, сестрица? Снаружи опасно. Великан вот-вот до нас доберется.

– Ах, я совсем его не боюсь, – с досадой ответила Лада, пытаюсь освободиться.

– Дело ясное, – шепнул за пологом Род. – Чаровница – единственная, кому посох лег в руку. Она и есть лиходейка. Все, как ты говорил.

– Я ждал другого, – с сомнением пробормотал Немил.

– Твоя ловушка сработала, – согласился со старцем Даж-бог. – Птичка попалась. А если птичка не та – значит, в твои расчеты вкралась ошибка.

Лада рванулась к дверям, до которых было рукой подать, но Кострома загородила ей путь и не позволила выйти.

– Пусти! – нервно воскликнула чародейка, и кинулась на-пролом.

Кострома проявила твердость и не двинулась с места.

– Берем ее! – распорядился Род.

Боги откинули полог. Увидев их, все присутствующие

прекратили делить оружие и застыли от удивления.

– Сестра, ты попалась! – громко выкрикнул Род, направляясь к Ладе.

– Отдай посох! – велела ей Кострома.

– Вы не понимаете! Он мне нужен! – воскликнула Лада.

– Не сомневаюсь, – заметил старейшина. – Вот ты нам и расскажешь, зачем.

Лада рванулась так резко, что сбила Кострому с ног. Обе соперницы вцепились друг в друга и покатались по полу.

– Не отпускайте ее! Это преступница! – выкрикнул Дажбог.

Две богини вскочили на ноги и принялись вырывать посох друг у друга. Немил в три прыжка пересек зал и ухватился за костяную рукоять. Соперницы оттолкнули друг друга так сильно, что обе упали. Посох остался у человека. Немил протянул руку Ладе, помог ей подняться и вручил посох, сказав:

– Держи! Не отдавай никому.

– Эй, малой! Что ты творишь? – крикнул ему Род.

– Ты ошибся. Отдал посох не той, – подтвердил Дажбог.

– Я-то как раз не ошибся. А у вас, государи мои, глаз замылен, – с вызовом отозвался кудесник.

Богини и боги окружили их плотным кольцом и загомонили.

– Говорил же я: он изменник! – взревел Велес.

– Как ни печально признавать, но это так, – согласилась с ним Кострома. – Слуга, которому я так доверяла, оказался

предателем.

– Твоя ловушка сработала против тебя самого, – сказал Род.

– Такого не бывает! Ведь он сам все устроил, – заступилась за приятеля Звенислава.

Небесная дева чуть не плакала от расстройства.

– Кто ты такая? У тебя нет голоса на совете богов, – рассерженно сказала ей Кострома. – А ну, кыш отсюда!

Деву вытолкали из зала и захлопнули за ней двери. Хорс поднял Кострому с пола и галантно стряхнул пыль с ее мехов.

– Выслушайте меня! – потребовал Немил.

– Вот еще! Ты себя показал, – возразила ему Кострома. – Ты такой же бесовский лазутчик, каким был Вертопрах. Давайте спалим его вместе с Перуном. Моего покойного супруга утешило бы, если бы предатель обратился в дым вместе с ним.

Род сурово повел бровью. Стрибог взмахнул ладонью, порыв ветра поднял Немила и зашвырнул в погребальную ладью. Его спину прижало к мачте, толстые веревки тут же опутали его по рукам и ногам. Кудесник оказался привязан так плотно, что не мог пошевелиться. Воздух едва вырывался из его груди, но он собрал силы и выдохнул:

– Это вы ошибаетесь, а не я! Я доискался до правды!

– Не позволяйте ему заговаривать зубы! – предостерегла Кострома. – Он – обманщик, привыкший плести словеса. И

отнимите посох у чародейки.

– Нет, он мне нужен! – Лада прижала посох к груди, не желая с ним расставаться.

– Ты себя выдала! – Дажбог приблизился к Ладе, выхватил у нее костяной набалдашник и положил трость на стол. – Это – ловушка. Мы нарочно затеяли это представление, чтобы преступница показалась всем на глаза.

– Мама! – раздался звонкий девичий голос.

В зал ворвалась юная девушка в бело-зеленых одеждах и кинулась Ладе на грудь.

– Леля! Как ты здесь очутилась? – изумился старейшина. – Ты должна быть в Святых горах.

Вместо ответа девушка залилась слезами.

– Позвольте, я объясню, – вмешался Немил. – Только ослабьте веревки, а то я вздохнуть не могу.

Род подошел к ладье и освободил человека от пут.

– Я сама все расскажу, – выступила вперед Лада. – Мою дочь выдали замуж против ее желания. Она жаловалась, что тоскует по дому. После Горнего мира жизнь в горах показалась ей слишком суровой. Я разозлилась на Кострому за то, что она устроила этот брак. Но Кострома загладила свою вину. Она надоумила меня обернуться лебедем, полететь в Святые горы и вернуть дочь. Я сделала это вопреки воле владык и боялась, что Лелю отправят обратно, поэтому и спрятала ее, чтобы никто не знал о ее возвращении. Но пришел человек и потребовал, чтобы я во всем созналась. Разумеет-

ся, я разволновалась и велела его схватить.

– Великан заметил пропажу жены и разбушевался, – добавил Немил. – Он подумал, что боги его обманули. Получили свое, а его оставили с носом. Вот он и лезет теперь, чтобы восстановить справедливость.

– Но причем тут посох? – спросил Дажбог.

– От мужа Леля узнала про бегство Мары и пропажу ее колдовского оружия, – сказала Лада. – Я надеялась отпугнуть им великана и заставить его отступиться.

– Выходит, это Леля отвлекла великана, когда мы были на волосок от гибели? – спросил Род.

Заплаканная девушка кивнула.

– Благодарим тебя, детка, ты всех спасла. Мы не оставим тебя в беде, – пообещал старец.

Леля просияла.

– Но кто отравил Перуна? Из-за кого началось это светопреставление? – оглядел всех Дажбог.

– Дайте мне рассказать по порядку! – выкрикнул Немил.

Он очень боялся, что его не захотят слушать, и волновался сверх меры.

– Нам не осталось и часа до того, как бесы вскарабкаются на небеса, – заговорил Немил. – Да что бесы? Великан уже здесь. Он сметет и город богов, и саму вежу, после чего все три мира вселенной обрушатся. Как же горько мне признавать, что начало этим событиям дал я сам!

Окружившие его небожители зашумели, показывая него-

дование.

– Хотите знать правду? – продолжил Немил. – Да, я виновен. Но не в том, в чем меня обвиняют. Вы не единственные, кто жаждет учинить надо мной расправу. Лиходей приказал бесу отнять мою душу и затащить ее в пекло. На мое счастье, случилось чудо. Как раз в это время сбежала его самая опасная пленница: Мара, царица Морозного века. Пропал ее посох, чары разрушились, темница растаяла, а сама Мара превратилась в черного лебедя, выпорхнула и скрылась.

В Горнем мире единственным чужаком выглядел черт Вертопрах. В разгар заварухи я плеснул ему в харю мертвой водой. Под его маской проступило лицо страшной старухи. Мара – древнейшая из богинь. Не возникало сомнений, что это она. Злодейка от мертвой воды одряхлела и сгнула. Вот удача! Я решил: дело сделано, беспокоиться больше не о чем. Вот только война между бесами и богами не прекратилась. Как же так? Никому, кроме Мары, она не нужна. Мары нет, а война продолжается. В чем тут дело?

Я еще раз припомнил, что случилось с тех пор, как я выгнал кикимору. Черт исчез у меня на глазах в конце месяца – как раз тогда, когда Вертлюжка истончается и пропадает. Вот над кем одержал я победу! Не над Марой, а всего лишь над жалкой Вертлюжкой.

– А как у нее оказался посох?

– Нетрудно представить. Про кикимору рассказывали, будто бесконечная череда перерождений ужасно ее утоми-

ла. Она только и думала, как бы остаться навеки молодой и больше не умирать. Живая и мертвая вода ей не помогали. Обыскав все окрестности, она залезла в пещеру под Миростолом, где находится вход в преисподнюю. Обычно его охраняет страшный Полкан, который никого не пропускает. Но в этот час пес отправился за хозяином, и его на месте не оказалось. Вертлюжка без труда пробралась сквозь Железный лес и достигла ледяной темницы, запертой на колдовской посох. Вы и сами могли заметить, как черт Вертопрах был падок на дорогие, блестящие вещи. Удержаться кикимора не могла – она вынула посох, запиравший ворота, и была такова. Тут темница начала таять, ее узница забушевала, а Вертлюжка нашла себе убежище в дупле, забралась в него с посохом, да там вместе с луной и пропала.

Мара же обернулась черным лебедем, пролетела над Железным лесом и вырвалась на волю. Первым делом она принялась искать посох, но его нигде не было. Тут она заволновалась и подняла вьюгу, в которую я и попал, пока летел с Лютобором по поднебесью. Ох, и навалилось же снега мне за шиворот! Но разве тогда я мог знать, из-за кого происходят мои беды?

Мара спряталась в храме Трояна. Троян никому не отказывает в прорицаниях. Не отказал он и Маре. У него она узнала, что укрыться от бесов можно лишь на небесах. В любом другом месте ее отыщут. Вот она и решила пролезть в Горний мир любым способом.

Хлопнула входная дверь. В зал пробралась Звенислава – Немил заметил в ее руках флягу из тыквы и серебристый кувшин, по бочку которого стекала капелька свежей воды. Кудесник приободрился и возвысил голос:

– Итак, мы со Звениславой установили, что отравление совершено мертвой водой. Вино не было отравлено до того, как его налили в чару. Яд добавили уже после того, как чара пошла по рукам. Это мог сделать любой, кто касался сосуда. Преступник должен был подготовиться и побывать на Туманной поляне, чтобы набрать яду, а значит, он должен был проходить через детинец Велеса и пользоваться Радужным мостом.

Под подозрение попали Вертопрах, Додола, Велес и Лада. Вертопрах, как мы выяснили, оказался кикиморой. Подозрения против остальных оказались либо слабыми, либо вовсе ошибочными. Но было еще одно существо, которое проделало путь от Туманной поляны до Палаты пиров.

Утром первого дня чернеца Перун возвращался с охоты на огнезмея. Я прекрасно запомнил то утро, потому что бес тащил меня в пекло, чтобы отнять душу. На мое счастье, он наткнулся на громовержца и схлопотал стрелу в грудь. Я упал в озеро и очнулся лишь к вечеру, но из рассказов я знаю, что было дальше.

Перун подъехал к Светлому озеру, чтобы напоить Грома. Навстречу ему из воды вышла красавица Кострома. Всего часа хватило Перуну, чтобы влюбиться без памяти. Он по-

садил Кострому на коня и повез в Горный мир, даже не узнав как следует, кто она и откуда взялась.

– Никто не сомневался, что Кострома – озерная дева, какие всегда обитали у Древа миров, – заметила Лада.

– Верно, – согласился Немил. – В Светлом озере водились озерные девы, но последней из них была Водолея, я узнал это от Велеса. Потом на дне хозяйничал лишь Колоброд. Кострома появилась спустя всего несколько часов после исчезновения Мары, а до этого о ней никто слыхом не слыхивал. Как она провела эти несколько часов? В Светлое озеро сбегают ручьи живой и мертвой воды, которую можно было набрать в пузырьки. Живой водой можно облиться, чтобы принять другой облик, приукраситься и омолодиться. Мертвую воду можно запасти, чтобы использовать против врагов.

– Уж не хочешь ли ты сказать, будто я отравила собственного супруга? – гневный взор Костромы разгорелся так ярко, что Немил поежился.

– Бывают случаи, когда мужей травят через десять лет опостылой жизни, но чтобы прямо на свадьбе, да еще перед брачной ночью... – усомнилась Лада.

– А что, если брак этот был нежеланным?

– Тогда зачем было на него соглашаться? – не унималась чаровница. – Ты сам сказал, что Перун и Кострома влюбились друг в друга всего за один час. Такое возможно в случае приворота, но я не нашла следов ворожбы. Чувства Перуна были естественными.

– Не совсем так, – возразил человек. – Кострома действительно не прибегала к чарам – против владыки миров они могли оказаться бессильными. Она обворожила его обычными женскими ухищрениями. Так Мара добилась главного – спряталась в Горнем мире от преследовавших ее бесов. Там же очутилось и ее главное сокровище – морозный посох, с помощью которого она много веков назад установила на земле свою власть. Она пыталась вернуть его дважды – первый раз сразу после отравления, но старейшина Род успел первым и запер его в Оружейной палате. Во второй раз она вторглась в палату в ночь с пятого на шестое. Злодейка пыталась взломать хранилище, защищенное мощной волшбой, и снова потерпела неудачу.

– И все же, брак с Перуном сулил ей большие выгоды, – заспорила Лада. – Будь Перун в силе, он бы точно не отдал ее бесам. За ним она была бы, как за каменной стеной. Какой смысл избавляться от защитника, да еще потерявшего голову от любви?

– Не забывай, государыня, что Перун влюбился вовсе не в Мару, а в Кострому, – ответил Немил. – За свою долгую жизнь великий князь Горнего мира видел всякое колдовство. Обратное зелье меняет внешность, но не может изменить нутро. Во время брачной ночи обман бы раскрылся. Как бы повел себя муж, обманутый в лучших чувствах? Муж, в руках у которого грома и молнии, которые так и сверкают, когда он сердит?

– Значит, Мара боялась разоблачения?

– Еще как! – подтвердил Немил.

– Какую занятную сказку ты выдумал, – посмеялась над ним Кострома. – Но заметьте: все, что наговорил этот человек – всего лишь слова. Пустой вымысел, игра его воображения.

– Мертвая вода оставляет следы, – громко ответил Немил, чтобы слышали все. – Когда я плеснул ей на Вертопраха, то под личиной оборотня проступил истинный облик Вертлюжки. Если навести красоту живой водой, то мертвая ее смывает. Все любовались твоей гладкой кожей, сударыня Кострома. Ее нежно-розовый, как у младенца, цвет, вызывал восхищение. Но когда ты подводила мне Грома, я заметил, что ладонь твоей правой руки белая, как снег. Будь добра, покажи нам ладошку!

Кострома непроизвольно сжала ладонь в кулак и убрала его за спину.

– Настоящая Мара – бледная, как снега, к которым она привыкла. – Немил взял у Звениславы флягу и приблизился к Костроме. – Все говорили, что я был последним, кто держал чару на свадьбе перед тем, как подать ее государю. Но это не так! Я хорошо помню, как я поставил ее на стол. Ты коснулась ее края и подвинула своему мужу. Движение было неувимым, но я так восторгался событием, что ловил каждый миг. Тогда ты и впрыснула в чару яд – пузырек с ним был спрятан в твоём рукаве. Но жидкость растеклась по тво-

ей ладони и обесцветила красоту, которую ты на себя навела. От этого твоя кожа вернула свой первоначальный цвет.

Широким жестом Немил плеснул в лицо Костроме мертвой водой. Она отшатнулась и зашипела:

– Что ты делаешь, негодяй?

– Вывожу тебя на чистую воду!

Кудесник стиснул богиню и принялся поливать ее из фляги, стараясь попасть на участки открытой кожи. Кострома отшвырнула его и схватилась за лицо, как будто вода причиняла ей нестерпимую боль. Немил отлетел к стене, но стоящие вокруг богини и боги подхватили его и не дали упасть.

Лицо Костромы преобразалось. Нежно-розовый оттенок покидал его, открывая блеклые пятна цвета утоптанного снега. Сияющая молодость и ласковые черты исчезли, приоткрыв строгий, надменный и властный облик женщины в годах. Перемены оказались разительны: на месте красавицы все увидели суровую царицу, глаза которой полыхали от гнева.

Окружающие ахнули, увидев превращение, совершившееся у всех на глазах. Кудесник смотрел на привычные черты богини, и не узнавал их. меховая опушка на белом платье встопорщилась, как будто шерсть оживших песцов встала дыбом. Аккуратно уложенная поверх головы коса упала и разметалась. Ожерелье из жемчуга колыхалось на ее груди, вздымающейся от тяжелого дыхания, а приколотый алый мак распустил лепестки. Немилу показалось, что из-под него

выкатилась капелька крови.

– Вы не имеете права меня осуждать, – резко произнесла Мара. – Я старше вас всех. Я – перворожденная, и властвовала над землей еще тогда, когда ваши предки не появились на свет.

Мир льда и мороза был прекрасен. Синие торосы громоздились на бескрайних просторах, как мраморные колонны. Снежные горы были похожи на дворцы. Весь мир сиял чистотой и белизной. Но пришли боги, и растопили лед. Изпод снега проступила грязная земля. Люди взрыли ее и начали опустошать ее чрево в поисках золота и руды. Так червь копошится в останках животного, которое он же сам и убил. Я не могла на это смотреть. Мир должен вернуться к своей естественной чистоте и порядку. Пусть вся грязь и скверна снова скроются под незапятнанным снежным покровом.

Она потянулась к посоху, оставленному без присмотра.

– Нет! Не давайте ей посох! – вскричал Немил.

Лада схватила его и прижала к груди. Голубые глаза Мары вспыхнули, словно льдинки в них заиграли на солнце.

– Меня не остановить, – с холодной улыбкой сказала она. – Со мной ничего нельзя сделать. Я вечна, как этот мир. И я – единственная, кто имеет право повелевать им.

– Бесы тоже хотят править мирами, – сказал Род. – Чем ты от них отличаешься?

– Для меня что боги, что бесы – все едино, – ответила Мара. – Одни вскарабкались на небеса, другие сидят в горячем

пекле. Вы сговорились, чтобы пленить меня. Я для вас, как кость в горле. Бесы боялись меня настолько, что заперли в преисподней. Моим же волшебным посохом они соорудили клетку, из которой, как они думали, я никогда не смогу выбраться. Но я обманула их! Я сбежала! Это был миг моего торжества. Никто не мог меня остановить – ни Железный лес с его колкими листьями, ни бесы, спохватившиеся слишком поздно, ни Полкан, брызжащий слюной от бессилия. Я летела, расправив крылья, гордая и счастливая, потому что знала, что наступает мой звездный час – час, когда я отомщу и верну свой мир. Мир безупречной белизны и чистоты. Ни вам, богам, ни им, бесам, не будет в нем места. Этот мир принадлежит только мне, мне одной!

– А как же люди? – спросил Немил. – Им-то куда?

– Ты еще про муравьев спроси, – расхохоталась Мара. – Какое мне до них дело? Люди все пачкают и оскверняют. Если они пропадут, жалеть будет некому.

– Как ты смогла охмурить Перуна? – задал вопрос Род.

– Это было нетрудно. Бог-воин оказался падок на женскую негу. Я облилась живой водой и превратилась в милашку. Когда я вышла к Перуну из озера, сверкая обнаженной красой, он обомлел, и быстро набросил мне на плечи свое корзно, чтобы прикрыть и согреть. Но, надев на меня свое корзно, он взял меня под опеку – таков древний обычай. С этого момента управлять им было просто. Никаких чар не потребовалось – он охотно повиновался улыбке и ласковому взгляду.

ду. Бог-воитель оказался таким же простаком, как и любой мужичок.

– Зачем же тогда ты его отравила? – спросил Род.

– Деваться мне было некуда. Из Горнего мира выйти я не могла – меня подстерегали бесы. Пришлось принять предложение Перуна. Первую ночь мы провели порознь. Князь был терпелив и не торопил меня, его слуги постелили мне в отдельной ложнице. Всю ночь я ворочалась и не могла уснуть. Мне пришло на ум, что после свадьбы придется делить ложе с супругом. Он видел всякое колдовство, и скрыть от него обман не удастся. Тут я и решила отделаться от него.

– Зачем же было ждать до самой свадьбы? Почему ты не сделала этого раньше?

– Где? Прямо в его дворце? Там не было никого, кроме нас и его слуг. Подозрение сразу пало бы на меня. Другое дело – свадьба. Там царил такая неразбериха! Богини и боги мелькали перед глазами, все подходили и поздравляли, сани сталкивались и разлетались. Разве за всеми уследишь? Я посчитала, что это самый удобный случай.

– Ты – преступница. Тебе нет оправдания, – проговорил Род. – Наказание будет самым суровым.

– Как бы не так! – смех Мары звенел, как тонкий лед на ветру. – Вы проиграли войну. Бесы вас добивают. Еще чуть-чуть – и они возьмут Белую вежу. Вашего главного воина нет, спасти вас некому. Когда это случится, миры рухнут и перемешаются. Мироздание вернется к тому, с чего все на-

чиналось. Наступит безвременье, власть в котором будет мей безраздельно.

– Рано списывать нас со счетов, – возразил ей Немил. – Пока стоит Мироствол, стоят и три мира вселенной. А Перуна мы оживим. Раз ты отравила его мертвой водой, значит, живая вода может вернуть его к жизни.

Звенислава подала другу серебряный кувшинчик. Немил полил из него лицо Перуна – оно потеряло мертвенную синеву и порозовело, но воитель лежал без движения и не дышал. Тогда Немил приставил кувшин к его губам и начал вливать живую воду ему в рот, осторожно, каплю за каплей.

Окружившие их богини и боги замерли. Прошло несколько минут, прежде чем Перун распахнул глаза и пошевелил руками. Все возбужденно загомонили. Звенислава помогла Немилу приподнять плечи бога и напоить его остатками влаги. Тот наконец задышал во всю грудь, поднялся с ложа и встал, опираясь на человека. Взгляд его упал на Мару. Громовержец с удивлением оглядел эту колдунью, столь непохожую на его бывшую возлюбленную, но одетую все в то же белое платье с песцовой опушкой и алым маком на груди. Лицо горнего князя исказилось от гнева.

– Так вот какая ты на самом деле! – хрипло вымолвил он. – Обманщица и воровка! Как ты могла так со мной поступить? Ведь я тебе доверял!

– Будь ты проклят! – сверкнула глазами Мара и швырнула в Перуна креслом с высокой спинкой.

Бог отбросил кресло в сторону и шагнул к ней, но от волнения ослабел. Ноги его подкосились. Немил поторопился его поддержать. Небожители уже подбегали, чтобы подставить Перуну плечо.

– Любезный брат, тебе нужно прийти в себя, – сказал ему Дажбог.

– Я приду в себя, когда увижу, как казнят эту тварь, – промолвил Перун.

– Я переживу и вас, и ваше жалкое царство, – насмешливо отозвалась Мара.

– Посмотрим. Владимир, зови мою свору! – велел воин-князь.

Обомлевший от радости навий слуга мигом помчался исполнять распоряжение господина.

Хорс и Ярило плотно сжали злодейку и вывели ее на крыльцо. Она не сопротивлялась и шла с легкой улыбкой, как будто насмехаясь над потугами всемогущих владык. Внезапно она ловко вывернулась, ударилась оземь и превратилась в грациозного черного лебедя. Птица тут же взлетела, пронеслась над головами богов, и с насмешливым клекотом помчалась к краю небосвода. Лада взмахнула руками с изяществом, которому мог бы позавидовать любой лебедь. Она обратилась в такую же птицу, только белую, без единого темного пятнышка, и бросилась в погоню.

Немил выскочил на ступени вежи и задрал голову, наблюдая за поединком двух богинь. Оба лебедя – белый и чер-

ный – сцепились в небе, оглашая простор отчаянными криками. Полетели перья – одно из них упало кудеснику на лицо. Он погладил его – оно было черным, как сажа. Белый лебедь схватил черного и потянул к земле. У Зеницы беглянку подхватил Перун, и, взяв за лапы, ударил о прозрачные алмазы. От удара Мара вернула себе истинный облик – перед ними снова была богиня в мехах с алым маком, но не добрая и разумная, какой она виделась человеку прежде, а рассерженная и кипящая от ярости.

Род велел вывести ее через Северные ворота. Толпа вышла и оказалась у пристани, вдающейся в Звездную реку. У Немила по коже пробежали мурашки от волчьего воя – это Владимир вывел свору принадлежавших Перуну волков. Мару связали и бросили на берегу. Навь спустил свору. Волки накинулись на преступницу и принялись терзать ее.

Звенислава закрыла глаза, не в силах глядеть на ужасное зрелище. Немил обнял ее за плечи и прижал к себе. Пушистое платье богини разлетелось на клочья. Алым мак оторвался, волчьи лапы втоптали его в самоцветы, которыми был густо усеян речной берег. Немил увидел, как мимо него пробегает волчица с обрывком толстой косы. Еще чуть-чуть, и все было кончено. От тела Мары остались только ошметки, разбросанные по всему берегу.

– Не могу на это смотреть, – с горечью произнес Перун, развернулся и зашагал к городу.

Остальные обитатели Белой Вежи последовали за ним.

Немил задержался, чтобы привести Звениславу в чувство. Ему даже пришлось прыснуть ей в лицо молочной водицей из речки. Но едва он распрямылся, чтобы догнать уходящую толпу, как обомлел и замер.

Мара стояла на том месте, где ее разорвали, целая и невредимая. Ее обнаженное тело сверкало в сиянии звезд, усыпавших черное небо. Обрывки меха и белого бархата валялись у нее под ногами – платье было потеряно безвозвратно, но сама Перворожденная восстановилась и оглаживала свои тела, проверяя, все ли в порядке.

– Эй, вы куда? Это как? – растерянно крикнул Немил вслед уходящим.

Бредущий последним Дажбог обернулся и с любопытством оглядел возродившуюся богиню. Толпа остановилась, возбужденные голоса затихли.

– Скорее вы сами сдохнете, чем причините мне вред! – злорадно расхохоталась Мара.

Перун первым приблизился к своей бывшей супруге и с недоверием ощупал ее.

– Целехонька! – заключил он с удивлением.

Мара хлестнула его по лицу. Стрибог выбрал самый тяжелый камень из всех, какие можно было найти на берегу. Им оказался огромный яхонт весом в три пуда. Его подвесили к Маре на железной цепи, закрепили как следует, затем вывели ее на причал и сбросили в самую стремнину реки, где водовороты кружили хоровод. Молочные воды забулькали над

головой Перворожденной. Постояв четверть часа, толпа начала расходиться.

– Погодите! – выкрикнула Звенислава.

В десяти шагах от причала голая Мара на четвереньках выбиралась из воды. На ее белой коже проступали следы от цепи, но самой цепи уже не было, как и камня.

– Порвала! – бросил сквозь зубы Хорс.

– Сжечь ее! – коротко распорядился Перун.

В землю врыли каменный столб. Беглянку опутали новой цепью и приковали так крепко, что она не могла шелохнуться. Слуги натаскали дров с хворостом. Хорс едва прикоснулся к костру, как тот вспыхнул. Немил отшатнулся от жара и вытер с лица пот. Мара корчилась в огне, но продолжала проклинать богов и сулить им жестокую участь.

Время шло, но белая кожа ведьмы не становилась темнее. Преступница лишь хохотала и издевалась над теми, кто смотрел на нее.

– Да что ж это такое? Добавьте огня! – вскричал Перун.

Слуги обложили ведьму вязанками хвороста. Огонь оглушительно затрещал, пламя взметнулось до самых звезд. Мара подула на пляшущие языки. Ее ледяное дыхание принялось гасить их один за другим, и вскоре вокруг столба образовалась черная проплешина с тлеющими углями, среди которых продолжала яриться и бесноваться невредимая колдунья.

Напрягшись, она порвала цепи и сделала шаг вперед. Тол-

па отпрянула.

– Нет, я найду на тебя управу! – взревел Перун.

Он выхватил у Лады драгоценный посох и со всей силы ударил им ведьму. Мара будто только этого и ждала: она вцепилась в посох мертвой хваткой, ни за что не желая его отдавать.

Перун потянул к себе ручку из мамонтового бивня, но в этот момент его смело силой, с которой не могли совладать даже боги. Немил увидел, как закачались ветви могучего Мироствола, нависающие над Горним миром. За дубравой, подступающей к городским воротам, вздыбилась каменная гора. Послышался жуткий треск деревьев, вырываемых с корнем. Гора приняла облик чудовищного великана, сжавшего ветвь Мироствола, превращенную в палицу. Великан полез напролом, вытаптывая вековые дубы, не доходившие ему до колена, и замахнулся своим оружием. Огромный сук с резким свистом прорезал воздух и обрушился на пристань, где собрались боги. Земля под ногами Немила дрогнула и покачнулась, самоцветы взлетели от тряски и осыпали его колючим дождем. Великан замахнулся еще раз и прошелся дубиной по берегу, норовя разметать толпу небожителей. Перун выпустил посох и кубарем покатился к стене.

– Отступаем! Все в крепость! – выкрикнул Род.

Богини и боги устремились в распахнутые ворота. Звенислава схватила Немила за рукав и потащила за собой. Святогор грохнул палицей, взметнулась туча камней и обломков, и

прямо под ноги кудеснику упал столб с цепями, к которому только что была прикована Мара.

Немил споткнулся и едва не бухнулся лбом в алмазную проплешину, но Звенислава подхватила его за воротник, подняла ввысь и перенесла через столб. Он и опомниться не успел, как оказался в туннеле под аркой. Ворота захлопнулись за его спиной, но грохот не прекратился – Святогор, возвышающийся и над стенами, и над башней, принялся громить их.

Вместе с толпой бегущих божеств Немил и Звенислава оказались на Солнечной стреле.

– У нас осталось последнее убежище – Вежа, – сумрачно вымолвил Дажбог.

– Мы не можем отступать, – возразил Перун. – Каждый шаг назад приближает окончательный крах.

Башня над Золотыми воротами затрещала. Святогор захватил дубиной по сияющему позолотой шатру, надстроенному над смотровой площадкой. Остроконечная крыша разлетелась и осыпалась кучей обломков.

– Враги не оставляют нам выбора, – сказал Род. – Быстро в укрытие!

Богини и боги заторопились по улице, ведущей к Алмазной площади. Сук великана обрушился на башню и снес половину зубцов. Град камней полетел на зеленеющие усадьбы и изгороди из разросшейся малины. Звенислава сжала рукав Немила – сквозь плотную ткань он ощутил ее прикоснове-

ние, показавшееся как никогда живым.

Когда толпа небожителей достигла Зеницы, от башни остались одни руины. Святогор выломал ворота, ворвался в город и принялся крушить дворцы, позолоченные кровли которых слепили его солнечными бликами. Столпившиеся вокруг вежи гриди и навьи слуги впустили владык в палату, втянулись следом и заперли за собой узкую дверь.

– Мой топор! Рогатина! Стрелы! – радостно воскликнул Перун, увидев оставшееся без присмотра оружие.

Владимир с готовностью начал натягивать на хозяина кольчугу, панцирь и шлем, закреплять наручи и затягивать завязки на поножах. Немил бросился помогать, схватил с пола рогатину, но она оказалась неподъемной, и он не смог сдвинуть ее с места.

Небосвод под ногами кудесника дрогнул, на мгновенье затих, а затем заходил ходуном. Тяжелые шаги великана загрохотали по улице, ведущей к цитадели богов. Послышался шум вырываемых с корнем деревьев. Палица Святогора прошла по округе и разнесла вдребезги Гостиный двор и Оружейную палату.

Перун с ног до головы облачился в доспехи и направился к выходу, хищно улыбаясь из-под забрала и приговаривая:

– Сейчас и проверим, вернулись ли ко мне силы...

Владимир догнал господина, накинул ему на плечи лазурное корзно и шелкнул драгоценной застежкой. Плащ громовержца взвился, как парус, почувствовавший тягу ветра.

Боги-воины принялись вооружаться, кто чем. Ярило схватился за позолоченный щит. Вслед за Перуном все высыпали на крыльцо.

Увидев вооруженных богов, Святогор рассвирепел еще сильнее. Его палица обрушилась на массивную стену вежи, но исполинская башня выдержала удар. Не помня себя от ярости, великан принялся топтать богов, казавшихся рядом с ним совсем маленькими. Его огромный сапог так ударил по алмазной Зенице, что целая россыпь кристаллов выломалась и осыпалась на далекую землю.

Перун наложил на лук извивающуюся, жгучую молнию, и натянул тетиву. Сверкнула ярчайшая вспышка, прогрехотал раскат грома, от которого у Немила заложило уши. Тетива запела и бросила молнию в Святогора. Острый кончик извилистой спицы уколол великана, на миг остановив его буйство. Исполин замер, оглядел выжженную дыру в грубой дерюге, заменявшей ему одежду, и издал такой рев, что Немил откатился обратно.

Перун принялся сыпать стрелы одну за другой. Громовые раскаты и фиолетовые сполохи слились в сплошное зарево, пляшущее над головой. Звенислава затащила кудесника в двери палаты, чтобы его не задело. Упорствуя, Немил подполз к дверному проему и высунул голову: он чувствовал, что не может остаться в стороне от сражения, хоть сил человека и не хватало, чтобы на него повлиять.

Израсходовав стрелы, Перун поднял топор и принялся

сечь противника. Но грубая кожа исполина оказалась такой толстой, что даже искрящаяся сталь не могла ее прорубить. Громовержец раздулся и вырос в размерах. По человеческим меркам он сам стал выше обычного великана, однако чудовищному Святогору он не доставал и до пояса.

Палица столкнулась в воздухе с древком топора и выбила его из ладони великого князя. Лезвие звякнуло об алмазы и высекло из них сноп искр.

– Рогатину! – крикнул Перун.

Владимир спешно подал хозяину последнее, и самое смертоносное из орудий. Громовержец взвесил его в руке и нацелил противнику в сердце.

– Растопчу! – заревел Святогор, и так топнул, что алмазная твердь под его ногой пошла трещинами, разломилась и осыпалась, открыв дыру, в которую из поднебесья с воем ворвался ветер. Ураганный порыв захлестнул громовержца, поднял полы плаща и бросил ему на лицо. Нога великана провалилась в дыру по колено и застряла. Святогор заурчал, пытаясь вытащить ее обратно, но края острых кристаллов впились в его грубую кожу и принялись ее резать. Почувствовав мучительную боль, Святогор разразился ужасным ревом. Чем больше он дергал ногу, тем сильнее впились в нее изломанные края небосвода. Обезумев от боли и ярости, он принялся молотить палицей по всему, до чего мог дотянуться.

– Он в капкане! Добьем его! – крикнул Перун.

Воины окружили великана и принялись осыпать его стрелами и камнями. Но, даже провалившись, Святогор возвышался над ними. Он продолжал яростно огрызаться и орудовать палицей, не подпуская врагов близко. Ярило запустил в него тяжелым щитом, но исполин отмахнулся от позолоченного круга, как от мелкой монетки, щелкнувшей его по ребру.

– Беда! С этой горой нам не сладить, – сокрушенно сказал Род.

Великан навалился брюхом на площадь, и огромными лапищами потянулся к веже. Высокая башня дрогнула, язык колокола на ее верхней звоннице покачнулся.

– Наружу! Живо! Вежа может обрушиться! – распорядилась Лада.

Богини подчинились и заторопились в узкие двери. Немил тоже рванулся вперед, но увидев, что все разом выйти не смогут, задержался. Потолок над ним закачался, на голову посыпались пыль и труха.

– Беги! – крикнул он Звениславе.

Выскочив, богини очутились между рук великана, охвативших строение.

– Попались! – заметив их, прогремел Святогор.

Он сжал кулаки и с размаху ударил по крыльцу. Широкие ступени треснули и разломались. Немил увидел, что владычицы Горнего мира катятся вниз, путаясь в длинных платьях.

Святогору осталось только добить их. Он размахнулся по-

шире, чтобы последним, сокрушительным ударом оставить от врагов мокрое место. И в этот миг вдруг сверкнула холодная синяя вспышка, не похожая ни на молнию, ни на солнечный луч. Немил зажмурился. Когда он открыл глаза, то разглядел сквозь дверной проем, что исполин замер, не закончив движения. Его кулаки остановились на середине пути. Сам Святогор превратился в подобие изваяния, такого же неподвижного, как окаменевшие чудовища на Перуновой улице.

– Что с ним? – прошептал изумленный кудесник.

– Его заморозила Мара, – растерянно ответила Звенислава.

Царица мороза победно шествовала по площади, как хозяйка, вернувшаяся в свою вотчину. Посох в ее руках ожил и засветился холодным голубым пламенем, при одном взгляде на которое по коже Немила побежали мурашки.

– От меня так просто не отделаться, – произнесла Мара. – Я переживу вас всех. При любом исходе сражения во вселенной установится моя власть, и она будет вечной.

– Не дождешься! – гневно крикнул Перун и запустил в нее рогатину.

Его оружие взмыло ввысь. С длинного и острого наконечника посыпались искры, так и стремящиеся прожечь все, к чему прикоснутся. Острие нацелилось на снежную царицу, словно само горело желанием ужалить ее.

Мара вскинула посох, испустивший волну голубоватого

света. В лицо Немилу ударила ледяная стужа, от которой за­холодела кровь и замерло сердце. Рогатина остановилась и повисла в воздухе, не долетев до цели. Мара шагнула и под­хватила ее.

– Прячемся! – зашептала Звенислава Немилу.

Вслед за спутницей кудесник отполз в глубину зала.

Вспыхнув еще раз, посох ударил по алмазам на площади. Богини и боги заледенели, превратившись в подобие статуй. Белое с красной каймой платье Лады, рдяной мятль Рода, алая рубаха Ярилы и золотые бармы Дажбога – все замерло без движения, как будто их хозяев покинула жизнь. Даже ве­тер не трепал краешки их одеяний. Само солнце застряло в небе и остановило свой бег. Лучи его тоже застыли, как на мимолетном снимке, и даже высвеченные ими пылинки по­висли, будто их остановило время.

Лишь Перун продолжал рвать и метать, не находя истра­ченного оружия. Раздался ледяной смех злодейки, в котором звучали коварные нотки.

– Помнишь, как я вышла к тебе из воды? – проговорила она. – Я была такой же нагой, как сейчас. Ты закутал меня в свое корзно и думал, что я стала твоей. Повтори этот жест: отдай мне свою паволоку, возьми под свое крыло.

– Тебе не нужен мой покров, – прохрипел громовержец. – Ты меня обманула. Ты играла со мной, как с неразумным щенком. А я верил и лизал твои руки.

– Твои псы разорвали на мне платье. Ты мне задолжал.

Мара сдернула с бога плащ и накинула на свое голое тело. Кончик посоха коснулся доспехов. Их железо мгновенно покрылось инеем и зазвенело. Царица стукнула костяным набалдашником, и сталь разлетелась на мелкие кусочки, оставив Перуна в шерстяном поддоспешнике. Громовержец остановился и заворуженно следил за посохом, остановившимся у его лица.

– Ступай к дубу! Живо! – велела колдунья. – Не делай резких движений, иначе превратишься в сосульку.

Перун скрипнул зубами. Ведьма приблизила посох к его носу. Поняв, что справиться с колдовством не удастся, князь подчинился и обогнул Святогора, замершего посреди площади. Мара вывела плененного бога через разрушенные ворота и повела его к Миростволу, качающемуся над краем небес.

Немил выполз из вежи и наткнулся на статую Додолы, сидящую на ступенях. Потрогав ее, он отшатнулся и воскликнул:

– Оледенела! И все остальные вокруг.

– Какое-то сонное царство, – заметила Звенислава, выбираясь следом.

– Они очнутся?

– Кто знает? Может, чары посоха перестанут действовать.

– Слабая надежда, если только мы срочно что-нибудь не придумаем.

Кудесник обогнул огромную палицу, валяющуюся посре-

ди площади, и со страхом посмотрел на застывшего великана, лицо которого до сих пор отражало ярость. Кулак Святогора нависал над Ладой, скатившейся со ступеней и лежащей в беспомощной позе, в которой застал ее удар морозного посоха.

Звенислава схватила богиню и поволокла в сторону.

– Быстрее! Нужно вытащить ее из-под удара! – сказала она.

Немил бросился помогать, но едва он прикоснулся к красной кайме на платье, как отдернул руку и воскликнул:

– До нее же дотронуться невозможно! Она как ледышка!

– Нет времени! Кроме нас, никого не осталось.

Человек опустил закатанный рукав кафтана, обмотал им ладонь и здоровой рукой приподнял богиню. На его удивление, она оказалась гораздо легче, чем можно было представить. Но все же кудесник упрел и запыхался, пока вынес богиню в безопасное место, хотя рука его даже сквозь ткань ощущала мертвенный холод, исходящий от ее тела.

Едва отдышавшись, он пообещал:

– Бросаю пить. Раз и навсегда! Решено: больше к вину не прикоснусь. В кои-то веки понадобилась моя помощь, а я ляжку не тяну! Вот выискался спаситель Горнего мира!

– После будешь себя жалеть, – прервала его спутница. – Если Мара прикончит Перуна – тогда нам конец. Мы одни с ней не справимся.

Небесная дева легко взмыла ввысь и понеслась к Миро-

стволу.

– погоди! дай передохнуть! – взмолился Немил, но Звенислава и не думала медлить.

Они не проделали и половины пути через дубраву и пригородные поля, когда черный небосвод над их головами прорезало огненное зарево.

– Что еще за напасть? – отшатнулся кудесник.

– Огнезмей! – тревожно воскликнула Звенислава. – Бесы почуяли, что небо осталось без стражи.

Пылающий дракон расправил широкие крылья и полетел над колосащейся равниной, рассыпая вокруг снопы искр. Сияние, исходящее от него, затмило свет звезд.

– Смотри, как спокойно парит! Еще бы, ему теперь нечего опасаться, – заметила дева.

– Зато нам есть, чего, – ответил человек, указывая на край алмазной тверди, до которого доросла гряда наваленных друг на друга гор.

На вершине этого искусственного холма показались чудовищные твари с жесткой кожей, рогатыми головами и хвостами с шипом на конце.

– Бесы! – воскликнула дева.

– Только их не хватало, – охнул кудесник.

Воеводы адского полчища заработали крыльями, оторвались от земли и принялись перелетать на небесную твердь. Они цеплялись за край небосвода и карабкались на алмазы, скрипя по ним длинными когтями.

– Поторопись! – Звенислава схватила его за рукав и повлекла за собой.

Немил всякое повидал на своем веку, но картина, открывшаяся его взору при приближении к Миростволу, оказалась настолько печальной, что у него сжалось сердце. Перун висел на стволе Древа миров, охваченный жесткими путами. Раздвинутые в стороны руки и ноги распластались по коре, голова свесилась вниз, лицо выражало боль. Мара стояла поодаль, сжимая одной рукой тускло светящийся посох, другой – несколько сулиц с искрящимися наконечниками. Рогатина громовержца лежала у ее ног, готовая пронзить любого, на кого ее направят.

Колдунья примерилась и запустила сулицей в бога. Короткое копьё вонзилось в его ладонь и пригвоздило ее к стволу. Перун сжал зубы, но не издал ни звука.

– Молчишь? Зря, – издеваясь, сказала злодейка. – Я нарочно оставила тебе жизнь, чтобы ты настрадался. Так будет с каждым, кто встанет на моем пути.

Она пустила еще сулицу, пригвоздив и вторую руку. Перун оказался распятым, как на кресте. Он продолжал терять силы, но по-прежнему сжимал зубы.

– Ты покричи, покричи, – продолжала злодейка. – Пусть все слышат, к чему привела богов их судьба.

Перун поднял голову, взглянул на колдунью, и мстительно улыбнулся. Змей за ее спиной заложил крутой разворот и приближался, готовясь выпустить огненную струю. Толпа

бесов бесшумно скользила среди деревьев. Свинные рыла на их багровых мордах жадно вздрагивали, чуя добычу.

– Смотри, как я мучаюсь. Это тебя позабавит, – сказал Перун ведьме, чтобы отвлечь ее внимание.

Мара метнула еще пару сулиц, пронзив его ноги. Бог едва сдержал стон.

– Повиси тут, пока мир не рухнет, – сказала она. – Тебя завалит обломками так, что после следов не найдешь.

– Это и твой мир.

– Нет, все, что вы тут настроили – не мое. Мой мир – тот, что был прежде, и тот, что будет потом.

Бесшумные тени бесов за ее спиной подобрались для решающего рывка. Змей раскрыл пасть, чтобы дыхнуть пламенем. В этот миг злодейка резко развернулась и направила на них посох. Голубая вспышка высветила силуэты, похожие не летучих мышей, вставших на задние лапы. Бесы остановились, как вкопанные. Их ослиные уши и кабаньи пятаки покрылись инеем, перепончатые крылья стали хрупкими, и принялись с хрустом ломаться. Змей поперхнулся собственным пламенем, и, не успев выпустить струю, заледенел на лету. Его нос наклонился к земле, он спикировал и воткнулся в пшеничное поле, по колосьям которого пробежало волнение.

Громоздящиеся друг на друге горы обвалились с таким грохотом, что Немил зажал уши. До злодейки осталось полсотни шагов, но он боялся поднять голову над колосьями и

показаться ей на глаза. Звенислава лежала с ним рядом, решая, что делать дальше.

Глава 12. Молодая звезда

Сквозь алмазную мостовую, дорожкой выющуюся по пшеничному полю, было видно, как землю охватывают трескучие морозы. Начавшие оттаивать озера и реки вновь сковал лед. На Великий Миргород обрушилась вьюга, снег принялся заметать стены красного Кремника, черные фигурки людей, едва различимые с высоты, засуетились, пытаясь пробиться через сугробы.

Мара подняла топор и сверкающим лезвием коснулась Перуна. По телу бога побежали синие искры, он забился в конвульсиях.

– Твое оружие все еще действует, – злорадно сказала преступница, и принялась тыкать в распятое божество так беспощадно, что Немилу показалось, будто боль причиняют ему самому.

Каждый раз, когда искрящаяся сталь прикасалась к Перуну, его жутко передергивало, но сулицы, воткнутые в руки и ноги, не давали ему ни уклониться, ни избежать расправы.

– Не могу на это смотреть! – Немил поднялся во весь рост. – Раз не осталось силы, способной унять это зло, то какой теперь смысл беречь себя? Мы проживем не дольше, чем этот мир, а ему осталось всего ничего.

– Но что мы можем сделать? – удержала его Звенислава. –

С Марой сами боги не справились.

– Она заморозит всю землю. Не останется никого из людей. Уйдут и боярин Твердислав, и князь Всеволод, и его жена Верхуслава, и дочь Ярогнева. Уйдет даже противный зазнайка Любомысл, возомнивший себя ученым. Как мне быть, если всех их не станет? Я не слишком любил их, но теперь чувствую, что голову за них готов положить.

– погоди хоть мгновенье! К нам летит наш конек!

Кудесник оглянулся и увидел Рублика, подлетающего со стороны города. Крылья серого коня были гордо расправлены, как будто он не осознавал нависшей над всеми опасности. Сбив копытами несколько полновесных колосьев, он приземлился рядом с кудесником и его спутницей.

Звенислава вскочила в седло и помогла тяжелому Немилу. Они прижались друг к другу и направили Рублика к Миростволу, где преступница уже заканчивала мучать небесного князя.

Перун потерял сознание и безвольно обмяк. Его голова свесилась набок, русые волосы спутались в космы, из пробитых ладоней сочилась темно-синяя кровь. Размахнувшись, Мара вогнала секиру в кору дуба с такой силой, что Древо миров всколыхнулось и закрипело. Скрип его показался Немилу похожим на тяжкий стон. Лезвие вонзилось так глубоко, что вырвать его нечего было и думать. Из глубокого пореза на дереве потек пахучий сок, заливая Перуну лицо и истерзанную грудь.

Колдунья взяла последнее из орудий – тяжелую рогатину с острой иглой на конце, нацелила в сердце распятому боже-ству и прошептала:

– А вот и последний удар. Получи, и пропади навсегда!

В этот миг Рублик спикировал на злодейку и заехал ей по макушке алмазной подковой, отчего она пошатнулась и взвыла. Рогатина выпала из ее рук.

– Я ее подберу! – крикнул Немил и съехал с седла, стараясь дотянуться до оружия.

– Нет! Не копьё! – выкрикнула Звенислава.

Она выскользнула из седла, ястребом набросилась на ведьму и вырвала у нее ледяной посох, испускающий неземной свет. Рублик толкнул Мару грудью и сбил ее с ног. Склонившийся Немил не удержался, сорвался и шлепнулся на поляну. Кубарем прокатившись десяток шагов, он вскочил и увидел, что посох в руках Звениславы вспыхнул ослепительной голубизной.

– Дура! Таким малявкам, как ты, не совладать с вечной силой! – сквозь хрип рассмеялась Мара.

Немил поспешил к подруге, но увидел, что та замерла, словно в задумчивости, и медленно начала опускать посох на примятую траву. Цветы, усыпавшие поляну перед Миростолом, подернулись инеем и увяли. Их лепестки облетели, а листья, словно остекленев, начали надламываться и рассыпаться. Лицо Звениславы начало застывать, становясь похожим на отражение в гладком льду.

– Нет! – с отчаянием выкрикнул Немил.

– Не трогай его! Будь осторожен... – прошептала дева.

Посох свалился к ее ногам. Мара поднялась на ноги и уверенной, неторопливой походкой направилась к ним. Немил подскочил к Звениславе. На ее ресницах лежали снежинки, а широко раскрытые глаза остекленели. Он потянулся к посоху, но увидел, что тот еще излучает холодный свет, от которого кровь стынет в жилах.

– Хочешь взять его? Действуй. Смелее! – с недоброй улыбкой подбодрила его Мара.

– Ах ты, тварь! – процедил человек сквозь зубы.

Рублик сделал круг по поляне и вернулся. Немил сорвал с себя пояс с золотой бахромой. Один конец он обмотал вокруг посоха и завязал узлом, второй конец подцепил к седлу, вскочил на коня и дал пятками по серым бокам. Рублик резво скакнул, обмахнув хвостом искаженное от злобы лицо колдуньи. Мара пробежалась за ним, но конь расправил крылья и взлетел. Привязанный к седлу посох взмыл ввысь прямо перед носом колдуньи.

– Набирай высоту! – шептал Немил в ухо коню, но тот и сам стремился убраться подальше.

Оглянувшись, всадник увидел, что ледяная царица стоит на земле и смотрит им вслед. Посох болтался в воздухе и медленно тускнел.

– Что, съела? Попробуй теперь, догони! – крикнул наездник.

Вместо ответа Мара вложила в рот пальцы и свистнула. Краем глаза кудесник увидел, что из-за огромного Древа миров выезжает упряжка песцов, запряженных в летучие сани. Колдунья достала из саней погоночный шест, взгромоздилась на скамью и щелкнула жоака по загривку. Песец выпустил из-под пушистой шерсти белоснежные крылья, подпрыгнул и потянул сани ввысь. Остальные последовали за ним. Сани поднялись в воздух и полетели, набирая скорость.

– Зря мы ее раздражили, – вслух подумал Немил, пригибаясь к шее коня.

Конское ухо недовольно прынуло, словно Рублик отказывался делить вину со своим всадником.

Мара попыталась дотянуться до скакуна рогатиной, но ей это не удалось. Она заложила вираж и обрушилась на всадника с высоты. Конь едва успел уклониться, и острие снова его не коснулось. Немил оглянулся и заметил, что колдунья берет лук со стрелами, которых осталось не больше трех. Сверкнула вспышка, прогрехотал раскат грома, и фиолетовая молния прорезала воздух перед лицом беглеца. Немила едва не снесло ветром, но Рублик опять уклонился и ворвался в густую крону Мироствола, шумящую вечнозелеными листьями.

Упругие ветви захлестали кудесника сразу со всех сторон, но он был рад затеряться в их гуще. Широкие сани едва не наткнулись на толстый сук, Мара с трудом устояла и обогнула листву. Песцы изо всех сил работали крыльями, их гла-

за разгорелись и засверкали красными огоньками. Колдунья наложила на тетиву вторую молнию и прицелилась. Немил запаниковал, стукнул пятками по бокам коня и заставил его углубиться в растительность. Через нее трудно было продаться, но он пропал из виду, и новая молния снова прошла мимо. Ветви над его головой запыльхали от вспышки и почернели. Рублик запутался в чащобе и забил крыльями, как птица, попавшая в клетку. Немил поторопился выбраться на простор, где его конь снова свободно взмахнул крыльями, но едва он показался, как упряжка песцов понеслась рядом, а Мара принялась целить в него оставшейся молнией.

Немил согнулся в три погибели и уткнул лицо в конскую гриву. Чтобы сбить с толку преследовательницу, скакун начал вилять из стороны в сторону и отдалился от Древа. Под его копытами понеслось пшеничное поле, похожее на волнующееся море. Песцы приободрились и начали сокращать расстояние. Вскоре поле закончилась, и потянулась дубрава, прорезанная блестящей ниточкой алмазной дороги. Серебряные стены города уже показались вдали, но Мара совершила маневр и перерезала ему путь, чтобы не дать затеряться среди дворцов и усадеб. Немил вынужден был повернуть и помчался над окрестными лесами.

Вековые сосны под ним вставали темной стеной, но бор грозил стать ловушкой, и Рублик поторопился миновать его. Еще несколько взмахов крыльями – и конь вылетел за край небесной тверди и помчался над бездонным воздушным

простором. Немил глянул вниз, и у него перехватило дух. Земля показалась ему с овчинку.

Необъятный Шернский лес утопал в густом снегу, нанесенном вьюгой. Вывороченные корни Мироствола на Туманной поляне скрылись в сугробах. Всю волость Гремячего дола укутало белое одеяло. И посреди этого снежного царства широким рукавом растекалась огненная Смородина. Раскаленная лава ключом била из преисподней. Все новые и новые волны оранжевой жижи напоздали на берега, поглощая снег, который с шипением таял и превращался в пар. От этого казалось, будто дол заволакивает туманная дымка. И лишь в одном месте через эту адскую реку был переброшен широкий мост, уносящийся в вышину.

Этот мост, выкованный в преисподней из сплава двенадцати металлов, раскалился от огня докрасна. Немилу подумалось, что тот, кто попробует пройти по нему, окажется, как на сковородке. В этом заключался хитрый трюк бесов — они не боялись пекла, смертельного для любого из их врагов.

Мара уже догоняла его. По спинам песцов щелкал остол. Колдунья положила на лук последнюю стрелу. В пустом поднебесье было некуда спрятаться. Сверкнула молния, ее острый конец уколол Рублика в круп, опрокинул и заставил забиться от боли. Немил вылетел из седла, уцепился за привязанный к нему пояс, но ткань порвалась, и он понесся вниз с обрывком, на конце которого болтался тускло сияющий посох.

Мара рванулась к нему, но стрел у нее не осталось, и она попыталась насадить его на рогатину. Острие чиркнуло по кафтану Немила, распороло рукав и укололо и без того неподвижную левую руку. Человек взвыл сквозь сжатые зубы, но тут же забыл о ране. Земля неслась на него со скоростью падающего камня, ветер свистел в ушах, а Рублик кувырчался и не был способен помочь. Мало этой беды: беспомощного человека сносило прямо в пышущий жаром огненный разлив.

– Только не в Смородину! Не в адский огонь! – в отчаянии выкрикнул он.

Песцы заложили крутой разворот. Мара опять оказалась рядом и потянулась рогатиной, но на этот раз ее интересовал не человек, мгновения которого были уже сочтены. Колдунья попыталась вырвать из его рук пояс с посохом. Немил решил не даваться до последнего мига, но в горячке борьбы древко ударило его по ладони, и он разжал пальцы. Пояс выскользнул и понесся вниз развевающейся синей лентой.

Мара забыла про человека и погналась за своим оружием. Но песцы не могли снижаться так быстро, как летел груз, и отставали.

Огненный поток с раскаленным мостом становился все ближе и ближе. Немила передернуло при мысли, что он нырнет головой в это пекло и растворится в нем без остатка. Он закрыл глаза и приготовился встретиться с пламенем. И в этот миг до его слуха донесся металлический звон.

Он заставил себя разлепить глаза и увидел, что посох угодил прямо на мост. Туда же клонило и его самого. Раскрасневшееся железо шипело и остывало. Человек пролетел мимо ограждения в виде узорных перил. Перед его носом мелькнул синий пояс, трепещущий на ветру. Немил вцепился в него мертвой хваткой и повис над пустотой. Его раскачивало, как на качелях, но кудесник держался. Несколько судорожных движений – и он дотянулся до завитушки на перилах.

Холод посоха боролся с раскаленным железом. Мост быстро остывал. Орудие Мары все еще лучилось тусклым голубым светом. Вокруг него образовалась черная проплешина. Железо заиндевело и покрылось окалиной. В ноздри Немила ударил запах ржавчины. Он перевалил свое грузное брюхо через перила и прыгнул на металлический настил.

Калинов мост казался бескрайним и возносился на головокружительную высоту. Взглянув вниз, кудесник увидел, что до огненного потока остается не меньше десятка верст, но даже на таком расстоянии Смородина дышала жаром, возносящимся к небесам. Кажущийся совсем крошечным Рублик, припав на одно крыло, опустился на заснеженный берег и завяз в сугробах.

Холодная проплешина расползлась по мосту все дальше и дальше. Мороз посоха и железный накал гасили друг друга, позволяя человеку стоять, не опасаясь за жизнь. Немил потянулся к посоху, но тут же отдернул руку. При падении

от посоха откололось несколько самоцветов, но даже лишившись их, он производил небывалое впечатление. Зловещее голубое сияние резало глаз. Оно казалось смертельно опасным: только тронь, и тебе конец.

Упряжка песцов принесла сани и опустила их на железную плешь. Мара вышла, оставив и шест, и рогатину. Ветер взметал полы синего корзна, накинутого на голое тело. Блекло-голубые глаза смотрели на человека с холодной надменностью.

– Ты мне не соперник, – проговорила колдунья. – Слишком слаб и беспомощен. Ты – лишь мелка букашка на великом пути. Я раздавлю тебя и не замечу. Но я не хочу тебя уничтожать. Ты можешь еще пригодиться. Подай посох, и я тебя награжу.

Немил оглянулся. Через полсотни шагов за его спиной мост полыхал красным жаром. Раскаленное железо не давало пройти, отступать было некуда.

– Я знаю, о чем ты мечтаешь, – продолжала царица. – Тебе нужна звезда с неба. Ты хочешь бессмертия. Я могу дать тебе все, чего потребуешь. Оглянись вокруг. Скоро огонь из Смородины зальет твой родной мир. В живых никого не останется. Видишь? Так выглядит конец света. После придет мое царство, и землю покроет ледник. Он будет стоять веки вечные, а я буду править, как в старые времена. Если ты подчинишься и проявишь покорность, я сделаю тебя своим первым слугой. В моем царстве ты станешь дворецким, распо-

рядителем, воеводой. Я дарю тебе высший чин. Ты будешь носить его веками.

Немил молчал.

– Что, не веришь? Кроме меня, владык не останется. Я – царица последнего дня. Земля, небо, звезды – все будет в моей власти. Какую звезду захочешь, ту и получишь. Выбирай любую.

– А что будет, если я откажусь?

– Сгинешь в огне или холоде. Что тебе больше нравится?

– Ты предлагаешь мне стать слугой зла.

– Бессмертным слугой. И единственным. Ни зла, ни добра не останется. Что мы назовем добром, то и будет считаться добром. Спорить будет некому. Ну, решайся. Признай меня государыней!

Немил отступил к перилам. За ними начиналась пропасть, в которой кипело огненное варево.

– Бежать некуда. Выбора нет, – вымолвила владычица.

– Да, государыня, – покорно сказал Немил. – Я отдам тебе посох.

– Вот и чудно. Не трогай. Я сама его подберу.

– Раз теперь я твой первый слуга, позволь мне его поднести.

– Ты замерзнешь прежде, чем получишь бессмертие.

Царица сделала решительный шаг. Немил потянулся к посоху. Мара наступила на синюю ткань и прижала ее к мосту. Человек рванул пояс, колдунья покачнулась, потеряла рав-

новесие и упала.

– Я тебе не прощу! – прошипела она, злобно сверкая глазами.

– Шипи, змея! Без посоха ты никто!

Немил схватил рукоять здоровой рукой и тут же почувствовал, как ледяной холод сковывает его пальцы. Сквозь драгоценные камни, еще украшавшие поверхность орудия, полыхнуло зловещее сияние. Кудесник прижал его к груди и перелез через ограду.

– Стой! Ты с ума сошел! – охнула Мара.

Не слушая ее, Немил оторвался от поручня и бросился вниз. Его развернуло вниз головой и понесло в поток лавы, но он думал только о том, как бы не выпустить посох, и прижимал его к себе изо всех сил.

Мороз пробрался к его груди и быстро дошел до ног. Через несколько мгновений он уже их не чувствовал. Ему казалось, будто ребра его стали стеклянными, а кости превратились в ледяные сосульки. Свист ветра врвался в уши, но вскоре он стал отдаляться. Все чувства терялись.

Немил падал, как метеор, объятый леденящим сиянием. Огненный поток приближался, но холод проникал в его тело все глубже и глубже. Наконец, мороз добрался до сердца и превратил его в ледяную глыбу. Дыхание остановилось. Человек слился с посохом и стал снежным комом, несущимся к гибели.

Мару охватил приступ бешенства. Забывшись, она схва-

тила рогатину – последнее орудие, которое у нее еще оставалось – и запустила в Немила. Стальное жало почуяло добычу и само понеслось к цели.

Ледяная комета, лучащаяся голубым сиянием, уже начала испускать пар от жара, поднимающегося от огненного потока. В этот миг не знающее промаха оружие догнало ее, вонзилось и разбило на тысячу мелких осколков. Дождь ледяных крошек хлынул в разные стороны. Посох выпал из этого роя и булькнул в кипящее варево адской реки, а ледышки, оставшиеся от тела Немила, рассыпались по ее берегам и затерялись в сугробах.

Костяная сова показалась из огненных волн. Бурлящий поток поглотил посох, но тот продолжал сеять холод. Несколько минут жар боролся с его ледяным дыханием. Наконец, голубое сияние угасло, рукоять обуглилась, самоцветы раскололись и отделились. Прошло еще несколько мгновений, и от посоха остались лишь расплавленные капли, но и они не ушли безвозвратно. Перемешавшись с огнем, они погасили его яркую силу. Поток перестал бушевать, волны лавы остановились и прекратили накатывать друг на друга. Река потекла вспять и принялась втягиваться в разверстое жерло подземной пещеры, где она брала начало.

Кипящий поток откатил от берегов, обнажив горелые камни. С каждой минутой река становилась все тоньше и тоньше. И наконец, настал миг, когда последняя из ее струй ушла обратно под землю, оставив после себя лишь дымяще-

еся русло с обугленным ложем. Вместе с огнем исчез посох, не оставив следа.

Мара бросилась в сани и разразилась отчаянными воплями. Она билась в приступе ярости, стучала кулаками по железному настилу моста, топтала его сапогами, но все было напрасно – ее оружия было уже не вернуть.

Калинов мост остыл, раздались скрип и скрежет. Трещины побежали по железным дорожкам, перила обрушились, и из моста начали выпадать целые пролеты. Мара ударила шестом по спинам песцов, те взмыли ввысь и потянули сани. Мост тут же рухнул и рассыпался на кусочки, остатки которых смыло тальми водами.

– Какой дурень! – шептала Мара, кусая бледные губы. – Он мог стать бессмертным! Он мог стать управляющим ледяным царством. Моим царством. А теперь где оно? Где теперь моя сила?

Леденящие чары перестали действовать. Это стало заметно по тому, как весело заискрились по остаткам сугробов солнечные лучи. Они словно ожили и принялись растапливать снег, заваливший Великий Миргород с окрестными селами.

Вместе с солнцем ожили и божества, застывшие в Горнем мире. Первым пришел в себя Дажбог. Солнечный государь оправил на плечах золотые бармы и надел на чело венец, изливающий ярый свет. Пришли в себя Род, Лада, Додола, Стрибог и Денница, Хорс и Мокошь. Богини и боги огляды-

вались и приводили себя в порядок.

Вместе с ними очнулись и бесы, но они больше не думали о сражении. Вернув себе облик вельмож в дорогих одеяниях, они принялись растаскивать горы и возвращать их на место. Полчища чертей бросились им на подмогу. Полкан принялся рыскать, вынюхивая следы своего хозяина.

Очнулся и огненный змей, упавший посреди пшеничного поля. Он вновь превратился в Великого Лиходея и поспешил заключить мир с богами: ни тем, ни другим в этот час было не до войны.

Последним пришел в себя Святогор. Он оттаивал медленно. Сначала начали вращаться его зрачки, похожие на мельничные жернова. Потом зашевелились пальцы. Наконец, задвигались его плечи. Но великан вел себя осторожно и резких движений не делал.

К нему приблизилась Лада с дочерью Лелей. Увидев весеннюю деву, великан разрыдался. Боги помогли ему освободить ногу из западни. Святогор уселся на площади, стараясь никого не задеть, и завел с обеими богинями тихий разговор.

Едва очнувшись, Звенислава помчалась искать Немила, но нашла лишь ледяные осколки, рассыпанные по обугленным берегам. Рублик выбрался из сугробов и подлетел, припадая на одно крыло. Небесная дева отчаянно разрыдалась. Конь ткнулся мордой ей в грудь и прикрыл крылом.

Зашелестели ветви Древа миров, расправилась листва,

принявшись вдыхать свежий ветер. Вернулись чувства к Перуну, который застонал и вскинул голову. Хорс и Денница поспешили освободить своего брата. Они выдернули сулицы, пронзившие руки и ноги громовержца, и вытащили глубоко вошедший в кору дерева топор, от которого страдал дуб.

Чародейка Лада смазала раны Перуна целебным настоем, и они тут же затянулись. Здоровье и силы вернулись к великому князю богов, он встал на ноги и расправил плечи. Денница подвела ему Грома. Грозный бог вскочил в седло и выехал на небесный простор. Копыта его коня ударили по облакам и высекли искры. Он повернулся на север, где у самого горизонта виднелась упряжка песцов – это Мара торопилась убраться за край земли, в свой Ледяной дворец, чтобы спрятаться там от возмездия. Но Гром настиг ее всего в несколько прыжков.

Перун вырвал преступницу из саней, связал по рукам и ногам и вернул к Миростволу, вокруг которого собрались все обитатели Горнего мира. Злодейку приковали к стволу Древа, и на этот раз у нее не нашлось ни хитрости, ни колдовства, которые помогли бы ей спастись.

На миг у нее загорелась надежда: она увидела, что над головами божеств вновь взмахнул крыльями огненный змей. Но Лиходей и не думал нападать на богов. Он устремился к Маре и пустил в нее струю пламени.

Преступница закрыла глаза и вжалась в кору дерева. Бежать было некуда. К ней приблизился Дажбог с мечом, сия-

ющим, как само солнце. Всего один удар – и ледяное сердце злодейки оказалось пронзенным насквозь.

– Она не обманет нас? – с недоверием спросил Род.

– На этот раз нет, – заверил его солнечный царь. – Ее бес-
смертие таилось в посохе. Но его больше нет. Теперь мы с
ней покончим.

Его венец засиял ослепительным светом, но не холодным
и голубым, как утраченный посох, а золотым, жарким и жгу-
чим. Его сияние растопило мороз, из которого состояла Ле-
дяная царица, и высветило всю черноту ее души. По лицу
Мары скатилась прозрачная капелька. Затем капелек стало
много, и они потекли ручейками.

– Она что, плачет? – изумился Род.

– Нет, она тает, – ответил Перун.

Капли пролились с неба на землю. Они упали на талый
снег, и там, где они уходили в почву, поднялись первые ве-
сенние цветы – подснежники. Их белые лепестки пробил-
ись сквозь зимний ковер, который стремительно истончал-
ся. Они засыпали Медовый луг и Туманную поляну, на ко-
торой расположилось широкое подножие Мироствола. Они
распространились по всей округе – Гремячему долу, и вы-
шли за его пределы. Вскоре весь Шернский лес и вся земля
вятичей были в этих белых цветах.

Горожане Великого Мира-города высыпали в поля, что-
бы подивиться на чудо. Вышли из Кремника великий князь
Всеволод с женой Верхуславой. Вышла поздоровевшая и на-

бравшаяся сил княжна Ярогнева с нянькой Русаной. Княжна вместе с сотнями других девушек начала собирать эти цветы, чтобы встретить наступающую весну.

Перун перевел взгляд на цепи, сковавшие Мару. Последняя капля скатилась по шершавой коре Мироствола и упала в лужицу, собравшуюся у его корней. На цепочке осталось висеть только синее корзно, в которое была облачена злодейка. Перун снял свою паволоку, выжал из нее воду и убедился, что под ней ничего не осталось.

– Вот и пришел конец царице Ледяного края, – задумчиво вымолвил Род. – Она казалась настолько всесильной, что грозила погубить весь мир. А теперь все, что осталось от нее – это мокрая лужа.

– Да и та скоро высохнет, – сказал Дажбог и склонил голову.

Лучик с его венца весело поскакал по вешним водам и отразился от них сотней солнечных зайчиков. Убедившись, что преступница уничтожена полностью и безвозвратно, боги пошли в город – восстанавливать разрушенные башни, дворцы и стены.

Звезды на черном небосводе пришли в движение. Сестры-Волосыни спустились из дальних небесных просторов и пришли на помощь Звениславе. Вместе они разошлись по Медовому лугу и начали собирать ледяные осколки, оставшиеся от Немила. На это ушел остаток дня. Лишь позд-

ним вечером Волосыни поднялись в Горний мир, собрав все осколки, за исключением одного, сгнувшего в огненном потоке.

Звенислава вышла на пристань и сложила их в серебряную ладью, качающуюся на волнах молочной реки. Перун верхом на Громе спустился на Туманную поляну, и у корней Мироствола набрал два полных кувшина живой и мертвой воды.

Небесная дева полила останки Немила мертвой водой – они разморозились и оттаяли. Дева выплеснула на них полный кувшин живой воды – части тела срослись, кости соединились, но человек не подавал признаков жизни.

– Давай, дыши! – шептала Звенислава, пытаясь согреть тело любимого.

Но в лице ее друга по-прежнему не было ни кровинки. Дева уронила голову, закрылась ладонями и разрыдалась.

– Почему он не встает? – сквозь слезы спросила она.

– Он уничтожен всемогущим оружием, – печально ответил Перун. – После такого удара даже волшебные воды бессильны. Боюсь, что его не вернуть.

Звенислава пришла в отчаяние. Сестры пытались утешить ее, но их слова пропадали напрасно.

Наступила ночь. И небо, и землю окутала тьма, рассеянная лишь тусклым сиянием созвездий. Даже луна, и та еще не появлялась, пока новорожденный месяц набирался сил перед новолунием.

Мертвое тело залили медом и оставили на реке. Всю ночь ладью с бездыханным Немилом качало на волнах, всю ночь Звенислава рыдала над ним. Ее слезы падали в молочные воды и уносились в далекие просторы вселенной, теряющиеся в непроглядной тьме.

Но никакие печали не могли нарушить порядка, заведенного от начала времен. Когда пришел час, Денница выкатилась на небосвод и засияла, предвещая рассвет. Верный навь Святослав в Восточном дворце за семью водами запряг огнегривых коней и помог Дажбогу подняться в солнечную колесницу. Раскрыв ларец, он подал государю венец, сияющий ослепительным светом. Дажбог взял поводья и тронулся с места. Повозка застучала колесами по небесной дороге, и блестящий венец озарил краешек неба.

Наступал первый день нового месяца березня, и нового, 6253-ого от сотворения мира, года.

Месяц березень, 1 день

Каждый год боги праздновали приход новой весны в Белой веже. Но в этот раз у них появился еще один повод для празднества – победа над Марой. Взбодрившиеся после оледенения слуги расставили столы и кресла, принесли скатерти и скамьи. Боги чинно расселись, никого не забыв из большой дружной общины.

Лишь один Святогор остался снаружи – в узкую дверцу

Палаты пиров он едва мог просунуть палец. Пришлось выйти к нему, чтобы уладить дела. Великан излил душу, жалуюсь на обиды. Он признался, что сразу влюбился в богиню весны, и пришел в ярость, когда обнаружил ее пропажу. Но Леля уверила его, что хочет вернуться к мужу – ей нужно было лишь проведать мать и погостить в родном доме, по которому она так скучала.

Три государя, Род, Дажбог и Перун, и присоединившаяся к ним государыня Лада, тут же решили, что Леля первую половину года будет проводить у матери в Вышеграде, а вторую, осеннюю – у великана в горах. Ярость покинула Святогора, и он согласился подождать. Леля тут же пустилась собирать цветы и плести венки, благо, на небе царило вечное лето. А вот земле пришлось дожидаться, пока сойдут снега.

Узнав о победе над Марой, жители Великого Мира-города высыпали в поле и вынесли куклу злой колдуньи, набитую горючей кострой. Эту куклу они разорвали и раскидали по снегу, мешковатую голову утопили, а костру подожгли, и долго плясали вокруг огня, вместе с дымом давая богам знак, что тоже расправились с долгой зимой.

Мара ушла. В Дольний мир пришла Леля-весна. Люди праздновали и веселились, надеясь на доброе лето и обильный урожай.

Получив заверения в верности юной жены, довольный Святогор помог богам заново отстроить разрушенный город. Он сам вновь сложил громадные валуны, из которых были

сооружены Золотые ворота, и помог заново замостить алмазную площадь, которая стала еще чище, ровнее и великолепнее. Богам осталось лишь вернуть позолоту на башни и крыши дворцов, да посадить новые деревья, взамен вытоптанных великаном.

Успокоившись, вернулись в преисподнюю бесы. Их царь заперся за каменными воротами, похожими на непроходимые скалы. Умолк лай Полкана, и пещера под Миростволом погрузилась в тишину.

Даже Радужный мост – и тот вернулся на свое место, и засиял на удивление людей, которые сочли его раннее появление за чудо. Боги помогли Святогору спуститься, и на этот раз великан был осторожен и ничего не сломал. Он вернулся в Святые горы и зажил привычной жизнью, ожидая лишь одного – когда лето кончится, и любимая Леля вновь вернется к нему.

Но все эти радости не могли утешить Звениславу. Небесная дева сидела на причале, вдающемся в реку, и качала ладью, словно надеясь, что ей удастся вернуть жизнь любимому.

– За победу над Марой! Это событие мы не забудем! – Велес откинул со лба шлем в виде медвежьего черепа и поднял задравную чару.

Богини и боги встали из-за столов и разразились шумными возгласами. Воины-гриди и слуги-навьи заполонили Па-

лату пиров, где празднество шло полным ходом. Лишь Перун, вернувшийся на привычное место во главе стола, не разделял общей радости.

– Что ж ты не весел, любезный брат? – спросил его Дажбог. – Ведь все кончилось хорошо.

– Хорошо, да не для всех, – ответил великий князь. – Тот человек, которого мы потеряли, служил мне всего один день. Однако я своих не забываю. Без него злодейка до сих пор гуляла бы по трем мирам. Все ж таки он сослужил всем нам службу, но награду, о которой мечтал, так и не получил.

– Что ж поделать? Из испытаний не всегда удается выпутаться без потерь, – заметил Род.

– Неужели ничего нельзя сделать? Он так желал сохранить свою душу. Мне не будет покоя, пока я думаю, что его разнесло моей рогатиной. Всю ночь из-за этого ворочался, уснуть не мог.

Сидящая рядом Додола ласково погладила громовержца, стараясь утешить.

– Пожалуй, этот землянин и впрямь достоин хотя бы посмертной награды, – согласился солнечный государь. – Братец, сестрица, не найдется ли у вас звездочки для его души?

Хорс переглянулся с Денницей и ответил:

– Отчего ж не найдется? Найдем. Безымянных звезд в глубине темных просторов – не счесть.

Перун грохнул по столу чашей с вином и резко поднялся. Богини и боги заторопились за ним. Их праздничная толпа

высыпала из Белой вежи и через новые Золотые ворота хлынула на берег Звездной реки, где у причала качалась серебряная ладья с мертвым телом. Утомленная Звенислава спала рядом – она так и не отошла от любимого. Услышав шумливую толпу, она встрепенулась и с изумлением взглянула на владык, шествующих прямо к ней.

Хорс раскинул руки, взлетел и превратился в новорожденный месяц. Его тоненький серп понесся ввысь, к глубинам, в которых мерцали далекие звезды. Выбрав ту, что покрасочней и поярче, он снял ее с небосвода и опустил на берег.

Дажбог осторожно взял ее в ладони и вложил человеку в грудь. Звезда озарила сиянием лица сгрудившихся вокруг богинь, которые в один голос ахнули, словно не видели до сих пор такого чуда. Безжизненное тело Немила превратилось в свет и вознеслось ввысь. Яркий луч ударил из ладьи в небеса и помчался сквозь черноту вселенной, меж планет и созвездий, словно радуясь вновь обретенному ощущению жизни. Звенислава издала радостный возглас и полетела за ним, на ходу превращаясь в такой же пылающий луч.

Две фигуры – мужская и женская, прозрачные и невесомые, взялись за руки и начали кружиться по небу в самозабвенной пляске. Денница присоединилась к ним, и, обняв, указала их место на небе. Две звезды засияли рядом с созвездием Волосынь – и одна из них была совершенно новой, золотой, чистой и лучезарной.

– Он хотел звезду с неба? Вот он сам ей и стал, – сказал Дажбог. – Ты доволен, любезный брат?

– Да, теперь я спокоен, – отозвался Перун.

Оживленные боги вернулись за праздничные столы и продолжили пир. Все только и говорили, что о новой звезде, которая будет радовать своим светом людей.

– А вы помните? Сегодня весеннее равноденствие, – сказала Денница. – Как раз тот день, когда звезды могут спуститься с небес и принять человеческий облик. Может, пригласить эту звездную пару сесть с нами за стол?

– В самом деле. Отличная мысль! – подхватил Перун. – Они еще намилуются, когда останутся наедине. А сегодня – и их праздник.

Хорс привычным движением закрутил звезды, заставив их водить хоровод. Порог Палаты пиров озарился, и Звенислава ввела своего спутника. Это был все тот же Немил Милорадович, но теперь он стал совсем другим, не таким, каким был прежде. Превратившись в бессмертного горного духа, он обрел новый облик – лихого и славного молодца, безупречного, юного, стройного. И гладкая кожа, лучащаяся тихим светом, и ясный взгляд, и здоровые руки – все говорило о том, что теперь он обрел такие силы, каких не знал прежде. Вот только маленькой косточки в коленке, сгнувшейся в огненном потоке, не хватило, отчего он прихрамывал. Но эта легкая хромота не портила общей картины.

Небожители приветствовали нового навья общим руко-

плесканием. Знакомые слуги – Владимир и Святослав – обняли его, как родного брата.

– А вот и наш старый знакомый, кудесник, – вышел ему навстречу старейшина Род. – Что-то ты отошал. Стал прозрачным и бледным, как привидение. Сквозь тебя стенку видно. Уж не захворал ли?

И божества, и их слуги, и даже воинственные гриди грохнули со смеху. Владыка проводил Немила со Звениславой к столу и усадил на почетное место.

– Не так уж и часто мы чествуем наших слуг, – поднял чашу Перун. – Но сегодня все наше почтение и благодарность – тебе, Немил Милорадович. Ты сохранил верность владыкам, когда мир катился в тартарары, и стоял за нас до конца. Как ты чувствуешь себя в новом теле?

– Легкость, какой никогда раньше не ощущал, – отозвался Немил. – Свет, тепло и свобода. Чувствую, что могу обнять всю вселенную.

– Вот и славно. Может, у тебя остались еще какие-нибудь желания? Не стесняйся, сегодня – твой день.

– Да, одно желание у меня еще есть. Я хочу, чтобы нас обвенчали со Звениславой.

– Как чудесно! Мы сделаем это прямо сейчас! – оживилась Лада.

Перед всеми обитателями небесного города Немил и Звенислава произнесли клятву любви. Лада надела им на пальцы золотые колечки и объявила супругами.

– Ну, чего же вы ждете? Целуйтесь! – подбодрила она.

Немил обнял Веню, и впервые почувствовал себя с ней одним целым. Теперь прикосновения к любимой не вызывали боли – наоборот, они отдавали теплом и доверием. Он припал к ее губам и почувствовал вкус поцелуя. Звенислава ответила. Они долго стояли, не отрываясь друг от друга.

– Хватит, хватит, – со смехом разделила их Лада. – У вас впереди – целая вечность.

Новобрачных усадили за стол напротив владык. Перун сам налил им чару с медом вечной молодости и бессмертия. Немил приложился к чаре и выпил ее до дна.

– Не могу поверить, что мои мечты сбылись, – тихо прошептал он. – Пусть я и не спас свое смертное тело, зато уберег душу.

– Ты нашел верный путь, – поддержала его жена.

– Без тебя я бы заблудился, – с улыбкой взглянув на нее, ответил Немил.

Пир, веселье и праздник продолжались до самого вечера. Даже люди внизу, на земле, веселились, хотя и не могли видеть всего, что происходило в небесной столице. Но настроение, объяввшее этот мир, ощущалось везде.

День закончился. Дажбог вернулся к своей колеснице и повел ее за Большое вечернее море. Звезды на небосводе засветились, как в день первотворения.

– Возвращайтесь. Ваше место теперь среди них, – сказала

влюбленным Лада.

Немил и Звенислава взялись за руки, вознеслись, и, превратившись в ярчайшие блески на бархатном склоне, засияли над головами восхищенных людей.

Князь Всеволод вышел из палаты на гульбище, чтобы проводить этот день.

– Яся! Верхуша! Поглядите, как звезды сверкают! – позвал он дочь и жену.

Верхуслава и Ярогнева вышли к нему и с наслаждением вдохнули ночной воздух.

– Какие яркие, вон те, две! Я их раньше не видела, – вымолвила Ярогнева.

– Только что распустились, – сказал ее отец.

– Видать, к счастью, – улыбнулась княгиня.

– Точно, к счастью. Иного и быть не может, – согласился князь.

3 ночь месяца березня

На третью ночь наступившего года новорожденный месяц показался на небе. Его тоненький серп бросил лучик на Туманную поляну, задремавшую после всех испытаний, что свалились на нее за последние дни. Сквозь талый снег пробились белые цветки и потянулись к лучу, жадно ловя его волшебную силу.

Из темного дупла в Древе миров, кряхтя, выбралась семи-

летняя девочка в рогатой кике, плюхнулась в снег, недобро взглянула на месяц и погрозила ему кулачком.

– Думали, что избавились от меня? – пробормотала она небесам. – Как же, мечтайте, пока мечталка не лопнет! Кикимору Вертлюжку так просто не ухайдокать. У меня впереди еще тысяча жизней. Эх, чего бы такого еще учудить?

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.